

АЛЕНА МЕДВЕДЕВА
ЭЛЬ БЛАНК

ЕГО СОБЫЧА 2

Annotation

Продолжение истории!

Офицер Троя Флэш совсем недавно была той, кто Его охранял, теперь она всего лишь Его добыча...Правила изменились: безумный эксперимент, и жуткие существа, для которых люди не больше, чем еда, вырвались на свободу. Теперь миру, каким мы его знали, конец? Или долгая совместная дорога к звездам все расставит по своим местам? Кто кого?

Бывший узник так просто не уступит позиций. Но и Троя не привыкла отступать перед трудностями. Вот и сейчас она до последнего старается выжить. Просто выжить, невзирая на странности поступков своего противника.

Кто она для него? Трофей? Десерт? Игрушка?

Кто для неё он? Монстр, что заслуживает лишь смерти?

Так что победит? Долг? Инстинкт? Или любовь?

-
- [Алена Медведева, Эль Бланк](#)
 - [Глава 1. Адаптация](#)
 - [Глава 2. Познание](#)
 - [Глава 3. Переход](#)
 - [Глава 4. Неожиданности](#)
 - [Глава 5. Наблюдатели](#)
 - [Глава 6. Привал](#)
 - [Глава 7. Зияние](#)
 - [Глава 8. Столкновение](#)
 - [Глава 9. Встреча](#)
 - [Глава 10. Освобождение](#)
 - [Глава 11. Другая жизнь](#)
 - [Эпилог](#)
-

Алена Медведева, Эль Бланк
Его добыча – 2

Глава 1. Адаптация

Троя

Плохо... Как же мне плохо...

Несвязная мысль и ощущения бессилия: тело словно налитое свинцом, даже век не поднять, стук сердца где-то в висках, и дышать... невозможно!

Дышать!

Глаза всё же распахнулись, и яркий всполох ворвался в сознание, ослепляя разноцветьем спектра. Рот раскрылся в беззвучном крике, в попытке втянуть хоть каплю живительного воздуха.

И я его получила. С судорожным вскриком вдохнула... Ещё и ещё... Глаза снова закрыла – смежила веки, спасаясь во тьме, не в силах выносить терзающее давление, сменившееся обрушившимся на меня тонким свистом. Мучительным, сметающим всё на своём пути, кроме желания сжаться в комок, исчезнуть, раствориться в небытии – всё что угодно, лишь бы его не слышать. Застонала в отчаянной попытке избавиться от сводящего с ума звука, и...

И он исчез. Заглох. Захлебнулся на последней визгливой ноте, освободив меня от гнёта нестерпимой звуковой атаки.

Покой...

Безликий, оглушающе тихий, вязкий... Но такой желанный! Вот так, уверена, и становятся душами, которым нет дела до мирских ощущений. Так же, как амиотам... Им ведь именно материальность безразлична, они абсолютно отличаются от нас...

Почему? – оглушило нежданно. – Почему я думаю об амиотах?

Мысль сработала словно спусковой механизм. Перед глазами в одно мгновение промелькнуло всё то, что мой разум, сосредоточенный на сиюминутном разрушающем воздействии, предпочёл задвинуть за ширму пустоты.

То, как я чудом выжила на станции, с которой бежали существа, прихватившие меня с собой. Вернее, один из них. Выжила, когда мир многих и многих недавних коллег исчез в круговерти жадного голода этих существ – амиотов.

То, как на моих глазах гибли недавние соратники, теряя жизнь, которую в буквальном смысле выпивали из них монстры... Те самые, которых создали в лабораториях этой станции, самоуверенно рассчитывая использовать в собственных интересах. Но сложилось иначе: творение превзошло создателя, а все мы – простые обитатели космической станции— стали лишь разменной монетой, подвернувшейся под руку сильнейшим. Нет, скорее уж питательным ресурсом, в свою очередь послужив интересам чудовищ.

То, что я, вопреки всякой логике, осталась в живых, когда угнанный чужаками транспортник настигли преследователи. Они должны были стереть его с лица Вселенной. И я была готова к этому крушению, понимая его неизбежность. Но... снова всё случилось не так.

И вновь в ушах прозвучал мой внутренний крик ужаса, мольба-прощание, бесчисленные укоры самой себе. Горечь сожаления о том, что не ценила и не проживала каждый свой день как единственный и неповторимый, переполняла душу. Снова и снова смиряясь с неизбежностью собственной гибели, оставаясь пленницей амиота, я переживала запредельный ужас и отчаянно желала повернуть время вспять, при этом отчётливо понимая – невозможно. Та скучная, надоевшая, порой раздражавшая, но такая привычная жизнь безвозвратно утрачена.

Жизнь – понятие относительное. Мы не замечаем её незначительных моментов, не способны прочувствовать всю прелесть постоянства в полной мере, когда в монотонном спокойствии и рутине день сменяется днём, а год – годом. Но стоит внезапно исчезнуть привычному и прежде казавшемуся скучным миру, как к каждому из нас неизменно приходит способность ценить то, что прежде не казалось значимым, способность ощущать жизнь во всей её красоте и многообразии.

Что имеем – не храним, потерявши – плачем! Как же это страшно – ждать неизбежной гибели. Обидно – вдруг осознать, что твоя жизнь была бесценна и отчаянно желанна. Никто не жаждет смерти, все мы желаем лишь жить. Всегда. Вопреки всему. Такова наша природа. Я опоздала с этим пониманием ровно на тот роковой миг, когда мой мир рухнул.

И, чудом избежав гибели несколько раз, в тот момент, когда неуправляемый транспортник, разгоняемый силой притяжения планеты, с запредельной скоростью мчался к единственному финалу, я знала – мы разобьёмся, иначе никак.

Помню, как натягивала скафандр, скорее из упрямого человеческого стремления цепляться за жизнь до последнего, глубоко в душе понимая, насколько это смехотворно. Не поможет он, ничто уже не поможет. И даже чудовищный монстр, притиснувший к себе онемевшее от ужаса в ожидании неминуемого удара тело, – уже не пугал. Смерть была страшнее своих посланников, а желание жить – кричащим, безумным и отчаянным. Как и сожаления о том, что я прежде не ценила.

Сейчас я заново переживала всё. Перевернувшийся мир, в очередной, теперь уже несомненно последний, раз взорвавшийся на осколки. Смерч из обезумевшего воздуха, наших тел и всей обстановки рубки управления, видимый сквозь экран скафандра, прижатого к груди моего пленителя. Словно в недрах центрифуги, нас крутило, болтало и швыряло так, что я отчётливо понимала – от моих костей заживо оторвёт все мышцы. И моё тело тоже разлетится на осколки, что будут, смешавшись с затвердевшей кровью, бесцельно раскручиваться вслед за другими.

Это естественно.

Боль, страх, отчаяние и сожаление о том, что объективно не способна выдержать, – с ними я встретила свою гибель. Не смогла больше, не выдержала боли и ужаса – и провалилась в благодатную тьму.

Да здравствует вечное забвение! Будь проклято оно...

Последняя мысль перед тем, как мой мир навеки исчез в волне бесчисленных обломков, что в бешеном водовороте кружились вокруг. Исчез и...

Вновь возник!

Как?.. Круговерть обезумевшего воздуха улеглась? Мы не разбились?! Да быть не может...

Я снова распахнула глаза, уже совершенно иначе реагируя на свет и лишь теперь осознавая всю палитру накрывших меня ощущений, разом принимая ещё одну данность: тело при мне. И разум? Ведь невозможно спятить посмертно? Нет же... Я жива... Точно жива!

Судорожно дёрнувшись, попыталась осмыслить собственные ощущения. В первую очередь саму себя: тело? Оно же... в порядке? Мне ничего не... оторвало? Сердце замерло на те доли секунды, что понадобились нервным импульсам, рванувшим в голову от самых разных частей моего организма. Но все они категорично заверили моё сознание – точно жива, точно цела и вроде как даже не сильно пострадала. Такое вообще возможно?!

Хотя...

Мышцы дрожали, словно я накануне с сумасбродным упорством отжимала неподъёмную штангу. Кожу на бедре саднило – похоже, я её как-то содрала. А ещё что-то тёплое стекало по верхней губе, но сил, чтобы стереть, мне не хватало. При том что безумно хотелось посмотреть и понять – пот это или что-то другое? Лишь когда жидкость скопилась в уголках губ, чуть смачивая их, и попала в рот, я ощутила солоноватый привкус железа. Всё же кровь...

Повреждение... Это хорошо, да? Значит, я точно выжила. Или нет, плохо? Настолько всё серьёзно, раз я истекаю кровью?

Мысль оформилась запоздало, и думать о чём-то ином, кроме своего состояния, в этот миг я даже не пыталась. Всё было малозначимо. Какая разница, где я и почему очнулась именно сейчас, если тело покидает кровь?! Может ли моя убеждённость в спасении быть следствием парализованного болевым шоком сознания в фактически умирающем, раздробленном на куски теле?

Надо понять: откуда идёт кровь? Если серьёзно пострадала голова, то смысла разбираться в случившемся, в том, что происходит вокруг, уже нет...

Я рефлекторно дёрнулась, однако пришлось приложить основательное усилие для того, чтобы всего-то поднять руку к лицу. И всё же я справилась. Даже взгляд сфокусировать смогла, отчётливо увидев алый мазок на прозрачном лицевом щитке шлема и ощутив его как преграду для моей ладони в эластичной серебристой перчатке. На этом всё: запястье тисками сжали чужие пальцы, делая невозможными дальнейшие движения.

Вскинув голову, я встретила глазами с пронзительным взглядом, и все мысли тут же исчезли. Кроме одной: худшее из невозможного случилось – Седьмой по-прежнему рядом. Он тоже выжил и меня не отпустил. Сберёг приглянувшуюся игрушку.

Сколько мы так смотрели в глаза друг друга? В какой-то миг показалось, что вижу себя в бездонной глубине насыщенно-сиреневой радужки. Нет, не себя, а... словно свои мысли. Отражение отвращения и пробудившегося страха?

Глаза и лицо исчезли, а меня ослепило нахлынувшим светом, от которого до этого скрывала голова амиота. Монстр отстранился, но времени на осознание перемен у меня не осталось. Вслед за потоком странно-резкого розового света снова накатил невыносимый писк. Тот самый звук, от которого я так же внезапно всего несколько мгновений назад получила краткую передышку, – вибрирующий, словно разрывающий голову на части, как если бы её пытались просверлить насквозь.

Забыв о последствиях аварийного падения на непонятную планету, о ране, о кровотечении, даже о находящемся где-то рядом жутком амиоте, я оцепенела, напрягая и без того измождённое тело в безуспешной попытке противостоять этому убийственному давлению.

Дичайшая боль, нечто несопоставимое с самим фактом существования – кошмарный звук, похожий на скрип когтей по стеклу, буквально выворачивал наизнанку. Зудящий и разъедающий разум и тело... Я практически оглохла и ослепла, желудок вместе со всем содержимым устремился к горлу, грозя удушьем. Попытки держаться и как-то дистанцироваться от воздействия себя не оправдали – я не продержалась и десяти секунд, как тело затряслось в безумных судорогах.

Едва соображая, раздираемая изнутри невыносимой мукой, чувствуя, как лопаются капилляры, а позвоночник выгибается дугой, я бессознательно билась, силясь сорвать с себя всё... Избавиться! Скинуть тяжесть и вибрацию, которой, казалось, пропитался окружающий мир.

Все мои мысли в этот миг слились в один агонизирующий вопль. Возможно, я на самом деле орала в полный голос, надрывая связки, но едва ли была способна услышать себя.

Как спастись? Чем отгородиться? Куда спрятаться?.. Паника и боль не оставили мне шансов. И тут...

В одно мгновение всё прекратилось так же внезапно, как нахлынуло.

Облегчение, практически эйфория... Тело бессильно обмякло, и потому я ощущала себя желе из костей и мяса, способна была лишь дышать. Даже думать казалось невозможным. Единственное, что осознавала, – свет снова померк, яркое розовое сияние исчезло, скрытое тучей... Нет! Это лицо!

– Троя? Троя?

В голосе, что неведомым образом дошёл до моего парализованного агонией разума, определённо звучал вопрос. Уцепившись за этот призыв, я сумела сфокусировать взгляд, уже узнавая пугающие черты чудовища. Это вновь был амиот. Несомненно, он видел мой приступ и отреагировал, желая понять причину.

Но для меня ничто не имело значения, кроме внезапно исчезнувшей боли и облегчения, что невыносимый писк пропал! А с ним и его нестерпимое воздействие. Не сразу я осознала, что Седьмой вновь держит меня на руках, максимально открыв своему взгляду, пристально изучает наверняка обезображенное страданием лицо, прислушивается к тяжёлому, судорожному дыханию. А я смотрела на него, опасаясь лишь нового всплеска череподробительного воя. И чем дольше длился наш зрительный контакт, тем вернее в медленно отходящем от болевого шока разуме крепла уверенность: амиот не выглядит страдающим! Или же мне это только кажется?..

Попытаться узнать, как обстоят дела на самом деле, у него самого? Безумие. Однако сейчас рядом был только Седьмой, а я буквально содрогалась от одной мысли, что убийственный звук вернётся. Инстинкт самосохранения не позволял бездействовать и требовал разобраться в том, что меня определённо убивало. Узнать истину, пусть даже с помощью врага.

– Звук...

Вроде громко сказала, но сама себя не услышала. То ли слух ещё не вернулся, то ли мои потуги выдавить из себя хоть что-то не дали результата.

Однако монстр отчётливо повторил то, что я так стремилась до него донести:

– Звук.

Среагировал он на мой голос или, как прежде, на мысли – меня сейчас не волновало. Как и то, почему Седьмой вообще тратит на меня

время и силы, а не отшвырнул прочь сразу, как заплесневевшую корку, утратив гастрономический интерес. Важнее было не умереть, успеть. Не уверена, что смогу вынести ещё одну агонию.

– Ты... – пришлось проглотить скопившуюся во рту кровь. – Ты его... слышал?

Амиот не спешил с ответом, но я каким-то внутренним наитием ощутила: он анализирует отрывочные слова, пытается понять, отыскивает в своём мировоззрении то, что способно объяснить мои всхлипы. Его пристальный взгляд стал ещё более цепким, и в нём присутствовал всё тот же необъяснимый пугающий интерес.

Понимание этого заставило собраться. Теперь мне хотелось, чтобы он понял как можно быстрее, а страх повторения заставлял подыскивать слова, описывающие пережитое минуты назад.

– Больно... очень... В голове.

Сил говорить едва хватало. Сейчас я сама себе напоминала недавних подопытных, с явной натугой исторгавших из себя речь. Губы плохо слушались, всё ещё отходя от последствий спровоцированной болью судороги. Но амиот определённо услышал. Склонился ближе и, перехватив меня одной рукой, пальцами другой, на удивление не ранив острыми ногтями, коснулся моего виска.

Однако даже это не настолько уж страшное касание заставило запаниковать:

– Нет!

Кажется, на этот раз у меня получилось вскрикнуть. Алая пелена перед глазами, что обступила лицо амиота, – наверняка последствие лопнувших в глазах капилляров – стала мутнеть.

И снова Седьмой отреагировал с той же сверхскоростью, присущей их новообретённым телам. Я была его жертвой, но он точно не стремился причинить мне боль и при моём крике не просто убрал руку, но ещё и отодвинул меня, отстранившись. По сути, я оказалась болтающейся на его молниеносно вытянутой в сторону руке.

Мне бы испытать облегчение, когда избравший меня игрушкой дьявол отдалился, но... Но тут же, синхронно с приглушённо зазвучавшим воем, подступила боль. Медленно вгрызлась острыми гранями в виски, заставляя забиться в новой судороге, рискуя рухнуть.

Снова?! Нет же, нет, умоляю...

– Звук! – услышала я свой негромкий вскрик. – Он убивает, душит...

Не успела описать ощущения, как боль снова пропала, сменившись тишиной и неопишуемым облегчением. Только сильное сердце амиота билось где-то возле щеки – он снова прижал меня к себе.

– Звук? – спросил совершенно спокойно. В его неизменно отстранённом тоне не было ни паники, ни муки. – Да, я воспринимаю чёткую постоянную пульсацию. Она присутствует здесь, во внешней среде... Это угнетает добычу? – Он умолк, склонив голову, словно прислушиваясь. Или, возможно, советуясь с себе подобными более привычным им безмолвным способом?

Больше не пытаюсь отстраниться, я едва ли понимала смысл его речи. Слова казались бессмыслицей. Да и что толку с этих его бормотаний? Мне не объяснить, ему не понять. Одно верно: амиот или никак не реагирует на вой, или же к нему совсем невосприимчив. Но, вероятнее всего, его навязанное тело просто выносливее.

Какое-то время я лежала, опасаясь даже шевелиться, чтобы не спугнуть, как выяснилось, временное состояние покоя и не спровоцировать новых мучений. Что же это? Почему оно вдруг накатывает: неожиданно, необратимо, неизбежно? Пульсирует...

Стоп! Амиот тоже сказал о пульсации. Значит, ощущает звук? Выходит, дело опять в том, что я физически слабее? Он противостоит этому воздействию извне, а я – нет.

Он сказал: постоянная? Но почему тогда вой накатывает на меня внезапно и так же внезапно исчезает? Закрыв глаза, я слушала ровный стук сердца моего пленителя – удивительно, но это помогало думать.

– Звук угнетает? Это больно Трое? Когда?..

Он снова спрашивал, а я не понимала – почему?! Будучи на его месте, стала бы я так настойчиво интересоваться состоянием жертвы в тот момент, когда важнее все силы бросить на осмотр места катастрофы? Сомнительно...

Ощущение прохладной руки на лбу стало безмолвным ответом. Давления не было, и потому на этот раз я не испугалась, не шарахнулась из последних сил в сторону.

В сторону... В сторону!

Догадка вспыхнула моментальным озарением: когда моё тело прижимает к себе Седьмой – я не слышу убийственного воя! Но стоит амиоту отстраниться – и волна муки скручивает тело. Когда его рука, вот как сейчас, ложится на лоб – всё, что сводило с ума, словно порывом ветра сносит, освобождая от гнёта. Он... Он меня защищает? Его тело защищает? Осознает это ли сам амиот?

– Когда я далеко...

Мои губы приоткрылись, невольно отвечая на вопрос. В этот миг от бессилия и отчаянного желания донести до амиота свою идею я впервые уповала на то, что он неведомым образом слышит мои мысли. И поймёт суть лучше меня самой.

Тут же руки монстра сжали меня сильнее. Нет, это не превратилось в удушающую хватку, но я отчётливо распознала дополнительное усилие. Чужак меня услышал!

Я начала успокаиваться, едва осознала, что нахожусь под защитой, пусть её природу постичь ещё не могла. Разум отошёл от болевого шока и теперь принялся разбираться в вихре атакующих мыслей.

Моментально вспомнились слова, брошенные штурманом перед посадкой: «Приливные ультразвуковые волны... Мы там за пару дней загнёмся, как и те горе-переселенцы, кто успел на Землю инфу отправить вместе с предупреждением «сюда не соваться!»

Ультразвук! Вот что это было! А тело Седьмого, похоже, генерирует нейтрализующее поле! Или это делает его разум?.. Он, возможно сам того не понимая, как-то интуитивно глушит опасный диапазон излучения. Других предположений не было, ведь очевидно, что для покинувшего лабораторию подопытного звук проблемой не стал – о телах, созданных для амиотов, все мы знали не больше, чем об их прежнем бестелесном облике.

Пожалуй... Пожалуй, быть с ним рядом не так уж плохо. Безопасно...

Безопасно?! Я, кажется, схожу с ума. О какой безопасности думаю, если амиот в любую секунду способен меня... выпить. Все они способны – я видела собственными глазами.

Стоило подумать о пищевых пристрастиях недавних подопытных, как Седьмой встряхнулся. Я почувствовала его движение собственным телом, а мой взгляд метнулся к неизменно безэмоциональному лицу

амиота. И точно в этот момент было в этом устрашающем мужчине ощущение глубинного довольства! Что-то подобное утробному урчанию сытого кота.

Он не выпивает меня, потому что... сыт?

– Глупо, – неожиданно раздался над моей головой строгий голос. – Сейчас нет смысла. Потом нет смысла. Ты не еда.

Не еда? Я нервно сглотнула, ощутив больше тревоги, нежели облегчения. Есть не собирается, но и не отпускает. Тогда что я для него? Или... кто?

– Женщина, – припечатал монстр, словно воспроизводя ранее услышанное. Или отвечая на мой безмолвный вопрос? – Противоположная особь. Нужна для размножения. – Задумался, вряд ли представляя суть сказанного: слишком далеки подобные практики от существования нематериальных существей. Но амиот проявил свойственную этой кошмарной расе практичность и любознательность: – Это непонятно, но интересно. Будешь показывать.

Что?! Показывать? Как размножаться?

Я едва не задохнулась от шока. Впрочем, мой мозг, всё ещё ощущимо «контуженный» экстремальным воздействием ультразвука и гибелью коллег, отреагировав на это вопиющее заявление и, как следствие, получив основательную встряску, начал, наконец, функционировать более-менее нормально.

Седьмой... Он, видимо, слышал всё то, что я говорила Третьему на звездолёте, объясняя странное поведение амиотки! И запомнил. Больше того, не понимая и толики услышанного, заинтересовался. И нашёл самый «подходящий» момент высказаться.

«Вот же... дура! Сама себе яму вырыла! Как теперь из неё выбираться?!» – мысли набатом застучали в голове. Уже и я погрязла во внутренних кошмарах, немного абстрагировавшись от жутких реалий.

– Не из чего выбираться, – вновь продемонстрировал чудеса телепатии амиот, отвечая без отрыва от своих дел. – Твоя «яма» осталась на корабле, что от него уцелело – далеко, почти под поверхностью, ты не там... – Монстр задумался и замолк, остановившись. Наконец с изрядной долей сомнения спросил: – Ты уверена, что её рыла? Я не видел.

Он не шутил. С той вдумчивостью, с которой, в моём представлении, имеет смысл говорить лишь о чём-то серьёзном, задал совершенно смехотворный вопрос и вновь продемонстрировал полное незнание элементарных вещей.

Вот честно, будь на месте Седьмого обычный человек, находишься мы в более спокойной обстановке, я бы от души посмеялась. Но холодный, лишённый и намёка на эмоции взгляд, которым на меня смотрел амиот, ужасал настолько, что становилось не до смеха. Кто знает, вдруг он эту реакцию воспримет как оскорбление и забудет о своём интересе к так неуместно возникшей теме размножения и выпьет. Или же отшвырнёт, отдав на растерзание смертоносному звуковому воздействию...

От ужасающей перспективы, вопреки внутреннему неприятию, теперь уже я сама вцепилась в своего жуткого похитителя. Пальцы в эластичных перчатках скафандра судорожно сжались, уцепившись за его предплечье и грубый край ворота одежды мужчины.

Грубый вовсе не из-за качества ткани, а от грязи. Я с трудом опознала в заскорузлом до твёрдости материале те самые жалкие трико и водолазку, в которые облачили пленников перед боем. За время, прошедшее с того дня, одежда впитала кровь, собрала всю пыль и грязь рушащегося в круговороте вибрации, сгорающего в атмосфере корабля и в довершение пропиталась тёмно-ржавой болотной жижей.

Амиоты явно не придавали значения одежде. Им и в голову не пришло сменить непрактичное одноразовое бельё хотя бы на комплекты униформы команды из запасов звездолёта. Прежде не знавшие материальных потребностей, монстры не считали необходимым прикрывать себя. Им неведомо понятие стыда? Или просто непостижима мысль о том, что материальным оболочкам может потребоваться дополнительная защита, пусть даже формальная, с учётом неуязвимости искусственно выращенных тел? Вот мы с Игерем, едва осознали угрозу неминуемого падения, первым делом уцепились за скафандры...

Я невольно вздрогнула, вновь вспомнив кошмарные минуты аварийной посадки. Мне повезло выжить. А что с другими?! Не с амиотами, а теми, кто, подобно мне, попал в плен к этим ненасытным нелюдям.

Сделав уже осознанный глубокий вдох, радуясь тому, что воздух пригоден для дыхания, я повернула голову, чтобы увидеть что-то ещё, помимо грязной водолазки и спутанных до состояния пакли волос Седьмого.

И увидела... лежащие чуть в стороне на возвышении, подобном островку среди мутной жижи, уложенные едва ли не штабелями тела других пленников. Искорёженные, с явными признаками повреждений на скафандрах, следами крови и... застывшими масками предсмертной агонии на лицах.

Видеть такое было страшно. Однако и понимание причин их гибели тоже присутствовало – ощущения череподробительного воя всё ещё были свежи в памяти. Как и осознание – я сейчас могла лежать там же, точно таким же безынтересным для монстров материальным хламом. Мою жизнь спасло только близкое присутствие Седьмого, та самая дезориентирующая ещё с момента пребывания на транспортнике манера амиота держать меня при себе.

Меня затрясло как в ознобе, скорее по причине испытанного шока, а не от холода, – нагревательные элементы скафандра ещё действовали. До меня всё отчётливее доходила ужасающая данность: возможно, я единственная из пленных уцелела при этой адской посадке? Осталась один на один с неубиваемыми созданиями, имеющими совершенно отличную от привычной мне модель мышления... Каждую секунду с момента «воскрешения» я чувствовала колоссальную разницу между нами...

Седьмой мою дрожь заметил и неподвижно замер на бесконечно долгие для такого быстрого существа мгновения. Возможно, прислушивался и пытался разобраться в причинах моего несомненного отчаяния. Однако на этот раз не заговорил, а потом и вовсе продолжил своё движение. Моё присутствие нисколько не отягощало его, словно я весила не больше носового платка, заткнутого за пояс...

Страшась вновь задрожать от судорог паники, я отвела взгляд от погибших. Не могла больше смотреть, понимала: здесь, в этом отчаянном положении, сойду с ума. Пережить катастрофу, потерять единственное пристанище – звездолёт и оказаться на страшной планете, где не должна ступать нога таких, как я.

Старательно не позволяя глазам опускаться к земле, где бессмысленной кучей лежали тела недавних собратьев по несчастью,

окинула дикий и не менее чуждый пейзаж неизвестного мира, напоминая себе о ещё одной проблеме – той опасной реальности, в которой оказалась.

Увиденное красотой не впечатляло. Белёсое небо, затянутое не облаками, а чем-то вроде тумана, сквозь который у самого горизонта тускло просвечивал маленький диск розового солнца. Из-за этого окружающее пространство казалось сумрачным и нереальным, словно я смотрела сквозь прибор с инфракрасным фильтром.

Впрочем, уверена, даже при обычном освещении местный пейзаж не был радующим глаз, прекрасным зрелищем. Унылая, простирающаяся до самого горизонта равнина. Даже на вид не твёрдая, а топкая, покрытая жёлто-коричневой жижей, из которой торчали редкие красно-бурые растения. Я посчитала эти образования таковыми. Невысокие, безлистные, похожие на засохшие, словно ломаные стволы деревьев.

Там, где «флора» росла чуть гуще, образовывались небольшие возвышенности-островки, покрытые густой пожухлой... травой? Росла она на поверхности всё той же жижи – ноги амиотов, бродивших именно по такому участку, по щиколотку, а иногда и по колено вязли в топкой грязи.

Вдали, где вероятных растений совсем не было, поднимался к начавшему темнеть небу столб дыма. Ветер сносил его в сторону, но он всё равно не исчезал – что-то горело внутри останков транспортника, уже практически полностью ушедшего под поверхность болота – оставался видимым лишь маленький фрагмент носовой части. Далеко на горизонте, наверное в нескольких километрах, был виден ещё один дымный шлейф.

– Там... корма. Отвалилась... Двигатель взорвался.

Пояснение, хоть и сказанное равнодушным тоном, но в очередной раз доказывающее – падение было страшным. Просто чудо, что хоть кто-то выжил... Впрочем, я бы не удивилась, узнав, что абсолютно все амиоты выдержали разрушительное столкновение корабля с землей.

Осматриваться, болтаясь на руках Седьмого, было не очень удобно, но мне бы и в голову не пришло жалеть об этом. Сейчас я сама, как бездумная и ведомая лишь инстинктом мартышка, цеплялась за него.

С чем можно сравнить подобное? Разве что с попаданием современного человека в какой-нибудь древнейший палеолит – чуждое, дикое и устрашающее место, напрочь лишённое условий для нормального существования. Кров? Пища? Ничего этого здесь не было. Я осталась в одиночестве, в окружении сверхсуществ с сознанием младенцев, в месте, где мне не выжить.

Мы – дети современных технологий и прогресса – давно разучились выживать при отсутствии необходимого комфорта и условий. Но амиоты... У амиотов подобной проблемы не было. Они её себе даже не представляли! Вели себя настолько равнодушно и спокойно, словно для них естественно – бродить в болотной грязи, без возможности как-то обезопасить себя или хотя бы устроиться для отдыха. Их ничуть не беспокоила невозможность скрыться куда-то от глаз неведомой и вероятно бродящей поблизости угрозы из числа наверняка имеющейся в наличии местной фауны.

Поразительно, но я вообще не видела различий между их поведением в клетках, затем на корабле и теперь вот здесь. Они не осознавали последствий случившегося?! Им было всё равно? Меня же паника захлестывала – тем сильнее, чем невозмутимее и деловитее вели себя недавние подопытные. Один факт их присутствия в этом месте угнетал: те, кто создавал их тела, не получили ни одного шанса выжить в случившейся трагедии. А «эксперименты»...

«Эксперименты» согласованно и внешне безмолвно перемещались по островку. Возились с теми из своих, кто пострадал во время крушения или же ещё до посадки имел сложности с управлением телом. Разбирали беспорядочную грудку того, что, вероятно, успели прихватить с собой с транспортника. Рассмотреть в подробностях у меня не получалось – работали они в тесном контакте, напрочь перекрывая обзор на «добычу». Седьмой тоже не стоял, постоянно перемещался, явно участвуя в общем действе, хотя его функции больше походили на работу наблюдателя. Или координатора?

Так и не успев в этом разобраться, я в очередной раз вздрогнула. Только сейчас причиной были не мои страхи, а раздавшийся совсем рядом стон. Нет! Не стон! Это был мучительный сдавленный вопль! Словно того, кто пытался его издать, душила рука силача и одновременно рвала на части стая хищников.

Сквозь тонкую эластичную ткань скафандра ощутив очередное напряжение мышц Седьмого, теснее прижавшего моё тело к себе, я всё же сумела бросить взгляд в сторону. Источник звука оказался недалеко от общей массы тёмных из-за вьевшейся в одежду и кожу грязи неизменно атлетических тел амиотов – ещё две фигуры в скафандрах. И это точно были пленники, потому что оба в конвульсиях бились на пожухлой странной жёлто-оранжевой растительности.

Одного я узнала мгновенно: Игерь! Второго, кажется, видела в ангаре станции, но сосредоточиваться и припоминать не стала – голова была занята совсем другим. Я неосознанно потянулась в их сторону.

Живы! Мне отчаянно хотелось, чтобы это оказалось правдой! И тут же молнией мелькнула догадка о причине мучений – пленников накрыло разрушительным воем, когда ранее топчущиеся рядом с ними амиоты отошли в сторону. И сейчас я самолично увижу, как несчастные немедленно умрут, изнутри взорвавшись от боли!

– Вернитесь к ним! – закричала, обращаясь к амиотам, желая лишь упредить страшный финал. – Подойдите ближе!

Никто и не подумал прислушаться к моим словам – все продолжали стоять в сторонке, с неизменным спокойствием наблюдая конвульсии пленников.

– Ты! – я настолько за них испугалась, что собственный страх отошёл на второй план: остаться единственным человеком среди чужаков – для меня всё равно что умереть. Вывернулась, вцепившись в плечо Седьмого. – Ты же знаешь! Скажи им! Пожалуйста... – последнее закричала, едва не рыдая от отчаяния.

Мой голос, усиленный странным резонансом, словно отразился от низких розоватых облаков, прогремев над пугающе-безмолвной равниной. Но и это не поколебало спокойствия недавних подопытных.

– Почему? – Седьмой, не позволяя мне вырваться, единственный проявил хоть какой-то интерес. И то скорее к моим сумбурным движениям, чем к страданиям пленников.

– Что почему? – затараторила, вновь цепляясь за заскорузлую одежду амиота, в сомнительной попытке встряхнуть этот бесчувственный столп. – Сказать? Потому что, кроме тебя, меня никто не слышит! А медлить нельзя! Они же погибнут. Прямо сейчас!

Последнее, окончательно забыв об осторожности, завопила прямо в ухо непрошибаемого монстра – настолько сильно меня трясло от

обречённой ярости. И тут же подавилась криком – прямо на моих глазах, явно защищая органы слуха, часть внутренней поверхности ушной раковины амиота вздулась и отслоилась, словно образовав перепонку, препятствующую излишне громкому звуку.

Вот как такое пронять? Чем?! Что за сверхсуществ на погибель всем создали недоумки-учёные в своих лабораториях!?

Никаких внешних сигналов я не подметила, но вдруг к корчащимся в склизкой грязи несчастным с молниеносной скоростью подскочили двое из амиотов. Мученические вопли почти тут же иссякли, сменившись обессиленными хрипами и сиплым дыханием.

– Так? – безразлично уточнил Седьмой, всё это время исключительно меня буравящий пристальным взглядом.

С облегчением переведя дух, я тоже тяжело дышала – ведь металась, не рассчитывая сил.

– Да, спаси... – начала было, ликуя, не в силах оторвать взгляд от коллег.

Однако тут парочка явно направляемых Седьмым собратьев снова синхронно отступила. И кошмар вернулся. Чудом выживших снова затрясло в конвульсиях, сопровождаемых криками агонии.

– Мать вашу! – заорала и я, поздно вспомнив, что про мать – это не к амиотам, иначе бы откуда такая нарочитая бесчеловечность. Впиваясь взглядом в лицо Седьмого, взмолилась: – Что сейчас?

– Удостоверился. – Он и бровью не повёл, но крики тут же оборвались – оба амиота снова подошли к пленникам.

– Теперь верите? Этот звук смертельно опасен для нас, – пояснила я непонятливому существу.

– Не то, – безразлично отмахнулся амиот.

– А в чём тогда смысл этой... проверки? – я попыталась выяснить его видение ситуации. Нужно же разобраться, чего ожидать от монстров, лишённых всякого сочувствия и здравого смысла.

– Определить, что значимо. Для Трои.

– Какого?.. – задохнувшись от осознания истинной причины, я оторопело уставилась на Седьмого. Шантаж?! Манипулирование?! Ищет мои слабые стороны?

Смехотворно! Я вся от мизинцев до макушки являю собой олицетворение слабости. В сравнении с такими, как он, – особенно.

– Пусть Троя делает то, что мне надо, иначе всё начнётся снова.

Я сглотнула, отчётливо понимая: в этой игре у меня нет хороших карт. Но амиоту было мало приструнить меня, он решил внести уточнения:

– Это пока.

– А потом? – глухо пробормотала я, уже не понимая, к чему он клонит.

– Они – еда, – безэмоционально отозвался амиот.

Мои глаза мгновенно вернулись к паре чудом выживших, к которым амиот, со мной на руках, подошёл вплотную. Ну конечно! Нашим пленителям скоро понадобится насытиться, а под рукой лёгкая добыча... И так бесприсветно и тоскливо стало от этой истины, что я серьёзно, с переполнившей душу решимостью, уставилась на Седьмого и попросила:

– Меня тогда тоже... Вместе со всеми... съешь. Одну не оставляй.

Нелепо просить о милости такого, как он, но... Но амиот прижал меня к себе теснее, как бы давая понять: одна не останешься. И «успокоил»:

– Моя добыча.

– Вы все не в счёт, – я и не пыталась объяснить свои чувства чуждому существу. – Чем сойти с ума тут одной, лучше погибнуть.

Теперь смерть, которую несли монстры, казалась быстрой, безболезненной и оттого более предпочтительной, чем местный убийственный ультразвук.

– Моя добыча не погибнет, – невообразимо буднично для аварийно приземлившегося в неизвестный ад откликнулся Седьмой. Всмотрелся в моё лицо и сообщил: – Оставайся здесь. Жди. Я вернусь за тобой. Всегда.

Он усадил меня поверх небольшой кочки, обеспечившей сухую поверхность. Подошедшая парочка «сопровождающих» разместила рядом Игеря со вторым пленником. Лица обоих мужчин были серыми – они ещё не пришли в себя после болевого шока. Но уже не кричали и не дёргались в судорогах, очевидно этому способствовали не отходящие от нас ни на шаг амиоты.

Седьмой отошёл, оставив меня под присмотром. Я же, устало притянув к подбородку колени, уставилась на спину «новорождённого» мужчины. Идеально скульптурную и словно кричащую о несокрушимости и мощи, пусть и обтянутую грязной

водолазкой. Так странно было вдруг оказаться вдали от того, кто с маниакальной настойчивостью все последние дни полагал меня своей исключительной добычей. И защищал.

Странно и... тревожно.

Стоило подумать об этом, как амиот стремительно обернулся, пронзив пристальным взглядом. Как если бы и ему стало не по себе без меня...

Глава 2. Познание

Кин

Отступив от своей добычи, я ощутил пустоту. Непонятную, досадную, раздражающую. Нестерпимо хотелось вернуть утраченное обратно. И от осознания временной вынужденной невозможности это сделать становилось...

«Тревожно»... – отзвуком моих мыслей откликнулся голос Трои.

Тревога? Страх и ожидание проблем? На них часто ссылались в своих поступках предназначенные нам в пищу. Подобного мы – эдаити – не знали. В мыслях Трои я улавливал малопонятные мне мотивы, стараясь большей частью вычленять для себя то, что служило предпосылкой к действию. Понимать её было трудно, но возникший интерес к добыче мотивировал разобраться, а слышать женщину уже стало так же привычно, как и моих собратьев.

И мне не нужно было оглядываться, чтобы убедиться: это её мысли. Однако же я это сделал.

Чужаки по-прежнему лежали на плотной подушке из местной растительности, медленно приходя в себя. Чуть дальше, в стороне, остались тела тех, кто не перенёс посадки. Однако лишь Троя для меня выделялась из этой кучи утративших пользу материальных, а мой интерес к ускользнувшей добыче заставлял бдительно контролировать её состояние, не позволяя погибнуть тоже.

Видеть рядом с Троей других было неприятно. Хотелось увеличить разделяющее их расстояние, а ещё лучше, чтобы эти пищевые запасы, выполнив своё предназначение, исчезли. Но столь же отчётливо я понимал, что подобный вариант нежелателен, раз моя добыча испытывает такую сильную потребность в продолжении их существования. Мало того, готова на многое, лишь бы это существование было безопасным и комфортным.

Реакция организма женщины на условия новой среды радикально отличалась от той, что была присуща моей оболочке: подобно другим пленным, едва герметичность скафандра нарушилась, она начала стремительно терять жизненный потенциал. Для неё эта местность

оказалась опасной! Осознав угрозу, я сосредоточился на поиске причины и способе её устранить.

Всё оказалось очень просто, более того – соответствовало моим намерениям. Чтобы защитить Трою, надо держать её при себе. И я с готовностью это принял: желание ощущать притягательную добычу рядом только крепло день ото дня. Следующее, что требуется, – выяснить, повсеместна ли угроза для неё на этой планете. Это тоже согласовывалось с интересами эдайти: мы выясним, как тут всё устроено. Пришло время осмотреться! Склизкая субстанция, что покрывала низину, выполнила своё назначение, частично амортизировав наше стремительное приземление, но её условия не способствовали долгому существованию. И потому мы инстинктивно стремились покинуть место первого привала на этой планете.

Но я, прежде чем устроить первую вылазку и выяснить, что находится за равниной из топкой грязи, проинструктировал эдайти, что находились рядом с пленниками:

«Тас, Хем, не отходите дальше чем на два шага от добычи. – И лишь после этого, уверенный, что сделал всё необходимое, и убеждённый в бдительности собратьев, бросил ещё один мысленный призыв: – Орш, Зом, Дин, Риз, Шог».

Все пятеро молниеносно оказались рядом и без лишних вопросов двинулись вместе со мной.

«Разделимся?» – предложил Орш.

В прежней жизни не знавшие сопротивления, мы и поодиночке полагали себя грозной, неуязвимой силой. Потому логично было парами или тройками отправиться в сторону того, что с нашего нынешнего местоположения казалось чем-то туманным и жёлтоватым. Ощущалась эта дымка как поднятие. Возвышение. А следовательно, её слагала более прочная материя, нежели жидкая, растекающаяся грязь.

Однако горечь поражения стала тем уроком, что заставила задуматься над собственными возможностями без самоуверенности непобедимых. Вспомнились перешёптывания Трои и надоедливого пленника, что управлял кораблём. Их ужасала эта планета, доводя до паники. Впрочем, в отношении таких, как они, эти страхи оправдались. А чем грозил новый мир нам?

«Нет. Будем вместе. Идём к горам, которые ближе всего. И наблюдайте. Нам нужны знания об этом мире. Будьте внимательны к

любим деталям и мелочам».

Факты – это самое важное, что мы сейчас должны получить. Пусть тела нам достались удивительные в плане адаптационных способностей, но это не означает, что нужно игнорировать всё и вся в этом новом для нас мире. Разрушение транспортника, вынужденная посадка, новая среда, сформированная условиями этой конкретной планеты... Мы пока не очень хорошо представляли себе, как всё устроено в этом материальном существовании, что есть норма, а что – чрезвычайные обстоятельства. И потому фиксация и анализ – вот то, что поможет нам разобраться и освоиться.

Мы, эдайти, умеем учиться, набираемся опыта. И познание в этом смысле необычайно важно для эффективного существования. Всё для нас с момента пленения было неизвестным: сам факт материальности, законы, по которым существует вещественный мир, собственные возможности. Единственное, что осталось неизменным, – движение, лишённое чуждых эмоций, свойственных нашей пище. Извечное движение вперёд: к цели, к насыщению, к покорению. Каждый шаг приводит к следующему: именно так понимают жизнь эдайти. С момента осознания себя в навязанной клетке-теле я неизменно поступал, следуя этим принципам. Мы справились с телами, пробрили себе путь на свободу, избежали уничтожения и, наконец, оказались здесь, перед лицом очередных задач. И всё это осуществили, спокойно двигаясь шаг за шагом к новым целям.

Не испытывая сомнений, мы ринулись напролом, пробираясь сквозь топкую жижу. Мы продвигались быстро, сероватая гряда росла, в свете розового светила искрясь множеством бликов. Оболочки не подводили – с непошибаемостью тарана они рассекали странную субстанцию. Вот только стоило мне подумать о возможностях тела, как возникло ощущение дискомфорта – неприятной тяжести внизу живота.

«Переполнен», – пришло сообщение Орша.

Потребности оболочки! Совсем не о сытости предупреждает собрат – в прежней жизни я трактовал бы его мысль именно так. Сейчас он подразумевает то самое явление, когда наши новообретённые тела избавляются от отходов ранее потребленных ресурсов. Странная непрактичность и несовершенство материальных...

«И я», – подтвердил, соглашаясь.

От остальных эдайти пришли аналогичные импульсы. Дружно устремившись к небольшой более плотной кочке, мы выскочили на поверхность болота. Процесс выделения из тела лишней жидкости стал неприятным. Потому, не размышляя, я сдёрнул с себя заскорузлые, чёрные от грязи поверхностные оболочки. Вот ещё одна особенность материальных существ, которую трудно понять. Зачем на оболочки натягивать другие оболочки? К тому же менее функциональные и зачастую многослойные.

Избавившись от того, что звалось одеждой, я почувствовал себя лучше. Теперь ничто не сковывало, а организм больше не сообщал о дискомфорте. Моему примеру последовали и собратья, прежде чем продолжить путь.

Поднявшись на взгорок, мы фактически достигли границы топкой равнины. Шаг, второй... Ступни начали уверенно касаться твёрдой поверхности, свободной от грязной жижи.

Мы дружно замерли, осматриваясь, вслушиваясь и принюхиваясь, тщательно анализируя всё сигналы, что посылала эта местность. Качество воздуха здесь было иным: испарения болота пусть и ощущались, но слабее. Впрочем, для наших тел это проблемой не стало – мембранная перегородка в ноздрях отлично отфильтровывала опасные газы. Но я знал, что Троя подобным похвастаться не может.

«Чувствую голод», – сообщил Зом.

Мы все начали ощущать это – продираться сквозь склизкую топь оказалось энергозатратно. Такие, как Троя, не выбрались бы из этой жижи... Почему я теперь всё применяю к ней, равно как к собратьям?

«Попробуем выяснить, что подойдёт в пищу», – озвучил общее намерение Орш, соскребая ладонью грязь, оставшуюся на его ногах, и принюхиваясь.

«Не спешить», – я напомнил, что отныне мы уязвимы. Впрочем, сам тоже оценил питательную ценность болотной субстанции – оболочка не воспринимала её как питательную, аппетит не пробудился.

Оглянувшись назад, где лишь наше сверхчёткое зрение могло рассмотреть тёмное размытое пятно, в которое превратился временный лагерь, я оторвал от ступней и отбросил в сторону несколько непонятных чёрных комочков – навязчиво прилипших к подошвам ног склизких, жалящих сгустков. Проследил, как уплотнившаяся до жёсткости в местах контакта с ними кожа возвращает себе куда более

удобную упругость. Всё ещё непривычными, но уже знакомыми и понятными в использовании зрительными органами осмотрел окружающее пространство, одновременно прислушиваясь и принюхиваясь.

За время, пока мы пробирались сюда, стало темнее. То из светил, что было мельче и сияло розовым цветом, почти скрылось за горизонтом. Чуткая ушная мембрана фиксировала колебания такого опасного для Трои ультразвука – я продолжал на уровне рефлексов следить за ними. Оттого и уловил изменения – колебания стали иными... Прерывистыми? Более редкими?

«Звук исчезает, – синхронно моим мыслям отозвался Орш. – Похоже, связан с излучением звезды, идущим сквозь атмосферу».

«Звёзд здесь две: маленькая розоватая и большая голубая, – подхватил Зом обсуждение. Его наблюдательность всегда была выше всяких похвал. И на этот раз он меня не разочаровал: — Когда мы приземлялись, планета была между ними. Значит, сейчас будет восход».

Мы синхронно повернулись спинами к приобретающему пурпурную окраску зареву. Противоположная ему сторона горизонта действительно посветлела и окрасилась в синеву. Однако ждать, пока голубое светило окажется в зоне видимости, никто не стал. У нас имелась куда более важная задача – найти место, куда сможет перебраться наша группа.

«Что с Риш?» – бросил вопрос Дин, шаг за шагом продвигаясь по возвышенности, предшествующей уходящей к небу гряде.

От породы веяло теплом, как если бы где-то в её недрах имелась раскалённая сердцевина. Но, вопреки логике, утверждающей, что тепло обещает комфортный ночлег моей уязвимой добыче, все органы чувств моего новообретённого тела реагировали на это место... странно. Каким-то дичайшим напряжением. Рецепторы вопили об угрозе. Собратья, теньями скользящие рядом, испытывали аналогичные ощущения – сознания каждого из нас были открыты друг другу.

«И как себя ведут остальные эдаити из тех, кто ещё не научился пользоваться оболочками?» – я дополнил вопрос, заранее выясняя, готовы ли спасённые собратья к переходу на сушу.

«Большой частью дезориентированы, – отчитался Орш, пристально всматриваясь в пористое основание под ногами. То, что мы

поначалу приняли за неживую горную породу, при ближайшем рассмотрении оказалось косной материей. Окаменелой. Возможно, некогда живой? – *Риш, в сравнении с остальными, в достаточной степени пришёл в себя.* – Мысль Орша вдруг оборвалась и вернулась уже с оттенком смирения: – *Вернее, пришла...*»

Я его понимал. Трудно перестроить привычное восприятие и начать разделять тех, кого раньше считал такими же, как сам. Мало того, ещё и начать воспринимать их иначе!

«Как он принял... свою оболочку?»

Присев на корточки, я приложил ладонь к тёплой поверхности под ногами. Сигналы тела я уже научился понимать: оболочку манило это тепло и то, что оно обещало... Негу, расслабленность, сытость... Стоп! Почему оно ассоциируется с пищей? От братьев, повторивших мой манёвр, фонило такой же насторожёностью.

«Для Риша она не более странная, чем для нас поначалу были эти, – логично объяснил Орш. – Важнее то, как тела реагируют на противоположный тип оболочек.»

«Они не уgomонились?» – я экранировал вопрос от Риза и Шоха, задав его исключительно Оршу. За всей суетой с реакцией пленников на ультразвук не уделил внимания этой проблеме.

«Нет. По-прежнему стараются держаться поблизости от Риш. А уровень агрессии в его... её присутствии очень нестабилен – любая мелочь тут же провоцирует неконтролируемый всплеск.»

«Как будем с этим разбираться?»

Секундная задумчивая пауза, и Орш спокойно выдал:

«Твоя добыча. Её инструкции помогли. Она продолжит помогать?»

Сейчас подобное могло привести к риску для Трои – мне оказалось непросто принять это, позволив ей какие-то действия вне моего присутствия, но игнорировать интересы эдайти я не мог.

«Да.»

Для того, кто привык принимать решения молниеносно и без сомнений, ответ дался мне сложно.

«Чувствуете аромат?» – вклинился в наш диалог Зом. – *«Это что-то подходящее в пищу?»*

Сейчас, когда он сконцентрировал на этом наше внимание, чувство голода захлестнуло с новой силой! Словно в недрах моей

оболочки образовалась дыра, в которую со свистом устремилось всё нутро. Сосущее и одновременно изнуряющее ощущение... Я не испытывал подобного даже в момент побега со станции, когда вычёрпывал все свои силы!

«Очень притягательное, – выразил охватившие нас общие ощущения Орш. – Невыносимо тянет...»

Мы переглянулись: неспроста, а следовательно опасно.

Перегруппировка стала инстинктивным решением. Молниеносно мы расположились максимально удобно – достаточно близко, чтобы поддержать на случай неведомой угрозы, но и достаточно далеко, чтобы не перекрывать обзор и не мешать.

«Сдерживаемся», – чуть ли не захлебываясь ощущением какой-то запредельной жажды, я целенаправленно блокировал в своём сознании все сигналы явно ошалевшей оболочки: её практически сводило судорогами от слабости и лютой потребности насытиться.

Прищуриваясь, чтобы не быть ослеплённым отражением лучей местного светила, я заметил, как содрогаются тела моих спутников. Ещё несколько минут назад голод был, но не такой дикий и всеобъемлющий. Что поразительно, даже оболочки собратьев начинали казаться... вкусными.

«Неведомое... – с трудом выдавил Хал, подобно всем нам борющийся с неожиданными потребностями. – Кажется, навязанное».

«Определённо внушённее», – словно выплюнул Орш.

Попытка заставить нас проявить слабость, подчинить, поработить... Это стало вызовом.

«Что-то, действующее на оболочку, – дополнил наблюдения Зом. – Искажающее восприятие реальности. Я вас жрать готов...»

Усилием сознания я постарался вернуть контроль над обуреваемым инстинктом голода телом, абстрагировался от зова, обещающего насыщение и блаженное довольство. Сущность эдайти твердила: если так толкают идти вперёд – следует остановиться. Не сбежать, спасаясь от угрозы, но осмыслить её. А уже потом...

Мир эдайти таков: нет ничего беспощаднее нас самих. И это не может измениться с появлением тел. Иначе мы проиграем, став рабами оболочек, подобно всем материальным существам.

Умиротворяющая тишина, ослепляющее сияние голубоватого света, льющегося с неба и отражающегося от мириадов крошечных

вкраплений в пористой породе, до которой мы добрались. Взгляд запечатлевал одну картинку за другой: причудливые контуры материи, на которой мы стояли, её уходящие ввысь пласты, тени наших тел, замерших в напряжении невидимой борьбы с самими собой; полное отсутствие чего-то похожего на растительность. Лишь голый плотный остов окаменелой породы под ногами.

Это точно было что-то разросшееся и, вероятно, погибшее когда-то очень давно. При жизни оно тянулось вверх и вширь, оплетало всё, встреченное на пути, в итоге стало горами. Отсюда и округлые впадины, которыми при ближайшем рассмотрении изобилвала порода. Разной глубины провалы, размером от шлема скафандра Трои до дверного проёма звездолёта, способного вместить и наши немаленькие тела.

«Войдём?»

Едва до меня дошла мысль совладавшего с собой Орша, как оформилась и собственная догадка – притягательная потребность толкает именно к этому! Приглашает проскользнуть в одно из отверстий.

«Должны, иначе не разберёмся», – согласился я с собратом. Всё опасное в этом мире так или иначе вынуждено будет признать, что опаснее нас оно быть не может. – *Я выясню».*

Мы перехватили друг друга за руки, образовав живую цепь, звенья которой были крепки настолько, насколько незыблема сама сущность эдайти, не признававших поражения и не знавших слабостей. Но это не означало, что мы безрассудны: сейчас я был насторожён и доверял братьям, готовым выдернуть меня назад... Чтобы вновь вернуться и взглянуть в лицо неведомой угрозе!

Аромат, обещающий насыщение, по-прежнему манил; сияние усиливалось; прочность материи под легчайшими изучающими прикосновениями моей руки говорила о незыблемости и долговечности этого пути. Всё вокруг подталкивало рухнуть в недра ближайшего зева, окунуться в его тёмное тепло – все мы чувствовали жар, идущий от каждого из отверстий.

Чтобы найти путь – надо идти вперёд. Я шагнул, чуждый страху, но ведомый извечной потребностью открыть для себя и поглотить нечто большее. Одна рука, готовая принять на себя первый удар

неведомого, чуть выдвинута вперёд, прикрывая лицо, вторая – отведена назад и в надёжном захвате сцеплена с рукой собрата.

Меры предосторожности... Раньше, в моём прежнем облике, они были бы лишними. Теперь же, несмотря на прочность тела, оказались решающими в борьбе за знания и... пищу!

Полость, в которую я проник, была сумрачной. Однако чувствительным глазам моей оболочки света хватало, чтобы рассмотреть пористые серые стены, покрытые неровными буграми и выростами. Один из них был просто гигантским. Выше моего роста, в два раза толще. С его вершины свисали перевитые отростки-жгуты красного цвета, размером с мою руку. А на конце каждого из них красовался раздутый нарост, источающий тот самый умопомрачительный аромат, что едва не свёл нас с ума. Здесь запах был настолько силён, что просачивался даже через преграду, закрывающую ноздри.

Я торопливо сглотнул жидкость, мгновенно наполнившую рот. Осознав, что свободная рука помимо моей воли тянется к ближайшему наросту-пузырю, напряг мышцы, возвращая себе контроль над телом.

Если это образование съедобно – раз уж оно так изумительно пахнет, – то одного куска нам будет недостаточно. К тому же оно наверняка защищено...

Привычным «взглядом» прежнего эдайти я воспринимал эту опасность – силой сознания распознавал напряжение энергии, скопившейся в «ветвях», готовых схлестнуться и не позволить мне забрать желаемое.

Порождение материального мира создало ловушку. Идеальную, чтобы получить столь нужную ей органику. Но ведь и мне нужна пища... Нам – эдайти – она нужна.

Резкий выпад. Захват у верхушки нароста сразу нескольких ветвей-жгутов, ментально и предсказуемо обвивших мою руку от запястья до плеча. Сущность эдайти, маревом метнувшаяся к основанию «ствола» и вытягивающая из него жизненную энергию, – члены подвластного мне физического тела и отныне сокрытая в нём нематериальная сила действовали синхронно и стремительно.

Упор ногами, очередной рывок, отрывающий мясистые пузыри вместе с «ветками». «*Тащить!*» – одновременный приказ собратям...

В неизбежном противостоянии с местным «хищником» я рассчитывал и на поддержку своих спутников.

Голубой свет ослепил, моё тело стремительно вырвалось на поверхность, покинув углубление-ловушку. С трудом я оторвал от кожи присосавшиеся к ней «ветви», предназначением которых было разрушать и поглощать мою плоть. Вряд ли им прежде встречалась настолько... неподдающаяся материя.

Но и сейчас они пульсировали в отчаянном стремлении выполнить своё предназначение – насытить голодное существо, содрогающееся от боли и ярости под нашими ногами.

Только теперь мы с ним поменялись местами. Не обращая внимания на вибрацию и тряску, каждый из эдаити, освобождая мою оболочку, оторвал себе круглый нарост и впился зубами в мягкую кожицу.

На вкус они оказались такими же потрясающими, как и их одуряющий запах. Сочная мякоть отлично утоляла голод, восполняя запас энергии. Я её глотал огромными кусками, почти не разжевывая.

«Здесь можно будет брать еду. Когда понадобится», – сообщил собратьям. Реакция приманившего нас к себе суперхищника – вовсе не мёртвого, а очень даже живого! – была ощутимой, но прямой угрозы не несла. Он явно сросся с поверхностью этой планеты, лишившись подвижности. И тех, кто мог нанести ему ущерб, противостоя воздействию, прежде здесь не было. До того, как появились мы...

«Я тоже хочу попробовать!» – неожиданно решился на попытку Орш. – *Любопытно, они все устроены одинаково?»*

Несомненно, он имел в виду полости в пористой структуре этого горного образования – разные и по размерам, и по форме. Его интерес разделяли и мы. Поэтому, страхуя друг друга около мелких и помогая у крупных, принялись за осмотр сразу нескольких углублений.

Неглубокие ямы оказались бесполезными – шары-приманки там отсутствовали, а несущие их выросты только-только зарождались. Стало понятно: чем больше углубление, тем более значимой будет «добыча».

Но и тут нашлись исключения. Кое-где в лопнувших шарах красная и упругая питательная масса была иной – жёлто-зелёной, похожей на болотную жижу внешне и имеющей такой же запах. Её наши организмы тут же отвергли в точности как первую пищу в

лаборатории... Вывод напрашивался элементарный – это несъедобно. Впрочем, годных к употреблению шаров несомненно было больше. И мы не успокоились, пока каждый не попробовал себя в роли добытчика.

«Как же жарко...»

Мысль, пришедшая извне, не была «голосом» кого-то из эдайти.

Троя!

До этого момента я лишь фиксировал в сознании факт её активности: не ощущалось паники или страха – этого было достаточно. Сосредоточиваться на диалоге, что она вела с другими пленниками, возможности не было. Но сейчас... что-то изменилось!

Застыв, я сконцентрировался на ощущениях своей добычи. Тот факт, что Троя находилась далеко, заставлял задуматься о возвращении. При одной мысли о неведомой опасности для неё хотелось стремительно кинуться назад.

«Аккумуляторы скафандра скоро сдохнут... – донеслась очередная её мысль, отягощённая усталостью. – Система вентилирования начинает сбоить».

«Кин! – Орш коснулся моего плеча, непривычно привлекая внимание физическим контактом. Это я, внутренней сутью обратившись к Трою, на мгновения «оглох», перестав воспринимать сигналы собратьев. – Что делаем? Как поступим дальше? Поведём всех сюда?»

Предупреждающе подняв ладонь, я дал понять Оршу, что необходимо подождать с решением. Вся моя сущность сейчас была далеко – рядом с одним из эдайти, что находился в числе окружавших мою добычу соплеменников.

«Рух! Как женщина?»

«Температура её тела растёт. Как и других пленников», – пришёл ответ, подтвердивший мои наблюдения. А если добавить к перегреву ядовитые испарения, от которых пока защищает Трою скафандр...

«Возвращаемся, – переключился я на окруживших меня спутников. Эдайти спокойно ожидали решения. – Нужно покинуть болото. Мы должны поспешить назад с максимальной скоростью».

«Переместим всех в это место?»

Оглянувшись на сияющую отражением сверкающих бликов гору, которая точно была чем-то живым и опасным, я вспомнил то чувство голода, что было вызвано её влиянием. Мы с ним едва справились, а Троя? Это воздействие поработит мою добычу. Да и собратьям, что ещё не подчинили свои оболочки, придётся трудно.

«Нет, – ответ был очевиден. Взгляд сместился в сторону, оценив местность. – Мы выяснили, что сможем добыть здесь пищу. Но расположимся чуть в стороне, – подумав, кивнул в направлении большого явно растительного массива, начинающегося слева от горы. – Между лесом и этим местом».

«Кто-то из нас встанет на страже с этого направления, – дополнил план Орш. – Так не допустим, чтобы других одурманило голодом и привело в ловушку этого... существа».

Мы разговаривали уже на бегу, на максимальной скорости устремившись обратно. Путь от горы до топкой низины, где прежде мы продвигались с осторожностью, потому медленно, промелькнул мгновенно. Неумолимым клином врезавшись в склизкую болотную грязь, с меньшей решимостью мы принялись рассекать телами пространство, уже зная, чего ожидать: сознание ещё на подходе послало телу нужный сигнал, трансформируя и укрепляя его покровы.

Наши мысли были открыты всем эдайти, позволяя им перенять знания и опыт, чтобы уже сейчас начать готовиться к преодолению преграды. Сегодня же состоится общий переход на сушу. Наша задача перенести с «островка» на равнину за болотом не только тех, кто слабее, но и захваченные ресурсы с корабля.

С обретением материальности мы получили и массу неудобных дополнений. Потребность во сне – одна из них. И если с пропитанием хотя бы на пару дней нам разобраться удалось, то вот организация места для ночлега ещё предстоит.

«Это существо огромное!» – Орш вложил в наши мысли инфракрасный слепок местности, где гигантским бесформенным, уходящим ввысь пятном отображалось то нечто, с чем мы недавно столкнулись.

И да, ядро, или сердцевина, глубоко под поверхностью земли было эпицентром жара – живой материей. Но чем дальше ороговевшие до окаменелости наросты находились от этого нутра, выходя на поверхность, тем более холодными они ощущались. Так мы и

чувствовали ранее, продвигаясь по омертвевшим, словно камни, поверхностям инопланетного гиганта. Пористая порода под ногами была ощутимо теплее земли именно в «предгории».

«И оно не единственное», – подобно Оршу, я силился охватить пространство мысленной сканирующей волной, распространяя её так далеко, насколько хватало сил. По примеру собрата, отринув всё пока малопонятное, сосредоточился именно на восприятии инфракрасного спектра. И такие вот пышущие жаром пятна-наросты зафиксировал ещё в нескольких местах.

«Но всё же они довольно редки, рассредоточены по периметру болота, – сделал вывод Зом. – Видимо, каждому из них нужно пространство для охоты».

Это было понятно нам, тоже по сути являвшимся хищниками. Пусть это существо не обладало подвижностью, но привлекало добычу со всей округи, имея свой личный ареал.

«Возможно, местную живность привлекает не только запах, но и тепло? Я чувствовал присутствие носителей энергии в округе, пока мы подбирались к скальнику. Они ищут в нём защиту и лишь потом попадают под влияние жажды голода? Прямо в ловушки-пасти этого существа».

«Главное, чтобы никто из нас там не оказался», – пришла мысль от Тора, одного из тех эдайти, что остались на болоте и сейчас внимательно прислушивались к нашему разговору. Что не мешало им сортировать спасённые с корабля ресурсы, готовясь к их транспортировке через топь.

«Болото тоже обитаемо, – пришло наблюдение от Зома. – Тут такие мелкие... комки. Слизь...»

Он запнулся, не найдя подходящего слова, просто кинув нам образ тех самых жалящих сгустков, что мы сдирали с тел, выбравшись на сушу.

«Медузы!» – вдруг нашёлся я с подходящим названием. Это слово и его образ когда-то проскальзывали в мыслях Трои.

«Думаю, их выделения способны растворять белковую плоть, делая её пригодной для их питания», – принял название собрат.

Ещё одно наблюдение, приоткрывающее для нас завесу неизвестного мира. Завесу, что мы, несомненно, сорвём полностью.

Мой взгляд скользнул к белёсому небу. Если ориентироваться по движению голубоватого светила, то мы потратили на свою вылазку почти половину светлого периода. На сколько рассчитаны накопители энергии в скафандре Трои? Её медленно, но верно перегревающееся тело я неизменно продолжал ощущать.

«Женщину спрячь в тень, – подразумевая тень от контейнера, послал мысль Руху. – Но не отходи от неё дальше, чем на два шага!»

«Как Риш?» – неожиданно последовав моему примеру, Орш задал похожий вопрос. И, словно сам не ожидал от себя подобного, добавил: — *В каком состоянии те, кого мы забрали из лаборатории перед побегом?»*

Мы в этот момент брели, погружённые в мутную жижу почти по грудь, поэтому я заметил, что соратник глаз не сводит с приближающегося островка, где расположилась вся наша группа. Собственно, до этого момента я и сам так поступал, стремясь как можно скорее убедиться, что моя добыча не слишком сильно пострадала от перегрева.

«Все использовали время, чтобы научиться взаимодействовать с оболочками, – пришёл лаконичный ответ от Руха. – У большинства есть значительные успехи».

«Кхм... – Орш на миг замялся. – Это хорошая новость. Чем скорее все будут самостоятельны, тем быстрее мы сможем всё здесь исследовать».

«Риш уже справляется, – пришла более конкретная информация. – Даже пробует растаскивать предназначенные для переноски ресурсы. – Собрат тоже мысленно запнулся и исправился: – Пробовала...»

Да-а-а... Нам всем сложно осознать такие перемены. Разнополюе оболочки... Что же сотворили с нами эти учёные?

«Мы должны уделить этому больше внимания, – озвучил общий вывод Зом. – И разобраться, на что влияют различия. Возможно, женские оболочки слабее или уязвимее?»

Тут же я снова подумал о Трое. Её взаимоотношения с другими надзирателями меня мало интересовали, но наблюдения позволяли предположить: женских особей оберегали. В спарринге с нами ни одна из них не участвовала. За единственным исключением, я ни разу не

замечал Трою и среди тех, кто охранял наши клетки. Да и вообще женщин на той станции было несоизмеримо меньше!

Запоздалая догадка, сделанная на основе ощущений прошлого, заставила меня остановиться. Обогнавшие собратья тут же оглянулись, вновь используя зрение для оценки моего состояния и поиска причины задержки.

«А что, если их в принципе очень мало? Таких биполярных особей. Возможно, они ценные? Примерно как наши энереллы?» – поделился я своими мыслями со всеми эдайти.

«Энереллы восстанавливают повреждённую структуру, – Рух задумался и напомнил о существовавших в нашем прошлом мире различиях между особями. Да, эдайти тоже имели некоторую дифференцированность, но все мы начали подозревать, что у материальных обитателей этого мира принцип деления иной. – А эти... Вроде ничего такого не умеют. Скорее, даже сами несколько уязвимее. В чём тогда их ценность?»

Мы с Оршем переглянулись, силясь вспомнить и осмыслить сказанное по этому поводу Троей на транспортнике. Впрочем, она же не сообщила нам чего-то конкретного... Или понятного. Термин «размножение», который применила моя добыча, оставался бессмысленным набором звуков.

«Как выберемся из болота, спросим у пленников», – принял я единственно возможное решение. Только у материальных созданий мы сможем выяснить причины, побудившие учёных поместить нас в биполярные оболочки.

«Собратья... – внезапно, грубоватым треском врываясь в наш мысленный диалог, пришла немного заторможенная, но уже вполне оформленная мысль Риша. И прозвучала она так «своевременно», что все мы дружно смолкли. – Чего все вдруг на меня уставились? И хватит молчать! Хоть что-нибудь ответьте. Я же сказал: уже в порядке, понял, как эти конечности переставлять, и ящик этот в состоянии дотащить. Вес-то никакой. Что сомневаетесь во мне? Риш никогда не был слабаком!»

«О...» – В мысленном восприятии эмоциональные оттенки несколько приглушаются, но мне показалось, что Орш смутился.

«Риш, слышишь меня?» – мысленно позвал я, стараясь переключить внимание первого ворчуна нашей группы на себя.

«Что за ерунда с этой оболочкой? К чему эти мягкие штуки, что болтаются спереди? И тянут к земле... Неудобно. Как всё странно с этими телами... Остальные так быстро освоились, а я всё спотыкаюсь! И почему они постоянно молчат?!»

Мы же, не дойдя совсем немного до островка, застыли вновь. Догадка накрыла всех одновременно – не слышит. Он лишился нашего привычного способа общения!

«Риш!» – не выдержал и мысленно завопил Риз.

«Риш?!» – синхронно с ним крикнул Шох. – *Ты не слышишь нас?»*

Орш дёрнулся и, продемонстрировав какую-то поразившую даже нас скорость, выскочил на место стоянки. Миг – и он уже стоит возле Риша, таскающего какие-то куски обшивки.

– Ты оглох? – рявкнул Орш, используя голосовой аппарат организма, опешившему от неожиданности эдайти – первому, получившему это странное женское тело. При этом он так основательно тряхнул Риша за плечи, что тот пошатнулся.

Именно эта реакция заставила кинуться на Орша Риза и Шоха. Оба, забыв обо всём, явно утратив контроль над собой, смазанными тенями метнулись к моему первому соратнику. А он, вместо того чтобы урезонить их, отшвырнул с такой силой, что его противники по широкой дуге спикировали в болотную топь и плюхнулись на ощутимом расстоянии от островка.

«Что происходит?!» – Мы все услышали растерянную мысль Риша. Обретя устойчивость, он оглянулся на «приводнившихся» защитников и заорал, используя голос:

– Орш, ты чего творишь?

«Мы его слышим, он нас – нет», – бросил я остальным, выскакивая на островок в готовности пресечь намечающуюся схватку.

Быстрый взгляд на Трою подтвердил: она заметила проблему. Пусть тяжело, но приподнялась с места, где полулежала, привалившись к контейнеру. И тут же меня накрыло новым откровением: с Риш всё так же, как с Троей! Я её мысли слышу, она мой – нет! Случайность? Или ещё одна прямая взаимосвязь с женскими оболочками?

– Риш, спокойно! – Я вклинился между Оршем и его недоумевающим «подопечным». – Контролируй поведение. Иначе они тут передерутся.

– А что не так? Что я сделал?

– Если Ризу и Шоху кажется, что тебе больно или грозит опасность, они впадают в ярость, – пояснил я и в очередной раз запнулся. Снова как в случае со мной и Троей! Угрожай ей кто-то из собратьев, разве я не поступил бы подобно Оршу? Проблемы нет лишь потому, что она никому не интересна, другие эдаити просто приняли тот факт, что Троя – моя добыча, а значит, и моя зона ответственности.

– Разве Орш мне угрожал? – Риш уставился на мрачную физиономию давнего знакомого – мы трое были из первой волны экспансии в физический мир.

– Он просто хотел выяснить у тебя кое-что, но действовал излишне резко, – пояснил я.

Высказывать догадку, что поведение Орша сейчас ненормально, посчитал неуместным. Заняться этим можно позже. А ещё лучше – предоставить разобраться во всём ему самому.

– Что именно? – Риш успокоился и теперь с интересом смотрел на выбравшихся из болота Риза и Шоха, которых тут же перехватили другие эдаити, позволяя нам завершить разговор.

– Почему-то у тебя отсутствует привычная связь эдаити. При этом мы, все мы, твои мысли слышим.

– Я не могу принимать ваши сигналы? То есть вы не молчали?.. – потрясённо повторил Риш недавно сказанное Оршем, только сейчас понимая причину его резкости. И задумчиво умолк, прислушиваясь. – А ведь действительно, я слышу только... этими... ушами.

Он сжал руками выросты на голове и потянул в стороны, словно желал от них избавиться.

– Риш, спокойно! – немедленно повысил я голос, не позволяя совершить необдуманного действия. – Мы со всем разберёмся. Главное – выжили же!

Ноги новообретённой оболочки Риша задрожали, тело как-то неловко и грузно осело в грязное месиво под ногами. Я заметил оборванное движение Орша, как если бы он неосознанно дёрнулся на помощь, но остановил сам себя, едва осмыслив намерение.

Риз и Шох тоже рванулись, пробивая блокаду тел, в которые были заключены эдаити. Но, оказавшись рядом с Ришем, неловко застыли, топчась на месте и тоже не решаясь дотронуться. Всех нас останавливало выражение лица его оболочки. Вот ещё одна «новинка»

нашей отныне материальной жизни – возможность определять настроение и состояние собрата по его... мимике. И она сейчас трактовалась однозначно – Риш был... зол.

– Я таким и останусь? Неполюценным? – глухо спросил он, не пытаясь встать, лишь подняв на меня взгляд. И в нём столь же отчётливо читалось: неполюценным даже на общем фоне всех нас, отныне ущербных в сравнении с прежними эдайти.

Орш тяжело вздохнул и, резко отвернувшись, отошёл в сторону.

– Возможно, это временно, а возможно, нет. Помимо тебя есть другие братья, заточённые в женские оболочки. Когда получится разобраться, кто в них, пронаблюдать процесс их свыкания с телами – появится больше информации, – честно ответил я. Среди нас не принято скрывать правду – никто не принял бы подобного к себе снисхождения.

«Просто скажи ему, чтобы не вздумал сдаваться, – пришла надрывная мысль Орша, слышимая всем. – Риш, тот Риш, которого все мы знали, ничего не страшился. Его нельзя победить этим! Пусть он не позволит этой странной оболочке и даже проявившейся глухоте стать его слабостью. Пусть станет сильнее вопреки всему!»

«Сам и скажи, – потребовал я. Орш и Риш ещё с той, уже прошлой, жизни в мире эдайти всегда были поддержкой друг друга, братьями, что слепо полагались один на другого. – Никто из нас не представляет, чем обернутся перемены в существовании. Надо быть готовыми ко всему. И перестать реагировать... остро».

Последнюю мысль я сопроводил предупредительным взглядом в сторону нависших над Ришем Шоха и Риза, недовольно косящихся друг на друга.

«Хватит создавать проблемы! – уже хлётко шикнул на них. – Это лишь начало, наша жизнь уже не будет прежней. Примите этот факт и сосредоточьтесь на том, что принесёт реальную пользу. Всем нам. И Ришу тоже. Побег мало что изменил. – Я обвёл взглядом застывших в неподвижности братьев. Все сейчас прислушивались к моим словам. – Мы всё ещё не освоились окончательно в этом мире. Поэтому, сосредоточимся на том, чтобы стать сильнее, Ори прав. Что до потери самоконтроля... – Я снова перевёл взгляд на смутьянов. – Если вы продолжите в том же духе, то лишь поставите

под угрозу всех нас. Это недопустимо и... – я задумался, принимая решение, – повлечёт наказание. Уясните!»

– Тро, – с тяжёлым сопением зашептал Игерь, напоминая мне, что моя добыча не единственная среди пленников сейчас находится в сознании. И слышит наш разговор. По крайней мере, словесную его часть. – Они ссорятся? Может, поубивают друг друга, наконец?

Штурман точно был в лучшей форме, чем моя добыча!

– Похоже... Но слышно плохо... По позам похоже на ссору... Да и мне плевать... – как-то непривычно сипло прошептала в ответ Троя. – Сдохну сейчас... жарко, а забрало поднять боюсь. Кто знает, зачем он его опять опустил?..

То, что пленники считали тихим шёпотом, переданным по голосовой связи между скафандрами, для чуткого слуха наших более совершенных оболочек было подобно громогласному крику. Каждый эдайти в этом мире отчётливо слышал малейший звук их переговоров.

«Все разговоры с использованием функций тела вести максимально тихо, – немедленно предупредил я, торопясь заняться Троей. – Шох, чуть позже донеси эту мысль и до Риша. И не топчитесь возле него! Используйте частоты, которые наши пленники почти не воспринимают. Не стоит им знать о нас много».

– У тебя температурный регулятор повреждён, – пыхтел Игерь одновременно с моим обращением к эдайти. – Тро, ты всё же сними шлем, пока сознание не потеряла. Эти... звери не подумают первую помощь оказать. Скорее наоборот – сожрут. Вон те двое стерегут, ни на шаг не отходят...

Раздражающий механик был живее всех живых! И у него, судя по всему, со скафандром был полный порядок! По крайней мере, перегрева, как у Трои, я не ощущал.

– Соберись и займись делом, – вслух, но едва слышно обратился к Ришу. – Наша цель – выбраться из болота. Не становись обузой.

Говорил быстро, уверенный, что сейчас все сосредоточатся на самом первоочередном, и устремился к своей добыче. Женщина продержалась до моего возвращения, но испытывать её организм на прочность дольше я не желал – понимал, что не выдержит. А потерять её был не готов.

– Хорошо, что их обучили вайли, а не языку какой-то конкретной расы, – продолжил возбуждённо шептать Игерь. – Мы хотя бы сможем

узнать что-то полезное!

Неудержимый болтун! Даже такая встряска, как авария транспортника, не изменила его.

– Не знаю... – едва слышное бормотание женщины в ответ заставило меня напрячься. – Чем это по...

Кивнув Руху, позволяя ему отойти от пленников и заняться помощью начавшим переход через болото соплеменникам, я стремительным касанием снёс шлем с головы Игеря.

– А-а-а! – заорал штурман, дёрнувшись от испуга. Верно, решил, что «звери» уже пришли его есть. Но у меня насчёт механика были иные планы.

Один, два, три... Выждав и убедившись, что судорожные глотки местного воздуха не причинили вреда мужчине, я аккуратно стянул шлем и с головы Трои. Перехватив её податливое тело, устроил так, что голова женщины оказалась на моём плече. Одну ладонь приложил к её щеке, ощущая явственный жар. И попытался сделать то, что задумал ещё на пути к островку: заставил температуру своего тела измениться, существенно понизив её.

– Н-н-не надо. Не убив-в-вайте её... – запинаясь и в ужасе уставившись на меня, предположил худшее штурман.

– Сдвинешься с места – умрёшь, – я снизошёл я до лаконичного ответа, чувствуя, как волны прохлады от моей руки растекаются по телу Трои. – Откроешь рот когда не надо – умрёшь.

Поперхнувшись и немедленно умолкнув, мужчина впился в меня ненавидящим взглядом.

«Этого, – я мысленно указал на Игеря ближайшему собрату, – и второго пленника захватите. Надо перенести их тоже».

Другой мужчина по ощущениям всё ещё был без сознания. Впрочем, это и к лучшему – достаточно с нас болтовни суетливого механика.

– Ты? – Троя открыла глаза, уставившись на моё лицо. Я чувствовал, что температура её тела начала выравниваться, приближаясь к норме. – Вернулся?..

«Как и обещал», – поймал я проскользнувшую мысль своей добычи. А с ней и удивление, сменившее неверие.

Она во мне сомневалась? Я ощутил неудовольствие: предупреждал же – всегда буду возвращаться. Почему эта странная

женщина не доверяет моим словам?

«Кин, ты останешься дожидаться тех, кто придёт за второй частью ресурсов? – отвлѣк от размышлений вопрос Руха. – Первая группа уже добралась до середины болота. В ней идут Орш и Риш».

Я невольно кивнул, реакцией тела подтверждая услышанное. Хорошо. Орш направит всех к нужному месту, упредив столкновение с подавляющим влиянием хищного гиганта. Окинув взглядом небольшой островок, что стал нашим первым пристанищем в этом мире, уверенно откликнулся:

«Нет. Забираю свою добычу, смогу унести ещё что-то из оставленного и ухожу».

Пришла пора двигаться дальше – к новой цели эдайти, сумевших вырваться из смертельного плена.

Глава 3. Переход

Троя

Хлюп-хлюп... Чавк-чавк... Хлюп...

Мерные звуки, рождающиеся под ногами бредущего сквозь болото амиота, меня одновременно радовали и тревожили. Радовали – потому что это был практически единственный источник шума в давящей тишине раскинувшегося вокруг болота. Тревожили – из-за того, что Седьмой по колено, а иногда и по бёдра проваливался в топь.

Воняло нестерпимо – с момента, как он стянул ненавистный уже шлем, а я наконец-то почувствовала прохладу, сделав первые глотки местного воздуха. Тут и почувствовала адову вонь, от которой начали слезиться глаза и засвербело в и без того пересохшем горле.

Обессиленная, давясь источаемым болотом смрадом, я болталась на плече Седьмого, то щурясь из-за страха ослепнуть от капель гнилой жижи, что в изобилии разлетались от рассекающего топь тела амиота, то судорожно сглатывая комки грозящего выплеснуться наружу содержимого желудка. Но я готова была терпеть любые неудобства. Всё это было несравнимо с вызванной тем кошмарным звуком мукой, что я испытала, очнувшись на этой планете.

Взгляд вновь и вновь возвращался к чернеющей мутными разводами, пугающей жиже. Нечто похожее имелось на Земле, хоть и отличалось в деталях. И мои знания подсказывали: сама я бы не отважилась сунуться в это гиблое место. А вот амиоты о подобном не тревожились...

Как Седьмой вообще движется в этой вязкой топи, которая наверняка затягивает в себя не хуже земной трясины?! А ведь идёт размеренно, дышит ровно, при этом на себе тащит немалых размеров контейнер и придерживает меня...

Лежать, то есть свисать с плеча амиота, было не слишком комфортно. Оно, конечно, широкое, и за ноги Седьмой меня обхватил своей немалой лапищей, чтобы не свалилась. Но пристроить куда-то руки никак не получалось. Держать на весу, силясь прикрыть ими лицо, сил не хватало. Оставить безвольно болтаться, по локоть

проваливаясь в грязь, было жутко – не покидало ощущение, что там, под тёмной пеленой, притаилось что-то невидимое, но страшное! Вопьется в пальцы и... Отринув сомнения, попробовала обхватить руками торс мужчины, удобно разместив их на покато́й спине, но... Бугрящиеся мышцы его обнажённого тела постоянно были в движении, и скользкие от грязи руки срывались, лишая меня опоры. Всякий раз я пугалась, что лишь мешаю Седьмому своими ёрзаниями, и не сразу решалась вновь обхватить его тело. Болото есть болото. Топь. Трясина. Отвлеку, отступится и...

Представив страшную перспективу, зажмурилась. Погибнуть, захлебнувшись гниистой грязью... От одной мысли о такой возможности становилось тяжело дышать.

– Я всё контролирую. Трое не о чем беспокоиться.

Безэмоциональный голос, такой же спокойный и ровный, как и дыхание мужчины. Никакого напряжения и признаков усталости. И это если учесть, что он уже в третий раз пересекает болото! Вновь осознав собственную неспособность в сравнении с ним, я инстинктивно вздрогнула. Облегчения не добавила и эта его способность читать мои мысли.

Силиясь переключиться на что-то, не связанное с амиотом, я невольно прогнулась, приподнимая голову и отыскивая глазами ставшее почти незаметным желтоватое пятно относительно плотного, чуть возвышающегося среди бескрайнего болота участка суши, который мы покинули.

Дым от горящих останков транспортника уже окончательно растворился в белёсом небе, а сам корабль, доставивший всех нас сюда, полностью исчез в мутной топи. И если в розовых сумерках болото казалось мрачным и неживым, то сейчас, в более ярком голубом свете, ожило. Оно нагрелось и стало парить, насыщая воздух душистой влагой. С его поверхности срывались, устремляясь ввысь, плотные белые пузырьки, образуя над мутью болота сгустки туманной взвеси. Вслед за ними, подобно юрким насекомым, из болотных недр будто выпрыгивали серые кляксы-мушки. Они охотились за этими каплями – поймав, падали обратно, беззвучно шлёпая по вязкой топи.

И всё это в абсолютной тишине, вызывая у меня лишь слепоту от мельтешащего перед глазами туманного роя! Единственными звуками

были чавкающие шлепки, с которыми трясина неохотно отпускала ноги идущих по ней амиотов, и... моё тяжёлое дыхание.

Седьмой неумолимо форсировал тряси́ну, используя тело на манер тарана. Следом пробирались его спутники, также по пояс проваливаясь в грязь. Они с той же лёгкостью тащили на себе груз. Контейнеры, какие-то непонятные тюки, не способных самостоятельно передвигаться себе подобных – видимо, тех, кто до сих пор не освоился с телами окончательно.

Перекинутые через плечо одного из амиотов, в той же позе, что и я, болтались Игерь и мужчина, имя которого я так и не смогла узнать. Ещё один из выживших пленников – он хоть и пришёл в себя, но сознание его оставалось спутанным.

Сглотнув обильную слюну, наполнившую рот, поняла, что мысли утратили чёткость. В растерянности испугалась, вдруг осознав – я не помню, о чём только что размышляла!

Неведомая цель, к которой стремились амиоты? Куда несёт меня Седьмой? Об этом, да? Или о надежде, что путь скоро завершится, а место, в котором мы окажемся, не станет причиной нашей гибели?

Почему я не помню? Снова пришлось сглотнуть, едва не захлебываясь от нестерпимой потребности... насытиться. Там можно будет... поесть?

Вот оно! То, что взбудоражило, захватив все мысли и ощущения, отодвинув на задний план... Что? Я и этого не могла сообразить. Лишь вновь и вновь сглатывала слюну, умирая от вожделения, дурея от желания испытать столь знакомое и желанное ощущение вкуса...

Жареного мяса? И кусочков картофеля, запечённых в масле? Всё это я обожала есть на Земле и не пробовала с самого начала вахты...

Перед мысленным взором неожиданно возник образ любимой еды, а в нос с силой ударил умопомрачительный аромат, вытеснив преследующую по пятам вонь. Сумасшествие! Не в силах себя контролировать, забыв о слабости и риске, я яростно упёрлась ладонями в поясницу Седьмого и потянулась... К чему?

К еде, что ощущалась совсем рядом... такая доступная... сочная... свежая... умопомрачительно знакомая... Та самая! В отчаянной жажде добраться до вожделенного блюда я забилась, впиваясь ногтями в тело амиота, грубо ударяя его бока и спину сжатыми в кулаки пальцами. Я зубами готова была в него вцепиться,

без страха и сомнения рвать его плоть на куски, лишь бы освободиться и... сожрать, наконец, эту до боли родную жареную картошку с куском мяса!

Забилась и с удесяттерившимися силами рванула из безжалостных тисков рук Седьмого. Голова крутилась как лопасть вентилятора, взгляд слепо шарил по округе, отыскивая источник пробудившего голод аромата. Лишь краем сознания я отметила, что топь закончилась. Ноги амиота теперь ступали по пористой серой поверхности, похожей на вулканический туф.

Но всё это мало занимало. Надо мной довлело единственное величайшее желание: потребность вырваться и устремиться навстречу... еде. Голод ошеломил, ослепил и разъярил, превратив из жалкой немощной землянки в алчущую добычи неустрашимую хищницу.

Моё тело жило собственной жизнью, используя все прежние навыки, опыт и рефлексy в этой борьбе. Сейчас амиот не был для меня сверхъестественным неодолимым противником, да я едва ли вообще осознавала его конкретное присутствие. Просто билась так отчаянно и яростно, как никогда, используя какие-то неведомые резервы тела.

– Терпи. – Словно и не ушами я слышала амиота. Настолько одержима была борьбой, что и досады не ощутила: он легко справлялся с моей дикой активностью. Седьмой притиснул мои бёдра и ноги к своему плечу так сильно, что возможности вывернуться или ударить совсем не осталось. Я дышала-то с трудом! – Скоро наваждение исчезнет. Мы пройдем мимо.

Смысл слов своего пленителя я воспринимала ничуть не менее абстрактно. О чём он? Всё, кроме осознания близости вожденной пищи, сейчас раздражало. Больше того – провоцировало неконтролируемые гнев и злобу.

Какое наваждение?! Я продолжала биться, не понимая и толком не слыша ничего. И так до момента, когда... не смогла пошевелиться. Банально резко – как рухнуть в бездну, окаменев за секунды в параличе онемения – я застыла от бессилия. Оно навалилось в один миг, сделав даже вдохи колоссально трудозатратными. Как если бы вакуум, в который я была заключена, взорвался, вернув мне способность чувствовать, мыслить, слышать... И я, почувствовав усталость, накрывшую неподъёмной плитой, и осознав всё

противоречие недавнего сводящего с ума ощущения голода, наконец услышала.

– Закончилось.

Что бы ни подразумевал амиот, но я прочувствовала истину его утверждения на собственной шкуре: меня стошнило. Подобного упадка сил моё тело ещё не знало.

– Плохо, – снова он озвучил мою мысль. Впрочем, даже на раздумья сил не осталось. Глаза закрылись. Что бы ни происходило вокруг, сейчас я не способна была реагировать. А амиот не унимался: – Нужна энергия... пища. Трое.

Мысль о еде отозвалась во рту реальной болью – за время недавнего помешательства на мясе и картошке я столько раз сглатывала слюну, что нижнюю челюсть свело судорогой.

– Картошка и мясо? – безжалостно повторил Седьмой.

Если б могла пошевелить хоть пальцем – треснула бы его. И хоть трава не расти потом! К чему этот мучитель бормочет всё, что – и это несомненно – берёт из моих мыслей? Изверг!

– Здесь этого нет. Я проанализировал состав и компоненты.

Ненависть затопила сердце. Что я сейчас ненавидела больше, и сама не понимала. Или этого бесчувственного и проговаривающего то, что я слышать не могла, монстра? Или... жареную картошку с мясом? Кажется, отныне, случись чудо и повстречайся мне они, – съесть не смогу. Стошнит от одного вида и запаха. Сразу вспомню это омерзительное, в чём-то животное и сравнимое разве что с каннибализмом ощущение голода.

– 3-3-заткнись...

Титаническим усилием открыв рот, прошлёпала пересохшими губами всего лишь одно слово, но после этого минут пять дышала как марафонец по завершении дистанции. Руки, повиснув безвольными плетями, болтались подо мной.

Что удивительно – амиот послушался и больше не доводил до иступления своими заявлениями. Наступившая тишина принесла облегчение: потребовалось какое-то время, прежде чем я совладала с накатывающей слабостью и смогла открыть глаза. Всё это время мысль о насыщении пусть не довлела надо мной с прежней неотвратимостью, но всё ещё присутствовала на задворках сознания, отступая с неохотой...

Болото? С запозданием поняла: мы выбрались. Конечно, все лавры в очередном чуде положены амиоту, а я с приступом голода ещё и доставила хлопот, но... Широко распахнув глаза от любопытства и напрочь забыв о смущении при необходимости хвататься за тело своего пленителя, я упёрлась локтями в поясицу Седьмого, с невообразимым упорством продолжавшего шагать вперёд. Куда же? Что там, за границей болота?

Едва голодное безумие развеялось, я задалась естественным вопросом: что будет дальше? Повиснув вниз головой на плече амиота, когда взгляд упирается в чёрное от грязи тело мужчины, многого не выяснишь. Заиклившись на мечтах о картошке и мясе, ничему иному я значения не придавала. Что до грязи, то моё лицо и руки, которым тоже досталось своя порция болотных брызг, наверняка не сильно отличались от тела Седьмого чистотой. Сейчас же, изгибаясь ужом и выгибая шею, я принялась целенаправленно озираться, осматривая неведомые территории опасной планеты. Местный световой день продолжался, в ярких лучах голубого светила всё было хорошо видно.

Возвышенность, усыпанная серым пористым камнем и ведущая к туфовой горе, которая граничила с топкой низиной, осталась в стороне. С ней окончательно рассеялась и болотная вонь, а воздух наполнился куда более приятным запахом озона. Теперь мы двигались по сухой желтоватой, схожей с песчаной поверхности. Взгляд сразу приковали к себе рассыпанные на ней образования, похожие на кустики, внешне напоминающие небольшие кристаллы – тот их идеальный вариант, что часто изображают в земных визюфильмах. Вот только мне никогда не приходилось видеть разноцветных прозрачных кристаллов, ощерившихся острыми гранями и, словно кусты черники, разбросанных тут и там на поверхности земли. Впрочем, с безобидными растениями моей родной планеты общего у этих кристаллических образований было мало. Скорее уж они устрашали на манер «зубастых» щёток, грозя неизбежным ранением при малейшем соприкосновении.

Однако впечатление оказалось обманчивым. Наблюдая, как босые ступни Седьмого, то и дело ступая поверх «кристалликов», легко их приминают, поняла – они мягкие! Как жевательный мармелад. Или губка... Они не крошились, а сплющивались, чтобы, избавившись от

давления наверняка немалого веса амиота в довесок со мной, медленно распрямиться вновь.

Неужели живые? Отсутствие жёсткости, свойственной истинным камням, навело меня на это предположение, а ассоциация с мармеладом потянула мысль ещё дальше. Возможно... Возможно, эти кристаллы съедобны? Вроде желе?

Желе... Сладкое, апельсиновое, ароматное, с кусочками фрукта! Хочу-у-у... Безмолвный вопль стал ответом пережитому стрессу, не иначе.

Подумала и вздрогнула от ужаса – опять начинается?! Но нет, мысли о еде не стали навязчивым кошмаром, вновь заставляющим слететь с катушек. Просто... есть реально уже хотелось. И пить!

– Скоро... привал. Желе?.. Не знаю. Но отдых – да. И... все другие потребности.

Смотри я на лицо мужчины, при слове «потребности» точно бы рухнула замертво. Вот зачем Седьмой снова заговорил, пусть я ничего не спрашивала? Почему он вообще снисходит до общения, при том что явно иногда ему сложно подбирать нужные слова? И он в принципе единственный, кто из них общается со мной. Больше того – единственный, кто интересуется мной... Вон про потребности уразумел! Каково?

Пришлось зажмуриться и потрясти головой, силясь прогнать ворох неуместных и дурных мыслишек – от воспоминаний о расправе, учинённой этим заботливым сейчас монстром на станции, до... парочки тел, сплетённых в страстных объятиях. Б-р-р... жуть какая. И почему я вдруг подумала о сексе? Не об угрозе помочиться в штаны или о риске прозаично сдохнуть от жажды, а о... Нет! Стоп! Только не это! Не думать об этом, не думать! Не хватало ещё навести *его* на мысли о... Нет!

Что за наваждение? Фактически находясь на грани жизни и смерти, думаю о всякой бредятине: схожу с ума по земной картошке или, того хуже, начинаю видеть в Седьмом муж... Ох, нет, даже думать об этом жутко!

Содрогнувшись всем телом, закрыла лицо руками – Доран бы оценил, вакуум ему пухом! Видно, правду рарк говорил: воздержание – это проблема. Во всех смыслах! Такими темпами скоро оправдаю нападки капитана Жьерка.

Нет, нет! Что с моей головой? Может, я просто брежу? И амиоты эти мне просто пригрезились в кошмаре... Эх, если бы... Пришлось ущипнуть себя за щёки, возвращая ясность мыслей.

Так что там бормотал Седьмой? Привал?.. Отдых? Счастье-то какое! Висеть вниз головой, да ещё и с регулярной опасностью вывернуть шею, отыскивая положение для лучшего обзора, оказалось сложно – начало ломить виски. На миг с усилием зажмурил веки, я собралась было с облегчением вздохнуть, и...

Ой!

Падение с высоты, пусть и смягчённое перехватившей меня мужской рукой, стало неожиданным. Вот совсем неожиданным! Поперхнувшись воздухом, я невольно схватилась за амиота, в инстинктивном стремлении избежать удара. Вцепилась в него, как детёныш мартышки в мать. Впрочем, в моём случае причина была схожей – в паническом страхе остаться один на один с окружающим миром, без защиты от множества угроз. Один ультразвук чего стоит! При одной мысли о разрывающем голову вое горло сдавил сухой спазм.

– Звука сейчас нет, – ровным голосом тут же пояснил Седьмой, не отводя руки, за которую я держалась. Чуть помолчал и добавил: – Звезда другая.

Скажи это кто-то иной, не монстр-амиот, я бы приняла за слова поддержки. Но в случае с этим конкретным субъектом испытала очередной прилив раздражения: мы прямо на одной волне! Мысли для каждого из мне подобных – это извечно сокровенный дар, на который ни у кого не было возможности посягнуть! Прежде...

Сейчас же, всякий раз натываясь на очевидное чтение моих мыслей, я ощущала себя... использованной. Словно бы меня обокрали, вероломно и насильно лишив единственной оставшейся ценности – свободы духа.

Проклятие! Стоило подумать об этом подумать, как вспомнилась лаборатория, где я впервые соприкоснулась с фиолетовым туманом, которым по своей сути и был амиот. Тот самый «дух», отныне и по воле мне подобных обманом, насильно заточённый в тело, что сейчас служит мне же единственной опорой.

Это было бы смешно, если б не было так грустно! Даже обречённо.

«Вон из моей головы!» – не сдержав эмоций, мысленно завопила я, адресуя посыл Седьмому. Одновременно страшась и желая, чтобы он его получил. В этот миг безумно страшно было осознать, что я обречена понять мотивы его жестокости. Их мотивы!

Нет! Мы разные! Надо помнить об этом. Разные в самой своей сути существования.

С нахлынувшей решительностью я оттолкнула руку амиота, заставила себя разжать почти сведённые судорогой пальцы и окончательно рухнула, медленно съехав по его телу на упругие «кристаллы» рядом с грязными ногами мужчины.

На фоне желтоватой песочной поверхности и разноцветных «кустиков» широкие ступни, с довольно узкими для такого исполина длинными пальцами и без обуви, смотрелись дико. Неестественно. Этим своим бессознательным вызовом всему цивилизованному, близкому и понятному мне – амиот тоже раздражал.

«Словно дикарь», – мелькнула удивлённо-презрительная мысль, которую я, вспомнив, о ком подумала, спешно постаралась прогнать.

Не пришло в голову этому чудовищу, что шлёпать босиком по неизвестной поверхности небезопасно? Разумеется, трусливые мыслишки для таких, как я. Ну и бездна с ним! Наши «смертные» проблемы этим «новосозданным» не понять...

Услышав непонятные звуки поблизости – чье-то бормотание или скулёж – я невольно оглянулась. Взгляд выхватил фигуры других амиотов, сваливающих в кучу остатки ресурсов. Обоих пленных заметила тоже – нёсший их амиот как раз сбросил мужчин на землю. Игеря судорожно рвало – упираясь ладонями в песчаную поверхность, он содрогался всем телом. Второй мужчина, стянув с себя шлем и закрыв глаза, тяжело дышал. Именно его приглушённые рыдания я услышала.

Причина их состояния казалась очевидной. Меня Седьмой нёс явно аккуратно, придерживая так, чтобы голова оставалась выше уровня болотной топи. А если судить по корке грязи на голове, плечах Игеря и шлеме другого выжившего, то их не раз макнуло в болотную жижу. Возможно, механик плотнул грязи, и теперь его тошнит... Только бы не отравился...

Или?.. Одурающий голод и состояние полного изнеможения как итог? Могли они испытать что-то подобное моему приступу

отупляющей жажды насыщения? Впрочем, были живы – это в нашей ситуации уже победа.

Взгляд скользнул дальше, к какому-то «растительному» массиву слева. Присмотревшись, сообразила: его образовывали такие же кристаллические образования, как желеобразные «щётки» на жёлтой почве. Только в «лесу» они были в разы крупнее и выше. Этакие своеобразные местные «деревья» поднимались ввысь острозубой стеной от границы поляны, на которой мы находились, и загоразивали ту часть горизонта, к которой медленно опускался голубой гигант.

Амиоты, видимо, решили разбить тут «лагерь»?

– Лагерь, лагерь, – тут же забубнил Седьмой, возвращая к себе моё внимание.

Отвечал он или просто проговаривал новое слово с понятным значением? Медленно выдохнув, я прикрыла глаза, смиряясь с неизбежным. Зачем амиот меня сюда притащил? Зачем он вообще меня с собой таскает с самого начала?

Ответ для себя нашла, исходя из очевидного наблюдения: Седьмой с терпением попугая повторял за мной всё что угодно. Выходит, я для него важный, а главное, очень удобный источник информации. Слышимый. Разговорчивый...

Зло зыркнув на злополучные босые ноги монстра, мысленно показала ему язык. Наверняка он и сейчас меня «слушает». И это продолжает раздражать... Но что я могу противопоставить? Да и стоит ли, в условиях моей полной зависимости от него? Конечно, я могу думать чёрт-те о чём... Да, по сути, так чаще и бывает. Могу запутать его? Доказать свою бесполезность не словом, а делом! Ха...

Допустим, докажу. А что дальше? Без помощи амиота меня бы уже в живых не было. Приземление, этот кошмар с ультразвуком... А что было на выходе из болота? Когда я с полным осознанием пыталась грызть – ни больше ни меньше – бок его тела, вождедея по жареному мясу?.. Конечно, это тот случай, когда вероятнее зубов лишиться, чем откусить кусок от Седьмого. Но сам факт?! Что за наваждение? И какое уже по счёту на этой планете?!

Забыв обо всём, завыла в голос. Понимание произошедшего нахлынуло лавиной мыслей и эмоций, вызвавших холодную испарину. Все следы тошнотворного голода и недавнего умопомрачения смыло

осознанием простых истин. И самая отрезвляющая из них: я перестала бояться монстра.

Проклятье, как? Это ж немыслимо, противоестественно... Но... Но я, хоть и не признавала его права на совершённое, не принимала их кровожадное и безальтернативное восприятие мира, твёрдо знала: сейчас мне нужен Седьмой.

Одобрительный смешок? Мне же послышалось? Ох, как же это невыносимо – быть для него открытой книгой!

Яростно клацнув зубами, заставила себя думать о первоочередном. Точно, о потребностях! Об этом же твердил и Седьмой, будь он неладен...

Демонстративно вздёрнув подбородок, понятия не имея, способен ли амиот уловить в этом жесте вызов, я оглянулась. Отступив и согнувшись, монстр невозмутимо сдирал с ног непонятные чёрные комки грязи, которые отбрасывал в сторону. Приземлялись они с едва слышным писком и тут же принимались ползти к «кристаллам-кустикам», видимо отыскивая убежище.

Ещё одна форма жизни? А сколько их здесь будет ещё?! И ведь наверняка не все окажутся такими уж мирными и безобидными... Вот эти сгустки, например, вряд ли просто решили покататься на бредущем в болоте существе.

С опаской проследив за траекторией очередного отлетевшего в сторону «комка», я вернулась взглядом к амиоту. Мужчина, избавившись от последних прилипал, как раз начал распрямляться... А я в шоке замерла, вдруг со всей очевидностью уразумев почему-то до этого момента ускользавший от меня факт.

Амиот стоял передо мной голым! Абсолютно... Единственное, что скрывало бледную до сероватости кожу Седьмого, которая столь хорошо была видна в период конвоирования подопытного на станции, и слегка смазывало детали его анатомии, – это повсеместная, толстым слоем присохшая к телу болотная грязь. Мои руки зудели от такой же, но именно в этот миг я и думать забыла о желании расчесать их, избавляясь от затвердевшего слоя.

Слотнув, на миг прикрыла глаза, инстинктивно желая увериться, что вижу это воочию. Огромный, сложенный как бог мужик с широкой грудью, рельеф которой не могла скрыть даже сеточка мелких трещин на подсохшей грязи. А ниже – умопомрачительно плоский живот и

совершенно дерзкая, при этом непростительно естественная демонстрация всех атрибутов мужественности.

Твою же...

Резко выдохнув, взгляд отвела, едва осознав, что лицезрю именно то, что так настойчиво желал продемонстрировать мне Доран в уединении каюты. При этом... смущённой себя ощущала исключительно я! Амиот же – вот парадокс – на фоне совершенно дикого и опасного окружения кошмарной планеты, куда нас закинуло, смотрелся со своим умопомрачительным задом и крепкими бёдрами даже... естественно. Словно вот таким, лишённым стыда и чуждым сомнениям, он пришёл в этот мир, выбравшись из чрева матери, прожил свою жизнь, преисполненный единения с местной природой, и сейчас неожиданно встретил меня, такую чуждую его мироощущению и самой сути этого места.

Но я-то знала, что это не так! Мы оба были здесь чужаками, не говоря о природе его «рождения». Впрочем, почему я удивлена? Эта поразительная способность подстраиваться под условия среды и более чем естественный и практичный подход к самовосприятию – чем не очередное преимущество этих созданных учёными существ?

«Я должна была сдохнуть там, со всеми...» – свежая мысль в моём самопознании, возможно, не была самой разумной, но точно отражала всю глубину смущения и растерянности, что я испытывала в данный момент. Беглого взгляда вокруг оказалось достаточно, чтобы понять: все амиоты абсолютно голые. Очевидно, им так удобнее?.. Чувствую, в таком окружении если и выживу, то одичаю. Сколько пройдёт времени прежде, чем и я, отринув цивилизованность, соглашусь сверкать обнажёнными телесами при местных весьма странных светильниках?

Боковым зрением уловила движение – Седьмой присел напротив, так что наши лица оказались на одном уровне. Колени при этом широко раздвинул, заставив меня судорожно поперхнуться: если отбросить гнев на себя и дурацкое положение, в котором оказалась, то я где-то глубоко в душе ловила себя на подспудной какой-то животной реакции на такую, пусть и не намеренную, демонстрацию сексуальности. Вопреки желанию и всякому здравому смыслу, какая-то часть моих женских инстинктов пробуждалась, взбудораженная близким присутствием такого очевидного самца.

«Убиться легче, – мысленно продолжила распекать себя, отодвигаясь и отворачиваясь всем корпусом от амиота. – У меня словно гормоны проснулись».

«Обнажёнка» Седьмого заставляла трястись от волнения куда больше, чем все вместе взятые не менее мускулистые и грязные тела его соплеменников. Возможно, причина крылась в его таком близком, даже подавляющем присутствии? Подспудном страхе перед ним как перед мужчиной? Все эти мыслишки насчёт размножения не прошли даром? Я действительно страшилась такого его возможного интереса? Подсознательно ожидала его?..

Реально оценивая шансы на наше выживание, я понимала, что такие вот «колонисты поневоле» вполне могли оказаться лишёнными одежды. И на это неправильно вот так остро реагировать. По идее...

Медленно втянув в себя воздух, на сей раз с нотками мускуса, дала себе мысленный пинок: нельзя дать понять Седьмому, что его тело вызывает у меня какую-то реакцию. Не хватало ещё самой навести его на ненужные мысли!

«Мы словно на необитаемом острове, – вновь и вновь бормотала про себя. – В этих обстоятельствах нельзя быть излишне щепетильной».

Но... справиться с собой, для начала хотя бы урезонив учащённо бьющееся сердце, получалось плохо. А ведь работа в мужском коллективе изрядно закалила мои нервы – видом впечатляющего мужского тела меня было не сразить. Мне доводилось видеть сослуживцев в разных ситуациях и видах – были в коллективе любители намеренно пощеголять перед коллегами-женщинами натурой, особенно в общих душевых на заданиях. И всё равно сейчас я смутилась. Искусственно созданные тела амиотов даже в вопросе мужской анатомии отличались... внушительностью, пробуждая во мне любопытство.

Потупив взгляд, я всё же не удержалась. Из-под ресниц снова обежала глазами полянку у опушки «зарослей» кристаллов, подмечая детали. Очевидно, что амиотам не знакомо чувство стыда. С абсолютной естественностью все они сейчас занимались делами: укладывали спасённую поклажу и помогали более слабым. А тот факт, что все они делали это без одежды... Это волновало лишь меня. Ну ещё, пожалуй, Игеря – я видела, что он, стоя на коленях, тоже

ошеломлённо озирается, больше приглядываясь к женским версиям амиотов, тела которых тоже отличались эталонным совершенством. Хотя, похоже, штурману было пока не до серьёзных выводов.

– Чёрт... – трясая головой, отчётливо выругался он. – Мерзость какая. Это не болото, а отхожая яма. Или кто-то сдох и разложился, или нагадил. Я словно дерьма нахлебался...

Мужчина отвёл взгляд от Риш и схватился за живот – его снова тошнило.

– Надо в аптечке адсорбент найти. Конечно, если она тут чудом окажется, – попыталась я помочь, с усилием заставляя себя не думать о всё так же наблюдавшем за мной Седьмым. Вслух в окружающей тишине говорили только мы.

– Думаешь, – Игерь с надеждой впился взглядом в стоявший рядом с нами контейнер, – можно туда заглянуть? Разрешат? – Нервно оглянулся вокруг. – Им-то что... Никакого понятия человечности. Никаких моральных принципов. Ни стыда ни совести. Вон даже голышом разгуливать для них в порядке вещей. И полное отсутствие состра...

Последними словами Игерь буквально подавился, в ужасе выпучив глаза и уставившись на что-то за моим плечом. Или на кого-то?.. Я дёрнулась, оглядываясь. Конечно, Седьмой, который секунду назад находился шагах в пяти, присев на корточки, сейчас, распрямившись во весь свой немалый рост, нависал надо мной. Бедро мужчины оказалось прижатым к моему плечу – это прикосновение даже сквозь ткань скафандра ощущалось реальным жаром.

Глаза его казались жутковатыми – неудивительно, что механик подавился собственными словами. Пришлось поднять взгляд к лицу Седьмого – я по привычке искала там ответ на вопрос: что случилось?

– Почему?

Амиот выглядел совершенно невозмутимым и выдал единственное слово. Однако, вопреки его вниманию, сосредоточенному на моём соплеменнике, интуиция подсказывала: вопрос адресован мне.

– Ч-что почему?

Сглотнув, не понимая, чего ожидать от опасного и непредсказуемого во всех смыслах сверхсущества, я лихорадочно пыталась понять, что могло так взвинтить монстра.

– Почему говоришь с ним? И...

– И?..

Забыв о странностях окружающего мира, других амиотах, что привычно не обращали на инцидент никакого внимания, даже о наготе находящегося так близко пугающего чужака, я сосредоточилась лишь на ожидании его ответа. Мне катастрофически не хватало понимания его поступков и мотивов.

– Его состояние не имеет значения, – завершил мысль амиот, чем совершенно меня озадачил. К чему подчеркивать очевидное? Наши жизни для них ничтожны.

– Мы воспринимаем по-другому, – не иначе как от волнения я принялась объяснять Седьмому вещи, точно чуждые ему и ему подобным. – Взаимопомощь, любовь и сострадание к ближнему – лучшие качества, которые мы знаем.

– Троя, – внезапно зашипел механик, – не говори ему ничего! Им не говори... Не пытайся объяснить. Обо мне!

С недоумением перевела на него взгляд: почему? Разве не правильнее хотя бы попытаться установить взаимопонимание? Что ещё нам остаётся? Здесь мы полностью в их власти.

– Ты совсем глупая? – одними губами прошептал мне механик, продолжая пялиться на Седьмого словно кролик на удава.

– Что ещё не так? – зашипела, раздражаясь: Игерь-то чего злится?

– Не говори со мной! – уже совсем нервно выкрикнул в ответ мужчина. – Умоляю! Даже не смотри в мою сторону!

С чего такая внезапная перемена? Что увидел один мужчина в глазах другого – дикого и в нашем понимании безумного? И что в этой короткой перепалке спровоцировало амиота?

О последнем я подумала, когда осознала, что жара близости между моим и его телами больше не ощущается – переместившись как по волшебству, Седьмой стоял уже рядом с землянином. Больше того, обхватив пятернёй глотку несчастного Игеря, поднял его высоко над землёй.

Другой пленник, чьего имени я не знала, потрясённо охнул, явно тоже напуганный этим зрелищем. Казалось, что сейчас мы оба увидим уже известную картину: фиолетовый туман, обволакивающий тело, а следом – уже его бездыханное падение. Я сама не осознала, как

оказалась на ногах: страх стать свидетелем очередной трагедии толкал вперёд.

Игерь обеими руками вцепился в безжалостную ладонь-удавку, в тщетной попытке оторвать её от своей скованной ободом скафандра шеи. Его взгляд, устремлённый на мучителя, полыхал ненавистью. Словно он понимал: пощады не будет. И знал почему...

Спотыкаясь на дрожащих ногах, я устремила к этим двоим. В голове была полная пустота: отсутствие мыслей, только глухое отчаяние. Никакого прогресса с амиотами! Едва начинает казаться, что хоть какой-то контакт устанавливается, как Седьмой всё рушит проявлением откровенной жестокости и полным пренебрежением к чужим потребностям.

Подбежав к ним, не задумываясь о своих действиях, поднырнула под поднятую руку мужчины. Обхватила его поперёк груди, силясь сомкнуть свои руки. А оказавшись с Седьмым лицом к лицу, уставилась на его глаза. Смотрел амиот на штурмана... испепеляющее. Однако голос остался бесстрастным, мимика неживой, и от этого становилось совсем жутко.

– Я предупреждал.

В очередной раз я опешила от непонимания. Что амиот хотел этим сказать? Он же к Игерю обращался, не ко мне?

В тот же миг и вторая рука монстра протянулась к землянину, схватила за волосы и рванула вверх. Я ещё только набирала в лёгкие воздух, а он уже надорвал ворот скафандра мужчины, сдирая его, словно шкуру освежёванного животного.

– Не надо! – не думая о последствиях, взвизгнула я, в отчаянии всё же стиснув тело амиота обеими руками.

Ещё и головой в его грудь упёрлась, соприкоснувшись щекой с измазанной грязью кожей монстра. Собственное прерывистое дыхание, губы, бормочущие впритык к его коже, дико стучащее сердце, трепещущая от эмоций грудь, вжимающаяся в жёсткое тело Седьмого... – всего этого, в тщетных попытках оттолкнуть амиота от его жертвы, я не замечала.

– Ему просто плохо! Не хотел обидеть.

Так же внезапно, как накинудся, амиот разжал пальцы. Механик, хрипя и стеная, рухнул на песок. Вернее, на поросль из цветных кристаллов. Тут же шарахнулся в сторону, вскрикнув от страха, что их

визуально острые грани его ранят – без защиты скафандра мы уязвимы.

Я провожала его плюхнувшееся вниз тело пристальным взглядом, с напряжением ожидая последствий падения. С облегчением выдохнула, поняв, что кристаллы, как обычно, сплющились, не принесли вреда. И не сразу обратила внимание на действия Седьмого – монстр переложил руки на меня! Но, вопреки опасению, не стиснул подобно горлу Игеря, а только придержал, сохраняя ровно ту степень тесноты между нами, что задала я, ранее пытаюсь сдвинуть его с места.

Опасность и неоднозначность ситуации обрушилась ворохом острейших ощущений. Настолько сильных, что я внезапно осипшим голосом прохрипела:

– Нет... Не надо...

На большее меня не хватило. Слова закончились, а мысли испарились, растворившись в волне смущения. Тонкая броня скафандра словно вообще отсутствовала: своей распластанной по мужскому телу грудью я отчётливо ощущала его рельеф. В сравнении с моим оно казалось таким твёрдым... И близким...

Незнакомое ранее ощущение!

В ошеломлении, перестав слышать даже звуки, я подняла взгляд к лицу амиота. Он смотрел на меня с неменьшим изумлением, задержав дыхание! На какой-то бесконечно долгий миг мы замерли в едином ступоре. Но едва этот факт пробился к моему сознанию...

– Отпусти, отпусти! – я зачастила и заёрзала, пытаюсь отодвинуться. Вспомнила и о причине спасательной инициативы: – Нужно помочь другим. Нужны лекарства...

В памяти всплыл недолгий диалог с Игерем о медикаментах: возможно ли, что среди спасённых со звездолёта ресурсов есть аптечки?

Мгновением позже амиота рядом уже не было – он стремительно переместился именно к обсуждаемому нами ранее с механиком контейнеру, а я с трудом устояла на ногах. Крышку буквально сорвал, видимо не считая нужным возиться с замком. Одним резким движением вытащил бутылку с водой и знакомую корабельную аптечку. Вот что значит – видеть мысленный образ! Он достал ровно то, что было необходимо. И всё это с каменной миной!

– Пить.

Протянул мне ёмкость с водой и подождал, пока я решусь её взять. После, небрежно, не удосужившись оглянуться на насторожённо наблюдавшего за нами Игеря, швырнул в его направлении аптечку. Попала она точнёхонько в лоб, заставив механика сморщиться от боли.

Моё импульсивное желание прийти на помощь пострадавшему остановил сам пострадавший. Суматошно замотал головой, явно не желая моего приближения. Взглядом при этом указал на спину амиота, что снова отвернулся, сосредоточившись на содержимом контейнера. Выражение глаз Игеря отражало лютую ненависть...

Механик точно затаил злобу. Я поняла: если ему подвернётся возможность навредить нашим похитителям – он её не упустит.

Опомнившись, он отвёл взгляд от Седьмого и торопливо вскрыл герметичный плотный пакет. Порылся в упаковках, читая надписи, и выудил нужное лекарство. Вслед за Игерем и я решила не изменять своим суждениям, решительно двинувшись вперёд. И штурман напрасно напрягся – игнорируя его очевидный испуг, я уверенно выхватила из аптечки нужный препарат и отошла. Туда, где, кулём сброшенный на землю, глухо постанывал, обхватив ладонями голову, ещё один пленник.

Встретившись взглядом с его серыми глазами, хмуро нас изучающими, я протянула мужчине лекарство.

– Возьмите, это обезболивающее. Станет легче.

Оказавшись с ним рядом, рассмотрела нашивку на видневшемся из-под горловины скафандра воротнике формы. Военный! Подобно мне, он относился к службе внутренней охраны станции.

– Себе оставь, – презрительно скривился недавний коллега, отталкивая мою руку. – Пригодится, когда амиот тебя оприходует.

Опешив, я не понимала, почему он на меня злится. Ничего же плохого не предложила! И что за намёки?!

– Не пугай её, – неожиданно откуда-то из-за спины раздался приглушённый голос Игеря. – Не в её силах изменить хоть что-то, если хочет выжить.

– Таковую разве испугаешь? – со злостью отмахнулся незнакомец. – Не зря про неё и Дорана столько разговоров было. Бывалая! По костям пройдёт ради шкуры своей и монстром этим не побрезгует. И такому подстилкой станет, забыв о погубленных этими тварями сородичах! – Он всё сильнее заводился – голос мужчины звучал всё громче, а я

стояла, онемев от шока и омерзения. – И даже понимаю, жить захочешь – ещё не так раскорячишься. Готова с этими дикарями под первым кустом кувыряться? Да только зря мечтаешь, что жалкую свою жизнь таким способом убережёшь! Конец всё одно общий, что у нас, что у тебя – попользуются и сожрут.

Поняв, о чём бормочет этот малохольный, я задрожала от ярости. На миг словно вновь вернулась в атмосферу всеобщего презрения, спровоцированную конфликтом с напарником.

– Последние мозги растеряли? – зашипела на военного. – Что капитан Жьerk не отбил на тренировках, то амиоты отшибли? Головой шарахнуло при приземлении? Чтобы выжить, нам надо держаться друг друга и поддерживать, а не сыпать оскорблениями!

– Выжить? – сероглазый заржал в голос, каким-то безумным взглядом озираясь на амиотов, с невозмутимостью сфинксов продолжавших помогать тем, кто ещё с трудом управлял телом. – Думаешь, они по доброте душевной нас с собой тащат?

– Прекратите истерику, – заставив себя успокоиться, тоже ответила резко. – Вся проблема именно в том, что с самого начала никто не попробовал установить с ними взаимопонимание. Это мы принуждали их, первыми проявив жестокость.

– Ты блаженная?

– Троя... – Игерь снова вмешался в нашу перебранку. По сомневающемуся тону механика я поняла: он тоже видит в амиотах лишь врагов.

– Просто не хочу умирать! – ответила сразу обоим. – И всё ещё думаю, что мы должны попытаться достучаться до них. Использовать каждый шанс. И для начала перестать думать о них как об опасных неуправляемых безмозглых обезьянах. Они же всё понимают! Даже сейчас...

– У тебя есть все шансы пожить подольше, – тяжело хохотнул пленник. Запал спора оставил его без сил – после кратковременной вспышки гнева мужчина тяжело осел на песчаную поверхность. – Можешь сколько угодно фантазировать насчёт этих тварей, но никакого взаимопонимания не будет. Мы все здесь покойники. Но ты... крути задницей, как делала это на станции, тогда ещё поживёшь.

Шокирована таким мнением на свой счёт оказалась, кажется, только я. Игерь мыслил порядочнее коллеги-негодяя и действовал

быстрее. Всё ещё сине-зелёный от тошноты, он тяжело поднялся, обогнул меня и неожиданно вцепился рукой в шею мужчины.

– Ещё раз её оскорбишь, – сипло пригрозил, – без помощи амиотов на тот свет отправишься.

– Давай! – брызжа слюной, выдавил противник, с явным безумием во взгляде вращая глазами. – Защищаешь её?! Неужели и тебя успела охмурить? Ах да, вы же в лазарете вместе...

Он захрипел, потому что Игерь вцепился в его горло уже второй рукой.

В отчаянии от такой непрошибаемой слепоты и злобности себе подобных, я сжала кулаки, не представляя, что стоит предпринять. Хотелось треснуть обоим. Полагают амиотов дикарями, а сами сцепились в драке ничуть не лучше парочки преследующих Риш! Как тут доказать амиотам, что путь жестокости неверен?

А в следующий миг мужчины разлетелись в стороны, как если бы неведомая сила отшвырнула их друг от друга. Какая? Увидеть рядом Седьмого не стало неожиданностью, словно именно его вмешательства я подсознательно... ожидала?

И сразу обратила внимание – полностью голым амиот уже не был. На его бёдрах красовались армейские форменные брюки. Из-за них он рылся в контейнере с транспортника? Однако же самой смущающей оказалась мысль: он понял мои переживания по поводу его наготы!

– Этот звук?

Седьмой, игнорируя копошения моих собратьев по плену, что разлетелись в стороны и теперь благоразумно молчали, указал рукой на мой живот. Не сразу из-за бешено стучащей в ушах крови я сообразила:

– Живот урчит.

Амиот продолжил непонимающе смотреть на моё лицо.

– Есть хочу... – не без внутреннего напряжения, боясь заводить с ним разговоры о питании, тихо призналась в причине.

Подобрав бутылку, которую я выронила, и неуловимым движением то ли свинтив, то ли сорвав крышку, Седьмой ткнул горлышком в мои губы.

– Хочешь жить. Пей.

В горло ударила струя тёплой, но такой живительной влаги! Я глотала её, захлёбываясь, но с ощущением благодарности. Седьмой

точно слышал спор. Всё ли понял? Видимо, достаточно.

Может, как сказал военный, он обо мне заботится с каким-то расчётом, но... Но ведь заботится! Этот амиот сейчас мой единственный шанс на спасение...

В нелепые идеи сошедшего с ума землянина о соблазнении я не верила. Абсурд! Амиоты – последние существа во всей вселенной, способные к кому-то привязаться. Но вот договориться с ними реально. Я всё больше склонялась к этой мысли.

– Нужна еда. Тебе.

Дёрнувшись, я неожиданно для себя икнула: как только амиот заявил про нужду, так я ощутила однозначный сигнал от собственного организма.

Еда, конечно, тоже стояла на повестке дня, но кое-что сделать в данный конкретный момент оказалось куда важнее. То ли вода, что я вылебала, стала причиной, то ли тело окончательно отошло от очередной встряски, но отчаянно захотелось в туалет. И если голод я могла потерпеть, но вот с самым насущным – никак.

Судорожно заозиравшись, думать могла только об одном: как?! Где?! Почему-то страшила сама мысль сделать это на глазах у всех. Очевидно, мораль, свойственная нашей цивилизации, накрепко въелась в моё сознание. Я страшилась как презрительного осуждения собратьев, так и несомненного интереса амиотов. Попробуй я устроиться для этих целей за ближайшим «кустом» кристаллов – точно привлеку их внимание.

Однако достаточно обширных «зарослей» желеобразных образований рядом не наблюдалось, и потому мой взгляд устремился в сторону «леса»...

– Куда? Что?

За своими метаниями я не отследила, как Седьмой подскочил вплотную. Ухватив за подбородок, задрал мою голову и прищурился, уставившись в глаза. Словно силился, но не мог рассмотреть что-то...

Однако у меня сил терпеть уже не было, как и ждать, пока он разберётся в моих наверняка сумбурных мыслях. Ему самому такие «проблемы» и в голову не приходили. О том, как и где избавиться от «лишнего», амиоты раздумывали не больше, чем о наготе. Только Седьмой и ещё пара монстров, последовавших его примеру, натянули

на попы штаны, остальные так и разгуливали голышом. И нужду они справляли между делом, чуждые стыду или брезгливости. Но я-то?!

Рефлексы возобладали над страхами – схватив амиота за руку, я рванула к «лесу», потянув Седьмого за собой. Испытать на себе воздействие ультразвука я инстинктивно боялась, вот и решилась на инициативу.

Вопреки моим опасениям, мужчина никак не воспротивился, с очевидной лёгкостью подчиняясь и продолжая буравить меня взглядом. Но когда до спасительных зарослей оставалось метров пять, а я уже начала растёгивать фиксаторы комбинезона, амиот резко дернул за плечо, остановив меня почти в воздухе.

– Ш-з-з-с-с... – выдала я нечленораздельное шипение, моментально сжав ноги крестиком.

– Что... Трое там? Надо?.. – словно издеваясь, Седьмой с медлительной отчётливостью принялся выдавать слова.

– Умереть как надо, – перебила я, завопив в голос.

Кажется, услышали все, оставшиеся в лагере.

– Троя не умрёт, – так же деловито сообщил амиот. – Но там, – он махнул свободной рукой в направлении леса, явно скопировав мой недавний жест, – неизвестное. Опасно.

– Описуюсь! – наплевав на стыд, зажмурившись, прошипела в ответ.

– Что?

Разумеется, он не понял. А я со всей обречённостью осознала: предел.

– Сядь! – силясь надавить на его плечи, завопила так, что всё опасное, что, по утверждению амиота, было в этом лесу, обязано было окачуриться от страха сей же миг.

Седьмой, уши которого дрогнули, чуть отклоняясь, послушно стал приседать, явно заинтригованный моей столь яркой эмоциональной реакцией. Монстр бесчувственный!

Дёрнув комбинезон вниз и смиряясь с неизбежным позором, из последних сил сдерживаясь, я присела на корточки. Журчащий звук неожиданно заинтересовал Седьмого меньше моих, судя по жару, покрасневших щёк. Спрятавшись от других за его мощной фигурой, я не ожидала внезапного прикосновения мужской руки к щеке.

– Горячо, – не знаю, мне или себе сообщил Седьмой, подтверждая опасения. – Ты полагала, смерть от перегрева?

Он сделал свои дикие выводы, а я...

– Нет, – я огрызнулась, поднимаясь и избегая смотреть в его глаза. Амиот двигался синхронно, распрямляясь. Но, подумав, решила пояснить: – Боялась, что лопну.

– О!

Несколько секунд он смотрел на меня, явно анализируя сказанное. Наконец, медленно перевёл взгляд вниз, очевидно сообразив, в чём причина моих недавних страданий.

– Не смотри!

Проклятая вьёвшаяся под кожу мораль: стыд нахлынул с ещё большей силой. И почему я так страшилась быстро исчезающей в сыпучей поверхности под ногами лужи?

– И почему? – немедленно повторив мой собственный вопрос, потребовал пояснений Седьмой.

Мне осталось только в отчаянии из-за своей глупости поднять взгляд к небу. Глаза буквально впились в сиреневую полосу, быстро светлеющую на горизонте. С каждой минутой она становилась всё шире, ярче и... розовее!

Это... Это *оно* восходит?!

Смущение отошло на второй план, а меня накрыла волна паники похлеще – убийственный кошмар сейчас вернётся? Со всей отчётливостью я вспомнила слова амиота: он сказал «другая звезда», когда объяснял, что ультразвука нет... То есть именно розовая его испускает? И сейчас приходит её время?

– С-с-стыдно... – не думая, что говорю, выдала чистосердечный ответ на вопрос, не отрывая глаз от горизонта. – В туалет ходить при ком-то.

– Стыдно? – Он переспросил, а я вспомнила, с кем говорю. Они и понятий таких не имеют. Седьмой тут же подтвердил догадку. – Ходить в туалет? Функция тела. Одна из. Потребляет ресурсы для получения энергии. Избавляется от вредных и лишних веществ. А что делает «стыдно»? Какая функция?

При других обстоятельствах я бы с его рассуждениями смирилась: так заведено в природе. Надо перебороть свой стыд, раз всё естественно и жизненно необходимо. Но сейчас...

Сейчас мне было не до этих вопросов. Совсем иное владело мыслями: ультразвук! Розовое солнце краем диска уже вылезло из-за горизонта, и я, едва успев натянуть скафандр, теряя разум от захлестнувшей паники, подорвалась с места. Бросилась к тому, кто с гарантией мог спасти, и обхватила руками. Меня гнал страх перед неодолимым и инстинктивная потребность в защите.

Какое-то время мы стояли неподвижно: я – в оцепенении предчувствия боли, он – спокойно, с высоты своего роста наблюдая за мной, то ли принюхиваясь, то ли как-то иначе изучая. Минута сменяла минуту, розовый диск с не самой маленькой скоростью поднимался к зениту, но ничего не происходило, а потом ещё и Седьмой привычно спокойно заявил:

– Нет угрозы.

– Нет? – переспросила, не веря – очень уж яркими были в памяти ужасные минуты боли.

– Не слышу, – подтвердил чужак.

Сквозь страх пришло осмысление – звук не появился. Почему? Да какая разница! На этой планете наверняка немало явлений, объяснить которые можно, лишь тщательно их изучив. А я не учёный, чтобы это делать. Для меня главное – факт. Амиот ведь тоже вряд ли пытается понять причину, ему достаточно того, что он сам чувствует. А его восприятие точно лучше моего...

Отмерев, разжала до онемения сжавшие обнажённый торс пальцы, собираясь отступить. Но так этого и не сделала, потому что из груди склонившегося ко мне Седьмого неожиданно раздался гортанный звук, похожий на... мурчание? Действительно раскатистый, мягкий, не угрожающий, скорее приятный, он словно был следствием моего прикосновения!

Это Седьмой одобрил мою инициативу быть к нему ближе? Отчего ещё могло так среагировать его тело?

Амиот, похоже, сам этого не понял. На его обычно безэмоциональном лице вдруг отразились растерянность и изумление. Рот удивлённо приоткрылся, позволяя выглянуть из-за ранее плотно сомкнутых губ паре острых клыков. Глаза расширились, а следом и зрачки – резко и почти полностью поглотив радужку.

В таком же шоке, должно быть, смотрела на него и я, не понимая, что происходит. Свидетелем чего я стала? Проявлением какой из

способностей созданных тел? Но времени подумать не осталось – заставив вздрогнуть от неожиданности, вступил в «диалог» и мой живот.

– Тоже... урчит, – пролепетала смутившись.

Вот ведь незадача: стоило разобраться с одной потребностью, как другая напомнила о себе.

– Еда, – как установку провозгласил Седьмой и, прежде чем я успела испугаться или хоть что-то сообразить, подхватил меня на руки.

Мне пришлось закрыть глаза, чтобы не спровоцировать приступ тошноты, – с такой стремительностью он рванул назад, в лагерь. Пары минут не прошло, как я оказалась устроенной на контейнере, из которого ловкие руки мужчины предварительно выдернули базовый пищевой корабельный паёк.

– Я сама, – увидев с каким непониманием рассматривает герметичную компактную коробку Седьмой, протянула руки к такой вожделенной пище.

Голод она утоляет отлично, а вкус... К счастью, не картошка с мясом.

Сняв защитную плёнку, принялась грызть концентрат. Вот только неотступно провожающий каждый кусочек взгляд амиота напрягал, вызывая не самые приятные ассоциации.

– Тоже... хочешь? – С внутренним напряжением, я протянула кусочек мужчине. Лучше поделиться, чем быть съеденной.

Седьмой пищу принял, но, вопреки моим ожиданиям, пробовать не стал. Вместо этого его рука взлетела, замерев напротив моего рта – белковый концентрат, что я предложила амиоту миг назад, коснулся губ.

В недоумении я уставилась на его лицо. Как это понимать? Кормить меня хочет?

Ответа не получила – характерно невозмутимая физиономия ничего не выражала. От волнения облизнув губы, я решилась и приоткрыла рот, аккуратно забирая зубами еду.

Седьмой кивнул с одобрением и тут же отобрал у меня остатки пищевого пайка, чтобы кусочек за кусочком... скормить мне его полностью! Чувствуя себя зверюшкой, которую вознамерился приручить опытный дрессировщик, противиться я даже не пыталась. По сути, ведь ничего нового – меня считают игрушкой.

Только... Разве амиот сам не проголодался? Его организм получил немалую нагрузку, но я не видела, чтобы он что-то ел... в моём понимании.

– Мы насытились.

Я уже не удивилась, услышав ответ на невысказанный вопрос. Зато при упоминании других невольно перевела взгляд на его собратьев. И действительно – большая часть амиотов, рассевшись небольшими группами, аппетитно поглощала что-то похожее на... растения?

Странно было, зная, что вокруг только кристаллоподобные «кустики», видеть совсем иные по форме, лианоподобные образования с выростами-шишками на концах. Но всё же куда больше поражало другое – амиотам подходит местная пища, и они уже успели выяснить, что она безопасна.

Мысленно впечатлившись, я зевнула и даже прикрыла глаза.

– Что за изощрённая пытка? – гневный голос Игеря выдернул меня из сытой задумчивости.

Обернувшись на звук, я обнаружила двух амиотов, настойчиво предлагающих моим собратьям те самые уже замеченные ранее «шишки». Именно их, надломив, они буквально запихивали в рот землянам.

– Это может оказаться ядовитым! – упирался и мужчина, что недавно насмеялся надо мной.

– Мне тоже попробовать?

Я потянулась было к спорящим, желая принять свою долю риска, но Седьмой молниеносно опустил ладонь поверх плеча, удерживая на месте.

– Нет, – припечатал категорично и, обернувшись к Игерю, холодно бросил: – Хочешь жить – ешь, не хочешь – не ешь.

На этом его внимание к пленникам иссякло. Поэтому амиот не увидел угрюмый ненавидящий взгляд механика, который, посмотрев на жующих амиотов, осторожно надкусил образчик местного неведомого «продукта».

– Почему мне?... – я попыталась было разобраться в мотивах Седьмого, но...

Но он даже не дослушал, «порадовав» очередным «Нет». А потом указал на небо, привлекая внимание к розовому светилу, что за

прошедший с его восхода час, быстро пробежав по небу, догнало медленно ползущее голубое. Сейчас они вместе закатывались за горизонт.

– Наступает ночь. Троя будет спать.

Не спрашивая, амиот подхватил меня на руки и уложил прямо на землю, устраиваясь рядом. Противиться я и не думала – что могло ожидать вынужденных колонистов в этом мире, не представляла, спать рядом с монстром уже случилось, оттого понимала: безопаснее сейчас места нет. А утро вечера мудренее – это истина на все планеты. Особенно если сил спорить с судьбой уже не осталось... Да и темнота обступила.

Глава 4. Неожиданности

Кин

Добыча заснула. Я терпеливо ждал момента, когда сердцебиение Трои чуть замедлится, сообщая мне, что её организм перешёл к фазе расслабления. В том, как жизненно важен телам сон и восстановление сил, я успел убедиться на примере собственной оболочки.

Сегодняшние нагрузки не прошли даром – ресурсы навязанного тела изрядно истощились. Но несоизмеримо в меньшей степени, чем у Трои. Оттого я замер, устроив её так же, как и в прошлый период сна, – рядом.

«Отдых. Сейчас для всех», – пришла адресованная каждому мысль Орша, и тут же в импровизированном лагере всё изменилось – те, кто до сих пор сохранял активность, немедленно выполнили указание собрата.

В этом среди нас не возникало разногласий. Не требовалось лишних пояснений, чтобы действовать предусмотрительно. Каждый осознавал своевременность приказа и рациональность выбранного тёмного периода суток планеты для восстановления функций оболочки.

Однако Орш, кажется, учёл не всё...

«Пленники, – послал я аналогичный сигнал. – Кто-то пусть будет рядом».

Не то чтобы их жизни значили для меня многое. Особенно сейчас, когда мы убедились, что легко сможем добыть здесь пищу. Но влияние ультразвука на соплеменников Трои оказалось столь интересным, а начинать утро с очередных криков, бездарно растеряв и эти жизни, я не планировал.

Неизменно анализируя реакции тела своей добычи и контролируя её состояние, я погрузился в изучение окружающего нас пространства. Почему Трою и других пленников всё только пугало? Всем нам было сложно понять их отношение к происходящему. Куда важнее казалось освоиться в этом мире, научиться взаимодействовать с ним.

Как и я, сейчас каждый из амиотов, внося свою лепту в общее дело, прислушивался и присматривался к ночному миру планеты, формируя в нашем совместном сознании максимально полную картину реальности.

Ночью, на удивление, звуков было больше, чем днём. Видимо, время беспросветной мглы ценилось местными обитателями куда выше, чем день, формируемый удушливым жаром голубого светила-гиганта или совершенно холодным светом его розового спутника-карлика, да ещё и в сочетании с ультразвуком. Подобные условия, вероятно, даже для приспособленных к жизни на планете существ оставались экстремальными. Теперь же, когда факторы изменились, став более благоприятными, активизировалось и всё живое вокруг.

А его здесь оказалось... немало.

Зрительными органами тела в наступившей темноте рассмотреть много не удавалось никому, лишь наши уши улавливали какофонию звуков — от тихого шелеста, который издавали желеобразные «кристаллы», находящиеся совсем рядом, до яростных криков явно какого-то подвижного существа вдали.

Привычным «взглядом» эдайти я опознавал куда больше. Используя имеющиеся возможности, позволил истинной сущности привычно «прощупывать» пространство вокруг поляны, осязая и формируя в сознании образы тех активизировавшихся подвижных организмов, порождённых миром планеты и пробуждённых отсутствием освещения.

Длинных, выползающих из крошечных щелей в местном песке. Плоских, скользящих в воздушном потоке над нашими головами. Громоздких, бродящих по туфовой возвышенности, где мы добыли первую еду. Мелких, стремительно перемещающихся по кристаллическому «лесу», в который нам предстоит углубиться уже завтра. Крошечных, навязчиво мельтешащих рядом с моим телом и... И с телом Трои, голова которой расслабленно обмякла поверх моей руки!

Чем плотнее становилась темнота, тем кучнее обступали нас эти крошечные организмы. Их присутствие немедленно насторожило — я не желал нарушать отдых своей добычи, но не знал, могут ли они стать для неё угрозой?

В своих подозрениях оказался прав – местная роящаяся живность действительно несла опасность. Я это почувствовал сразу, едва первое крошечное тельце, не испытывая ни малейших колебаний и не снижая скорости, спикировало на меня и буквально вгрызлось в кожу в области плеча.

Мог ли я избежать соприкосновения? Мог, легко увернувшись, – скорость существа несоизмеримо уступала возможностям этого тела. И тем не менее позволил себя укусить, желая проанализировать угрозу. Да и двигаться, беспокоя едва уснувшую Троию, не хотелось.

Тело среагировало, уплотняя покров, выталкивая ротовой аппарат существа и отбрасывая его крошечное тельце обратно в воздух. Ощущение болезненности меня не впечатлило – я осознавал, что эта оболочка способна вытерпеть большее, да и крошечная ранка немедленно затянулась. Однако что случится, если это существо вот так же вопьётся в куда более уязвимую и практически лишённую возможностей к восстановлению кожу моей добычи?.. А ведь этих существ вокруг много – целый озлобленный и голодный рой, и они, подобно крошечным хищникам, стремятся полакомиться нами.

«*Плотоядные*», – синхронно со мной сделали вывод собратья. Подобно мне, они тоже присматривались к проявившему себя новшеству незнакомого мира, а мысль о питании, в нашем понимании, неразрывна с самим существованием.

Я рефлекторно выпустил свою бестелесную сущность, схватив те крохи энергии, что были запечатаны в приблизившемся тельце. Немного, но... наш инстинкт потребителей ещё более неумолим.

Словно первый укус стал сигналом, на нас устремились сотни этих существ, окружая меня и Троию.

«*Насекомые?* – донеслась её вялая из-за сонливости мысль. – *Пакость... Где репеллент?.. Надо включить систему вентилирования воздуха... Нет. Ой! Я же не на станции. Да и откуда там взяться... комарам?..* – Она заёрзала, пытаясь неловко отмахнуться, явно пробуждаясь, но пока путая сон с реальностью. – *Спать невозможно, жужжат...*»

Доставучие и кусачие местные хищники мешают моей добыче отдыхать?! Эта мысль стала их приговором. Сам бы я, вероятно, не уделил возникшей «угрозе» столь пристального внимания, но их способность причинить вред Трое мне не понравилась. К тому же...

энергия лишней не будет! А с учётом количества мельтешащих рядом кусачих существ, решивших повторить судьбу первой жертвы, – вполне ощутимый глоток получится!

Я быстро сообразил, что отслеживать каждый объект, уничтожая «насекомых» поодиночке, – нерационально. Будет намного эффективнее «выпить» всех, кто в зоне поражения, разом. Потому моя истинная сущность эдайти незаметным в темноте фиолетовым облаком окутала тела – моё и моей добычи, с лёгкостью отбирая крохи жизненной силы у летающих существ. Безжизненные крошечные кусочки материи в тот же миг упали на землю.

«Высасывайте их разом», – поделился советом с собратьями.

«Риш нас не слышит. И вообще, похоже, не в состоянии даже кратковременно выйти за пределы оболочки. Он пытался, когда освоился. Не получилось», – пришло резонное замечание Орша.

«Муш, Там и Лис тоже», – подтвердил Зом, который весь вечер налаживал контакт с теми из нас, кто оказался в женских оболочках, но до сих пор не до конца осознавал реальность.

Впрочем, мы и без напоминаний опознавали движения эдайти в «оглохших» телах, подобно Трое пытающихся отмахнуться. А если Орш прав... Получается, что женские организмы имеют куда больше ограничений и неприятных изъянов, чем мужские.

«Орш, возьми Риш на себя», – отреагировал я, позволяя позаботиться о безопасности тех, кто оказался слабее. Теперь рядом с ними будут собратья, укрывающие защитным полем своей силы. – *О других тоже побеспокойтесь. И ещё о пленниках».*

О последних вспомнил по инерции, всё внимание было уже приковано к иному – результату эксперимента. По сути, таковых оказалось два. Первый – от нас с моей добычей на расстоянии, равном росту Трои, не было ни единого летающего существа. Второй – я вновь столкнулся с крайне досадным ограничением: для своей истинной сути эдайти удалиться от тела-якоря на большее расстояние не имелось никакой возможности.

«Короткий поводок...» – улетела к моим собратьям образная ассоциация, которую я когда-то уловил в мыслях Трои.

«Мы привязаны к телам крепче, чем полагали», – несомненно предпринимая аналогичную попытку, посетовал Орш. – *«Это может стать помехой».*

«Значит, надо учитывать привязку в будущем. Всё теперь у нас всё не так, как раньше, – напомнил я и приказал: – Расположиться ещё ближе, не отдаляться. Все, кто на периметре, – разделите контроль, распределитесь по времени, концентрируйтесь на любой приближающейся угрозе».

Мгновение, быстрое перемещение тех, кто ранее занял не слишком удачные позиции, и вновь спокойная атмосфера и тишина, лишь изредка нарушаемая тонким звоном насекомых. Они подлетали, но не успевали прорваться через «заграждение» – всех, кто всё ещё не мог сладить с телом, и мужчин-пленных окутали защитным полем силы другие собратья, как я свою... добычу.

Потребность оградить её от любого дискомфорта ощущалась чем-то непреодолимым. Почему? Даже о собратьях, на которых всегда всецело полагался, я размышлял меньше. Это из-за очевидной уязвимости Трои? Съесть её уже не казалось мне значимым. Было ощущение, что не буду удовлетворён результатом.

Но что мне тогда надо от добычи? Зачем трачу на неё свои ресурсы и время?

Внятных объяснений не находилось, в итоге утвердился в мысли, что её ценность для меня в возможности получать информацию напрямую. Пусть женщина меньше меня разбиралась в окружавших процессах и с местными планетарными реалиями была не знакома, но её знания о наших оболочках и материальных законах, доверяющих над ними, приносили пользу.

Этого же достаточно, чтобы пытаться сохранить ей жизнь?

Троя шумно вздохнула во сне и повернулась, устроившись щекой на моём предплечье. Её кожа ощущалась такой гладкой и нежной в сравнении с моей... И снова это уже знакомое мне отсутствие пространства между нашими телами!

Руку обдало жаром, а я не понял реакции оболочки – что спровоцировало это локальное расширение сосудов и всплеск температуры? Прошло несколько ударов сердца, прежде чем я осознал, что вдруг перестал дышать и продолжаю задерживать дыхание. Что за странные сбои? Могут ли они служить предвестием проблем с оболочкой?

Что-то подобное сегодня уже было! Пришло воспоминание о моменте, когда мы добрались до этого места, и я опустил Трою с плеча

на песок. Усевшись, она какое-то время приходила в себя, пока... Пока не устала на меня, и в её мыслях не начался привычный уже хаос.

Обнажёнка? Почему это слово столь сильно взволновало мою добычу?

В тот момент её дыхание, в точности как у меня сейчас, замерло, а сердце резко ускорило ритм. Соотнеся направление взгляда Трои с шепотками пленников-мужчин, я понял – причина в моём теле. Вернее, в отсутствии на нём одежды. Однако понимания, почему гуманоиды, захватившие нас, придавали такое большое значение этой вторичной и совершенно никчёмной оболочке, так и не было. И всё же, желая погасить панику женщины, я отыскал эту их «одежду» и натянул на себя.

Вроде даже помогло – Троя немного успокоилась. Ещё и укорила себя, опасаясь, что наведёт меня на мысли о размножении.

Очередное, не желающее проясниться понятие... Уже не в первый раз женщина старательно гасит все свои мысли, стоит в них возникнуть этому слову. Очевидно, оно как-то связано с телом. Моим или её?

Сейчас тело женщины ощущалось отчётливо – ни скафандр, ни тонкая преграда эластичной ткани костюма не могли служить преградой моим осязательным способностям. Повернувшись на бок, Троя инстинктивно вжималась в мой бок, такая тёплая, разомлевшая и расслабленная.

Неожиданно я осознал: именно этот факт мешает моему сну и, вопреки усталости, оболочка не погружается в полубессознательную «отключку», призванную восполнить энергию тела. Или же дело в той подпитке, которую продолжали приносить подлетающие насекомые? Глоток за глотком – при соприкосновении с моей сущностью, погибая, они питали меня, осыпая крохами энергии...

Свободная рука, вдруг действуя вне моего контроля, необъяснимым образом заскользила по телу Трои, осязая его. М-м-м... Те самые отличительные особенности, что были и у тела Риша. Моя ладонь замерла на одной из выпуклостей в области грудной клетки женщины. Четкий ритм её дыхания и равномерно бьющегося сердца только обостряли возникший интерес.

Переместив ладонь на свою грудь, я задумался: в моём теле всё иначе. Нигде в моей версии оболочки не было схожей мягкости. Зачем

тела мужчин и женщин отличаются? Так заведено в физическом мире?

И тут же в мыслях возник ещё один заинтересовавший ранее образ. То самое ощущение приятности, возникшее в момент «тесноты» между моим телом и телом Трои. К чему упускать возможность? Пока есть время, надо исследовать непонятное. В данный момент – рассмотреть тело Трои. Возможно, пойму, почему материальным существам так важно прятать их тела... Или построю догадки о размножении? Оно точно связано с телом! Если это какая-то его жизненно-полезная функция, то подобное знание несомненно пригодится.

Ткань скафандра поддалась мне с возмутительной лёгкостью. Второй рывок, и ещё более тонкая одежда опала двумя уже бесполезными лоскутами. А я впился взглядом в тело Трои – ту его часть, что стала видимой и кардинально отличалась от мужской версии оболочки. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы утвердиться в очевидном и уже проверенном факте – кожа моей добычи более уязвимая, более нежная. Тут о самодостаточной защищённости и говорить нечего.

Всё её тело буквально кричало о мягкости и слабости, грудь трепетала даже от легчайшего дыхания. Моего воображения не хватало представить, что способен сделать с ней даже не самый крепкий удар... Смять? Необратимо изломать?

Почему именно удар?... Вдруг понял, что достаточно даже сжать женщину чуть крепче, чтобы нанести необратимый вред. Что, если на неё упадёт что-то тяжёлое? Или она сама рухнет на твёрдую поверхность?

Мы – эдайти – не признаём слабостей. Никогда не признавали. Такая вопиющая уязвимость могла лишь вызвать презрение в сознании любого из нас. Я понимал это!

Понимал, но... ощущал что-то иное. Удовлетворение? Желание защитить? Что за необъяснимые реакции? Сознание, отныне привязанное к оболочке, подкидывает их мне, реагируя на неведомые сигналы тела? Вот и ещё один из них – желание не только смотреть, но и дотрагиваться.

Свободная рука вновь переместилась на мягкое, едва подрагивающее полушарие женской груди. В месте соприкосновения наших тел словно образовалось статическое электричество – в кожу

впились сотни молний внезапно сгенерировавшейся энергии! Меня обдало жаром – волна тепла в доли секунды прокатилась по телу, поднимая его температуру. Дрогнув, без привычной эдайти решительности ладонь робко скользнула ниже, переместившись на менее мягкий живот. Она продолжала жить своей жизнью, получая команды не от моего сознания. В нём сейчас царила абсолютная пустота.

Пальцы странно дрожали, не столько осязая, сколько... поглаживая? С волнением первооткрывателя я вслушивался в ощущения, уже ничего не понимая! Не слыша ничего, кроме внезапно ускорившегося кровотока, отдающегося звоном в ушах.

Троя застонала, с тягучей плавностью перекатившись на спину! Другая её щека, а с ней и такая беззащитная грудь, впечатались в моё тело, практически ошпарив множеством жалящих импульсов.

– Ещё, – сонно, едва различимо пробормотала добыча.

Ее долгий выдох прозвучал для меня так внезапно и оглушающе громко, что сердце от неожиданности чуть не лопнуло в груди. Каким чудом я не вскинулся, уже через миг оказавшись на ногах в режиме отражения глобальной угрозы? И чего, собственно, испугался? Как вообще я мог испугаться, если прежде ничто во вселенной не могло поколебать моей стойкости?

«*Кин?*» – позвал Орш.

Вместе с мысленным призывом собрата с оглушающим грохотом обрушился на меня внешний мир. Как это возможно? Я что, на время перестал слышать и воспринимать абсолютно всё, что происходило вне кокона наших с Троей тесно соприкоснувшихся тел?!

«*Что с твоей оболочкой?*»

Конечно! Для тех эдайти, кто сейчас бодрствовал, продолжая прощупывать пространство вокруг спящих, я воспринимался странно. Словно эпицентр жара в инфракрасном спектре! Жара похлеще, чем в подземной глубине сердцевины местного гороподобного существа. И жар этот уже не растекался волнами, передаваясь от тела Трои. Источником повышенной температуры оказалась собственная оболочка! Мой живот напрягся до каменной твёрдости, сдерживая сильнейший порыв к движению. Какая-то невообразимая, сводящая с ума потребность прижаться к моей добыче овладела телом. Толком не

понимая как и почему, я жаждал движения и тесноты. Той самой, так заворожившей новыми ощущениями тесноты между нашими телами.

«*Всё... хорошо*», – выдавил ответную мысль с дичайшим трудом.

Концентрироваться на происходящем вне круга наших сплетенных тел стало необычайно сложно. Но... Но это же неправильно. И опасно!

«*Ты... – Орш запнулся, пытаюсь подобрать объясняющий образ, – разрушаешься?*»

Подобный вопрос стал возможен только с обретением материальности.

«*Нет*», – с огромным трудом мне удалось сфокусироваться на окружающем мире, заставляя сознание возобладать над реакциями оболочки. С тем, что произошло с телом, я не разобрался, но сейчас точно было не время признаваться собрату в слабости. Это место изобиловало угрозами, и мне было кого защищать.

«*Тогда отдыхай*», – пришёл резонный совет Орша.

«*Да*», – безропотно согласился, переключая внимание на Троию.

Чего ожидать от женщины, я уже и сам не представлял. Впервые моя добыча меня... устарила. Нет? Инстинктивно дала отпор? Неосознанно выявила естественный способ влиять на созданные для нас оболочки? Может ли так быть, что в их природе заложен некий механизм противостояния нам нынешним?..

Это надо прояснить! Позже. Сейчас, уверившись в возвращении контроля сознания эдайти, я обхватил Троию и второй рукой. Чтобы она во сне не навредила кому-то ещё... Она же моя добыча?! Значит, вредить имеет право исключительно мне.

Чем бы ни грозил этот вред, пережитые ощущения захватили. Уже сейчас я жаждал испытать их вновь. Только в более благоприятной обстановке.

Прислушался. Троя затихла, успокоилась, кажется... Заснула.

Понимание этого сказало успокаивающе. Я тоже начал погружаться в состояние, которое называлось «сном».

Однако долго оно не продлилось – нашёл возмутитель спокойствия, что привлёк внимание. Сознание эдайти оставалось настороже и среагировало молниеносно, пробудив оболочку. Кто-то двигался на нашей стоянке!

Приоткрыв глаза, я увидел тёмный силуэт, шатающейся походкой бредущий к зарослям высоких кристаллов. Оpoznать в нём того самого пленного, который в светлую пору сцепился со штурманом, труда не составило.

Что именно погнало его в сторону от остальных? Особого интереса не было, скорее отстранённое любопытство – никто из них, кроме Трои, не являлся для меня значимым. Добыче я бы не позволил отойти, ощущая роящихся и сдерживаемых только воздействием эдайти насекомых. Но этот пленник... Его перспективы никого из нас особо не занимали. Никто из эдайти не шелохнулся, чтобы воспрепятствовать мужчине. Упав он в темноте в своей сонной прострации и сломав шею – внимания бы не обратили. Было лишь интересно понять, зачем он в одиночестве движется в сторону от всех? Не я один наблюдал сейчас за пленником.

Услышав журчащий звук, сообразил – причина в потребностях оболочки. Необходимость избавиться от излишков жидкости вынудила этого мужчину покинуть лагерь. Раздался звук смыкания фиксаторов скафандра и яростно-злое: «Идите вы все...»

«Бесполезный, – пришла ленивая мысль Орша. Крайний со стороны зарослей, он, конечно, тоже наблюдал манёвр. – Зачем таскать с собой? Давай подпитаюсь им?»

«Голодный?» – без особого усердия отозвался я в ответ. Участь пленника меня не заботила, но настораживала возможная реакция Трои, обнаружь она его после пробуждения. – Хватает другой пищи».

Постояв, видимо, в раздумьях, обратно пленник не вернулся. Подпитанная дурным сном ненависть, которую я видел в его глазах, когда он пререкался с Троей, гнала его прочь от нас. Мужчина, забыв спросонья, где находится, отошёл ещё дальше, к самой границе кристаллического леса, и опустился на песок.

– Твари... Все твари... Давить гадов, – бормотал, отмахиваясь от снующих вокруг насекомых. Наконец улёгся на бок.

«Сверху!» – Орш подал безмолвный сигнал, переключая наше внимание на новый объект.

Над ним, поверх вершушки дерева-кристалла, бесшумно скользнула тень пролетевшей в ночном небе огромной плоской твари. Порыв ветра раскачал «ветви». Издали донёсся стрекочущий звук. Ему ответил ещё один, рваный, жёсткий, переплетающийся с раскатистым

приглушённым стуком. А следом раздался протяжный стон – резкий, громкий и... И очень уж близкий.

Нет, местный мир совсем не пуст. Мы все спокойно принимали данность: тут есть свои чудовища. Но одновременно знали: о себе позаботимся.

«На контроле, – бросил я в пространство Заку, что охранял периметр лагеря, пока мы отдыхали, – проблема?»

«Нет, – тут же пришёл ответ. – Угроза для эдаити отсутствует».

Каким бы ни был мир и кто бы его ни населял – главными хищниками останемся мы. Это неизменно.

Глубоко втянув воздух, напитанной ночной прохладой и смесью незнакомых пока ароматов, я уловил такой близкий и молниеносно узнаваемый аромат волос Трои.

Стон, теперь больше похожий на вскрик, раздался снова. Но проверять, отыскивая его источник, я не стал. Привык доверять и полагаться на собратьев. Беспокойства со стороны остальных я не ощущал. Значит, пусть сам разбирается... кто бы там ни кричал...

У меня появилась куда более важная забота – разбуженная звуками Троя снова начала проявлять активность. Вздохнула, завозилась в моих руках, пробормотала «дайте поспать», уткнулась носом в сгиб локтя и... затихла.

Это её очередное нелепое и лишённое смысла прикосновение снова поразило. Опять я словно выпал из реальности, оглушённый всплеском ощущений, что спровоцировала своеобразная ласка тёплого дыхания. Пришлось вновь прилагать усилия, чтобы успокоиться.

Когда шум крови в ушах стих, понял, что прежние вскрики и хрипы со стороны зарослей тоже смолкли. Я вновь расслабился, окончательно погружаясь в столь нужный телу период покоя. Рад был бы сохранить обычную для бодрствования связь с оболочкой, использовать рецепторы и продолжить активный анализ окружающего, но увы, её потенциал на сегодня был исчерпан.

В этом своеобразные минусы материального организма – он восстанавливался, только когда я от него отключался. С этим приходилось считаться – для полноценного существования в материальном мире одних сил эдаити недостаточно, требовались и ресурсы физического тела.

Но сознание эдайти, в отличие от оболочки, не «выключалось». Я всё равно улавливал мыслеобразы собратьев, поочерёдно сменяющих друг друга во время ночного дежурства и сообщающих отдыхающим эдайти о происходящем вокруг.

«Температура воздуха падает – усиливайте теплообмен...»

«Женских особей прикройте, они меня не слышат».

«Приближается какое-то крупное существо...»

«Помощь не нужна, я его отогнал».

«Новая атака насекомых, их всё больше».

«Начинается розовый восход».

«Местная живность прячется...»

«Пошло нарастание ультразвука».

«Влажность воздуха тоже растёт»...

Я всё это улавливал и не задумываясь реагировал, посылая организму нужные для правильной адаптации к изменяющимся условиям импульсы. Повысить температуру тела? Теснее прижать Трюю к себе! Приготовиться к возможным активным действиям. Вырваться сущностью эдайти из оболочки, забрать крохи энергии, осмотреться и вернуться. Снова расслабиться...

Когда почувствовал, что тело наконец полностью восстановило силы, открыл глаза. Напряг мышцы, возвращая им тонус, и осторожно приподнялся, стараясь не потревожить свернувшуюся в странной позе Трюю.

Глаза распахнулись шире, реагируя на неожиданные перемены. Поляна, на которой мы обосновались, выглядела совсем иначе, нежели накануне. Озаряемая тусклым розовым светом меньшего светила, заполненная снижающей видимость туманом, она покрылась толстым слоем объёмных белых ледяных сгустков, скрывших под собой кристаллические «растения»...

От них и промёрзшей поверхности теперь веяло холодом. Лишь вокруг наших тел, очевидно растопленные более высокой температурой, поддерживаемой оболочками, образовались песочные островки.

Зачерпнув холодную рыхлую массу в ладонь, я с любопытством наблюдал, как хлопья исчезают, превращаясь в белёсый пар и оставляя ладонь совершенно сухой.

Мои движения разбудили Троию. Она села и тут же вскрикнула, вдруг уставившись на своё тело и обхватив себя руками. Её движение совпало с моим – я притянул добычу к себе, решив, что она вознамерилась вскочить. Розовое светило сейчас чётко ассоциировалось с опасностью для Трои – я ощущал вибрацию ультразвука вне защитного поля, что генерировала моя сущность эдайти.

– П-почему?.. – добыча запнулась, нервно дёрнувшись в моих руках. В её голове царил такой хаос, что не получалось разобрать ни единой мысли, но она на удивление не пыталась отодвинуться. Наоборот, сжалась и словно силилась спрятаться за моим телом. От какой угрозы?

Я всеми доступными ресурсами изучал окружающее пространство, пытаясь это неведомое найти, когда услышал глухое бормотание:

– Где моя одежда?

Снова одежда? Почему материальным так важна эта никчёмная дополнительная оболочка? Одной рукой легко удерживая Троию, второй я подхватил надорванные лоскуты, протягивая женщине.

– Она?

– Что?! – всё так же шёпотом она зашипела, демонстрируя очевидное потрясение, едва увидела остатки своего вчерашнего облачения. И тут же вскинула голову, видимо, желая отыскать мой взгляд. – Это ты её испортил? – Щёки добычи обдало жаром. – Я... не могу без неё!

Ну вот опять.

– Почему?

– Стыдно. – Троя отвела глаза, чтобы тут же зажмуриться.

Я следил за ней, с неудовольствием осознав, что посмотрела она туда, где накануне устроились на ночлег её собратья. То, как добыча явно боялась напороться на их ответные взгляды, озадачило. Но проблема не казалась существенной, позже я смогу выяснить эту нелогичную зависимость материальных. А пока...

«Лех!» – короткий зов и мысленный образ, посланный эдайти, которому перед рассветом досталась обязанность обогревать и защищать пленников от насекомых.

В тот же миг, не заботясь о впечатлениях ещё спавшего Игеря, собрат сорвал с него куртку и перебрал мне. Подтверждая состояние крайней растерянности, Троя даже не возражала, когда я укрыл её плечи.

Спешно просунув руки в рукава, она сомкнула все застёжки на груди. И громко облегчённо выдохнула, словно бы выныривая из-под воды. Только после этого начала озираться, присматриваясь к белому покрытию с неверием.

– Снег?.. – выдохнула очередное новое обозначение, а с её губ сорвалось облачко пара. – Нет, серьёзно, снег? Бр-р-р... – женщина поёжилась, неосознанно теснее прижимаясь к моему горячему телу.

Движение правильное – сейчас ей грозило не только переохлаждение, но и тот самый звук, которого она так панически боялась. И оно отозвалось полным одобрением не только моего сознания, но и тела, которое, как и вчера, удивило неожиданно родившимся в груди перекатывающимся звуком. Что это была за реакция? Какой смысл несла?

Ответ могла дать только Троя, но она лишь растерянно прислушивалась, не спеша вносить ясность. И я, оставив проблему в сторону, занялся обменом информацией с собратьями. Все уже пробудились и коллективно анализировали сведения, собранные наблюдателями за ночь.

Крохи моего внимания достались и штурману – он странно хлопал глазами, осматриваясь с тем же изумлением, что и Троя. Неосознанно растирал плечи ладонями, очевидно ощущая пониженную температуру. Насекомые с приходом светлого периода суток перестали доносить, и ответственный за пленника Лех сдерживал только влияние ультразвука, не прилагая усилий, чтобы его согреть. А тёплая куртка с встроенными нагревательными элементами обеспечивала комфорт моей добыче. Ситуация устраивала меня всесторонне!

Эти наблюдения являлись лишь фоном приоритетных задач: удостовериться, что все эдаити в порядке, а те, кто имеет проблемы с оболочками, прогрессируют в навыках управления телами. Сегодня нам предстоит продолжить путь через устрашающего вида заросли кристаллического леса. Будет лучше, если все смогут передвигаться самостоятельно.

Но прежде – насытимся! Пункт первый нашего плана на сегодня – добыть еду. Ночная гигантская летающая тварь пробудила хищный азарт извечных охотников – я ощущал голод. Самое время уже нам отыскать местную зверюшку, заодно немного разведав окрестности. Если судить по её размерам, хватит наполнить энергией не одну сущность эдайти, значит, отправимся группой.

«Поохотимся? – бросил мысленный клич собратьям и позвал, обозначая тех, с кем намерен отправиться: – Щег, Тас, Орш, Хем, Хал».

«Женские организмы не в состоянии получать энергию извне, как это всё ещё способны делать мы, – отозвался Орш. – Видимо, поэтому они требовательнее к количеству материальной пищи. Им нужно больше еды, чем нам. Корабельные запасы невелики, и рациональнее их сохранить на случай, если другой еды не будет. Следует немедленно отправить вторую группу за теми красными шарами».

«Согласен», – одобрил я его предусмотрительность, между делом поглядывая на небо – предпочтительнее будет идти, когда угроза для моей добычи минует. Маленькое розовое светило уже практически завершило свой стремительный бег по небу. Скоро ультразвук пропадёт, добычу можно будет оставить на попечение собрата, который присматривает за пленниками.

Шестеро эдайти синхронно развернулись и направились к хищной горе – те, кому предстояло противостоять обволакивающему влиянию ороговевшего гиганта и принести столько отростков со съедобными шишками, сколько смогут.

Остальные по-прежнему занимались необходимыми в настоящий момент делами: согревали и пытались разговорить пока ещё дезориентированных, но уже осмысленно осматривающихся и норовящих подняться женских особей, изучали ближайшую зону «леса», распределяли остатки питательных шаров, что оставались в наличии, освобождали организмы от излишков воды и ненужных веществ...

Состояние Трои ощущалось как вполне удовлетворительное – угрозы жизни не было. Сидя рядом, в коконе тепла, исходящего от моего тела, она продолжала теревить остатки форменной куртки и рассматривала беловатую массу, названную снегом. В мыслях женщины наблюдалась странная пустота, как если бы она погрузилась

в некий созерцательный транс. Там крутились непонятные мне белёдые образы и часто всплывало слово «дом».

– Т-троя, Т-троя... – привлёк внимание изрядно дрожащий голос мужчины.

Игерь бросал на меня нервные взгляды, но всё же шёпотом пытался дозваться до моей добычи. Нет, Орш прав, – его пора употребить в пищу, раз неосмотрительно привлекает к себе внимание.

К штурману мы с Троей обернулись синхронно. Я ещё и оскалился – мышцы лица, которые, как выяснилось, чутко реагируют на внутренний настрой, дёрнулись. Я почувствовал, как нос сморщился, а верхняя губа поднялась, обнажив зубы, – сказалось раздражение, мне не хотелось тратить время на пленника.

– Что? – так же шёпотом отозвалась добыча, не подозревая, что я прожигаю взглядом бледную физиономию мужчины поверх её головы. – Ой! – она явно опомнилась и спохватилась: – Ты же замёрз до полусмерти! Но... почему? – Троя снова перевела взгляд на снег, соотнося, наконец, очевидное – похолодало, а тепло исходило от меня. – Чёрт, тебя раздели ради меня.

Она потянулась к горловине куртки, с очевидным намерением её снять. Моя рука стремительно опустилась поверх женской ладони, останавливая. Взгляд был всё так же устремлён на Игеря.

– Предпочтёшь немедленно стать едой или потерпишь холод? – поинтересовался я, и механик проявил понятливость:

– Нет, нет, Троя! – Он истоиво замахал руками, взмолившись: – Не снимай! Не возвращай... Мне... Я совсем не замёрз!

Зубы его при этом оглушительно стучали, и не только от страха за жизнь.

– Но?.. – Моя добыча напряглась, решая, стоит ли настаивать. Она тоже испугалась и теперь пыталась неявно, скосив глаза, оценить выражение моего лица.

– Погоди, – перебил Игерь, судорожно взмахнув рукой. Он указывал куда-то в сторону, чем заинтересовал и находившихся поблизости эдайти. – Вояки нет! Я уже всё вокруг осмотрел!

Он шептал, нервно поглядывая по сторонам, пока я пытался разобраться, что так всполошило раздражающего пленника.

– Как нет? – Вздогнула и Троя, тоже завертев головой. – Ты же не думаешь?..

– Они его сожрали! – как он полагал, беззвучно двигая губами, подтвердил невысказанную догадку женщины механик. Вот только я отчётливо услышал это в мыслях добычи.

– Может, в туалет отошёл? – пробормотала Троя, одновременно с нелепой внезапной попыткой отодвинуться. Я вновь предстал перед ней угрозой!

Причина паники Игеря стала ясна – он потерял собрата. А я вспомнил эпизод, который отметил сквозь сон. Второй пленный! Ночная прогулка мужчины, о котором все мы забыли, переключившись на летающую живность.

Скользнул в нужном направлении сканирующей волной...

«Щег, – позвал ближайшего к пленному эдайти, бросив ему образ видоизменившейся припорошённой снегом материи. – *Проверь*».

Мне в принципе не требовалось подтверждений, чтобы убедиться – в распознанном у кромки леса материальном объекте не осталось жизненной энергии. Однако хотелось понять причину, по которой он её лишился, и оценить стремительную трансформацию его тела – оно ощущалось как-то иначе.

– Что они с ним сделали?!

Штурман вслед за Щегом оказался возле того, что осталось от тела его вчерашнего собрата по плену. Голос мужчины звучал яростно, но надломленно, едва различимо. И он явно обращался к Трое, от страха перестав осознавать наше присутствие.

Моя добыча не реагировала. Интересный момент... В её случае ничуть не менее сильное потрясение проявило себя иначе – Троя молчала и не двигалась. Прижав к себе замершую в напряжении женщину на случай, если она рванёт из безопасной от ультразвука зоны рядом, я принялся внимательно фиксировать детали.

Совершенно целый, неповреждённый скафандр, с поднятым защищающим переднюю часть головы забралом. Бордово-красное, потерявшее чёткие формы лицо, превратившееся в нераспознаваемую маску.

Когда Щег начал стаскивать искусственную оболочку с мёртвого тела, донёсся отчётливый звук разомкнувшихся фиксаторов. На белую массу хлопьев, под ноги моего собрата устремилась бордовая густая жидкость. И следом – целый рой насекомых, вырвавшихся из скафандра. Их прожорливость впечатлила – эдайти вытащил лишь

останки плоти, что когда-то были пленным... А ведь в недра защитной оболочки успели попасть далеко не все мелкие хищники.

«Правильно, что не разрешил использовать его для питания», – проявил Орш неизменную практичность.

Наши выводы совпали: получилось эффективнее распорядиться пленником – мы получили наглядное представление о силе поражения этих плотоядных насекомых.

– Что вы сделали с ним?! – Игеря трясло, и он с трудом себя контролировал, переминаясь на месте. Этот пленный явно заиклился на убеждении, что состояние его собрата – целиком и полностью наша вина. Почему?

– Он стал пищей для... насекомых, – спокойно пояснил Лех, подступивший вплотную к штурману, чтобы выполнить свою задачу и защитить его от звуковой угрозы.

– Насекомых?!

Переспросила уже Троя. В её мыслях царила паника, дыхание моей добычи учащалось.

– Ночью вокруг лагеря были насекомые, – Лех был настроен донести до пленников истину. Они, словно слепые, не видели очевидного. – Его одежда... возьми. – Собрат уверенно указал на скафандр, брошенный на песок Щегом и измазанный ошметками вывернутой наружу плоти.

– Что?! – Игерь и Троя отреагировали одинаково: подскочили на месте.

– Чтобы согреться, – пояснил совершенно очевидное Лех и вознамерился ткнуть в плечо «подопечного» рукой, напоминая о переохлаждении. – Ведь ему она уже не пригодится.

Трою и штурмана стошнило одновременно. Они даже попыток отойти не сделали – просто рухнули на четвереньки там, где стояли, и принялись давиться сухими спазмами. Наблюдая за ними и дожидаясь заката розового светила, мы мысленно обсуждали собственные выводы.

«Защита лагеря была разумной мерой», – признал Орш.

«Здесь определённно есть другие плотоядные источники угрозы», – напомнил я, имея в виду местную живность.

«Голодать не придётся», – согласился Щег.

Даже такая мелочь, как насекомые, в некоторой степени восполнила утраченный запас. Что уж говорить про более крупные формы, которые встретятся на нашем пути.

«Пора в этом убедиться!» – Я оценил взглядом постепенно темнеющее небо: световой день на планете проявлял себя уникальным образом. Затем чуть пнул штурмана, отчего он рухнул лицом в снег.

– Используй оболочку или замёрзни.

Больше мне нечего было сказать собрату Трои, но первый вариант казался более предпочтительным.

– Н-не глуп-пи, – взмолилась моя добыча, протягивая к штурману руки. – Просто с-сделай, как он сказал. – Она икнула, со страхом косясь на меня. – Надо выжить!

– Как ты можешь... – зашипел Игерь, но оборвал себя, стоило мне оттолкнуть Троию в сторону.

Осознав, что вновь надвигающийся сумрак – свидетельство розового заката, я оставил добычу на попечение Леха и шагнул к кристаллическому лесу. Что решит пленник, меня не заботило, а за Троей я поручил присмотреть собрату.

Пора на охоту! Прожорливость насекомых раззадорила и мой аппетит.

Темнота долго не продлится – голубой гигант скоро появится на небе, и тогда шанс что-нибудь значительное поймать устремится к нулю. Сейчас же, в отсутствие обжигающего света, появилась вероятность, что летающее существо, которое присматривалось к нам ночью, вновь поднимется в воздух.

Инстинкты хищников уверенно твердили: живность избрала нас добычей. Поэтому мы поймаем именно её. Первыми! В назидание, доказывая и этому миру, и непреложным законам всего материального существования, что эдайти, даже заточённые в оболочки, остались прежними. Мы – те исключительные хищники, которые охотятся на охотников! И летающее существо станет первым – или мы не эдайти!

Разумеется, и населяющая ближайший лес наземная живность с лихвой нас насытит, но... Но что-то особенное чувствовалось в овладевшем воздушным пространством существе. Близкое, знакомое, волнующее... Возможно, то самое, что позволяло нам в своём истинном облике, не имеющем привязки к телам, невзирая на гравитацию, перемещаться между звёздами и опускаться на планеты?

Потому одновременно со своими собратьями, стремительно лавируя между кристаллическими «деревьями», я устремился вперёд. Чутко ловил малейшие колебания пространства, бросал сканирующие волны вверх – методично отыскивал уже знакомый отклик намеченной жертвы. Когда отражённый сигнал принёс мне образ нужного существа, не раздумывая бросился в его направлении.

Эдайти, которые тоже «прощупывали» местность, синхронно совершили тактический манёвр – разошлись веером в стороны, чтобы увеличить площадь захвата. Всё делая для того, чтобы не упустить существо, которому, в отличие от нас нынешних, подвластно небо.

«Как планируешь его «брать»? – на ходу поинтересовался Орш. – Он высоко, у нас нет способностей, позволяющих подняться в воздух».

«Кристаллы, – напомнил я. – Крупные «деревья» – твёрже и плотнее, чем маленькие наземные. Если забраться на вершину, окажемся близко».

Тело и разум слились воедино. В окутавшей нас серой тьме четкость зрения обострилась – в изменившемся серо-фиолетовом спектре я отчётливо видел каждую крошечную зазубрину на грубых, плотных поверхностях гигантских кристаллов, между которыми мы скользили тенями. Эти высоченные, кучно растущие вместе «столпы» явно появились здесь не вчера, а росли многие годы, вгрызаясь в песчаную почву и противостоя холоду и ветру.

Их грани оказались устрашающе острыми не только на вид. За долгое время жизни эти «деревья» огрубели, превратившись в прочнейшие разномастные и пёстрые колонны, оскалившиеся смертоносными краями.

«Легко рассекут плоть...» – пришла задумчивая мысль Хема, рискнувшего провести ладонью по ближайшей грани, испещрённой опасными зазубринами-крючками.

Но для нас угрозы они не представляли – манёвренность и ловкость оболочек позволяли буквально просачиваться сквозь острогранные заросли, не колыхнув и малейшего отростка. Одно движение плавно перетекало в другое, тела двигались бесшумно, не вызывая даже дуновения ветерка.

Каким бы чутким ни был слух нашей добычи, опознать приближение эдайти ей не суждено. Наши пленители обманули сами себя, наградив нас оболочками, что в материальном мире сами по себе

являлись совершенным орудием уничтожения. И сейчас все ресурсы этих совершенных тел были сосредоточены на конкретной цели, сканируя и фиксируя каждый фактор в местоположении и действиях добычи. Живность без движения зависла над верхушками самых высоких кристаллов, облегчая этим нашу задачу.

«Добрались», – счёл необходимым обозначить ощущаемый всеми факт Орш.

Выбрав самое высокое «дерево» из тех, над которыми парило существо, я, ловко цепляясь за выросты, устремился наверх. Пластичность движений не изменилась, всей поверхностью кожи я осязал окружающее пространство, чувствуя направление ветра, частоту дыхания такой близкой добычи, малейшие шероховатости на твёрдой поверхности кристалла, по которому карабкался. Не выпуская из виду потенциальную жертву, уцепился за верхушку кристалла. Отсюда удобнее всего было координировать охоту и держать под наблюдением местного обитателя и местоположение собратьев.

«Готовимся!»

Убедившись, что все вышедшие со мной на охоту эдаити неприметными тенями слились с серыми красками погружённого в темноту леса и заняли удобные позиции, я оценил нашу общую диспозицию.

«Контролируем дыхание и температуру тела», – напомнил собратьям.

Кто знает возможности инопланетной живности? Что, если она, подобно нам, ориентируется на тепловое излучение или энергию мыслительной активности? Если это так, то со стороны мы должны восприниматься как окружающие кристаллы – холодными и неподвижными. И при этом быть запредельно стремительными – на пределе возможностей оболочек.

Определил скорость и направление скольжения существа в воздушном потоке. Рассчитал вероятную траекторию. И всё за два ровных удара сердца. Перебросил собратьям образ нужных действий, выждал момент и приказал: «Хем!»

Слитным сгустком тени собрат молниеносно и невероятно пластично отделился от соседнего кристалла-гиганта. Мощный рывок, толчок – и его тело стрелой взметнулось вверх, оказавшись над «деревьями».

Всего на миг! Надолго инерции подскока не хватило – Хем столь же стремительно начал падать. Но даже этих мгновений оказалось достаточно: в полёте успев схватиться за одну из веток-отростков, эдайти повис, не упав на землю.

Расчёт оказался верным – его появление в воздухе привлекло внимание существа. Приняло оно Хема за безрассудно проявившую себя под носом у хищника жертву или за ринувшегося в открытое противостояние за ареал обитания конкурента... Неважно! Главное – летающая живность заинтересовалась и теперь целенаправленно отыскивала незнакомый, стремительно мелькнувший объект.

«Хал!»

Новый приказ, и очередной прыжок.

«Щег»... «Тас»... «Ори!»

Собратья прыгали один за другим, породив целый вихрь в поглотившей мир темноте. Суматоха служила единственной цели – приманить подстрекаемое голодом существо и одновременно дезориентировать его, заставив потерять бдительность.

Последний прыжок – совсем рядом и при этом синхронно со мной! Свои действия я планировал с абсолютно чётким пониманием момента наивысшей уязвимости жертвы! Натурой хищника я почувствовал, когда любопытство и жажда охоты затмили осторожность, заставив существо устремиться вниз, вслед за вероятной и такой «неразумной» добычей. И атаковал стремительно, взметнувшись вверх, но не ради внимания нашей добычи...

Встречное движение – его рывок и мой... На доли мгновения мы оказались рядом: тело существа и моя оболочка... Но не она предвещала необратимый конец летающему хищнику этого мира.

В тот самый миг, когда чёрная туша – шмат органической материи – со свистом рассекла воздух рядом с моей головой, я рванул к ней сущностью эдайти. Оболочка сдерживала, не позволяя развернуться во всю мощь прежних возможностей, но всё же расстояние сократилось до минимума – я почувствовал, что буквально захлёбываюсь обрушившимся на меня энергетическим потоком. Погружаюсь в живительную энергию другого существа, готовый поглотить её полностью...

Контакт внезапно прервался. Тело ухнуло вниз, утаскивая меня следом. Однако и существо, получив незримый, но сокрушительный

удар по всем системам жизнеобеспечения своего организма, не смогло сохранить траектории. Сейчас я понимал, что больше всего наша незримая атака напоминает молниеносный паралич физического тела. Заваливаясь на бок, оно так же стремительно, как и моя оболочка, по касательной спикировало на землю.

Только, в отличие от своей жертвы, я мог двигаться, в совершенстве координируя движения тела. Вот где пригодилась изумительная изворотливость и ловкость навязанной оболочки – я замедлил падение, уверенным движением ухватившись за боковые отростки древних жёстких кристаллов-деревьев. Когти тоже прошли проверку на прочность, оставив борозды в практически окаменевшей материи и позволив мне зафиксировать положение.

«Кин, мы его окружаем», – тут же донеслось до меня сообщение Орша.

«Взять в кольцо, заблокировать, не дать подняться в воздух, но не уничтожить!» – мгновенно среагировал я.

Цепляясь за «ветви» и перепрыгивая на соседние, быстро спустился, чтобы немедленно броситься к добыче.

Она трепетала. Придавленная телами моих братьев к поверхности, на которую рухнула, дрожала, то ли пытаюсь снова взлететь, то ли в агонии от страха из-за соприкосновения с истинной силой эдайти. Толстая упругая масса, распластанная почти на всё свободное пространство поляны, чёрная, сверху идеально гладкая, она напомнила мне те маленькие кристаллы, что росли под ногами – когда я на них наступал, они становились такими же плоскими, гладкими и упругими. Однако в отличие от них оно двигалось и имело ещё более мягкую текстуру материи.

«Не съедобно», – мелькнула в нашем общем мысленном фоне невыразительная мысль Хема. В ней не было разочарования, лишь простая констатация факта.

Соприкосновение с существом запустило анализирующие механизмы наших новых тел. Они и позволили понять – этот местный хищный организм не подходит в пищу нашим оболочкам – об этом буквально кричали все мои чувства.

«Максимум, что можем – выкачать из него остатки энергии, но... Но насытит ли это нас нынешних?» – Орш неизменно думал о главном.

Все мы его поняли: в настоящий момент этого недостаточно. Необходимо поддерживать жизнеспособность оболочек! Хотелось не прилива энергии, дефицита которой я, кстати, сейчас не ощущал – крошечные сгустки жизненной силы насекомых, наседавших в период долгой темноты, в достаточной степени насытили наши сущности, – а сочного куса пищи во рту, разорванного зубами и заполнившего беспокоящую пустоту, ощущаемую в животе. Как никогда остро, я чувствовал голод, но иной, не тот, что ранее был мне привычен. А в этом качестве «плоский летающий упругий кристалл» оказался абсолютно бесперспективен.

Открытие напрочь отбило аппетит. На трепещущую под ногами материю я теперь смотрел как на совершенно бесполезную. Оглянувшись вокруг, оценил плотность темноты – времени на первую охоту мы потратили совсем немного.

«Отпускаем, – бросил собратьям, прикрывая глаза, чтобы сконцентрироваться на способности видеть иначе. Но прежде чем сканирующие волны в поисках новой добычи, затаившейся где-то в этих зарослях, устремились в пространство, я позволил себе нащупать на удивление легко обнаружившуюся в отдалении Трою. Женщина ощущалась слегка недоумевающей, но не обеспокоенной. – Надо найти другое существо. Которое перемещается по поверхности. Возможно, оно будет съедобно?»

Мы не привыкли к долгим рассуждениям. Действия – вот основа существования эдайти. Есть новая цель! Собратья устремились к ней, оставив бесполезного хищника приходить в себя от, вероятно, впервые постигшей его неудачи.

Экономя время, далеко отходить друг от друга мы не стали – вновь рассредоточившись, разошлись веером. Заросли древних кристаллов тянулись очень и очень далеко – даже с максимальной скоростью перемещения нашим оболочкам понадобится не менее трех местных суток, чтобы их преодолеть.

«Чувствуете это?» – мысль Хема кольнула особенным акцентом: собрат подметил деталь, на которой желал сосредоточить общее внимание.

«Да. Они мерцают?» – скупой на одобрение Орш, подобно всем нам, заметил странные «пятна» в образе окружающего мира.

Прошедшей ночью пару раз несущим дозор собратьям удалось зафиксировать странное явление – словно вспышки и пульсацию неизвестной нам энергии. Они неосязаемыми сгустками возникли среди зарослей, в которые мы сейчас углублялись, но потом неведомым образом исчезали. По крайней мере, сканирующая волна сознания эдайти ничего не фиксировала, что само по себе странно. Нам лучше всех известно, что энергия не может рассеиваться бесследно.

«Больше похоже на подвижность. Слово перемещаются», – внёс уточнение Орш.

«Бестелесная форма жизни?» – предположил Хал.

Это было бы интересно, но возможно ли в материальном мире подобное? Да и ощущалось «пятно» как-то иначе, нежели в прежней жизни воспринимались мы – эдайти.

«Не дум...»

Мысль Хема не успела оформиться, а мы дружно застыли, подчиняясь единому ощущению... накатившего давления. Что-то возникло в пространстве. Что-то не связанное с отсутствующим светом и влиянием ультразвука. Сложное неидентифицируемое явление, которое без мысленных подсказок моей добычи мне было сложно облечь в смысловую словесную форму. Воздух вокруг словно бы уплотнился и одновременно наэлектризовался, породив то самое ожидание неведомого.

Угроза?

Так и не обнаружив подходящих в пищу живых объектов, мы сосредоточились на опознании причин явных изменений, происходящих в окружающей среде. При этом продолжали движение, не видя причин останавливаться. Гигантские окаменевшие кристаллы всё так же устремлялись к небу, заставляя нас лавировать между ними, избегая соприкосновений с гранями, способными отсечь конечность.

Отслеживая наше перемещение, я отметил, как ловко Щег увернулся от выступающего на пути острейшего отростка, сместился чуть в сторону и... И в следующий миг исчез вместе с высоченным голубоватым кристаллом, рядом с которым в этот момент находился.

«Щег!» – наш единственный мысленный вопль оглушающей силы и синхронное движение. Все мы, как один, кинулись к месту, где только

что стоял собрат. Но в ответ, притормаживая наш манёвр, метнулась неведомая тень, уже в движении превратившись в огромное существо!

«Съедобно!» – Рефлексы оболочек сработали молниеносно, распознав пригодное в пищу ещё до того, как мы синхронно кинулись на свалившуюся на нас из ниоткуда добычу.

И всё же не голод управлял нами, когда, не задумываясь и не анализируя, мы так же стремительно, как появление этого существа, атаковали. Сейчас оно предстало перед нами не пищей, а скорее преградой. Отвлекло от несоизмеримо более важного: спасения собрата, с которым явно что-то произошло. Какой бы невероятной ни была подобная мысль, но каждый из нас сейчас осознавал её с безликой отчётливостью: Щег исчез! Словно за доли мгновения бесследно растворился в воздухе.

Действуя синхронно, словно единый организм, сразив противника – явно тоже неизвестного хищника, – ни один из нас даже не подумал заняться изучением добычи. Совсем иные потребности управляли сейчас каждым эдайти, допустившим, как нам казалось, роковой просчёт...

Единственная мысль, что родилась в голове: оболочка подвела! Её несовершенные зрительные органы подвели, и все мы видим то, чего быть не может – отсутствие одного из нас! Словно бы его физическое тело одномоментно развоплотилось, явив взамен неизвестного противника. Который вознамерился атаковать, посчитав нас добычей. Но мы... мы, разумеется, оказались быстрее.

Как итог – необратимо прижатая к поверхности туша неизвестного существа у нас под ногами. И по-прежнему необъяснимое отсутствие Щега.

«Что, если?..» – начал Тас и оборвал себя.

«Может ли быть?..» – продолжил Хем.

«Случайно нашёл способ отделиться от материального тела?!» – Орш поспешно завершил невероятную мысль, которая накрыла нас одновременно.

И тут же пришло общее разочарование – нет, это не объяснение. Ведь тело, уже пустое и бездыханное, всё равно бы осталось!

«Щег?»

«Щег?»

«Щег... Щег! Щег?»

Каждый из нас звал собрата. Все мы недоступным пониманию образом ощущали его присутствие, но... его не было. Нигде! Забыв о голоде и так удачно оказавшейся рядом съедобной добыче, мы вновь и вновь торопливо прощупывали местность. Сканирующие волны сознаний эдайти разлетались во всех направлениях – мы раскинули поисковые щупы на максимальный радиус, но...

Щега не было! И одновременно он был. Существовал! Был жив – факт, явственно осознаваемый нами. Ощущался рядом... И при этом его не было.

«Как такое возможно?..»

Случилось что-то, с чем мы прежде не сталкивались и осознать оказались не способны.

«Почему он не откликается?!»

«И мы его не слышим!» – наблюдательность Орша помогла обратить внимание на ещё одну странность – распознать его мысли не получалось. Никак!

Все усилия оказывались тщетными, как если бы что-то неодолимое отделило нас от собрата. Как физически, так и ментально.

Кажется, прежде мы так остро ни на что не реагировали. В своей прежней жизни мы никогда не теряли одного из своих: или исчезали все разом, или существовали все. А с учётом того, что нас в принципе здесь осталось так мало...

«Надо вспомнить, как это случилось», – я надеялся отыскать объяснения в предшествующих событиях.

«Стремительно даже для нашего восприятия. На этом же месте полыхнуло то самое мерцающее энергией пятно, подмеченное во время ночного патрулирования», – откликнулся Тас.

«Наэлектризовавшийся и уплотнившийся воздух», – следующее уточнение от Хала.

«Это все предвестники его исчезновения?» – уточнил я.

«Ещё это. – Хем пнул ногой пока ещё живую и силящуюся вырваться из захвата добычу. – Оно появилось ровно на месте Щега».

«В миг его исчезновения?»

«Нет, – немедленно ответил наблюдательный Орш, – секундой позже».

«Это... трансформация оболочки?»

Мы дружно уставились на существо, не представляя, имеет ли такое предположение под собой реальную основу. Способны ли к таким метаморфозам материальные оболочки?

И всё же, несмотря на отсутствие ответа на этот вопрос, наши способности эдакти говорили однозначно – внутри свалившийся из ниоткуда добычи нет нашего собрата. Это не он.

«Абсолютно не он!»

«Но я чувствую Щега... где-то», – затряс головой Тас, словно пытался разобраться в путанице мыслей и образов.

«Все мы чувствуем».

«Но найти и определить местоположение не можем».

«Тогда возвращаемся», – решил я, одновременно «прислушиваясь» к мыслям братьев, оставшихся возле зарослей: не случилось ли и там чего-то странного.

«А Щег?»

«Мы не можем действовать разрозненно. Если отправимся на поиски, то разделимся. Это неверный подход. Поэтому возвращаемся, забираем всех и движемся вглубь леса. По ходу продвижения будем искать Щега».

Все приняли это решение, понимая, что собрат небеззащитен. И, пока жив, так же будет стремиться вернуться к нам.

«А добыча?» – пихнув ногой гигантскую тушу, обездвиженную нашим давлением, Орш напомнил о тех, кто помимо нас нуждается в пище: все мы увидели образ Риша...

И столь же сосредоточенно мы изучили обречённую жертву: две пары конечностей, мощное, но не неуязвимое тело, крупная голова с пастью, усеянной острыми пластинами, и перепончатые выросты на спине. Однозначный хищник и, возможно, способный к простейшему полёту. Но самое главное – чутьё нам подсказывало: эта материя точно отличается от структуры кристаллов. Тело существа внутри было иного состава – в её основе находился волокнистый белок. Именно то, что нужно для подпитки оболочки.

«Пробуем», – коротко бросил я, понимая, что в острогранных зарослях целиком эту тушу не протащить.

Не теряя времени, мы когтями распластали добычу на куски, действуя скорее инстинктивно – подобно тому как, будучи

бестелесными, втягивали в себя энергию, наполнявшую других. И после первого же проглоченного куска последовал синхронный вывод:

«Вкус хороший».

«Он идентичен съедобным выростам в нишах окаменевшего гиганта возле болота».

«Точно! Такая же сочная волокнистая ткань. Только без пробуждающего безумный голод аромата!»

Клыки разрывали питательную материю, мощные челюсти перетирали, насыщая тело. И ничто не мешало нам вести мысленный диалог, одновременно продолжая и фиксировать размытое ощущение присутствия Щега.

«Возвращаемся. Небо начинает светлеть».

Наша охота увенчалась успехом – туша, добытая в самый неожиданный момент, оказалась так велика, что даже после полного насыщения нам всем пришлось изрядно нагрузиться огромными кусками сочащейся аппетитным соком плоти. Той, что напитает ресурсы оболочек оставшихся в ожидании собратьев.

Да, мы получили пищу, но ещё и столкнулись с чем-то неоднозначным. Впрочем, мы и в этом разберёмся. Это лишь вопрос времени...

Глава 5. Наблюдатели

Троя

– Ушли?

Мне не требовалось пояснений: штурман спрашивал о вездесущих амиотах. Вернее, о том из них, кто постоянно держал меня подле себя. И группе его неизменных сопровождающих.

– Да... думаю, ушли, – едва слышно прошептала я в ответ, практически уткнувшись в ухо мужчины.

Сидели мы совсем близко друг к другу, прямо на холодной, заснеженной земле. Где-то рядом, чуть в стороне, лежали останки погибшего военного, с которого один из амиотов содрал скафандр и отшвырнул. Неожиданно наступившая темнота не позволяла мне вновь и вновь обращать взор к этому месту... Но спокойнее от этого не становилось.

Всеми силами я старалась совладать с эмоциями, однако отчётливое ощущение дрожи, которая сотрясала тело привалившегося к моему плечу штурмана, мешало. Ещё и странное состояние тревоги... Не сразу, но я поняла, – оно связано с амиотом. Я неведомым образом словно чувствовала отсутствие Седьмого. Или же просто интуиция подсказывала, что монстр ушёл?

– Ты должен надеть... это, – запнувшись, я ткнула в плечо Игеря комком из того самого скафандра.

В темноте мы не могли видеть следы крови на нём, но её запах... Воображаемый или реальный – не важно! Он усиливал панику и рождал отвращение.

– Ты спятила? Я не могу...

Игеря трясло. Он обессиленно обмяк, в поисках поддержки привалившись ко мне.

– Ты же замёрзнешь. Надень, – продолжала я увещевать.

В темноте мир сузился до нас двоих. Я догадывалась, что другие амиоты рядом – изредка доносились звуки, похожие на бормотание, и стоны амиотов. Но как-то реагировать на их присутствие, опасаться

или прислушиваться сил не было – ни моральных, ни физических. И не у меня одной.

– Какая разница? – голос мужчины дрожал. Возможно, он плакал...

Я и сама с трудом сдерживала слёзы: после всех пережитых смертей, казалось, уже ничто не способно поколебать моё смиренное принятие происходящего. Но нет. То, как ужасно погиб этот человек, пусть он и произвёл на меня неприятное впечатление... Такой смерти никто не заслуживает.

– Всё, что нам остаётся, – цепляться за жизнь, – я заставила себя ожесточиться, продолжая настойчиво толкать ему в руки свёрток. – Не думай о случившемся. Сейчас намного важнее, чтобы системы обогрева этого скафандра работали. – Подняв глаза к тёмному небу, куда тише добавила: – Это место... оно жуткое. То ультразвук, то эта внезапная темнота, хотя лишь недавно наступило утро. И этот странный снег... Накануне его ничто не предвещало. Другой тёплой одежды не предвидится, а с заходом розового светила снова похолодало. Что с климатом на этой планете? Вдруг дальше будет ещё холоднее?

Игерь всё же ко мне прислушался. Пересиливая явные рвотные позывы, кое-как на ощупь очистив скафандр от ошметков чужой крови, наконец оделся.

– Они с ним это сделали?

Говорил он всё так же глухо, но дрожал уже ощутимо меньше. А неприязненное поёживание легко было объяснить воспоминанием о том, какая судьба постигла предыдущего владельца скафандра. Ясно же, о ком речь...

– Не они. – У меня, в отличие от штурмана, сомнений не было. – Те, кого они убивали, после смерти выглядели иначе. Да и зачем бы амиотам утром интересоваться его гибелью, если сами это устроили? Эта планета сама по себе гибельная. Или ты забыл сообщение переселенцев-колонистов?

– Амиоты куда большее зло, чем вся планета! Думаешь, почему ничто здесь не может их сокрушить?

Игерь не унимался: под влиянием согревающих систем его озноб прошёл, темнота, дарующая условное уединение, никуда не исчезла, а проголодаться мы ещё не успели. Оттого весь свой пыл штурман

направил на обличение врагов в моих глазах. Только я была не согласна с мужчиной!

– Потому что идиоты учёные создали их такими! – запальчиво напомнила о реальных обстоятельствах. – И амиоты в этом точно не виноваты.

– Троя, я уверен, что в этом плену мы погибнем. И следующим буду я!

– Прекрати паниковать, – поспешила я оборвать шёпот собрата, догадываясь, что оставшиеся в лагере монстры нас слышат. – Наша задача – просто держаться к ним ближе и не допускать ссор. Ясно же, что рядом с ними на этой планете безопаснее. А мы с тобой первые земляне, оказавшиеся в таком гиблом месте. Мало того – оставшиеся в живых! Нам следует сосредоточиться на этом.

Продолжала я тихо, надеясь, что к штурману вернётся способность спокойно рассуждать и он меня услышит. Как скоро появится Седьмой? Возможно, у меня совсем мало времени.

– В каком смысле сосредоточиться? – удивился непонятливый собеседник.

– Надо собирать информацию! Узнать о планете больше. Вчера, засыпая, я подумала, что неплохо было бы начать вести дневник, описывая события и местные явления. В скафандрах есть система фиксации.

– Пфф... – Я почувствовала, как землянин отмахнулся. – Зачем? Эти данные сгинут здесь вместе с нами. Впрочем, – он запнулся, но всё же продолжил после небольшой паузы: – Ты наверняка проживёшь дольше. Только будешь ли ты этому рада?

– На что ты намекаешь?

Штурман снова поднял неприятную тему? Сглотнув, невольно подумала: вчерашние измышления на мой счёт для третьего пленника плохо закончились...

– Ты же заметила, – Игерь заговорил немного о другом. Голос его звучал лихорадочно, выдавая абсолютную убеждённость. – Этих их самок, – в темноте он нашарил и судорожно сжал мою руку, как если бы желал обратить на свои слова особое внимание, – их... меньше!

– Пожалуйста, – умоляющим тоном пытаюсь вразумить собеседника, я сжала ладонь мужчины, – не стоит болтать о таком...

Ощущение опасности усилилось – мне совершенно не хотелось обсуждать наших пленителей. Повода заподозрить их в сердечности в принципе не было, так к чему гневить лихо? Но Игерь словно обезумел, продолжая напрашиваться на проблемы и упорно настаивать на своих выводах.

– Их создали с прицелом на размножение, это же очевидно, раз есть женские и мужские особи. Но женских значительно меньше, – шёпотом разглагольствовал он, заставив меня посреди стылой от выпавшего снега поляны вспотеть от ужаса. – На всех не хватит...

Ещё во время полёта со всей очевидностью уяснив, что амиоты не осознают причин свойственной нам разнополости, я меньше всего желала просвещать их! И без вчерашних скабрёзных намёков военного сама беспокоилась из-за манеры Седьмого держать меня подле себя. Оттого и гасила любые мысли на сей счёт, уверившись в его способности слышать невысказанное.

Нет, идея о том, что я могу нравиться этому существу – нравиться как женщина, – казалась мне абсурдом. Какие симпатии к еде?! Откуда вообще понятие о симпатии у тех, кто не знаком с самой возможностью чувствовать и испытывать эмоции? Да, им создали тела... Но что такое тело без души? То, что учёные вселили в искусственно созданные оболочки, несомненно разумное, но совершенно бесчувственное.

А оболочки очень впечатляющие! Они сбивали с толку, пугая, но и пробуждая некий интерес. Поражали воображение! То, что выдержали эти созданные тела, – это впечатляло. Амиотов создали неуязвимыми, с массой способностей. И, как совершенно правильно заметил Игерь, одной из них является возможность размножения. Только пусть амиоты никогда об этом не узнают!

Радуясь отсутствию Седьмого, я невольно оглянулась, забыв о темноте и подспудно желая удостовериться, что он не услышит!

– Эй, – спешно перебила штурмана, сообразив, к чему ведёт соплеменник. Ещё и схватила его ладонь второй рукой, судорожно её подёргав. – Так что насчёт наблюдений за планетой? Про ультразвук надо в первую очередь записать информацию. Это фактор, существенно влияющий на нам подобных. Что мы уже знаем?

– Отбрось эти бредни, – сердито посоветовал Игерь. Словно не замечая, что делает, накрыл мою руку своей, крепко сжав. – Если мы

каким-то чудом сможем выжить и добраться до своих, то нам достаточно будет сообщить: эта планета – самое гиблое место во вселенной. На этом всё!

– Добраться до своих?

Повторила на автомате, сражённая словами штурмана. Насколько же разные у нас мысли. Я себе о подобном думать запретила, ещё во время полёта решив, что прошлое потеряно навсегда. Отныне оно так же далеко от меня, как эта планета от Земли. Всё равно что в другой реальности. Мне казалось, отныне у нас одна задача – приспособиться и выжить здесь.

– Должен быть способ! – с убеждённой фанатикой зашептал мне в ухо Игерь. – Я тут подумал...

– Да заткнись уже! – не выдержав, я перестала сдерживаться: оборвала мужчину на полуслове, отталкивая его.

Стало страшно, что он просто обезумел! И погибнет вот прямо сейчас из-за сдавших нервов.

– Троя... – Игерь снова подался ко мне и, вновь ткнувшись губами в ухо, пытался что-то упорно прошептать, но я немедленно отшатнулась.

– Амиот возвращается!

О том, кого именно из монстров я подразумевала, двух мнений не было. Слова стали попыткой уstrasить штурмана, заставив замолчать. Но, уже произнеся завуалированную угрозу, вдруг поняла, что реально ощущаю необъяснимое наитие – Седьмой где-то рядом.

На Игеря упоминание о вожаке наших пленителей возымело эффект – он тоже отстранился, застыв в чинной неподвижности, принявшись взглядом обшаривать всё вокруг: от песчаных окрестностей с вкраплениями мягких разноцветных кристаллов до плотных сплетений ветвей-отростков «деревьев» странного «леса». Темнота начала рассеиваться. Тонкая полоска голубого зарева окрасила небо в светлые оттенки. Светлее стало и вокруг нас – стоянка-лагерь амиотов теперь просматривалась всё лучше и лучше.

– Голубой гигант восходит, – прищуриваясь от ярких даже сейчас лучей, заметил Игерь.

На этот раз голос его звучал спокойно, а фраза разумно. Я с облегчением выдохнула. Оставалось надеяться, что остальным

амиотам до нас дела нет, и они не особенно прислушивались к перешёптываниям пленников.

Сообразив, что во всей этой нервотрепке даже не оделась толком, лишь максимально укуталась в куртку, сдёнутую с собрата по несчастью, я занялась собой. Вряд ли амиоты останутся здесь надолго, значит, вероятен новый переход. И лучше, если одежда на мне будет удобной, а не рвано-лоскутной.

Мелькнула мысль: пока Седьмой не появился из своей вылазки-разведки, может, мне стоит вернуть Игерю его куртку, обменяв её на таким страшным образом освободившуюся одежду? Скопив глаза на демонстративно отдалившегося от меня на пару шагов штурмана, с огромным трудом сдержала рвотный спазм при виде тёмных и зеленовато-бурых пятен на поверхности его «нового» облачения. Уже потерявшая чёткость картинка жалких остатков тела прежнего владельца скафандра, буквально вытекших наружу, едва эту куртку распахнул амиот, вновь встала перед глазами.

Брр...

Нет! Малодушие взяло верх. Зато разум тут же сообщил – я точно последняя, кто может осуждать этого парня! Сама бы захлебнулась собственной рвотой, если бы на меня натянули одежду, снятую с трупа. Да ещё и с такого трупа! Можно ли удивляться тому лихорадочному возбуждению, что охватило Игеря? Я бы на его месте ещё и не такое высказала.

Здравомыслие подсказывало – надо быть практичнее! И сильнее. У нас больше нет права на взыскательность и разборчивость! Как нет и возможности думать о мёртвых. Надо выжить самим!

Резко переведя взгляд на амиотов, что большей частью кормили и помогали расхаживаться тем из своих, кто пока хуже справлялся с телами, я решила тоже заняться собой. Вернее, своей одеждой. Голубоватый свет принёс с собой пока едва ощутимое, но всё же тепло – холод отступил, а белоснежные хлопья испарились, словно их никогда и не было на поляне.

Верх скафандра, безжалостно разодранный Седьмым, пришлось отстегнуть от брюк. Но хоть они сохранили свою форму и функциональность – уже хорошо. Зато форменная куртка Игеря пришлась впору – механик, не в пример Дорану, имел не самое мощное телосложение.

На «новую» одежду штурмана я больше старалась не смотреть, страшась увидеть следы крови её прежнего владельца. И ещё – всеми силами контролировала свои думы, которые упорно возвращались к вопросу: откуда у меня такая уверенность в скором появлении амиота?

Открепив функциональный браслет от теперь уже бесполезного рукава скафандра, я надела устройство на руку. Понятно, что большая часть его функций, необходимых для регулировки жизнеобеспечения, теперь бессмысленна, но тот же блокнот, например, или диктофон работали прекрасно.

– Всё же будешь записывать? – скептически поморщился, проследив за моими действиями, Игерь. Он поразительно собрался и преобразился с приходом дневного света, как если бы вспомнил о необходимости играть некую роль... – Может, ты и права. Когда в жизни есть дело, проблемы не так остро воспринимаются...

Голос штурмана звучал отстранённо – он словно задумался, хмурясь и покусывая губы. Его взгляд не отрывался от кучи вещей, которые оставшиеся на стоянке амиоты вытряхнули из контейнера, изучая. Мужчина всем корпусом к ним подался, видимо что-то его заинтересовало?

– Ты чего? – напряглась я, отвлекаясь от своего занятия.

– Я понимаю – контейнеры с едой... И шмотки... Но портативная система дальней связи?... – по-прежнему не сводя глаз с вещей, пробормотал мужчина. – Зачем они её с собой тащат?

– Вряд ли они вникали, что есть что, – пожала я плечами, не понимая, почему он придаёт такое значение этой вещи. На том расстоянии от ближайшего освоенного сектора космоса, на котором мы оказались, никакой передатчик не потянет. – Хватали всё, что могли унести с транспортника. Наверное, решили вытащить, а потом разбираться... А чем она тебя заинтересовала?

– Ничем, – зыркнув на меня, неожиданно лаконично шикнул Игерь. – Ничем... – повторил, закрывая глаза и запрокидывая голову, словно вознамерился вздремнуть, навёрстывая время, потерянное из-за утреннего холода.

Я пожала плечами и продолжила кромсать остатки одежды, сооружая пояс и настраиваясь принять с должным спокойствием все «сюрпризы» нового дня. В том, что они будут, даже не сомневалась.

Не хочет Игерь говорить – не надо. Может, и правильно делает – пусть штурман об этом не догадывается, но я же как открытая книга для Седьмого. В общем, лучше мне не знать ненормальных мыслей собрата.

Седьмой с теми амиотами, которые куда-то исчезли после наступления кратковременной утренней тьмы, появились на поляне так внезапно, словно бы конденсировались из воздуха. Я склонилась к грубому, но всё же удобному самодельному поясу, затягивая его на талии, – амиотов ещё не было. А когда спустя лишь мгновение подняла взгляд – все они уже стояли на поляне, привычно безмолвно переглядываясь со своими.

От изумления взгляд сразу выхватил важную деталь: ушли пятеро, а вернулись четверо! Где ещё один? Остался в арьергарде? Не погиб же?.. Последнее не укладывалось в голове – обладатели специально созданных оболочек после всего, через что мы прошли, воспринимались мною как совершенно неуязвимые...

А если всё же погиб, значит... Значит, в этом лесу есть нечто кошмарнее амиотов?!

Стоило об этом подумать, как Седьмой обернулся, практически прищипив меня взглядом к земле. Я буквально физически ощущала, как его глаза медленно путешествуют по моему телу и замирают на правом плече и руке, которых касался Игерь...

Крылья идеально-скульптурного носа серокожей «статуи» дрогнули, вдруг перепугав меня подозрением, что похититель и на расстоянии нескольких метров способен учуять чужой запах на моей коже.

Ох, мои мысли...

Я хлопнула себя по лбу, рьяно принимаясь вспоминать... о динозаврах.

Почему? Да просто в панике в сознании возникли гигантские скелеты давно вымерших тварей, что видела в детстве в музее. Что угодно, лишь бы не думать об Игере!

Фокус сработал – амиот отвернулся. Но через пару моих быстрых вдохов подошёл, протянув какое-то... растение? Плотный стебель, увенчанный вкусно пахнущей «шишечкой» размером с приличный такой батон хлеба. Вчера вечером чем-то подобным кормили моих соплеменников.

– Надо есть, – коротко и безэмоционально прокомментировал подношение, подпихивая мне его под руку.

Стоило мне инстинктивно ухватиться за стебелёк, как Седьмой, явно демонстрируя, своими жуткими клыками впился в другой экземпляр – один из тех, что остались в его руках. Кожура «шишечки» смачно лопнула в мощных челюстях – аппетитный дух усилился, а я едва не захлебнулась слюной. Точно: еда!

Невольно скользнув взглядом по сторонам от присевшего рядом со мной Седьмого, заметила, что все амиоты сейчас трапезничали, активно уничтожая приличную горку этих местных съедобных отростков. Откуда только она взялась?

– А он?

Прежде чем по примеру монстра надкусить местный гибрид плода, овоща и дичи, я осторожно указала на Игеря. Уж слишком нарочито вышло: кушали все, кроме него.

Седьмому мой манёвр не понравился. Как я это поняла – и сама не знаю, но руку я поспешно отдёрнула, пожалев об инициативе. Синхронно с моим движением амиот не глядя пихнул ещё один стебёлек штурману. При этом почти угодил ему кулаком в лоб.

– Опять? – едва успев отшатнуться, с подозрением прошипел соплеменник, буравя ненавидящим взглядом руку Седьмого. К счастью, амиот этого не видел, продолжая смотреть на меня. – Что, если в этой еде причина гибели военного?

Мысленно застонав, я прокляла упрямство Игеря: очевидно же, что он не прав...

– Не ешь? – Голова Седьмого не шелохнулась, взгляд продолжал изучать меня, но уголки губ монстра дрогнули, выдавая довольство. – Пойдёшь голодным.

С той же стремительностью рука амиота отдёрнулась и поднесла предложенную штурману пищу к уже успевшему перемолоть первую «шишечку» рту Седьмого. Пара хрустких движений зубами – и от «пайка» не осталось ни крошки.

Испытав прилив жаркого страха оттого, что и меня заставят топтать впроголодь, я спешно надкусила свою «шишку».

Похожий на мясной немного пряный сок заполнил рот. О том, можно ли это есть сырым, я старалась не думать, как и о неизвестных

науке местных паразитах и патогенах. Какая, в сущности, разница, если пища так вкусна и альтернативы нет?!

Не сильно отстав от монстра, свою порцию уплела в считанные минуты. И с грустью заметила недобрый взгляд Игеря, направленный на амиота: испытание голодом точно не сделает штурмана доброжелательнее.

– Нужно идти, – сообщил Седьмой, поднимаясь, едва я проглотила последний кусочек. Меня потянул за собой. О втором пленнике он вновь не вспомнил.

– Куда? – не подумав, спросила первое, что пришло в голову. – В лес?

– Через лес, – удивительно, но уточнил амиот и, чуть повернув голову, посмотрел на заросли. – Немного. С грузом будет сложнее. Между кристаллами мало места, чтобы нести Трою.

– Не надо меня нести, – спохватилась я, вспомнив массу «приятных» ощущений, когда висеть приходилось вниз головой, болтаясь на плече амиота и цепляясь за него руками. – Я и сама идти в состоянии.

Бросив на нас угрюмый взгляд, Игерь отошёл в сторону и остановился возле ближайшего распотрошённого контейнера, который ранее гипнотизировал взглядом. Мысли о том, зачем он там топчется, пока амиоты массово навьючивают на себя нехитрый скарб, у меня не возникло. Наверняка надеялся отыскать еду из числа корабельных пайков...

Он так долго мялся на месте, озираясь по сторонам, что в итоге один из амиотов оттолкнул пленника. Небрежно запихнув рассыпавшееся содержимое контейнера внутрь, легко вскинул его на плечо.

По незримой команде все практически синхронно двинулись вперёд, и это меня поразило. Спустя всего лишь несколько сумасшедших дней, что начались с побега со станции, даже монстры, попавшие на борт звездолёта на руках братьев, уже шли уверенно и самостоятельно!

«Та самая...» – я невольно отметила амиотку, что стала причиной конфликта между её братьями в первые часы полёта.

За ней, ступая вплотную, двигался ещё один из знакомых мне амиотов – он чаще других оказывался рядом с моим похитителем.

«Надо как-то назвать их», – размышляла я, бочком просачиваясь между двумя высокими кристаллами. Оказалось, что ребристые грани этих колоссов – острые. И я бы уже давно разрешила защитный материал скафандра на локтях, если бы на плечо вовремя не опускалась направляющая рука Седьмого.

В первый раз, напугав прикосновением до икоты, он, возможно, счёл мою реакцию забавной, поскольку затем регулярно повторял этот манёвр, уверенно координируя действия моего тела в опасные, с его точки зрения, моменты. Опасаться было чего: больше всего этот «лес» напоминал мне механизм мясорубки, где роль острейших ножей отводилась окаменелым исполинам-кристаллам.

Для преодоления зарослей из громадных «зубов акулы» требовалась концентрация – всё внимание уходило на изучение поверхности под ногами и рядом с моим телом, чтобы избежать соприкосновения с острыми, как лезвия, гранями.

– Орш, – вдруг произнёс что-то непонятное Седьмой. – Обозначение, – пояснил, указав рукой на того амиота, что шёл по пятам за амиоткой. И, чуть помедлив под моим озадаченным взглядом, перевёл руку на неё. – Риш, – а затем на меня: – Троя.

Это их имена! Риш – амиотка. Жуткий тип, который её «отвоевал» и теперь явно опекает, – Орш.

Я кивнула, запоминая, и проявила понятное любопытство:

– А ты? Э-м-м... обозначение?

Надо поддерживать любые доброжелательные порывы. Почему-то мне казалось, так амиоту будет сложнее просто взять и убить меня.

– Кин, – пришло очередное короткое заявление от устрашающего мужчины. При этом он легонько подтолкнул меня в плечо. – Троя идти.

Спешно шагнув вперёд, я тут же снова замерла, остановленная ладонью Седьмого. Подняв взгляд, сообразила, что проморгала свисающий сверху острый отросток. И быть бы моей голове пробитой, если бы не молниеносная реакция амиота.

– Дьявольские столбы! – очередной гневный вскрик Игеря позади заставил обернуться и вытянуть шею, чтобы из-за необъятной фигуры Седьмого увидеть штурмана.

Он шёл едва ли не последним. Собственно, казалось, амиотам вообще безразлично, следует за ними пленник или остался на опушке. Но, разумно рассудив, что одному ему здесь не выжить, Игерь,

очевидно, зашагал за всеми. Только вот никто и не думал вовремя останавливать его, оберегая от травм. Оттого он неустанно ругался, налетая на местную флору.

Однако именно благодаря своему любопытству, оглянувшись на штурмана, я неожиданно поймала взглядом совсем других персонажей – Орша и Риш, что параллельно двигались рядом. Риш пусть уже не заваливалась так беспомощно набок, как поначалу, но всё ещё смотрелась неуклюже. Особенно на фоне своего ловкого и стремительного спутника.

Момент, когда он с неуловимой скоростью втиснул между её щекой и острым стволом местного организма свою ладонь, и ухватил мой взгляд. Глубокий порез на тыльной стороне ладони, мгновенно набухший кровью, поразил куда меньше, чем эти двое, почему-то с потрясением уставившиеся друг на друга.

Они замерли, всматриваясь в лица, а ладонь Орша по-прежнему прижималась к щеке Риш! Казалось, оба дышать перестали, а потом... Потом амиотка как-то медленно и неумело, словно в жизни этого не делала, подняла обе руки и обхватила ладонь своего защитника.

Это... Нежность?! В её взгляде, осторожном прикосновении было что-то, так похожее на ласку, что я опешила. Отрезвило, напомнив, за кем наблюдаю, лишь осознание, что порез, который получил Орш, успел за эти мгновения затянуться.

Я схожу с ума, раз предполагаю подобное у... монстров!

Подумала – и тут же, испугавшись, что Седьмой «услышит», лихорадочно попыталась занять свои мысли чем-то нейтральным... Да вот хоть бы освещением – густые острогранные заросли качественно приглушали голубоватое свечение местного светила.

– Иди, – словно намеренно напомнил о себе мой похититель, почему-то потянув за руку.

Осознав это, я отвела взгляд от остолбеневший парочки, сосредоточиваясь на том, кто незаметно проскользнул мимо меня, пока я глазела на Орша и Риш! И теперь тянул за собой, вынуждая двигаться тоже. Это было разумным напоминанием, но... почему он взял меня за руку?! Кажется, впервые... так по-человечески поступил. Таскание меня под мышкой не в счёт.

Растерявшись и забыв как об Игере, так и о «романтической» парочке амиотов, я бездумно брела вперёд, полностью положившись

на «рулевого».

Как давно мы уже идём? По ощущениям казалось, что несколько часов – ноги изрядно гудели, глаза слезились от сухости местного воздуха и необходимости постоянно смотреть вперёд.

Мысль оборвалась – я клюнула носом мужскую спину. Обнажённую спину, ведь рубашку в дополнение к армейским брюкам Седьмой накинуть так и не удосужился. Едва не упала, когда он так резко замер. Удержалась на ногах лишь потому, что другой рукой амиот схватил меня за плечо, рванул к себе и прижал к груди.

Сердце от неожиданности и испуга бешено заколотилось. Почему мы остановились? Что он делает?!

Боковым зрением заметила: замерли и другие – те, кто шёл рядом и впереди. Игерь, наконец всех догнавший, тоже застыл, вытягивая шею в попытке рассмотреть причину задержки.

Осторожно развернувшись, и я попыталась углядеть препятствие, которое оказалось на нашем пути. Очередная странность? Присмотрелась, пыталась отождествить неведомое нечто с чем-нибудь знакомым. Словно оттого, что я пойму и дам этому название, мне станет проще.

Подумала и мысленно засмеялась. Наивная! Разве так бывает на планете, где всё совершенно незнакомо и пугающе опасно!

– Станет, – вновь чётко в унисон моим мыслям проурчал Седьмой. – Нужно. Всем.

Снова я невольно вздрогнула от подобной прозорливости. Однако взгляд мой по-прежнему изучал то ли новую форму жизни, то ли необычное природное образование. Увиденное впечатляло!

Большая поляна, на границе с которой остановились амиоты, полностью свободная от кристаллов – не было на ней ни «деревьев», ни «травы», – казалась гладкой, как зеркало или поверхность ртути. Нарушало гармонию идеальной ровности лишь невысокое вспучивание в её центре. Словно в жидкость что-то бросили, и поднявшаяся волна навеки застыла в момент движения.

Я бы и рада была сделать какое-то предположение, но увы, в моём сознании точных ассоциаций не возникло. Оставалось даже непонятным, жидкая эта штука или твёрдая. Никто из амиотов границу жёлтого песка и серебряной поверхности не пересекал.

«Вот если бы потрогать... Хотя нет, что, если эта штука опасна? Швырнуть туда что-то для начала? Что-то ненужное... Да вот хоть горсть песка...»

Мысль о попытке исследовать очередное местное нечто ещё не успела оформиться в голове, как рука Седьмого уже отодвинула меня в сторону. Ровнёхонько «под крыло» спутника Риш, которую тот как раз придерживал за локоток. Возможно, упреждая этим вероятность её крена в гипотетически опасном направлении?

Теперь же этот Орш и моё предплечье сжал второй, свободной, рукой. И видимая лёгкость его прикосновения не могла обмануть – я осознавала, что меня, выражаясь языком профессионального вояки, зафиксировали на месте.

Но почему?..

Ответ пришёл молниеносно, как и всё, что делали амиоты. Мимо, накрывая ужасной догадкой, в буквальном смысле просвистело тело Игеря! Красивый, но стремительный взлёт, сопровождаемый моим взглядом... Взмыв по дуге, словно камень, выпущенный из пращи, штурман эффектно рухнул вниз. Аккурат в это застывшее зеркальное озеро! Какие же проклятия он при этом изрыгал...

Испытав очередной шок, даже не осознавая, я начала верещать. А когда посмотрела на лицо Седьмого, который и отправил Игеря в неизвестность, умолкла. Уголки его губ едва приметно, но поднялись. Я бы голову в заклад отдала – сейчас амиот был сверх меры доволен собой!

– Нашёл ненужное, – заявил он ровным тоном, заставив меня испытать муки совести: штурман пострадал из-за моих идей!

– Твари! Чтобы вам всем гореть в аду! – вопил Игерь, буквально разрывая повсеместную тишину этого места.

Поверхность, на которую он «приземлился», оказалась твёрдой, как стекло или, скорее, лёд. Потому как ещё и скользкой – мужчина, шипя и ругаясь, попытался встать, но тут же вновь упал. Ещё одна попытка – и снова падение. В итоге, призывая на головы амиотов все мыслимые и немыслимые кары, он на четвереньках пополз обратно. Игеря трясло как в лихорадке – он явно испугался до одури! Впрочем, я и сама дрожала, умоляя провидение позволить ему выбраться...

Но провидению сегодня было не до этой богом забытой планетки. И не до мучений, уготованных землянину чудовищами.

В один момент зеркальная поверхность вздрогнула. По ней прошла сначала рябь, а затем края «озерца» приподнялись и всколыхнулись, скинув Игеря назад – ближе к центру. Новая встряска – и он уже совсем рядом с...

Я похолодела от ужаса, увидев, во что превратилось в этот миг центральное, прежде бесформенное возвышение – вместо него появилась воронка с хищно мечущимися в её недрах выростами, похожими на языки. Они лишь усилили ассоциацию с разверзшейся гигантской пастью... хищника! Хищника, что жаждал скорее втянуть в себя попавшую на уловку безмятежности добычу.

Видимо узрев и осознав то же самое, Игерь истошно завопил и суматошно заскрёб руками и ногами по скользкой поверхности. Отчаянное желание спастись заставляло его рваться на свободу. Трепыхаться до последнего, на пределе сил стремиться к нам, лишь сильнее увязая, всё ближе соскальзывая к краю бездны...

Его крики ошпарили мои чувства реальной болью – мука, агония страха, какой-то животный безумный ужас звучали в них. Терпеть это было невозможно. Словно я сама сейчас погибала, извиваясь и обессиливая в неведомой пасти. Но... амиоты стояли как ни в чём не бывало – наблюдая за происходящим со спокойствием и проблесками лёгкого интереса в глазах.

Я поняла: спасти штурмана никто не будет!

Действия шли от сердца – разумом я и не пыталась осмыслить происходящее, просчитать свои шансы... Короткий рывок и для моих возможностей стремительный прогиб – я поднырнула под руку Орша, освобождаясь от его хватки. Было бы время – оценила бы секундную заминку амиота: он же мог легко воспрепятствовать мне, но не стал, позволив подскочить к Седьмому!

Толку впиваться ногтями в это жилистое и куда более прочное серокожее тело не было, но я всё равно вцепилась ногтями в руку своего похитителя и завопила, захлебываясь истерикой и собственной болью:

– Кин! Кин! Кин! Умоляю!!! Спасите его! Он же живой!

Крик мой разнёсся над чуждым лесом, вторя слабеющим хрипам Игеря. Осознавала ли я в этот миг, что делаю? Вряд ли. Думала ли о том, кого позволяю себе трясти, вцепившись в его плечи? Что сама

нахожусь рядом с тем, кто, подобно этой неведомой пасти, способен осушить меня за секунды и не поперхнуться?

– Чёрт с вами, лучше просто убейте его сами! Убейте! Сами! Слышишь меня?!

Орала так, что связки звенели от боли, а в ноздрях зазмеился аромат спёкшейся крови. Руки, сжатые в кулаки, вновь и вновь молотили по непрошибаемой груди монстра, не причиняя ему никакого вреда.

Подобно Игерю я билась в агонии, заведомо проигрывая – Седьмой лишь наблюдал, не отступив и на крошечный шаг под напором всей моей силы. Его голова немного склонилась к плечу, глаза чуть расширились, явно охватывая всю меня, содрогающуюся от раздирающих сердце на части эмоций.

«Бесполезно, – билась в голове единственная мысль. – Их ничем не проймёшь! Игерь обречён».

В самые критические моменты мы видим жизнь иначе. Вот и я сейчас, словно парящий в воздухе дух, увидела себя со стороны. Маленькую в сравнении с громадным амиотом женщину, бессильную против его непоколебимой бесчувственности.

Порыв стал наитием – я лихорадочно искала хоть что-то – способ его задеть, пронять, достучаться... Подскочив на носочках, из последних сил потянулась вверх. Обхватив его шею, коснулась мужских губ своими губами...

Поцелуй? И внезапно – целый залп острейших ощущений в придачу!

Мои губы словно обрели сверхчувствительность. Я словно утратила связь с реальностью, утонув в потоке прокатившегося по телу жара. Мать моя... Так безумно, крышесносно ярко и мучительно нестерпимо... Я словно почувствовала амиота от кончиков пальцев до последнего волоска на его затылке, ощутила ритм биения его сердца, вкус его потрясения... Стала молнией, что прошла через всё тело мужчины, внезапно развоплотив его на миллионы клеточек, сокрушив...

Поцелуй? Наверняка это была самая бредовая идея за всю мою жизнь. Самая бессмысленная, но... Но она сработала. Седьмой пошатнулся и закрыл глаза. Его губы дрогнули, отвечая...

– Тро... – жалкий, уже обессиленно-смиранный и сипло-хриплый вскрик-прощание.

Игерь!

Я очнулась, разом осознав, что ничего не слышу, кроме ударов сердца мужчины рядом. Что забыла даже о цели, ради которой потянулась к нему... К чудовищу, погубившему множество мне подобных!

Отшатнувшись от амиота, в панике оглянулась вокруг: мир же не перевернулся и небеса не рухнули на мои плечи?

Синхронно с моим движением, словно получив незримый приказ, четверо амиотов сбросили на землю груз, который несли, и стремительно метнулись к хищной «поляне», без всяких сомнений пересекая границу сжимающегося «озерца». Один из них, даже не притормаживая, подпрыгнул вверх. В тот момент, когда его ноги оторвались от земли, рука второго амиота крепко ухватила его за щиколотку, а сам амиот тоже подпрыгнул, одновременно и подталкивая дальше первого прыгуна.

Тот же манёвр повторил третий из них, а четвертый, схватив за ногу своего собрата, остался стоять, упираясь ногами в песок. Немыслимое зрелище – глаза сами распахнулись шире, а рот приоткрылся: акробатам такое и не снилось! Даже пережитая миг назад чувственная встряска отошла на второй план – я узрела чудо, призванное спасти штурмана.

Образовавшаяся цепь из амиотов действительно стала спасением для Игеря – первый, пролетевший дальше всех прыгун схватил жертву за ворот скафандра, рванул на себя, и...

Смазанное движение, похожее на вьющуюся в воздухе верёвку из тел, которого я даже толком не рассмотрела. И вот уже пятеро поднимаются на ноги за пределами опасной поляны. Вернее, четверо амиотов поднимаются, а пятый, то есть Игерь, в шоке от скорости, с которой меняются обстоятельства, явно силясь поверить в то, что выжил, и приоткрыв рот, в ступоре сидит на земле, захлебываясь рваным дыханием.

Голова штурмана тряслась, руки и ноги дрожали, плечи ходили ходуном, а лицо отливало даже не бледностью, а синюшностью...

– Игерь! Ты как?..

Попытку приблизиться к соплеменнику, чтобы помочь и удостовериться, что он не получил смертельных ран, пресёк Седьмой. Он вновь положил свою ладонь на моё плечо, категорично задавая вектор движения. В противоположном от штурмана направлении.

– Идти в обход, – словно исключительно для меня спокойно проговорил амиот. Его приткие собратья уже подхватили свою ношу и дружно продолжили путь. Деловито и спокойно, даже буднично, как если бы мгновения назад одному из присутствующих не грозила страшная смерть, а за этим не последовало героическое спасение.

Что они вообще такое, эти амиоты? Что в принципе может выбить их из колеи? Они же... как роботы – бесчувственные и жестокие! И жестокость их даже не в способности уничтожить приличную армию численно превосходящего противника, а в безразличии к другим! Первое если не принять, то понять я ещё могла – нас они воспринимают как возможную пищу, опять же, ради освобождения из плена все мы готовы переступить через жизни врагов. Но амиотам же и в голову не приходит страшиться чего-то на этой неизвестной планете или спешить на выручку другому разумному существу! Одно слово – бесчувственные!

Воспоминание о пробудившейся эмпатии и неожиданно чувственном отклике Седьмого я от себя гнала. Мало ли что в истерике померещится? И дать ему повод услышать мои впечатления не хотелось – уж слишком всё обескураживало. Седьмой в очередной раз удивил, снова спутав все мои представления о нём.

С одной стороны, немислимая, какая-то до безумия пренебрежительная манера поведения в отношении Игеря. Амиот не уничтожал его, но поступал неизменно жестоко! С другой – вопреки всему, он отозвался. Его собратья пришли на помощь штурману несомненно с безмолвного одобрения... Кина.

Точно!

Глаза непроизвольно распахнулись шире: я вспомнила, что в пылу эмоций взывала к нему, назвав тем именем. Седьмой так представился совсем недавно.

Выходит, имена, или клички, или что там ещё у них есть, – Кин, Орш, Риш... Эту троицу безжалостных похитителей я уже отлично идентифицировала. Есть ли шанс если не сблизиться, то хотя бы установить с ними контакт? Для начала с этими тремя?

Постепенно становилось всё темнее. Острые края высоких кристаллов, между которыми мы лавировали, продвигаясь вперёд, всё так же угрожали порезами. Казалось, мы плутаем здесь уже несколько суток – ноги гудели от усталости. Ещё и ладони саднили – я, кажется, отбила их о будто каменный торс амиота.

– Двужильные твари... чтобы вас всех засосала тёмная бездна...

Отголоски бормотания Игеря, что изредка удавалось разобрать, служили утешением: я понимала, что где-то позади землянин тоже идёт в общей компании. Остальные безмолвствовали. Устало поморщившись, споткнулась. Ладонь Седьмого, который так и придерживал моё плечо, немедленно сжалась, уберегая от падения. И я решилась!

– Кин?.. – вопрос слетел с губ едва слышным лепетом, но амиот, пусть и не сразу, а словно выдержав удивлённую паузу, бесстрастным тоном ответил:

– Да?

– А этот погибший... утром... В чём причина его смерти?

– Съели насекомые, – сообщил так же отстранённо, без намёка на эмоции. И не разобрать его отношения к вопросу!

Ничего себе тут насекомые!.. Мысли усомниться в его словах не возникло, а я ухватилась за возможность диалога:

– А почему других не съели?

– Нас не могут.

Понятно – он об амиотах. В их неуязвимость перед местным гнусом я тоже с лёгкостью поверила – такие «шкурцы» никому не по зубам. Отлично справились создатели их тел.

– А меня? Или... Игеря?

Упомянуть штурмана было страшновато, но я опасалась, что иначе амиот может дать необъективный ответ.

– Вы были рядом. Не отходили.

Меня осенило:

– Это как с ультразвуком? Рядом с вами безопасное пространство? Вы отпугиваете... насекомых?

Кто знает, может, феромоны какие-то продуцируют, неприятные для местных хищных «комаров».

– Съедаем.

Ответ в духе монстров! Я сглотнула, уже не уверенная, что сама готова к такому диалогу. И поспешно сменила тему, не решившись выпытывать подробности:

– А затем, когда вы ушли в... лес, – я осторожно взмахнула рукой в направлении ближайших кристаллов, жестом поясняя свои слова, – почему вернулись не все?

– Щег пропал.

Опешив, я остановилась. Безликая тональность ответа лишь усугубила впечатления, а мои наихудшие подозрения от этого инопланетного леса нахлынули вновь.

– Он погиб? – прошептала потрясённо. – На него что-то напало?

– Не погиб.

Амиот чуть толкнул меня в плечо, вынуждая идти дальше. Невольно я отвела взгляд в сторону, заметив что Орш и Риш явно прислушиваются к нашей тихой беседе.

– Тогда... как он пропал?

– Исчез.

Что Седьмой имеет в виду? Растерявшись, я по привычке попыталась оглянуться на ходу – порой по лицу собеседника можно прочесть недосказанное. Но это не про амиотов! И место неподходящее – тут же чем-то полоснуло по горлу...

Вернее, полоснуло бы, не успеи амиот в буквальном смысле сцапать меня за шею. Как итог – острое лезвие-грань ближайшего отростка кристалла прошлось по тыльной стороне его ладони. Мне же пришлось лишь ощутить отдачу от этого соприкосновения и отчётливо услышать рассекающий плоть скрежет каменистого отростка о кожу амиота!

Порезался?

Напрочь забыв о регенерации созданных учёными тел, я судорожным движением обхватила руку мужчины обеими ладонями, сиюсь скорее оторвать её от своей шеи и осмотреть. Это стало инстинктивным порывом – так бы я поступила с любым другим... Военных учат не только нападать, но и оказывать помощь.

Мы, естественно, застыли на месте. Вскрик мой вышел таким громким, что оглянулись все идущие цепочками амиоты. Игерь же и вовсе, прохрамав мимо, наградил меня красноречивым взглядом: спятила?

Кин разжал пальцы очень медленно, для амиота так и вовсе неуверенно... С толикой заторможенности позволил мне оттянуть ладонь к себе. Словно не понимал, чего я добивалась?

Не обнаружив повреждений и запоздало сообразив, что порыв мой бессмысленный, я вновь и вновь ощупывала мужскую руку, разглаживала поверхность бледной до серости кожи Седьмого, даже ближе к глазам её поднесла, невольно согревая дыханием.

– Раны нет... – пробормотала скорее для себя.

– Троя должна смотреть вперёд. Опасно смотреть назад.

Стыдобища: в итоге он меня ещё и поучает. И ведь прав... на этот раз.

Спешно отвернувшись, поплелась за другими – из-за заминки мы оказались последними. Как относиться к амиоту, который то обещает убить, предварительно на моих глазах прикончив моего напарника, то собой рискует, чтобы меня обезопасить, – я теперь совсем не понимала.

И что он такое заявил про исчезновение собрата? Конечно, не факт, что мы под исчезновением понимаем одно и то же, но возобновить разговор я не решилась. Кин тоже молчал. Сколько же ещё нам идти?.. И куда?..

Я настолько сильно погрузилась в свои мысли, что лишь краем сознания отметила, что, углубившись в плотные высокие заросли деревьев-кристаллов, мы ещё трижды обошли подобные зеркальному «озерку» ловушки. Две были поменьше, одна вообще огромная.

Интересно, чем же они питаются? Это должно быть что-то движущееся... Однако пока ничего активного и с конечностями я не увидела. К счастью!

Впрочем... Я всё чаще ловила себя на мысли, что уровень моей беспечности зашкаливает! Я на гиблой планете, которую не смогли не то что колонизировать, но даже изучить! Иду через какой-то жутковатый лес, в котором пропал – что бы это ни означало – такой несокрушимый тип, как один из амиотов. И?.. И ничего. Особого страха, как в первые дни плена, нет. Это оттого, что Седьмой идёт позади? Что за игры подсознания?!

Но не зря говорят: думать о беде – всё одно что её накликаешь. Стоило, петляя, пройти ещё метров сто, как, словно по заказу, на нас метнулась тень. То есть это мне она такой показалась из-за своей

стремительной и молниеносной атаки. Что до амиотов... их лиц не покинуло скучающе-постное выражение. А ответные манёвры оказались ещё более быстрыми.

И моргнуть не успела, а через секунду на песке рычала и выла, сплетаясь с телом Орша, неведомая тварь. Ростом с человека, узкая как змея, многоногая, с шестью горбами-наростами и совершенно мерзкой, шипастой двумордой головой. Оживший монстр из кошмаров! Местная зверюга, несомненно пригодная для пропитания хищных ловушек-озёр.

Меня от испуга и отвращения разобрало истеричным смехом.

– Стой рядом, – Кин вдруг обхватил рукой, прижав к себе.

Одновременно с его движением ещё три гигантские многоножки рванули к нам, выпрыгивая из засады. Чудовище оказалось не единственным. Амиоты об этом знали?..

Горбатым многоножкам не повезло. Из охотников они сами превратились в добычу – я лишь взвизгнуть успела и вжаться в рельефную грудь Седьмого, а амиоты уже деловито изучали судорожно дергающиеся на земле, частично деформированные тела. Обнюхали, играючи оторвали одну из лап и... швырнули её Игерю.

Штурман, как и я, замерший в неподвижности и с отвращением рассматривающий местную живность, шарахнулся в сторону от упавшего рядом с ним «подарка».

– Еда, – пояснил тот, кто бросил.

Затем амиот сгреб всех многоножек в охапку и зашагал следом за вновь пустившимися в путь собратями. Случившееся минутами ранее уже никого из них не интересовало!

– Нам тоже. Идти, – потянул за собой Седьмой, снова взяв меня за руку.

Ноги мгновенно одеревенели, а сердце застучало ускоренно – я начала спотыкаться, совершенно иначе отреагировав на новое «рукопожатие». Возможно, амиот способен распознать присутствие и других таких хищников? Поэтому выступил вперёд? Но почему именно сейчас эта его манера касаться меня начала смущать, а не пугать?

На удивление – страха не было. Ни перед угрозой в лице самого амиота, ни в виде неведомых живностей, что столпились в этом лесу. Всё заслонило смущение: руку словно покалывало сотнями

крошечных разрядов. Нестерпимо хотелось вырвать свою ладонь из лапы Седьмого. Но он не отпускал... Просто молча с неизменно каменным выражением лица шагал вперёд, обводя меня за руку вокруг особенно опасно торчащих на пути кристаллов. Уж лучше бы таскал, перекинув через плечо, в этом было как-то меньше... личного.

Стараясь прогнать волнение, я уже привычно заозиралась и заметила, что Игерь конечность местного многоногого зверя всё же подобрал. Теперь он нёс её в руке, периодически поднимая к лицу, то ли рассматривая, то ли принюхиваясь. Неужели действительно решил съесть?

При мысли о еде рот наполнился слюной – с утра никто из нас ничего не ел, а маршировать среди острогранных зарослей пришлось много часов. Я точно не знала, отчего страдаю больше: от усталости или от голода? Но выбора не было – надо идти дальше.

Кристаллический лес заканчиваться не желал. Красные высокие «деревья» сменялись похожими на кустарники жёлтыми, тонкие синие – толстыми оранжевыми... Я счёт потеряла времени, казалось – мы идём так долго, что будем идти вечно.

Даже когда останавливались на подвернувшихся полянках для кратковременного отдыха или по зову тел, я лишь обессиленно оседала на землю. Перед глазами по-прежнему мелькала пестрота местных красок и форм. Что до некогда живых существ, которые безрассудно решили напасть на амиотов и чьи тела были практично прихвачены ими с собой, то на них я смотрела уже практически с безразличием. Лишь отмечала факт их наличия: да, этот лес обитаем!

Я устала. Устала, как не уставала уже очень давно. Устала удивляться, переживать, пугаться, смущаться, идти... В голове гудело, ноги дрожали, тело вспотело – голубое светило, давно прошедшее через зенит и видимое сквозь «кроны», раскаляло воздух, сделав его жарким и невыносимо душным.

Охватившая меня апатия не исчезла, даже когда на небольшом участке, относительно свободном от «растительности», амиоты сбросили свой груз и начали обустриваться на отдых.

– Ультразвук скоро, – сообщил Кин, окинув меня пристальным взглядом.

Выглядел при этом Седьмой вопиюще бодрым и полным сил. Долгий переход на нём никак не сказался – тела амиотов значительно

превосходили наши с Игерем в выносливости.

Рухнув на песок, я мечтала лишь о том, чтобы избавиться от сводящего с ума ощущения пересохших рта и губ, закрыть глаза и отрубиться... Ультразвук? Рой плотоядных насекомых? Хищные двумордые сороконожки размером с носорога? Сил страшиться всех их тоже не осталось.

– Пить и есть, – синхронно моим мыслям и желаниям сообщил Седьмой, впихнув мне в руки бутылку с водой и чудом сохранившийся корабельный паёк.

Еда! Вода!

Голод и жажда заставили вскинуться, тело отреагировало всплеском потаённых сил. Схватив предложенное, забыв обо всём, я разорвала упаковку, чтобы тут же, не медля, кусок за куском впихнуть в себя пищу. Давилась, жадно торопясь и подбирая с колен упавшие крошки.

Стыда не было. И взгляд наблюдавшего за мной Кина не способен был поколебать. На всё это банально не осталось сил.

– Дайте мне аптечку! Я требую! – голос Игеря звучал слабо, и я сразу устыдилась того, как эгоистично забыла о сородиче. Получил ли он еду? Страдает ли от ран? – Треклятые кристаллы! На мне столько порезов... И синяки по всему телу. Я должен их обработать!

Он прав! Вокруг неизвестная патогенная микрофлора, любые открытые раны могут быть смертельно опасными.

– Пожалуйста... – Надеюсь, что взгляд передаёт мольбу, я подняла глаза на Седьмого. – Игерю нужна аптечка. Это коробка с медикаментами в одном из контейнеров. Медикаменты – это лекарства... Помнишь, мы брали их на корабле?.. – я запнулась, осознав, что сейчас мы вряд ли друг друга понимаем. Пришлось мысленно представить царапину, которую покрывают заживляющим кремом, и она исчезает. – Его раны... Их необходимо обработать.

С небольшой заминкой, но амиот кивнул – он явно усвоил этот жест согласия, переняв его из наших со штурманом редких разговоров.

– Спасибо...

Я испытала облегчение, когда Игерь доковылял до контейнера, а один из амиотов помог сдёрнуть крышку, прежде чем отошёл.

Хотела было встать и помочь ему, но... Но сытость лишь добавила вялости, и двигаться сил не осталось. Да и, в конце концов, он же

мужчина. Сможет сам о себе позаботиться.

Сквозь мутнеющий от сонливости взгляд я какое-то время смотрела, как Игерь роется в контейнере, а потом прикрыла глаза. Завалившись на бок словно дикарка, поняла, что засыпаю прямо на земле. И что происходит вокруг, какие угрозы наступают на пятки – не волновало. Моё тело израсходовало все силы и нуждалось в отдыхе.

Глава 6. Привал

Кин

Многое изменилось... И потребность в этом разобраться я испытывал практически осязаемую. Словно не я сам, а моё тело требовало ясного и конкретного объяснения, подстёгивая меня ощущением нарастающего в груди и животе напряжения.

День принёс множество неясностей. Причём та, что казалась мне главной, вовсе не была связана с этим местом – тут всё как раз понятно: физический мир лишь в своей форме воплощения отличается от нашего родного. Что касается энергии, то она везде одинаково перетекает от одного объекта к другому. Так что мы с лёгкостью сможем здесь освоиться.

Но вот Троя... Она никак не вписывалась в понятную мне модель существования. Добыча совершала совершенно иррациональные поступки. И именно их значение я желал понять сильнее всего остального.

Наблюдая, как женщина сначала торопливо, а затем всё медленнее пережёвывает пищу, я не терял из виду и второго пленника. Так и не присевший для отдыха, он ругался и требовал...

Аптечку? В мыслях Трои я явственно увидел знакомый образ флакона, содержимое которого помогало заживлять раны.

Подобные повреждения у штурмана нас не беспокоили – этот пленный в принципе бесполезен. Не имеет значения, отчего он погибнет. Но если для него есть возможность оставаться в живых как можно дольше, то это в первую очередь для нас несомненный плюс – Игерь отличный материал для экспериментов с окружающим миром. Я сегодня в этом наглядно убедился.

«Дайте ему то, что он просит, – бросил собратьям. – Шор! Контролируй его, будь рядом».

Так пленник избежит воздействия ультразвука, насекомых и хищников, что могут появиться позже. На нас всё это не действует – доставшиеся нам тела слишком неуязвимые и стойкие, поэтому на основе результатов влияния на них окружающей среды сложно делать

правильные выводы. Поэтому имеет смысл сохранить того, на ком это воздействие проявляется явственно. Троя? Кинув на неё быстрый взгляд, отметил, что глаза женщины почти закрыты. Сделать мою добычу подопытной? Нет! Игерь куда предпочтительнее в этом качестве!

Сегодня я в полной мере оценил возможность испытывать на нём неизвестное. И это принесло неожиданные результаты. Поведение Трои изменилось! Её действия спровоцировали новую реакцию моего тела... Пока непонятную! Но впечатляюще мощную, полностью дестабилизирующую меня на некоторое время. Это и опасно, и интересно одновременно. И я обязательно повторю удивительный опыт с прикосновениями. Как выяснилось, они очень зависят от того, какой частью материальных оболочек и с кем соприкоснуться.

Я разберусь в этом, а пока...

«Щег так и не нашёлся», – Орш синхронно со мной подвёл итог сегодняшних поисков.

Именно поиски собрата и были основной целью сегодняшнего перехода. Те из нас, кому не достались «глухие» женские оболочки, неизменно чувствовали его где-то рядом. Потому точного направления движения у нас не было. Мы просто бродили среди кристаллических зарослей, пытаюсь определить место, где ощущение близости собрата было бы максимальным. Однако оно словно перемещалось так же, как и мы, то отдаляясь, то приближаясь.

Дважды мне казалось, что мы в одном шаге друг от друга. Но когда я делал этот шаг, ощущение присутствия пропадало – Щег снова становился размытым отголоском своей сущности.

Явление непонятное, но мы знали точно – не уйдём отсюда, пока не познаем его суть, а судьба собрата не станет ясной.

«Он жив! Значит, мы сумеем найти его».

Помогая другим эдайти разместиться на поляне и периодически поглядывая на Трою, я заметил, что она свернулась в комочек и ворочается с боку на бок. Ей холодно? Жёстко?

«Орш, – кинул мысль собрату, – во время полёта Троя советовала тебе что-то для Риш. Чтобы успокоить и позволить отдохнуть. Что-то?..»

«Подстилку!» – молниеносно откликнулся собрат, словно сам сейчас думал о том же...

В наш беззвучный общий мысленный разговор вмешалось шумное сопение:

– Дикари! Людоеды! Дикость какая, они что думают – я стану сырым мясом питаться? Да и чьё это мясо? Всякую гадость в рот тащить не приучен! Нет бы прежде «просветить» его в пищевом анализаторе... Должен же он быть в комплекте с корабельными пищевыми комплектами, хотя бы один? И если это съедобно, то надо хоть костерок развести... И запечь...

Игерь, сосредоточенно что-то выуживающий из контейнера, бормотал едва слышно, но для нас его голос звучал отчётливо и громко. Мы внимательно прислушивались, недоумевая – чем ему не угодила еда? Отклик наших тел на структуру многоножек был однозначным: состоят из нужного для оболочки набора веществ. Что пленник собрался делать с добычей? Для нас, существующих ради поглощения энергии, сама идея о каких-то приготовлениях к процессу питания звучала... абсурдно. И непрактично!

Сместившись к Игерю, который с небывалым рвением копался уже в третьем контейнере, и заглянув поверх плеча, я заставил его вздрогнуть.

– Я... э-э-э... ничего... уже всё почти... нашёл...

Он, побагровев, суетливо прижал к себе стопочку каких-то пластин в прозрачной упаковке, а чёрную коробочку с цифровым экраном и вовсе поспешно сунул за полу скафандра.

– Зачем это? – Я ткнул пальцем в упаковку в руках мужчины. Искреннего интереса не было, но испуг пленника выглядел впечатляюще.

– Т-термиче... – начал он и запнулся, – термические горючие пластины. Чтобы... – Сглотнул, перевёл взгляд на конечность местного мелкого хищника, ранее предложенную ему для питания, а теперь лежащую на крышке контейнера. – Чтобы мясо приготовить. Я проверил – оно съедобно...

– Съедобно? – Вплотную приблизив своё лицо к вмиг побелевшему лицу пленника, я клацнул зубами. Не стоит ему забывать, что и он для нас стодится в этом качестве!

– Если поджарить...

– Как это действует? – Я снова ткнул пальцем в стопку плоских дисков. Если уж мы прихватили с собой всё, что удалось спасти с

корабля, предпочтительнее знать его практическое применение.

– Запал поджигает горючее, – растерянно пробормотал Игерь. – Ещё замедлитель срабатывает... Я не химик, мне показать проще, чем объяснить.

– Показывай, – согласился я.

Трясущимися руками Игерь разорвал упаковку и вытащил верхнюю тонкую круглую пластину. Отложив остальные в сторону, присел, разровнял ладонью песок под ногами и аккуратно разместил на нём непонятный предмет. Ухватив пальцами тонкий шнур, выступающий из центра, резко дёрнул вверх.

Место контакта полыхнуло огненным росчерком, выбрасывая волну тепла и плазмы. Раздался вскрик Риша, не ожидавшего вспышки. Это было так похоже на те взрывы, которыми наши пленители осыпали транспортник, чтобы нас уничтожить, что я не рассуждая одним движением бросился к губительной субстанции. Схватив Игеря за горло, рванул вверх, одновременно ногой затаптывая пластину в песок и уничтожая источник разрушительной угрозы.

– Решил нас истребить? – прошипел прежде, чем вырваться сутью эдайти из оболочки и поглотить замышляющего подлость пленника.

Но мужчина так яростно замолотил руками воздух и замотал головой, словно уже понял: пришли последние секунды жизни. Выпучив глаза в бессильных попытках вырваться, просипел:

– Это не то, что вы подумали! Это не опасно!

Помедлив, я всё же его отпустил. Пока! Любопытство пересилило – другие эдайти тоже наблюдали за происходящим.

Игерь рухнул на песок, тяжело дыша. Отыскал глазами растоптанную пластину, от которой остались лишь фрагменты. Бросил на меня полный ужаса взгляд и потянулся к упаковке.

Дрожащая рука мужчины. Рывок. Вспышка.

Снова огонь охватил пластину, но на этот раз я сдержал защитный порыв, позволив Игерю продолжить. Схватив ногу существа, он осторожно положил её на раскалившийся от нагрева материал. Орш, который находился с наветренной стороны за спиной пленника, подобно мне подскочив с намерением его уничтожить, с интересом потянул воздух носом...

Все мы очень быстро отметили появившийся характерный запах – пища приобрела иной аромат.

– Надо подождать, – сообщил штурман, когда я заинтригованно присел рядом, присматриваясь к тому, как обугливается и трещит, сгорая, кожа, покрывавшая лапу многоножки.

Запах, первоначально тревожащий, навязывающий воспоминания об оружии, вскоре сменился на совершенно иной. И чем дольше питательная материя нагревалась, тем более сочным и насыщенным он становился. Аппетитным ровно в той же степени, в какой и выросты в нишах-ловушках живой горы, пусть и без доводящего до безумия дурмана.

Даже уже уснувшая Троя, вновь зашевелилась и приподнялась, принюхиваясь и осматриваясь.

– Хватит, наверное, – с долей неуверенности пробормотал Игерь, которому в эпицентре нашего внимания было явно неуютно. Натянув край рукава куртки на ладонь, он схватил совершенно видоизменившуюся конечность и вытащил из огня. – Горячая... – зашипел, торопливо поднимаясь, чтобы скорее положить еду на крышку ближайшего контейнера.

Посмотреть на процесс приготовления пищи подошли и другие эдайти. С тем же интересом, что и я, собратья изучали трансформировавшуюся под влиянием высокой температуры материальную еду. Зачем Игерь сделал это? Не проще ли употребить питательный объект в первоначальном виде? Есть ли преимущества или какой-то ещё смысл в таких манипуляциях?

По ощущениям пища действительно осталась съедобной, пусть немного и изменив первоначальную физическую структуру, но... привлекательность её для оболочки стала на порядок выше. Все мы вдруг осознали, что рот наполнился жидкостью, призванной стимулировать процесс питания. Любопытное явление...

Штурман тоже сглатывал эту жидкость, с вождением обоня притягательный аромат. Питаться под прицелом наших взглядов ему было явно неуютно, но голод и пробудившийся аппетит пересилили.

Отодрав жёсткий и обуглившийся верхний слой чужой плоти, Игерь обнажил матово-белую волокнистую субстанцию, усилив сочный аромат еды. Оторвал длинный кусок и с нетерпением отправил его в рот. Выражение лица мужчины при этом выражало явное удовольствие.

«Такая обожжённая еда для материальных предпочтительнее...»

– сделал я очевидный для нас всех вывод.

Это стало значимой информацией. Запасы пищи с корабля практически иссякли, а до «шишек» не всегда можно будет добраться, если мы уйдём от живой горы. Чем тогда кормить мою добычу? Но прежде необходимо попробовать самому!

Ждать не стал, протянул руку и забрал с контейнера видоизменившуюся еду. Под пристальным и жадным взглядом нервно дожёвывающего свою порцию штурмана оторвал такую же полоску. Надкусил, на миг замерев, анализируя впечатления вкусовых рецепторов оболочки: безопасно, вкусно, допустимо.

Передав поджаренную лапу Оршу, вытащил из второго контейнера кусок толстой ткани и направился с остатками горячей еды к недоумевающе хлопающей глазами Трое.

– Ешь, – присев рядом, протянул ей...

«Жареное мясо?»

Добыча активно задвигала носом, а в её мыслях так чётко и своевременно образно отразилось название, что я удовлетворённо кивнул – точное и конкретное обозначение. Удачно. Всё же необычайно удачно, что именно Троя оказалась с нами. Ведь мыслей других пленных я не слышал. А как-то называть все эти новшества материального мира нам необходимо даже между собой.

Троя, прикрыв глаза и слегка покачиваясь от усталости, бездумно жевала, а я наблюдал за ней и одновременно держал в поле зрения то, что происходило вокруг. Игерь забился в щель между большими контейнерами и злобно смотрел на процесс делёжки. От «его» жареной ноги уже ничего не осталось – Орш, демонстрируя присущую ему практичность, предусмотрительно разделил её на части, позволив попробовать всем желающим.

Интерес к модифицированной еде, подстегнутый аппетитным ароматом, пробудился у многих. В том числе и у обитателей «глухих» женских оболочек: не способные воспринять наши образные впечатления, они оглядывались на Игеря, явственно принохиваясь.

– Жареное мясо, – подхватив уже ретранслированное мною обозначение, Орш предложил «новинку» Ришу. – Попробуй эту еду. – И заботливо предупредил: – Горячее!

Предпочтение, оказанное собрату, было понятно каждому: все мы продолжали надеяться, что сможем выявить тот фактор, что позволит совершенствовать женские тела. Довести до общего уровня мысленного восприятия. Что, если это зависит от качества потребляемой пищи?..

Риз и Шох, вопреки всем предупреждениям продолжавшие реагировать с излишней агрессивностью всякий раз, когда Орш оказывался рядом с Риш, на этот раз отнеслись с пониманием. Троица с одинаковым ожиданием уставилась на вгрызшегося в пищу «безмолвного» эдайти с куда более рельефной оболочкой. Что, если поможет?..

– Нравится! – одобрил Риш, увы, всё так же на словах. – А ещё есть... жареное мясо?

Он облизнулся, неловко пытаясь смахнуть с губ мясной сок. Отчего-то этот жест произвёл на Орша, Шоха и Риза одинаковое впечатление: все трое застыли, уставившись на его рот.

– Есть?

Прозвучавший повторно вопрос заставил эдайти активизироваться. Но если Риз и Шох подскочили, развернувшись в направлении штурмана – с ним теперь ассоциировали «новшество», то Орш, внезапно подавшись вперёд, коснулся губ Риша ладонью, стирая аппетитный сок.

Оба вздрогнули, уставившись в глаза друг друга.

Не сразу сообразив, содрогнулся и я от пронзительного воспоминания. Когда губы Трои коснулись моего рта... Ощутили ли сейчас Орш и Риш нечто подобное? Это напрямую связано с губами? Стоит их коснуться, и сквозь тело словно проходит волна энергии?.. Я невольно перевёл взгляд на лицо Трои: вдруг нестерпимо захотелось испытать это ощущение вновь.

Оттого я пропустил момент, когда необъяснимая ярость накатила на двух братьев. Вскинув взгляд, увидел уже, как Риз и Шох кинулись на Орша. А он и вовсе допустил нападение, как-то слишком медленно, с явным усилием отстранившись от Риша.

«*Остановитесь!*» – шарахнул по сознанию всех троих, вынуждая замереть.

Да, разъярённая парочка пригвоздила Орша к земле, но сомнений не было – если он ответит им в полную силу, оба в считанные

мгновения отлетят и ударятся оболочками о высоченные кристаллы на границе поляны.

– Прекратите! – почти синхронно крикнул всё увереннее пользующийся речью Риш. – Почему вы атакуете?

Хороший вопрос. Он занимал сейчас многих свидетелей очередного срыва. Лица всех троих участников свары перекосило – небывалое проявление эмоций для эдайти. Возможно ли, что оболочки этих двоих тоже бракованные, только не как в случае с Ришем – глухие, а... излишне возбуждаемые? Сейчас уже было понимание, что всплеску агрессии всякий раз предшествует всплеск эмоциональный. Но что тогда с Оршем?

– Накормите его, – кивнув на Риша, как-то глухо и тоже вслух бросил он собратьям, ограничившись простыми толчками, от которых Риз и Шох плюхнулись рядом. К моменту, когда оба подскочили на ноги, Орш уже исчез за ближайшими кристаллами.

«*Осмотрюсь*», – пришла его выверенно-сдержанная мысль.

Однако за этим нарочитым спокойствием я чувствовал такое знакомое... ошеломление. Больше всего это походило на бегство. Но от кого могут бежать эдайти?..

Впрочем, мимолётный инцидент быстро сошёл на нет – все вернулись к прежним занятиям – эдайти продолжили обустройство, распределяя обязанности и выбирая удобные места для ночёвки. Троя и Игерь вообще вряд ли что-то заметили: уж слишком стремительными для их восприятия были действия моих братьев. Риз и Шох, объединившись, притащили и бросили у ног штурмана целую многоножку, выразительно указав ему на всё ещё не угасшую горячую пластину. Идея продолжить кормление Риш явно им понравилась.

– Ээ... – Пленный в явной растерянности выбрался из своего укрытия. Пнул ногой упругую тушу, размером с самого себя, и пролепетал: – Слишком большая.

Сообразив, в чём проблема, Риз и Шох тут же разорвали многоножку на части и снова указали на них штурману.

– Сделай жареное мясо!

– Я в повара не нанимался... – протестующе заворчал было тот, но, услышав рычание, которое дружно издали наблюдавшие за ним

эдайти, тут же положил сразу три оторванные лапы на раскалённую пластину.

Скривился, вздохнул сокрушённо, вытащил из упаковки и зажёл ещё одну... Вновь полыхнуло вспышкой пламени. Все мы внимательно следили за процессом, анализируя причины и условия явления. Огонь как следствие трения особой по составу материи? Очередное открытие физического мира – нам прежним подобное бы не пригодилось. Сейчас же практическую пользу требовалось осмыслить.

Еда готовилась, распространяя по всему лесу наверняка необычные, непривычные местным обитателям ароматы. Это заставило меня проявить бдительность – неясно, привлечёт когонибудь этот запах или отпугнёт?

«Быть внимательнее, – предупредил собратьев. – Сегодня ночью бодрствуем, сменяясь, парами».

«Кто насытился – рассредоточьтесь на подступах к лагерю», – поддерживая меня, пришла новая мысль Орша. Ему явно удалось вернуть привычную концентрацию и самообладание.

– Ещё? – уже вслух спросил я, обращаясь к Трое.

Она лишь покачала головой, уже знакомым мне жестом отказываясь. Прядь волос при этом прилипла к губам женщины, вновь приковав мой взгляд к её рту. Прежде чем задался вопросом «почему», я протянул руку и коснулся её губ, отбрасывая волосы. Троя немедленно отшатнулась, широко распахнув сонные глаза. Мне же было интересно: по примеру Орша успев смахнуть с её губ и мясной сок, я поднёс ладонь ко рту и кончиком языка слизнул капли.

Это оказалось даже лучше, чем когда я сам ел жареное мясо! Взгляд вернулся к губам Трои: а что, если?.. Следуя намерению, чуть подавшись вперёд, я потянулся к добыче. Но она, словно разгадав порыв, вдруг покраснела и... плюхнулась на землю. Плотнo прикрыв глаза, отвернулась, устроившись ко мне спиной. Я же внезапно понял, что за эмоция владела Оршем перед уходом: это было не ошеломление, а... разочарование.

– Да что ж за напасть, – продолжал ворчать Игерь, отвлекая на себя внимание. – Раздевают меня, швыряют, как таракана, в пасть какой-то местной громадной росянки, голодом морят, то дают еду, то отнимают, угрожают, а я им... готовь на всех?! Кому рассказать – не

поверят... – С ненавистью зыркнув на ближайшего эдайти, полагая, что неслышно, забормотал: – И этот ещё тут... Словно прилип...

Шор действительно, выполняя моё распоряжение, не отходил от пленника дальше чем на пару шагов. И, кстати, очень предусмотрительно – время подошло: ультразвук нахлынул мощной волной, едва голубое светило ушло за горизонт.

Но мысль проучить штурмана, на несколько минут оставив его без сопровождения, не возникла – сейчас он был полезен эдайти. Жареное мясо, пусть пропёкшееся не так хорошо, как в первый раз, разошлось между собратями моментально. Риш, к разочарованию ревностно опекавшей его парочки, от добавки отказался:

– Расхотелось, – пояснил спокойно, растягиваясь на песке.

Получалось это у него вполне уверенно – собрат практически освоил азы управления своей необычной оболочкой. Только вот выпуклая грудь топорщилась вверх, привлекая внимание эдайти с мужскими версиями оболочек. Ризу и Шоху осталось лишь улечься рядом, вознамерившись защищать Риша до момента, когда придёт их время охранять лагерь.

Мой интерес быстро сменил ориентир, когда я осознал – Троя сонно засопела. Уронив руку с полусогнутыми пальцами на песок, моя добыча расслабленно обмякла. Её ладонь и приковала к себе мой взгляд. Такая крошечная... хрупкая. Короткие ногти, мягкие подушечки пальцев, так и не сжавшихся в кулак, – ладонь словно бы олицетворяла саму Трою.

Рука потянулась к ней. Осторожно, не желая разбудить, я подсунул ладонь под полусжатый кулачок женщины. Контраст поразил – должно быть, так же сокрушительно разными мы смотримся рядом. В сравнении с её ручкой моя рука казалась огромной и грубой, когтистой, опасной, какой-то безжалостной и неумолимой, способной сокрушить этот мягкий и беззащитный комочек плоти.

Так казалось со стороны... В действительности же тело обессилело. Даже такого крошечного соприкосновения оказалось достаточно, чтобы... обезоружить меня, лишив всякого желания сокрушать или давить. Всё, чего хотелось сейчас, – защищать. И наслаждаться тем теплом и мягкостью, что порождала её ладошка. Защищать от холода, укусов насекомых, даже от колких песчинок местной почвы...

Я так и не убрал свою руку, баюкая доверчиво обмякшую ладонь в своей. Вытянувшись рядом и окутав Троя коконом защитного поля, что продуцировала сущность эдайти, завернул безвольное тело в тот кусок тряпки, который вытащил из контейнера. Сомкнув полы куртки, переложил голову спящей добычи на своё плечо, оберегая от ночного холода.

– Троя спит, – беззвучно пробормотал ей в ухо, незримо посылая наказ отдохнуть и восстановиться после долгого перехода.

Мне столько отдыха не требовалось – тело ещё не растратило накопленные ресурсы. Но отказывать себе в удовольствии полежать рядом с добычей я не стал. Оттого устроился рядом, вглядываясь в свою ладонь, обхватившую женскую руку, и вслушиваясь в ощущения этого прикосновения...

Незнакомый нам, прежним, тактильный мир... Способность осязать не силой разума, а посредством соприкосновения телами. Например, губами или ладонями – то, что я узнал сегодня. Испытал... Очередное откровение, совершенно новые возможности и... неожиданные, пока малопонятные последствия.

В эту ночь наступивший с заходом обоих светил мрак казался непрогляднее и гуще. Вероятно, из-за того, что вокруг нас не было открытого пространства, а кристаллический лес словно вбирал в себя малейшие проблески света. И вот что странно – здесь, глубоко в зарослях кристаллического леса, наши возможности видеть своей истинной сутью оказались на порядок ниже. Бросив сканирующую волну, я, вместо того чтобы одним махом обозреть даже самое дальнейшее пространство, увидел лишь самые ближайшие окрестности. Вся энергия, что ушла в направлении зарослей, будто исчезла, с жадностью поглощённая тьмой? Или...

«Кристаллами! – в унисон моим мыслям откликнулся Орш. – Днём они насыщаются энергией светила, сейчас этого источника нет. Потому забирают нашу».

«К счастью, делают это пассивно, – дополнил Зом, переместившись к одному из ближайших кристаллических колоссов и даже дотронувшись до него ладонью. – Принудительной откачки я не чувствую. Если не отдавать энергию по собственной инициативе, то она никуда не утекает. Эти... организмы поглощают только свободную».

«Но их влияние ощутимо снижает наши возможности видеть окружающий мир, – предупредил я. – Дозорным придётся учитывать и это ограничение».

И они учитывали – в выводах-сообщениях о происходящем рядом с лагерем теперь было больше опоры на те органы чувств, что имелись у оболочек, – обострённый слух, тактильные ощущения и ночное зрение, а не только на привычное эдайти ментальное сканирование, свойственное нашим истинным сущностям.

«Шаги... Кто-то приближается...»

«Остановился и сопит...»

«Удрал, когда мы подошли ближе».

Какой-то обеспокоенности за этим не было: каждый из нас знал, что, если кто-то решится атаковать из тьмы, будет немедленно уничтожен.

«По ногам чувствуется движение холодного воздуха – температура снижается».

Констатация факта, не более.

«Мерцающие пятна в глубине леса разрастаются. Такие же, как то, в каком исчез Щег».

Собрать был жив – мы всё по-прежнему ощущали его, но не более. С подобным ранее мы тоже не сталкивались.

И вдруг...

«Песок дрожит... Подземная вибрация... Опасность!»

Последнее прозвучало дважды: хлёстким беззвучным мысленным предупреждением и вслух – громким вскриком, пробудившим всех.

Мгновенно среагировав, я, подобно остальным собратьям, подскочил. Совершенно бездумным, рефлекторным движением подхватил перепуганную Трою и, перекинув её через плечо, приготовился взвиться в воздух в высоком прыжке.

Каждый эдайти сейчас был готов взметнуться вверх, чтобы уцепиться за выросты кристаллов, тем самым разрывая контакт с поверхностью. Тех, кто не мог слышать мысли собратьев, либо же нуждался в дополнительной опеке, подобно моей добыче держали на руках.

Песок под ногами действительно шевелился, расплзаясь и стекая в невесть откуда появившиеся углубления между кристаллами. Они росли и ширились на глазах, сливаясь в единый зияющий сумраком

провал. Кристаллы вокруг шатались, опасно кренясь. Казалось, ожили, хотя потенциала для этого в них не чувствовалось. Подобное могло означать лишь одно – кто-то заставляет их двигаться. И этот кто-то находится под нашими ногами!

«Новое неизвестное», – озвучил в общем-то понятный всем факт Шол.

«Оно пришло напасть!» – слился с ним уверенный вывод Орша, который, помедлив совсем крошечный промежуток времени, передал Риша напряжённо вглядывающимся в творящееся под ногами, замершим рядом Ризу и Шоху.

Пусть собрат в «глухой» оболочке не участвовал в беззвучном диалоге, но ресурсов тела и реакции эдайти ему было достаточно, чтобы чувствовать угрозу. Все мы застыли в ожидании... Даже Троя, несомненно не способная хоть что-то рассмотреть своими несовершенными глазами в ночном мраке, напряжённо замерла, прижавшись к моему телу и не дыша. Вслушиваясь?..

«Оно» ворочалось грузной массой, буквально прорывая себе путь из-под земли. Вспучивало каменные глыбы, выталкивая их на поверхность и заставляя песок исчезать в образующихся ямах.

Кажется, тот, кто стремился на поверхность, был огромным. Всё вокруг стало рушиться. Или же стремилось отдалиться от эпицентра прорыва – мы ощущали существ, уносящихся во всю прыть. Что двигало ими? Почему они предпочли сбежать?

Лавируя между норовящими задавить падающими кристаллами, я старался не выпускать из поля зрения эпицентр локальной катастрофы. Вопрос – что это за явление и как в следующий раз его предотвратить, – удерживал рядом. Было важно разобраться в очередном новом явлении планеты, осмыслить его практическую значимость. Убегать, разумеется, никто из нас и не думал. Подхватив эдайти в не столь быстро реагирующих женских вариациях тел, предусмотрительно оттащили их в пока безопасную зону. Мы лишь реагировали на меняющуюся обстановку, избегая прямых угроз. Во вселенной нет того, что способно нас сокрушить!

Забыли мы только об одном – Игерь, подобно Трое не обладающий зрением, позволяющим видеть в сумраке, остался там, где спал. И теперь, вскочив на ноги, слепо озирался, не зная, куда бежать, и не понимая, что происходит.

– Проклятье! Кто скажет мне, всех вас поглотит бездна, что тут творится? – верещал он, судорожно хрипя и отскакивая от скрипящих при падении кристаллов. Штурману пока удавалось не быть раздавленным окаменелым кристаллом и не свалиться в очередную разверзшуюся пропасть.

Хотя, конечно, термин «забыли» был здесь не совсем уместен. Скорее, «намеренно оставили». Ведь больше никто не годился на роль приманки для выяснения причин появления подземной твари и её возможностей. Игерь же идеально подходил: он бессмысленно и суетливо метался на небольшом пятачке пространства, безрассудно привлекая к себе внимание.

– Помогите! Нелюди! Вы снова бросите меня?! Троя!

И да, он ещё и вопил, один производя шума больше, чем все мы, вместе взятые. Крайне непрактичное поведение! Опять же, эта потеря была для нас несущественной. Разве что моя добыча судорожно дёрнулась, услышав его вскрик. Но я придерживал её рукой, не позволяя соскользнуть на землю.

«Оно близко, – деловито отметил Зом, предвкушая встречу. – Точно живое».

«А что это такое под землёй?!» – с куда большей экспрессией в мыслях Орш акцентировал внимание на новом непонятном объекте.

Вопрос его относился не к существу, явившемуся на место нашей ночевки, а к глубинным слоям породы. Залегающий пластами минерал простирался далеко, широким поясом охватывая... возможно даже всю планету. По крайней мере, огромное болото и кристаллический лес полностью находились над его залежами. И именно он мешал видеть пространство, смазывая наше восприятие, создавая экранирующий, отражающий эффект, а потому ощутимо влияя на наши способности эдайти.

Возможно, мы бы и не догадались о его наличии, но живущее под землёй существо, чьё внимание мы привлекли, всколыхнуло сокрытую в недрах породу, и её фрагменты в виде бесформенных глыб появились на поверхности.

Природа вещества, способного естественным образом противостоять даже нам, эдайти, крайне интриговала. Но...

«Исследуем минерал, когда разберёмся с живностью, – напомнил Хал о первостепенном и с надеждой добавил: — Что, если она

съедобна?»

В том, что к нам прорывается возможная добыча, мы убедились, едва из самого крупного провала в воздух взметнулись тонкие светящиеся нити. Словно кто-то выбросил «водяные» струи, не позволяя им потерять структуру, рассыпавшись каплями. Гибкие, подвижные, они мельтешили и как будто прощупывали поверхность, двигаясь вверх, вниз, в разные стороны... Через несколько мгновений стало ясно – это всего лишь длинные выросты на каждом покрове подземной тёмно-коричневой твари.

Увидев её, Игерь замер, едва дыша, и перестал вопить.

– Мать моя... червь?! Гигантский чер... – начал было шептать и... Слова резко оборвались.

На этот раз мужчина не пытался рьяно сбежать, а словно впал в панический ступор. Он так и стоял, покачиваясь от подземных толчков, не сводя глаз с колеблющихся световых нитей.

Странно... Ничего хорошего не ждал и подобного ранее не видел?

Многие из нас были не против подпитать ресурсы оболочек – добыча решила поохотиться на нас очень вовремя, и потому наблюдали за манёврами ночного визитёра с плотоядным интересом хищников. Если существо окажется пригодным в пищу – оно обречено. При этом собратья действовали на опережение, успевая ловко уворачиваться от пролетающих мимо светящихся щупалец-выростов.

Хотя...

«Лис! – я выкрикнул предупреждение-мысль, заметив непонятную заминку одного из наших из числа «везунчиков», получивших «глухие» женские тела. И тут же, осознав свою ошибку, переключился на того эдайти, который находился рядом. – Зом, что с Лисом? Его же сейчас прихватит...»

Собрат среагировал мгновенно и успел перехватить ставшее малоподвижным тело Лиса прежде, чем его коснулся светящийся щуп.

Когда же последние спасенные из лаборатории эдайти окончательно совладают с оболочками, не допуская подобных ситуаций?.. Сейчас такая медлительность могла стать для них роковой.

Ещё один вырост устремился ко мне. Надёжнее перехватив тело Трои, я приготовился к оперативному манёвру, чтобы разминуться с ним. Чётко отслеживая движения противника, одновременно

озадачился поведением своей добычи. Неизменно вздрагивающая по малейшему поводу Троя как-то очень спокойно, даже расслабленно лежала на моём плече и ровно дышала. Это для неё не было нормальным поведением!

Бросив на лицо женщины стремительный взгляд, заметил, что она не моргая, заворожённо и бездумно смотрит на яркое цветное свечение. При этом её мыслей я не ощущал, словно их не было совсем, лишь... пустота.

Что-то не так! Вывод возник с одновременным громоподобным рычанием Орша:

– Риш!

Собрат в шумовом эффекте превзошёл даже Игеря, который, кстати, продолжал нехарактерно спокойно безмолвствовать. И тоже в неподвижности пялился на мельтешащие светящиеся нити. Как и Троя...

Вот только рык никакого эффекта не возымел: Риш с необъяснимой заторможенностью реагировал на летящий прямо на него светящийся щуп! При том что с женской оболочкой собрат уже точно освоился!

«Вы оба! – Орш непривычно мощно для мысленного и обычно безэмоционального диалога рявкнул на Риза и Шоха, в последний момент с какой-то запредельной ловкостью успев отдёргнуть Риш в сторону, выведя из-под удара. – Куда смотрите?! Вам доверили опекать Риш!»

В свою очередь ускользнув от атаки, я сконцентрировался на общей картине происходящего. С пленниками явные проблемы: и Троя, и Игерь словно спят с открытыми глазами. Риш и Лис ведут себя ничуть не лучше. Реагируют на угрозу, но слишком медленно.

Существо продолжало целенаправленно карабкаться из недр земли, рассеивая тьму свечением своих выростов. Тут и там мелькали тела собратьев, уверенно уворачивающихся от них в ожидании возможности уже для своей атаки. Всем нам хотелось дождаться пока этот... червь... выберется полностью, лишившись шанса ускользнуть. Оршу пришлось отвлечься, чтобы спасти Риш...

Стоп!

Вдруг со всей очевидностью я понял:

«Только эдаити с мужскими версиями тел подвижны!» – мы с Оршем крикнули это одновременно.

«А собратья с женскими оболочками в ступоре! На слова тоже не реагируют!» – дополнил наблюдение Зом.

Я мог бы добавить, что пленники точно в том же положении, но, кроме меня, этот момент никого из эдаити не интересовал. Да и я учитывал его исключительно из-за Трои.

«Всем защищать более слабых», – мгновенно сориентировался я, подразумевая собратьев, которым достались менее совершенные тела. Уничтожение подземного обитателя отошло на второй план.

«Как оно влияет на них?»

«Очевидно, что жертвы отрешаются от происходящего, концентрируясь только на свечении. Ощущение угрозы притупляется.»

«Это реальная уязвимость!» – Орш словно выплюнул эту мысль, продолжая по моему примеру придерживать на плече обмякшее тело Риш.

Другие эдаити также расхватили подпавших под воздействие свечения собратьев с женскими телами.

«Механизм блокировки... Упреждает атаку?» – мы продолжали коллективно анализировать способности неведомого противника, с прежней лёгкостью уворачиваясь от всё более стремительно раскачивающихся светящихся щупов.

«Похоже, обездвигивает добычу, чтобы она не сбежала, пока это существо выберется на поверхность. Оно довольно медленное», – попытожил Хал.

«Проверим», – сошлись мы на самом очевидном решении. У нас имелась идеальная кандидатура на роль подопытного. Штурман!

Игерь по-прежнему стоял неподвижно, теперь уже совсем близко от мерцающего, завладевшего его вниманием свечения, словно видел только его, не замечая реальный источник угрозы. А он медленно вылезал, становясь всё больше, а его выросты разгорались всё ярче.

«Несъедобно для оболочки», – разочарованно сообщил Тас. Как самый голодный, он первый озаботился практической стороной ситуации.

Собрать оказался прав. Подобно летающему плоскому кристаллу это существо по своей структуре воспринималось неживой материей –

несъедобной. И это напрочь лишало его для нас материальной питательной ценности. Убивать его теперь не имело смысла.

Осознать такую однозначную непригодность удалось лишь сейчас, когда червь практически полностью вылез на поверхность. Причина в том самом минерале местных недр, смазывающем эффект ментального сканирования. С существом, обитающим глубоко в земле, эта наша способность не работала.

Мы, эдайти, не уничтожаем ради самого процесса разрушения или с целью развлечения. Такого не было и в нашей прошлой, нематериальной, жизни. Вся ценность добычи в её способности стать энергией-пищей. Пусть прежде нам для этих целей сгодились бы что угодно, но материальные оболочки оказались более разборчивыми.

«Шол, Хал, Зом, – из тех, кто не был сосредоточен на помощи женским особям, я выбрал лучших. – Существо надо загнать обратно под землю».

«Если не отступит?» – деловито уточнил Хал, намекая на старания, что затратил червь, пробиваясь на поверхность.

«Используем его для восполнения энергетического запаса».

Это тоже плюс. Если не для оболочек, так для существей эдайти.

«Поступим с ним как с летающим кристаллом – все по глотку жизненной энергии оттянем», – согласился Зом.

«Своеобразно организована жизнь на этой планете, – жажда насыщения побуждала Таса на рассуждения. – Она словно развивалась двумя параллельными путями. С одной стороны – из неживой материи словно камни, но способные двигаться существа. С другой – довольно распространённые белковые формы».

«Да, – дружно согласились, принимая наблюдение. – Первое неплохо для эдайти. Второе благоприятствует нашим оболочкам. Планета словно предназначена для нас».

«Тянете время, – поторопил нас Орш. – Так ночь пройдёт».

И то верно.

Слитным стремительным движением Шол, Хал и Зом подскочили ближе к источнику угрозы, намереваясь оттянуть энергию существа. Сиреневый бестелесный туман окутал оболочки собратьев. Там, где их существа вступали в контакт с червём, мы все отмечали затухание свечения колеблющихся нитей-выростов.

Впрочем, они с той же быстротой вспыхивали вновь, словно эдайти не откачивали энергию, а, наоборот... насыщали ею странное существо. Червь и не думал обращаться в спасительное бегство! Но он остановился, активность светящихся щупов тоже спала, как если бы существо сконцентрировалось на... Шоле, Хале и Зоме.

«Что не так?» – хором спросили мы братьев.

«Оно подпитывается от нас», – наконец задумчиво развеял наше недоумение Зом, в очередной раз безрезультатно попытавшийся втянуть в себя порцию энергии.

Вот это поворот: червь оказался не только подобием летающего кристалла, он ещё и сам впитывал энергию, словно «деревья» в этом лесу. Только те делали это пассивно и лишь в тёмное время местных суток... А что, если червь способен вытягивать её вопреки желанию носителя? В любое время? Как мы?!

«Он словно один огромный кристалл-накопитель, – Хал со всей силы ударил рукой по ближайшему кристаллу-дереву, переломив его. – И скорее, он высосет нас троих, чем мы у него что-то оттянем».

«Червь гигантский. Нам и всем теперь такие объёмы энергии за раз не поглотить, даже если действовать одновременно, – сообразил Орш. – Получается, это существо неубиваемое, подобно нам. Как поступим?»

Как? Хороший вопрос. Причём не имеющий ответа, потому что наши знания об этом мире всё ещё остаются недостаточными. С другой стороны, поглощение энергии – это именно то, с чем эдайти знакомы лучше кого-либо.

«Он действительно почти под завязку наполнен энергией», – согласился Зом, подав мне идею.

Мы, прежние мы, способны были насытиться! Пусть ненадолго, но... состояние полного насыщения возможно. В такие моменты мы не искали объекты для питания.

«Подобное насыщается подобным».

«Точно!» – поддержал Орш. – *«Пусть обожрётся».*

«Займите его пока», – бросил я Зому, а сам отскочил дальше, одновременно снимая с плеча Трою. Встряхнул свою добычу, разворачивая спиной к обездвижившему её свечению, и попытался в темноте поймать глазами расфокусированный взгляд женщины.

– На меня смотри! – приказал строго, удерживая её лицо перед собой.

Мутный взор наконец обрёл некоторую ясность. Добыча моргнула, прищурилась, судорожно вдохнула, попыталась было оглянуться, но я не позволил.

– Сиди неподвижно! Смотри только вперёд!

Она ещё не полностью осмыслила происходящее, но во взгляде замелькали понимание и страх вперемешку с решимостью держаться. Вот это уже было похоже на реакцию знакомой мне Трои. Конечно, она не могла знать, что и при ночном освещении я способен видеть выражение её глаз, оттого не таилась.

Спокойно отступив, уверенный в ней, заметил, что другие эдаити проделали с «ослеплёнными» собратьями примерно то же самое.

«Всем подойти ближе, – приказал, стремительно перемещаясь к по-прежнему безрезультатно атакующим червя эдаити. – Выброс энергии. Максимум! Отдаём весь накопленный потенциал, всё, что есть! Сейчас!»

Опасные ситуации требуют опасных мер. Нам, прежним, не пришла бы мысль отдать добытое. Но физический мир вынудил пойти на риск, столь критично опустошая резервы.

В единый миг все мы оказались рядом, и в то же мгновение энергетическая волна ошеломляющей мощности накатила на червя, заставив его тело содрогнуться. Энергия впиталась в сегментированное тёмное тело, прошла искрящим разрядом по нитям-выростам и вспыхнула реальным пламенем.

«Перенасыщен и потому воспламенился...» – мы понимали его состояние и не допустили бы подобного с собой.

Тело существа задрожало в агонии, стремительно нагрелось, раскалилось, сжалось, раздулось, снова скукожилось. А затем резко замерло, грузно осев и окаменев. Мерцающие щупы-нити обмякли, безвольно упав на песок, и погасли.

Мы дружно отшатнулись, уворачиваясь от них, не уверенные, что выросты не несут угрозы. Впрочем, кое-кого они всё же задели... Забытый всеми в суматохе борьбы, Игерь, что так и простоял поблизости как замороженный, попал под удар – край одной из затухающих нитей коснулся его щеки. Пленник рухнул как подкошенный.

Всё же не зря мы опасались.

«*Он жив*», – безразлично констатировал ближайший к нему Шол. Судорога, изогнувшая дугой тело штурмана, стала лучшим подтверждением слов собрата.

– Как состояние? – Риш со вполне уже осмысленным взглядом и с присущей оболочкам скоростью приблизился к нашей временно обессиленно осевшей на землю компании.

– Осторожно! – Орш умудрился подскочить на ноги, предупреждая вытянув руку в сторону потухших щупалец. Отвечал он тоже вслух.

– Да, я вижу, – понимающе кивнул Риш, осторожно переступая через ближайшую нить-вырост и уверенно подставив плечо собрату.

Орш немного помедлил, но помощь принял, с очевидной неуверенностью оперевшись на плечо Риша. Другие – отсидевшиеся в сторонке обладатели «глухих» оболочек – тоже подошли, следуя примеру и помогая. Помощь оказалась очень кстати! Пусть наши физические тела не пострадали, но истощившиеся резервы давали о себе знать, провоцируя сумбур в сознании, раскоординацию и лёгкую слабость.

«*Кого бы выпить?*», – мысленно изнывал Тас, бросая плотоядные взгляды на всё ещё корчащегося на земле Игеря.

«*Его одного на всех не хватит. Скоро появятся насекомые*», – приободрил я собрата.

Сам уже смотрел на Трою, шаткой походкой шагая к добыче. Выпить её желания не возникало! А вот потребности быть рядом на случай ещё какой неведомой угрозы – сколько угодно. Почему я реагирую так по-разному?..

– Что происходит? – Троя явственно и с облегчением выдохнула, едва я, не таясь и намеренно шумно шагая, подошёл к ней. – Звуки такие... там сзади... И голова кругом, состояние странное. Что-то же случилось?

Ещё больше вопросов было в голове женщины.

«*Нападение? Что за чертовщина творится? Проклятье, как же сложно сидеть и не дёргаться? Особенно когда вокруг непроглядная темень. Почему амиот приказал не оборачиваться? Черт, он же Кин! Я должна приучить себя называть его так и вслух, и мысленно. А что*

за пятна света? Там же точно что-то светилось. И почему голова раскалывается? Опять ультразвук? Хотя всё же не так сильно...»

– Это не ультразвук, – не сумев разобраться в вихре её мыслей, я ответил на вопрос, который счёл самым важным.

Состояние добычи мне не нравилось. И хотелось разобраться – причина в угнетающем влиянии на неё червя? Увы, Игерь сейчас не мог послужить мне сравнительным ориентиром – ему явно было хуже.

– Теперь спокойно. Надо спать. Отдохнуть.

Подхватив Троя на руки, я устремился к основной группе собратьев. Все вновь устраивались на ночлег. Пришлось немного сместиться в сторону от первоначального места – прежнее было разворочено гигантским телом червя.

Троя не могла всего этого видеть, но за мою шею ухватилась с готовностью и без прежнего страха... Кажется, она начинает понимать, что меня опасаться не стоит... Только ей!

«Что с пленником делать?» – пришла безликая мысль Зомы.

Он без особого интереса изучал Игеря, а затем поддел его ногой и уже в воздухе перехватил чуть заметно подрагивающее тело штурмана.

«В каком он состоянии?» – вяло поинтересовался я. Идти и смотреть самому было искренне лень, куда интереснее было укладывать Троя спать, вслушиваясь в её мысли – женщина по-прежнему пыталась осмыслить случившееся, строя самые разнообразные, сильно расширяющие мой кругозор предположения.

«Дёргается, – неспешно проинформировал Зом и, чуть подумав, добавил: — Но уже меньше».

«Хорошо хоть, молча», – пришла ещё одна немного заторможенная мысль: штурман всех впечатлил неумной громогласностью.

«Похоже, что ему речевой аппарат судорогой свело, – поделился Зом наблюдением, объясняющим причины тишины. Таких формулировок все мы нахватались ещё со времён первого боя на станции. – Так что с ним делать? Выбросить? Выпить?»

«Я это сделаю!» – тут же вызвался Тас, и синхронно с ним Троя сонно пробормотала, борясь с нахлынувшей слабостью:

– А Игерь?

– Жив, – коротко бросил я в ответ, Укладывать голову добычи на своё плечо, оказалось уже знакомым и необычайно приятным делом. И

почему-то подумалось, что второе подряд утро Трои начнётся с обнаружения бездыханного тела собрата...

«Нет, – идею использовать Игеря для восполнения энергетического запаса пришлось отринуть: – Просто оставьте его в покое. Но кто-то пусть находится рядом».

Про утренний ультразвук нельзя забывать. Как бы плохо ни отразился на организме Игеря контакт со светящимся щупом, прежняя напасть и вовсе его уничтожит.

«Только не я. Не удержусь ведь, вытью», – мгновенно отреагировал Тас, одновременно отшвырнув обратно подброшенное к нему тело штурмана, которым решил позабавиться Зом.

«Мне тоже не до пленника, – оттолкнул живой «мячик» Зом. – Собираюсь бодрствовать, чтобы охранять остальных».

«Риз?»

Напряжённым, одеревеневшим снарядом тушка Игеря полетела к последнему.

«Не-а».

Штурмана перебросили назад.

«Шол?»

«Пфф... – Мысленный образ, что в интерпретации Трои походил бы на мученический вздох, и снисходительное: – Ладно уж...»

Одной рукой перехватив Игеря, собрат уложил его на землю.

«Скафандр его полностью закрой, – сообразил я, проделывая это же с уже отключившейся добычей. – Только осторожно, чтобы не повредить».

Пока мы восстанавливаем резерв жизненной энергии, скафандр согреет и уберёжет от укусов хищных насекомых. Выходит, не совсем бесполезная материальная вещь. В памяти всплыл диалог Трои с уничтоженным мною рарком, который они вели возле клеток, в которых мы очнулись на станции. Она тогда просила его не быть излишне самонадеянным...

«Проваливайте!» – отвлёк меня негодующий посыл. Не узнать в его источнике Орша было невозможно.

Все, кто уже начал погружаться в сон, как по команде приподнялись и уставились на собрата. Я тоже. Впрочем, рассмотрев попытавшихся улечься поближе к Ришу Риза и Шоха, интерес к происходящему утратил. Орш сам разберётся.

«Мы поможем, – огрызнулся Шох. – Резерв у всех почти исчерпан, а так втроём точно согреем».

«Вы уже помогли, – гневно отчитал Орш. – Больше не стоит и пытаться».

Что происходит? Прежде мы не ссорились. Всё было общим, одинаковым и повсеместным. Однако существование в материальном мире внесло коррективы. Породило потребность обладать чем-то единолично. Или... кем-то? И я это осознаю, потому, что сам именно так реагирую на Трою? Но почему?..

– Что происходит? Почему вы стоите и молча с яростью смотрите друг на друга? Общаетесь? Тогда делайте это вслух!

Голос Риш прозвучал решительно – к нему пришло понимание, что взаимоотношения собратьев с обретением этих странных материальных оболочек перестали быть доверительными.

Вот только объяснять ему эдайти ничего не стали. Обменявшись тяжёлыми взглядами, они разошлись: Риз и Шох отступили, отойдя к другим, а Орш под гневное рычание Риша молча махнул ему рукой, предлагая продолжить прерванный сон.

Но меня их поступки уже не интересовали. Вытянувшись рядом с Троей, давая оболочке возможность восстановить силы и одновременно с жадностью вытягивая всю возможную жизненную силу из роящихся вокруг насекомых, я пытался понять, почему больше не желаю съесть свою добычу. И как бы разобраться, чего желаю теперь?..

Едва взошло розовое светило, принося с собой и смертоносный для пленников ультразвук, все эдайти уже были готовы продолжить путь. Троя выглядела отдохнувшей, Игерь – нет. Едва женщина разглядела землистый цвет и множественные следы небольших повреждений на лице штурмана, как подскочила, вознамерившись ринуться к нему.

– Ультразвук, – одним многозначительным напоминанием мне удалось остановить Трою.

С досадой прикусив губу, она скользнула взглядом по окрестностям и изумлённо застыла, рассмотрев в стороне развороченную поляну и лежащую среди камней обугленную тушу гигантского червя.

– Что-о-о... это... что?.. – Троя сглотнула, на миг прикрыв глаза. – Что тут случилось?

– Идём, не стоит тут задерживаться, – не желая тратить время на объяснения, я, придерживая женщину за плечо, другой рукой подхватил свою долю общей ноши.

Другие эдаити уже потянулись вперёд. Необходимость отыскать Щега никто не отменял, значит, и сегодняшний день мы проведём, кружа по лесу в поисках собрата.

Словно по инерции переставляя ноги, добыча двинулась вперёд. Кряхтя и ругаясь, зашагал и штурман, понимая, что если отстанет от нас – и вовсе погибнет. Замыкали шествие Орш и Риш, которые напряжённо молчали, но неизменно украдкой посматривали друг на друга, вызывая у остальных недоумение своим странным поведением.

В сознании Трои крутилась одна и та же мысль:

«Надо выяснить, что за чертовщина творилась тут ночью... Что опять с Игерем? Выглядит так, словно его протащили через чёрную дыру. Неужели... неужели амиоты что-то сделали с ним?!»

Она совсем ничего не помнит? Это следствие воздействия червя или же причина в защитной реакции её сознания?

«Орш, выясни, остались ли у Риш воспоминания о ночной встрече с местным подземным обитателем, – передал мысль собрату. – Воздействие этого существа сказалось на эдаити с женскими оболочками. Надо понять, насколько сильно».

«Сделаю», – отозвался он молниеносно, как если бы был рад любому поводу для разговора с Риш.

Я же невольно продолжал прислушиваться к мыслям Трои, пытаясь понять логику её мышления.

«Совсем забылась? Они же монстры! Амиоты, что вырвались со станции, оставив позади горы мёртвецов! Они точно мучили Игеря всю ночь! А тот военный, что погиб накануне? Не прав ли был штурман, подозревая подопытных? А я слишком доверчива, раз надеюсь научиться взаимодействовать с ними».

Добыча, как и прежде, называла нас амиотами. Это чуждое слово раздражало. Но куда больше мне не нравилось, что все мысли женщины крутятся вокруг Игеря! По мне, так было бы разумнее подумать о чём-то другом. О полном опасности пути, где она, не корректируй я её движения, давно бы разmozжила себе голову или

конечности о кристаллы. Или о ком-то. Обо мне, например... Почему эта неуклюжая женщина никак не уразумевает, что я куда более значимый объект для размышлений?

«И что тогда? Я забыла, что мы для них просто еда? А сейчас, когда пищи достаточно, они... развлекаются? Как-то жестоко и методично? Прав был треклятый рарк! Сначала военный, затем Игерь... А я напоследок?»

Розовый карлик скрылся, избавив нас от разрушительного воздействия звуком. Но я не спешил отстраняться от Трои. То, как она шагала вперёд, не глядя и в буквальном смысле утонув в своих мыслях, вынуждало меня быть особенно внимательным. И недоумевать: как можно настолько увлечься чем-то, чтобы не замечать ничего вокруг? Всего несколькими мгновениями ранее, если бы я своевременно не развернул её в другом направлении, она бы протопала прямо на очередное зеркальное озеро-ловушку.

Она не неуклюжая, она... безрассудная!

«Надо держаться вместе! Я и Игерь – всё, что осталось от нам подобных. Подставлять друг другу плечо, обнимать и утешать, стараясь найти повод для одобрения в происходящем. Что ещё мы можем? Смешно даже... – Троя мысленно тяжело вздохнула. – Словно сюжет из безумного фантастического фильма. Мы – последние выжившие мужчина и женщина. И наш долг – продолжить свой род. В фильмах всегда так... Горе и тоска толкают нас в объятия друг друга: первые робкие поцелуи, затем вспыхнувшая животная страсть, поспешный и местами неловкий секс. И готово – мы справились: новая жизнь зародилась. Следующее поколение нам подобных, залог грядущего размножения и существования вида...»

Что-что?

Я перестал прислушиваться к фоновым журчащим мыслям братьев, силясь уследить за цепочкой образов, рождающихся в мыслях Трои, – от уже знакомых и памятных мне соприкосновений губами до странных комбинаций из двух сплетённых тел, с последующей трансформацией одного из них... Что-то совершенно непонятное промелькнуло в её памяти. Существо, вылезающее из недр тела другого существа?

«Проклятье, о чём я думаю?! – Добыча на себя разозлилась, инстинктивно ещё и топнув ногой. – Мозги набекрень от всего

случившегося? – Троя на ходу затрясла головой, разметав и без того растрёпанные волосы. – В голове кисель. Может, вчера чем-то по затылку получила, но не помню? Я и Игерь? Брр... Да гори наша цивилизация адовым пламенем...»

Резко остановившись, я стиснул ладонями плечи Трои. Это зрелище... То есть картинка, на мгновения вспыхнувшая в сознании женщины, разозлила! Рык, превосходящий даже гнев Орша накануне, вырвался из-за моих сцепленных зубов. Добыча подскочила на месте, попытавшись в испуге развернуться. Как на моё поведение реагировали собратья – я не замечал. Что беззвучно вопрошали – тоже. Все реакции заслонила ярость, вызванная образом Игеря и Трои, соприкасающихся губами...

Моя добыча! И она не безрассудная, она... притягательная!

Реакция оболочки оказалась неожиданно сильной. Показалось, что воздух потяжелел, заискрившись, а свет уплотнился, окружив бело-золотистой стеной. Глаза перестали видеть, обоняние заблокировалось, а руки? Руки сильнее притиснули к себе женщину.

Моя добыча!

Склонив голову, я дотронулся до её губ своими, концентрируясь лишь на расширяющихся, потрясённых глазах Трои. Вновь накатило уже испытанное ранее ощущение жадного довольства. Мы словно оказались только вдвоём, отрезанные от вселенной и... парящие над землёй.

Вернее, падающие вниз!

Глава 7. Зияние

Троя

Коснувшись моих губ, Кин замер. Он словно совершенно окаменел, явив мне свою прежде невиданную сторону. Непередаваемое ощущение: я в доли мгновения стала частью скульптурной группы, причём единственной одушевлённой её частью. Ни биения сердца мужчины, ни тепла дыхания – лишь ощущение его практически осязаемой концентрации и напряжения.

Инстинктивно я быстрее среагировала именно на состояние амиота – испуганно отстранилась, разрывая физический контакт наших губ. И лишь затем осознала перемены: непонятное, окутавшее нас золотистое свечение угасло, вновь позволив видеть окружающий мир. Вот только он стал... иным?

Видимо, так. Иначе не объяснить ни поблёкшие цвета, словно на потерявшей яркость фотографии. Ни исчезнувшие звуки, будто громкость вывели в минимум. Ни пропавшие напрочь запахи и ветер.

Что произошло?!

Я судорожно потёрла глаза, извернувшись в кольце рук монументом застывшего Кина, потрясла головой, принялась осматриваться... И обнаружила ещё одно изменение. Вернее, странное исчезновение. Ведь все, кто до этого шёл вместе с нами и находился рядом, – пропали. Испарились!

Вокруг больше никого не было. Ни-ко-го... Абсолютно! Остались только я, Кин и блёклое, словно калька прежней картины кристаллического леса, безликое и безмолвное окружение.

Ощущение, что кто-то нажал на кнопку «пауза»...

В голове возникла единственная ассоциация, способная объяснить, отчего кажется, что застыло время, изменился мир и жизнь в нём замерла. Хотя и оставалось непонятным, почему это не подействовало на нас?

– Что это? – просипела я, страшась всколыхнуть криком ватную удушливую тишину.

Кин ответил не сразу. Он всё так же безмолвствовал и, в отличие от меня, не проявлял признаков волнения. Но я уже достаточно наблюдала за амиотами, чтобы понять: мой спутник напряжённо прислушивается и присматривается ко всему вокруг. И то, как он сосредоточенно это делал, не сулило ничего хорошего. Кин даже хмурился, что для их обычно бесстрастных физиономий было уж совсем нехарактерно и однозначно свидетельствовало о настоящих проблемах.

– Мы провалились.

Вот так – лаконично и совершенно спокойно. Ещё бы понять, о чём он...

– Куда?

– В свечение. Так же пропал Щег.

Свечение? В памяти всплыл белёсо-жёлтый ореол окружившего нас сияния. Но почему Кин говорит о падении? Словно мы в какую-то яму провалились... Стоп! Пропал Щег?! Кажется, до меня дошло: амиот действительно подразумевал именно падение! Только вот «яма», что так неожиданно вспыхнула у нас под ногами, была чем-то невозможным в моём понимании...

Как про это пишут в научных статьях? Про черную дыру, про характеристики времени и пространства... Прежде я не придавала этому значения, но то, как Кин произнёс «провалились»... Ассоциация стала молниеносной и чёткой: зияние. Именно так на Земле принято называть места, где пропадают люди. Физически пропадают. Вроде как история знает такие случаи. Всякие там учёные-теоретики в своих бесконечных рассуждениях называли их зияющими ранами в матрице пространства и времени.

Только вот кто бы относился к ним серьёзно?!

– То, где мы сейчас находимся, похоже на ваши... зияния, – подтвердил мою догадку Кин. – Пространство то же, я чувствую, но воспринимается иначе. Смазанно. Будто оно и мы в разных... – Кин задумался, видимо подыскивая правильное слово. Наконец нашёл: – Сляях времени.

Уж не знаю, насколько подобранное определение оказалось верным – я сути всё равно не поняла. Смысл его выводов настолько поразил, что я ушам не верила. Но внутренний голосок зудел интуитивным вопросом: кому, как не недавним нематериальным, быть

сведущими в таких странностях бытия? Признание амиота, вопреки очевидному безумию сказанного, я приняла на веру.

Потому Кин продолжил:

– Я слышу собратьев, ощущаю их относительное присутствие. Но без всякой чёткости и конкретики. Не способен разобрать сути того, что они сообщают.

– А при чём тут... Щег?

– Сравниваю. Слишком быстрое звучание. Щега мы слышали иначе, растянутым звуком.

– Разная скорость течения времени? – пришло мне в голову единственно возможное объяснение. Тоже из пока ещё научных земных теорий.

– Да.

Ответ краткий, но ёмкий. И оттого страшный. Время ведь самое необъяснимое явление в нашем мире – сколько всяких теорий существует на его счёт! И к каким последствиям может привести вот такой временной провал, совершенно непонятно.

– Мы тут... навсегда? – Больше вопросы задавать некому, я надеялась, что чуждое, во многом пугающее, но точно познавшее многое из того, что мне неизвестно, существо сможет ответить. – Ладно, если мы тут застрянем на пару дней. А если на годы? Как тут выжить?

– Нестрашно, – в противовес моим опасениям спокойно парировал Кин. Его видение ситуации привычно оказалось иным. – Лес тот же, пусть и существующий в другом времени. Мы живы, остальные живы и смогут справиться и без нас. Выживем.

Мне бы такую уверенность! А ещё хоть крошечный намёк: сколько понадобится так... выживать?

– А что, если мы... никогда не воссоединимся с остальными? Если застряли здесь навсегда?

Несколько дней назад, когда я оказалась на звездолёте в окружении подопытных, того, кто сказал бы мне, что буду желать к ним вернуться, я сочла бы сумасшедшим. Сейчас всё перевернулось с ног на голову.

– Пока непонятно. Но если я правильно оценил произошедшее, то слой не может удерживать нас постоянно. Энергия, стабилизирующая «прокол», иссякнет, и мы вывалимся обратно. Вероятно, так.

– И как быстро она иссякнет? Энергия.

Паника никак не желала отступить, заставляя выяснять то, что амиот вряд ли мог знать. И действительно, в бесстрастном голосе Кина мне почудился укор:

– Зачем рассуждать о том, что невозможно прогнозировать?

Наконец-то ожив, Кин разжал руки, дав мне относительную свободу. Только у меня и мысли не возникло отступить. Наоборот, мир в очередной раз перевернулся. Больше всего я сейчас боялась остаться одна... совершенно одна! И потому из двух зол я без раздумий выбрала своего похитителя и уже сама прижалась к неизменно обнажённому и крепкому жилистому телу мужчины. И то, каким образом он обрёл это тело, как и то, насколько оно совершеннее моего, – всё это уже не волновало. Более того, на последнее я надеялась, связывая с неуязвимостью Кина наши шансы на выживание.

– Что делает Троя? – заинтересовался амиот. Очевидно, моя реакция ему тоже показалась нехарактерной.

– Мы не должны разлучаться, – нашла я с ответом, решив приклеиться к амиоту. – Раз остались только вдвоём...

– Ааа... – На удивление Кин понятливо кивнул, не делая и попытки отпихнуть меня от себя, позволяя стоять, обхватив его за талию. – Мы же остались только вдвоём. – Он задумался, даже морщинка так по-человечески прорезала его лоб. – Я знаю, когда остаются мужчина и женщина, их задача спасти свой вид. Мы же стали последними?

Опешив, я уставилась на невозмутимое лицо амиота, не веря своим ушам. Он действительно это сказал? Смутно я помнила, что какие-то образы на этот счёт в голове всплывали... Но не всерьёз же!

– У нас нет на это времени! – выпалила скорее от шока.

– Мы никуда не спешим. – Кин чуть заметно пожал плечами, демонстрируя явно заимствованную от нас, материальных, черту.

– Разве нам не нужно идти? – я предприняла ещё одну попытку его отвлечь.

Кин наконец перестал пристально меня рассматривать и поднял взгляд, посмотрев куда-то вглубь леса. А затем просто уселся на песок, потянув меня за собой.

– Нет, – пояснил свой поступок. – Собратья будут нас ждать.

– Ждать?

Обрести ощущение реальности никак не получалось: внутренняя потребность забиться в истерике разбивалась о почти флегматичное спокойствие монстра. Рассудок требовал определённости: мы фатально влипли или нет? На волне этих метаний я послушно опустилась рядом с сидящим со скрещёнными ногами Кином и замерла, вдруг осознав, как изучающе он на меня смотрит.

Словно кот на сметану... На подобный взгляд любой женщине пришла бы в голову такая ассоциация. Только вот субъект напротив не был обычным мужчиной! А я меньше всего желала примерить на себя роль сметаны.

– Или искать, если почувствуют наше перемещение. Как и со Щегом...

– Но разве нам не надо... ну... – я запнулась, судорожно подыскивая предлог, чтобы занять амиота чем-то вселенским, уж больно мне не нравилась эта его расслабленность, – обосноваться на местности? Придумать, как защититься от... хищников? Как еды добыть? Не замерзнуть, если температура упадёт? – Переведя дыхание, уже чуть тише уточнила: – Здесь же есть какие-то... звери? И что насчёт еды?

– Судя по количеству провалов... – Он задумался и поправился: – светящихся пятен, сюда должны попадать и другие обитатели леса. Если они оказываются на этом же слое времени, то мы с ними встретимся. И съедим. Трое не о чём переживать.

Чудненько... Что может быть кошмарнее, чем оказаться неизвестно где с тем, кого опасаться? Только оказаться там с ним наедине! Жуткое место эта планета, конечно.

– А как же Щег? – Всеми силами я старалась поддерживать отвлечённый диалог.

– Он не на этом слое, – уверенно заявил амиот, продолжая неотрывно наблюдать за мной.

Он догадывается о моих страхах? Мне смотреть ему в глаза было сложно.

– Ты уверен, что слои разные? Почему? – сделано серьёзно продолжила расспросы, хотя участь пропавшего амиота меня мало занимала. Особенно в сравнении с собственной.

– Потому что пятна тоже были разными по интенсивности. Это я сейчас понял. Туманные, видимо, самые слабые и вызывают незначительное торможение процессов. Мы, возможно, в них попадали и этого даже не замечали. Искрящие и мерцающие сильнее. Но они тоже не могут быть одинаковыми. Нужно больше сравнительного опыта для анализа.

– Значит, мы просто будем сидеть здесь и ждать... – Старательно отводя взгляд от Кина, я задумалась, как сформулировать услышанное ранее. – Пока энергия, спровоцировавшая вспышку и временной разлом, иссякнет, а нас не выкинет назад? Кстати, а откуда здесь такие всплески энергии? Это особенность планеты? Как-то связано с газовым составом атмосферы?

– Трое стоит опустить свой взгляд на землю. Причина скорее в веществе под нами. – Амиот ритмично похлопал ладонью по песку. – Оно необычное.

– Необычное? – Я насторожилась, наблюдая за движением его руки.

– Мне мешает, – в своей странной манере пояснил Кин. – Наверное, как раз потому, что накапливает и непредсказуемо выплёскивает вот эту необычную энергию, вернее... меняющее ход времени излучение.

– А-а-а... чем оно тебе мешает?

Ответ прозвучал не сразу. Казалось, мужчина о чём-то крепко задумался. Но когда ответил, я догадалась: осмысливал, как описать реакции тела.

– Оглушает. Ослепляет. Притупляет восприятие.

Мне осталось только догадываться, насколько же сильны его не приглушённые возможности. У всех у них.

– Кин... – я всё же набралась решимости, чтобы попытаться установить между нами подобие дружеского общения. – А что вы решили делать дальше? Как жить?

Ни больше ни меньше – меня всё это время занимали вопросы глобальных перспектив. Если доживу, то хоть понимать до чего.

– Мы не принимаем такого существования. – Амиот неожиданно подался вперёд и перехватил мой подбородок, чуть приподняв лицо. – К чему постоянно возлагать надежды на новый день? Просто проживи текущий.

Испуганно замерев, я моментально ступевалась.

– Конечно. Этого достаточно.

– И есть много того, что не успели сделать вчера. – Кин продолжил развивать какую-то лишь ему понятную мысль.

– В-вчера?..

Подушечкой большого когтистого пальца он коснулся моих губ, и мысли разом вылетели из головы, а сердце забилося словно безумное. Что делает амиот?!

– Эдайти, – неожиданно произнёс что-то непонятное Кин.

– Что? – растерялась я.

– Мы – эдайти. Те, кого заставили остаться в этих телах.

Мы говорили шёпотом, оказавшись близко-близко друг к другу. Он – продолжая поглаживать мои губы и неотрывно наблюдая за движением собственного пальца. Я – в предчувствии дальнейшего проявления любопытства, запинаясь и едва дыша.

– Вам в них... плохо?

Заёрзав, подалась назад. Но Кин не позволил отстраниться, подхватив другой рукой под спину.

– Всё не так. Воспринимается и... чувствуется странно. Даже непонятно.

– А прежде?

Едва ли я соображала, о чём мы беседуем, лишь бормотала первые пришедшие в голову слова.

– Прежде...

Кин закрыл свои странные, словно пронзающие насквозь глаза, но не отстранился. Его рука так и сжимала мой подбородок, только вот внезапно тени сгустились – стало сумрачнее. Не сразу я сообразила, что причина в буквальном смысле повеявшем от него тумане. Мгновенно вспомнила ту самую первую встречу с амиотом, когда в лаборатории этим фиолетовым туманом обволокло мою руку.

Тогда туман был холодным и... голодным. Сейчас же он скорее согревал, даже гладил, тёплым ветерком скользнув по щекам. Ждала ли я «смертоносного поцелуя», когда, как у рарка, этот туман высосет жизнь одним глотком? Видимо, да. Чем ещё можно объяснить накатившую слабость?.. Тело обмякло, не осознавая я покачнулась, тяжело привалившись к плечу... монстра. Монстра, что демонстрировал сейчас свою опасную уникальность!

– Но есть и то, что интересно.

Не сразу я сообразила – бестелесная сущность исчезла, вновь втянувшись в тело сидящего рядом мужчины. Мужчины, на чьё плечо я уронила голову. Он что же, сейчас «отпил» от меня?

– Троя не еда, – так и не отнимая руки от моего лица, тихо и очень спокойно признался Кин. – Троя интересная.

– Я обычная, – отмахнулась с чувством накатывающего смирения. – Но я бы не хотела быть съеденной ами... эдайти.

– Интереснее не есть, – успокоил Кин. Однако я почувствовала иное – новую волну страха. И инстинкт самосохранения заставил искать способ отвлечь амиота от своей незадачливой персоны.

– Можешь рассказать о мире эдайти?

– Расскажу. Позже. Сейчас важнее вернуться к тому, с чем мы не закончили вчера.

Опять он об этом! Я попыталась поднять голову и отодвинуться. Но Кин перехватил, молниеносным движением опрокинув к себе на колени. Одна его ладонь опустилась на лоб, придерживая на месте. А вторая... снова занялась моими губами.

– С чем же?..

В горле пересохло, голос звучал надрывно. «*Вот оно*» – все мысли свелись к единственному признанию: Игерь и тот вояка, которого сожрали местные насекомые, они оба были правы. Да я и сама это всегда знала, чувствовала, но отказывалась признать, что амиоту я давно, возможно даже с самой первой встречи, интересна совсем не в качестве источника энергии.

Сердце дрогнуло, на миг замерев, взгляд устремился к лицу Кина. Амиот тоже неотрывно вглядывался в меня, словно следил за сменой эмоций в глазах. Мне до его невозмутимости далеко, наверняка читает меня будто открытую книгу.

– Продолжим?

Уточнять, о чём он говорит, было страшно. В глубине души я знала ответ: день за днём всё шло к одному. Но перебороть себя и не пыталась – только молча затрясла головой, отказываясь.

– Зачем Троя вчера касалась меня своими губами? Когда хотела спасти Игеря.

Можно подумать, мне требовалось напоминать об этом поцелуе! Как он вообще может расценивать его как что-то осмысленное?

– Это был порыв отчаяния, единственная действенная мера, что пришла в голову.

Объясняться, лежа на коленях нависшего надо мной Кина, и видеть его сосредоточенное лицо было пугающе. Жизнь научила опасаться таких вот ситуаций. Не так давно я отбивалась от Дорана, теперь предстоит противостоять амиоту? С рарком справилась исключительно благодаря везению, а какие шансы на этот раз?.. Смехотворные.

Ощущая неизменно осторожные прикосновения мужской ладони к своему лицу, оказалась не готова к его молниеносному движению. Кин так быстро склонился ко мне, что окружающий мир слился в неразличимую серую тень. Его рот прижался к моему...

Напряжение достигло максимума – я словно сжалась внутри, одеревенев и страшась шелохнуться, желая ничего не чувствовать. Казалось, ещё немного, и потеряю над собой контроль, сорвусь в совершенно бессмысленную истерику с криками, мольбами и слезами.

Я в плену! В плену у тех, кто не знает жалости, не понимает страха или последствий душевных страданий. Амиот куда хуже всего, чего я опасалась прежде. Хуже вдвойне: он способен не только убить меня, но ещё и сломить морально...

– Это совершенно незнакомое ощущение, – бормотал Кин, вновь и вновь прикасаясь к моим губам своими.

Назвала бы я это поцелуем? Уж точно нет. Он словно эксперимент ставил, а я была подопытной. Не желая всякий раз встречать его спокойный, изучающий взгляд, закрыла глаза. Надо заставить себя не чувствовать! Как тогда с Дораном – я же смогла не обращать внимание на боль.

– Реакция и уровень восприятия обостряются...

В голосе Кина зазвучали новые интонации, а глаза удивлённо расширились. Больше того, зрачки тоже увеличились, оттеснив к краям радужки насыщенное сиреневое свечение. Тело мужчины так или иначе, но возбуждалось, пусть сам его владелец и не понимал происходящего. Однако если он продолжит следовать его потребностям...

– Троя, подобные реакции всегда возникают при прикосновениях?

Мне осталось лишь сглотнуть, почувствовав всё более возрастающий интерес мужчины к происходящему. Робкая попытка

скатиться с его колен привела к совершенно неожиданному результату – руки амиота, оставив в покое лицо и шею, устремились ниже, размыкая магнитные застёжки скафандра.

Действовал ли он, следуя инстинктам тела, или успел уже что-то понять, но между нашими телами оставалось всё меньше преград.

– Не над... – в ошеломлении я попыталась было его остановить и не успела.

– Это важно, – перебил Кин, словно нечто невесомое выдёргивая меня из одежды.

Подняться или увернуться от его ловких и стремительных движений оказалось нереально. Как итог: скафандр валялся рядом, а я всё так же полулежала на коленях мужчины.

– Мне необходимо понять... – дыхание амиота пусть немного, но участилось – в нём явно пробудилось желание. А я в этом странном месте была тем единственным объектом, что олицетворял возможность удовлетворить его потребности. – Понять... что происходит с оболочкой... со мной... – Он снова умолк, изучающе обводя меня взглядом. Руки следовали за движением глаз. – Это явно связано.

– Конечно, связано! – не выдержала я, пытаюсь оттолкнуть мужчину. – Но ты должен сдерживаться, контролировать себя!

Как он перехватил мои руки, я даже не поняла – в следующий миг они оказались прижатыми его ладонью над головой. Вторая рука продолжила путешествовать по моему телу. Ощущать это было странно: кожа его была тёплой, но сами прикосновения... Кин точно действовал наугад, не понимая смысла происходящего – как-то рвано, дёргано, местами чуть придавливая ладонь, где-то едва соприкасаясь с моим телом.

Увы, скудная одежда лишь способствовала манёврам мужчины. Когда же он, неизменно внезапно, склонился ещё ниже и прижался к моему животу щекой... Резкий выдох вырвался сам собой. То напряжение, что охватило моё тело, прорвалось наружу – вскрикнула я довольно громко, тело содрогнулось, а грудь качнулась.

Взгляд Кина зацепился за это движение, его голова потянулась выше – и вот уже щека амиота соприкоснулась с моей грудью. Совершенной неожиданностью стала моя собственная острая реакция на эту близость – тело выгнулось, желая усилить контакт. И это меня безумно напугало...

Не сразу я поняла, что не единственная ощутила разряд чувственного укола – Кин тоже отшатнулся. С очевидным вопросом в глазах несколько секунд вглядывался в моё лицо. Я чувствовала жар щёк, сама уже толком не понимая, чего больше боюсь, на кого злюсь – на себя или на амиота.

Передышка оказалась крошечной – обуреваемый возросшим интересом, Кин вновь накинулся на меня. Остатки одежды слетели мгновенно, свою единственную деталь облачения он тоже отбросил. Я зажмурилась, понимая, что худшее неизбежно: амиота накрыло неведомой ему прежде похотью. Той самой, пока не изученной монстрами стороной материального существования, когда влияние рассудка полностью перекрывается силой физиологической реакции.

Тело монстра обуяло желание, а я стала объектом для его удовлетворения. Банальная биология, ничего большего. Обижаться можно лишь на природу...

– Послушай, – хрипло выдохнула, сама испытывая давление лихорадочного, вызванного скорее паникой возбуждения. – Это неправильно. Ты должен остановиться.

– Троя не права, – сразу возразил Кин. Я почувствовала приближение его лица, тепло дыхания, легчайший поток воздуха, создаваемый движениями мощного тела мужчины. – Прикосновения – это очень интересно! И поцелуй...

Напор, интонации голоса – всё усилилось. Дышал Кин чаще, я определённо могла расслышать стук его ускорившегося сердца. Прежде чем я всё это осмыслила, он вновь накрыл мой рот своими губами. Но с куда большим напором, нежели раньше.

Едва ли я была ошеломлена этим, вслушиваясь в свои ощущения. Не сразу поняла, что мои руки свободны – ладони амиота переместились на грудь, явно познавая прежде неизвестное. То, как он обстоятельно и одновременно неуверенно прикасался ко мне, буквально выворачивало душу. Терзаемая страхом и одновременно нарастающим в недрах тела напряжением, я боролась сразу с двумя противниками – с очевидно потерявшим всякое здравомыслие похитителем и с собой...

Ничего не делать я не могла. Впрочем, сделать что-то – тоже. Кин очевидно упивался целой лавиной новых и таких интересных откровений. Казалось, он ощупал уже всё моё тело, где-то

проскальзывая быстро, а где-то замедляясь или даже возвращаясь вновь. Особенно когда я непроизвольно резко выдыхала... Заметил ли он взаимосвязь?

Нет, на самом деле я меньше всего желала стать полноправным участником происходящего. Чем больше он напирал, явно стремясь подавить малейший протест и полностью владеть ситуацией, тем сильнее я желала вырваться.

Боль неизбежного разочарования и страх перед этим несокрушимым напором всё крепче скручивали спираль моей ярости.

Как же мерзко и как знакомо...

Бессмысленность сопротивления, собственное жалкое состояние – я отринула всё, стремясь Кина оттолкнуть. Амиот не отступал, продолжая уже вполне неистово целовать меня, одновременно ёрзая по верх моего тела. Он точно не понимал, что делает не так. Но... инстинкты, заложенные на уровне генетики тела, и ещё большее упорство неизбежно приведут его к цели. Той цели, о которой он тоже понятия не имеет.

Рука сама взмыла вверх, нанося рубящий удар в шею мужчины. Одновременно я попыталась достать его пах согнутым коленом и впиться ногтями в лицо. Действовала без оглядки на последствия – просто стала бы совсем уж жалкой, не прими хоть попытки отбиться. В памяти вновь всплыл инцидент с напарником, весь тот страх и отвращение, что застилала тогда душу и разум.

Амиот увернулся. Конечно, мои жалкие потуги не могли нанести ему вреда. Даже в состоянии полного погружения в страсть он был куда стремительнее меня.

Без шансов... Я признала своё поражение, чувствуя, как Кин снова перехватил мои руки, распластав их по песку, как притиснул к земле своими ногами мои ноги. Его грудь почти расплющила мою, дышал он надрывно и рвано. Губы замерли в миллиметре от моего рта, смешивая наши дыхания.

Ну почему?.. Почему со мной всегда так?!

Слёзы, полившиеся из глаз, скользнули к подбородку.

– Не надо... Не сейчас... – тихо, почти беззвучно взмолилась я, не ожидая уже никакой пощады от судьбы и амиота, ставшего её орудием. Происходящее было неизбежно. Я его добыча. Его игрушка. Трофей, с которым можно экспериментировать...

– Троя?

Видимо, небеса, в каком бы мире они ни находились, меня услышали – Кин вдруг замер. Его тело стремительно скатилось с меня, а голос донёлся откуда-то сбоку. Боясь поверить, я не сразу открыла глаза – прежде отсчитала тридцать ударов своего растерзанного на кусочки сердца.

– Почему ты сражаешься?

– Кин, – как никогда остро ощущая уязвимость своего положения, я тут же села, притянув ноги к подбородку. На амиота не смотрела, уставившись на блёклый кристалл за его плечом. – Ты понимаешь, что делаешь? Что сейчас происходит?

– Нет, – амиот ответил сразу. – Но я пойму. Разберусь с тем, как оболочка на тебя реагирует. Я чувствую, что сейчас было правильно положиться на реакции тела. Почему Троя сражалась?

Нет, я ошиблась – этот случай коренным образом отличается от нападения рарка. Кин ко мне прислушался и отвечает – это само по себе невероятно в подобных обстоятельствах! И говорит без увёрток, что просто поразительно.

– Потому что для меня происходящее плохо.

– Нет, это не может быть плохо, – Кин уверенно качнул головой в отрицании. – Я проанализировал: вреда для тел не будет, это для них... – он задумался, подбирая слово, – естественно. Как предназначение. Я абсолютно уверен, что всё делал правильно – это требовалось... оболочкам. Ты же тоже это понимаешь. Так должно было случиться. Смотри – моё тело отреагировало на твоё.

Он не спрашивал, а утверждал, и я, мысленно вздохнув, на этот раз не посмела себе солгать. Он прав. Именно поэтому я не погибла. Потому что на каком-то пока для него неосознанном физиологическом уровне этот мужчина выделил меня из общей массы, захотел. С первого нашего контакта я его чем-то заинтересовала. И, наверное, встретиться мы при других обстоятельствах, я бы была даже не против. Но сейчас... даже посмотреть на него не могла!

– Я понял! – внезапно воскликнув, привлёк моё внимание Кин. – Поэтому у мужчин и женщин разные тела. Ну... немного разные. Они дополняют друг друга, их предназначение в соединении. Вот почему так влияют прикосновения – они побуждают сближаться больше... Но это не объясняет, почему ты меня остановила.

Больше всего мне сейчас хотелось поблагодарить его именно за то, что остановился. Дор, бывший напарник, меня не захотел услышать, озабоченный лишь первобытным желанием самца овладеть самкой, а Кин, монстр, что уничтожил немало наших, прислушался. Вот и кто из них в итоге человечнее?

– Я не могу так... сейчас... – сильнее сжав колени, уткнулась в них лицом. – Мне необходимо время. Мы можем... не торопиться?

Раньше назвала бы сумасшедшим того, кто сказал бы мне, что я попрошу о таком амиота. Монстра, который на моих глазах не задумываясь выпил, уничтожив, десятки противников, которого я всё ещё боялась, понимая, что он способен выпить и меня. Но сейчас, отбросив эмоции и чувства, в ситуации, когда я рядом с ним, и, возможно, так будет до самого конца моей жизни, есть смысл быть только честной. С собой! Рано или поздно между нами это случится. Вынужденно оказавшись на пути познания материального существования, амиот пройдёт его до конца. А, кроме как со мной, познавать больше не с кем...

– Мы эдаити, – Кин вновь напомнил о том, что слышит мои мысли.

Нарочито неспешно протянув руку, грубовато погладил по волосам. И я решилась. Он прямолинеен и честен – я должна ответить тем же.

– Да, тела мужчин и женщин предназначены для таких... прикосновений. Но... Самое важное в этом процессе – обоюдность. Нравиться должно и мужчине и женщине. Близость идёт на пользу телам, только когда приносит удовольствие и не причиняет боли.

На какое-то время Кин задумался, наверняка анализируя новую информацию. Я тоже молчала, пытаюсь незаметно подтянуть ближе брючную часть скафандра. Окружающий мир тоже был необычно тих, но отсутствие внешних звуков в этом «изломе времени» уже не так напрягало.

– Ты меня боишься?

Вот так вопрос... И как на него ответить?

– Нет, что ты...

– Вижу, что да. Когда ты меня обманываешь, это очевидно: расширяются зрачки, меняется пульс и температура тела.

Вздыхнув, укорила себя за ложь. Будь он на моём месте, разве не боялся бы?..

– Что мне надо сейчас сделать?

Опешив, я невольно посмотрела на Кина. Но глаза упёрлись в мощную грудь, рельефный живот и... Стремительно вскинув голову, я забормотала:

– Пожалуйста, контролируй своё тело. Не позволяй ему... действовать самостоятельно. Ты же можешь?

– Могу, – тут же заверил Кин. – Но зачем? Мне необходимо всё знать об оболочке. И раз она так жаждет твою – я попробую снова. Нужно в этом разобраться.

– Хорошо, – смирилась я, понимая, что любознательность и напористость моего похитителя можно остановить лишь одним. – Я сама помогу тебе, даже объясню то, что не понятно. Только... не сейчас. Мне нужно время, чтобы привыкнуть к тебе.

Мысленно я умоляла его согласиться. Вновь проявить то самое понимание, что так меня удивило.

– Как много времени нужно Трое?

И когда он успел вновь придвинуться вплотную?

– Неделю? – Я заёрзала бёдрами по мелкому песку в надежде чуть отползти. – Несколько дней?

Амиот вздохнул точь-в-точь как я недавно.

– Хорошо, несколько дней. Но не больше. Мне не терпится выяснить до конца предназначение тел и причины их различий у мужчин и женщин. Прикасаюсь к Трое в разных местах очень познавательно. – Слова с делом у этого мужчины не расходились: костяшками когтистых пальцев он погладил мой бок, затем плечо и щёку... – Ты на это тоже реагируешь.

Так же быстро, как он всё делал, Кин убрал руку и отстранился. Перебросив мне одежду, уточнил:

– Ты это хотела?

Пока я поспешно и неловко, в нелепых попытках не слишком откровенно демонстрировать тело, натягивала остатки скафандра и куртку, Кин неторопливо надевал форменные брюки.

– А как заинтересовать Троию? Чтобы не боялась. Быстрее привыкла. И получила удовольствие?

Очередной каскад неожиданных вопросов заставил меня замереть. Тут и обычному, такому же, как я, парню не сразу ответишь, что уж до амиота...

– Нужно... доверие, – нашлась наконец с ответом, надеясь, что он поймёт. Взгляд кружил по округе, избегая останавливаться на спутнике.

– Троя мне не доверяет. – Кин не спрашивал, он констатировал очевидное. – Почему?

Вопрос в лоб. Как объяснить ему, что мы в принципе слишком разные? Что отношения «хищник – жертва» не подходят даже под понятие дружба, что уж говорить о симпатии и любви.

– Троя не еда, – вновь повторил Кин ранее сказанное, подслушав мои мысли. И своим ответом доказал – он не понимает причин моего страха. Страх перед ним и ему подобными. Неужели эдайти полагает, что мой исключительный несъедобный статус должен утешать? Особенно на фоне гибели других.

– А Игерь – еда?

Решившись, я подняла взгляд, и мужчина отреагировал молниеносно: перехватив меня за руки, притянул к себе вплотную.

– Когда Троя ест... – Кин на мгновение задумался, но очень быстро отыскал в моём сознании нужное слово из тут же промелькнувших образов возможных источников пищи: – Курицу. Она переживает из-за мыслей птицы на свой счёт? Признайся – Троя даже не думает об этом. Почему нам так нельзя? Мы не такие уж разные, но ты осуждаешь именно нас. Признай право эдайти тоже так поступать с едой.

Опешив, я выпалила:

– Курица не разумна!

– Возможно, лишь потому, что тебе выгодно так думать? Троя понимает, что без пищи не выживет, и предпочитает не вести с курицей дискуссии, а чувствовать её в своём животе.

– Нет, – в шоке я замотала головой, отрицая его логику. Лицо Кина было совсем рядом, а в его глазах я видела отражение собственного потрясённого лица. – Я точно знаю, что разговаривать с ней бессмысленно. Она не поймёт...

Как он всё так вывернул? Как же они мыслят?!

– Но убежит, если ты крикнешь. Или подойдёт, если позовешь... Разум – понятие относительное, и его градаций слишком много. А всё, что касается восприятия других существ, зависит лишь от точки зрения. Значимости. Пользы. Вреда. Заинтересованности. Возможностей использования, – упрямо продолжил наседавший Кин. – Для нас, эдаити, вы полезнее как пища. Значит, мы так о вас и думали. За что тут ненавидеть?

Он усмехнулся, что в исполнении его клыкастого рта выглядело совсем уж не по-доброму. А я возмутилась:

– Тогда почему ты адресуешь свой вопрос той, которая значит не больше курицы? Почему желаешь не пугать меня?

– Потому что моя точка зрения изменилась. Я и сам... – он запнулся, – удивлён. Оказалось, в материальном мире значимы не только смысл и польза, но и нечто неосознаваемое... ощущения? Нет... А, знаю название – чувства!

Вот оно! То единственное, чему противостоять не получалось, – искренность и прямолинейность этого мужчины. То единственное, что основательно подтачивало образ чудовищного монстра. Он не понимает... А как мне понять его настрой? И на что решиться?

– Почему так, я ещё не выяснил, – продолжил рассуждения Кин, в буквальном смысле завораживая меня движением своих губ. Я стояла, вплотную притянутая его руками, и глазела на его рот. – Но направление интереса точно связано с инстинктами тел. Материальный мир связан с бесплотным – неосознаваемые чувства и эмоции влияют на физическое тело и тесно связаны с его действиями. Я сам это ощущаю! Они побуждают... – Кин, чуть прищурившись, от рассуждений вновь перешёл к вопросам: – К чему? Троя объяснит? В чём основная цель материального существования?

Испугавшись его прозорливости, какого-то инстинктивного умения выбирать единственно верный вопрос, затрясла головой, отказываясь. Слишком страшно было идти этим путём – учиться слышать его, понимать, признавая другую, отличную от моей линию представлений о мире. Мире, где подобные ему совсем не монстры, а в чём-то такие же потребители, что и все мы... Или наоборот, что все мы – я и мне подобные – не меньшие монстры, чем эта чуждая раса эдаити. Смотря с какой стороны посмотреть... А смотреть на ситуацию его глазами мне мужества ещё не хватало.

– О-отпусти... – сглотнув, пробормотала, стараясь вывернуться. Уж слишком разоблачающе стучало сердце!

– Троя же намеревалась ко мне прилипнуть?

Больше всего этот безэмоциональный ответ походил на... иронию! Вот только обнаружить у Кина чувство юмора мне ещё не хватало! Мысленно я застонала: это его совсем очеловечит.

– Тогда я испугалась, что останусь одна.

– Не забывай, я уже говорил, что всегда приду к тебе. Троя не останется одна.

Кин позволил мне отстраниться – на пару шагов. Однако его слова прозвучали впечатляюще, даже весомо, вселяя в душу непонятную надежду.

– А ещё ты обещал, что не тронешь и Игеря. Если буду в этом уверена, смогу быстрее к тебе привыкнуть.

Сама не поняла: это я сейчас подкинула ему «морковку» для мотивации или же неосознанно обозначила свою готовность... сблизиться? В итоге принять этого столь явно и открыто интересующегося мной мужчину.

С особенно яростным щелчком захлопнув последнюю застёжку скафандра, я выдохнула – хоть какое-то ощущение защищённости. Да, иллюзорное, как недавно доказал амиот, избавив меня от скафандра за секунды. Такими же иллюзорными он представляет и мои потуги всё время напоминать себе, что он – не человек, а чуждый хищник.

– Троя не должна бояться, я не угроза для неё. – Кин, обхватив одной рукой за плечи, другой медленно и неуклюже погладил меня по волосам.

Замерев от неожиданности, я вслушивалась в ощущения от его прикосновений, пытаюсь свыкнуться с мыслью, что и такое возможно. Амиот немного помолчал, возможно обдумывая дальнейшее.

– Игеря не трону. Троя не должна бояться. Меня.

Это уступка. Со всей отчётливостью я неведомым наитием ощутила – величайшая уступка в неизвестно насколько долгом существовании амиота. То есть эдайти... Разве не станет проявлением высшей справедливости и мне признать очевидное: он не так уж и пугает.

Если представить себе отдельно взятый мир где-то на окраине вселенной, а нас – последними мужчиной и женщиной... Мне

хотелось всё же прожить свою жизнь полностью. И мой выбор – возможное решение принять эдайти в качестве избранника, отринув прошлое и нашу абсолютную непохожесть, – не так уж невозможен?

Живот заурчал, и Кин на знакомый ему звук среагировал привычно быстрым взглядом и столь же мгновенной реакцией.

– Пойдём, будем искать еду.

Словно и не было несмелой ласки миг назад. Передо мной вновь стоял несокрушимый и сконцентрированный на вызовах окружающего мира амиот.

Чуть помедлив, я согласно кивнула. В самом деле, пища первостепенна. Это понимаешь, лишь оказавшись на задворках жизни. Хорошо бы найти не только еду, но и воду, потому как корабельных запасов с нами больше нет.

Я послушно побрела за неторопливо шагающим Кином. На этот раз он двигался первым, и для меня после выяснения отношений между нами было большим облегчением не встречаться с ним взглядом. Впрочем, оказалось, что лицезреть его впечатляющую спину ничуть не легче.

Шёл он словно гулял. Движения тела мужчины совершенно не были похожи на крадущуюся походку хищника, выслеживающего добычу. Не сразу я догадалась – это лишь потому, что опасности он не чувствовал.

А вот когда она появилась... Вопреки обещанию самой себе поменьше концентрироваться на эдайти, я всё равно невольно глазела на чёткие линии мужской спины. И потому не сразу поняла, что случилось.

Внезапный рывок, мелькнувший перед глазами раскидистый кристалл, яростный рык...

Осев на песок, я ещё только мотала головой, пытаюсь прийти в себя, а Кин уже стоял напротив, с интересом рассматривая жутковатую тварь, которую держал перед лицом, удерживая за одну из лап.

Больше всего добыча мне напомнила надломленного жука с простреленным насквозь панцирем. Только вместо жвал у него были тонкие, как иглы, зубы...

– Несъедобно, – безэмоционально констатировал эдайти. Отшвырнув добычу в сторону, как ни в чём не бывало протянул мне руку. – Идём.

Не отводя взгляда от упавшего на песок существа, я с опаской поднялась. Сама! Проигнорировав нетипичное проявление заботы от Кина, подскочила сразу на обе ноги, мысленно напомнив себе, что я – пусть бывшая, но военнотружущая Троя Флеш, а не обморочная барышня. А в компании эдаити просто обязана уже воспринимать как должное всё запредельное и кошмарное.

– Оно несъедобное, – зачем-то снова повторил Кин. И лишь когда продолжил, стала ясна суть. – Для тебя. Для моего тела. Но не для меня.

– Ты его... выпил?

Не то чтобы я одобряла все их способы питания... Но рассуждения о курице заставили с большей практичностью отнестись к вопросу питания. Особенно когда мы провалились куда-то во временную яму, и, увы, без мешка со снедь. Голод куда эффективнее человеколюбия. И если хоть один из нас сейчас может пополнить силы...

Дойду ли я на этой планете до того, что смогу закрыть глаза на «потребление» себе подобных? Оправдать такие меры выживания?..

Эти мысли реально заставили поёжиться: между гуманизмом и жестокостью, оказывается, такая тонкая грань – всего-то и надо, что оказаться на грани гибели. Самый сильный наш инстинкт всё же потребность выжить. Любой ценой?..

– Забрал энергию. Ты не можешь. Трое нужно другое.

Голос эдаити звучал более мягко, чем обычно, и смотрел он пристально, не отводя взгляда. А вот мои глаза бегали по блёклой округе, избегая зрительного контакта со спутником.

Уж точно... не могу. А вот получу ли то самое «другое»? Мы, кажется, бесконечно долго бредём, а больше так никого и не встретили... Во рту пересохло окончательно – жажда всё сильнее давала о себе знать; голова кружилась, но я старалась держаться, понимая, что выбора, по сути, не остаётся. Либо мы хоть что-то найдём, и я это съем – съем и выпью уже что угодно, мало-мальски пригодное в пищу, – либо...

– Стой.

Кин решительно меня придержал, так как последние часы всё время вёл за руку. Перехватив за плечи, чтобы не рухнула, аккуратно

усадил на землю и отступил, развернувшись спиной. А потом и вовсе зашагал вперёд, оставив одну.

Я потянулась было следом, но осела обратно. Сил не осталось совершенно – казалось, мы сутки бродим в этом туманном лесу. Меня хватило лишь на то, чтобы наблюдать за непонятными действиями эдайти.

Кин, выйдя на открытое пространство небольшой поляны, которая в нормальном лесу точно была бы заполнена зеркальным озером, а здесь оказалась пуста, потоптался в её центре. При этом голову как-то по-звериному пригнул к плечу. Прислушивался?

Подпрыгнул, с силой ударив ступнями в землю. Присел, всматриваясь. Встал, снова прыгнул... А через мгновение провалился по пояс.

Ахнув, я вздрогнула и инстинктивно дёрнулась на помощь. Вскочила... и с облегчённым вздохом опустилась обратно. А потом тихо засмеялась. Вот глупая! За кого перепугалась? За сверхсущество, которое даже этой жуткой планете не по зубам?

Кин, легко и неизменно спокойно выбравшись из ямы, зашагал ко мне.

Когда подошёл ближе, увидела, что он несёт в руках нечто серебристое, похожее на мешок.

– Это что? – с надеждой и одновременно подозрением уставилась на добытое им... нечто?

– Точно не знаю. Но оно съедобно.

Эдайти опустился на песок рядом со мной, помял «мешок» в ладонях, видимо изучая. А потом неожиданно рванул за узкое горлышко, раскрывая.

Внутри «мешка» оказалась белесая полупрозрачная мякоть, напоминающая... мм... протеиновое желе с фруктовым вкусом! В нос ударил странный тяжёлый аромат, смешанный из запахов... смолы и клубники? Именно такие образы возникли в памяти.

Одновременно притягивающий и отталкивающий аромат. Клубнику я любила, но смола всегда ассоциировалась с хвойным гелем для душа, стандартным для душевых кабин на станции. И ощущение, что я сейчас хлебну мощного средства, заставляло морщиться и мешкать.

А вот Кин долго раздумывать не стал.

– Трое можно есть, – сообщил, демонстративно окунув палец в массу, и запахнул его в рот, смачно посасывая.

Невольно сглотнув, я решила. Один вид вероятной еды уже придал сил. О антисанитарии я не думала – возможность насытиться стёрла остатки налёта цивилизованности. По примеру эдайти поначалу лишь обмакнула в массу палец, а когда распробовала, принялась черпать питательную желейку ладошкой. Горсть за горстью, измазавшись, но наевшись.

Вкус продукта оказался сносным. В меру сладким, водянистым – и жажду и голод утолил неплохо.

Когда «мешок» опустел, а чувство сытости накатило сонной ленью, я наконец-то озадачилась мыслью: а что же такое съела? Или... кого? Гладкая на ощупь поверхность опустевшей и сжавшейся емкости навевала какие-то знакомые ассоциации. И этот серебристый цвет...

– Может быть, возьмем эту штуку с собой? – продолжая мять в руках неведомое, я предложила Кину использовать «мешок» в качестве сумки. Или подушки, если скомкать и подложить под голову? Он же наверняка увидит эти образы в моей голове.

Эдайти, устроившись на песке рядом, никак не отреагировал, продолжая рассматривать меня с задумчивым видом. Строил какие-то планы?... Искренне недоумевал – к чему какие-то подушки, если с его телом и на камне поспать не проблема? Одно я поняла наверняка: спешить нам некуда, цели достигли – наелись. Или?... От догадки прошибло испариной: неужели он вновь решил заняться самообразованием в части взаимоотношения полов?

– А ты? – опомнившись, что заглотила практически всё содержимое «мешка», резко подалась я к мужчине с вопросом.

– Пока сыт, – лаконично бросил Кин в ответ.

В смущении от своего неуместного проявления беспокойства, я опустила взгляд на серебристый обвисший пузырь в руках, прикидывая, можно ли его поверхность высушить и очистить от липкого содержимого. Вывернув «мешок», заметила на самом дне крошечную шишечку с дюжиной мелких выростов. Словно...

– Зеркальное «озеро»! Это его... зародыш?

Все части ассоциаций сложились в одно целое: цвет, выросты и полянка подходящая – со временем по её поверхности растеклась бы ловушка-хищник.

– Да.

Мой спутник соизволил подтвердить то, что, очевидно, понял сразу.

– Откуда оно здесь?

Решила заговорить, борясь с подступившей дурнотой, со всей отчётливостью осознав – я тоже хищник, пусть и уровнем попроще.

– Как знать, – неспешно осматривая окружающие нас блёклые кристаллы, пожал плечами Кин. – Тоже могло провалиться. Или это такой способ самосохранения, и оно ждало, пока погибнет родительская особь... Зародыш, значит? Понравилось?

Я снова сглотнула, признав, что без малейших угрызений совести уничтожила то, что, возможно, предназначалось в качестве первоначального питания для зародыша. Ну, как белок в яйце... Брр...

Однако эдаити сейчас мне намекнул именно на этот факт. Что я не так уж отличаюсь от них. Разве что с поражающим уровнем возможностей у меня всё куда проще, но ради спасения или выживания все мы тоже способны уничтожить другую жизнь. Ещё и оправдываем себя убеждениями в её неразумности.

Неужели так заведено в природе?..

– Что будем делать дальше?

Мой голос звучал уныло – я запуталась в своих же принципах, устремлениях и намерениях. Понятно было лишь одно: чтобы выжить, мне придётся оставить привычную Трою в прошлом.

– Отдыхать, – немедленно откликнулся Кин. – Трое необходим отдых.

– Как долго мы шли? – я попыталась рассмотреть хоть что-то над вершинами тусклых однотонно-сероватых кристаллов, но ничего, кроме туманной мути, не увидела. – Местных солнц не видно.

– По моим ощущениям, уже наступила ночь. Здесь стало немного сумрачнее.

Мне тоже так показалось: как-то слегка потемнело, как если бы небо над нами накрыло грозовой тучей, – глаза приходилось напрягать сильнее, чтобы видеть окружающее пространство.

– Отдыхай.

Поразив неимоверно, Кин вдруг похлопал ладонью по своим расслабленно вытянутым ногам, очевидно предлагая мне устроиться на них.

– Ах, да, ультразвук, – со вздохом пробормотала я уже привычную мантру и двинулась к мужчине с чувством полной предопределённости.

– Здесь его нет.

Замерев, я так и не опустила голову на ноги Кина. И не сразу осознала смысл сказанного. Убийственного звука нет? Страшиться мучительной смерти не надо? А значит... нет необходимости и спать рядом...

К моему удивлению, в душе промелькнула досада на него за такую несвоевременную честность. И тут же я одёрнула себя: так размякла от пережитого, что уже осознанно и целенаправленно ищу защиты у ами... эдайти?! Троя Флеш, это – позор!

Решительно отстранившись, села рядом с Кином. Затем, стараясь делать это не слишком явно, заёрзала на песке, отдаляясь. Просто лягу тут! Совсем уж отходить неразумно – угрозу нападения кого-нибудь непонятого никто не отменял. Пусть мы, бродя целый день в поисках хоть какой-то живности, встретили всего одну тварь, но по закону подлости...

Потёрла ладони, непроизвольно пытаюсь очистить их от песчинок, налипших, как на клей, на слой протеиновой желейки, оставшийся на руках после еды. Да и лицо я основательно измазала, вынужденная загребать еду руками. Невольно вздохнув, одёрнула себя: отныне я дикарка. И благоухаю наверняка соответственно – с момента посадки вода, пригодная для умывания, нигде не попадалась. Водоемы на этой планете нам не встретились – вязкая грязь болота не в счёт.

– Мыться, как в душе? – переспросил Кин, продолжая наблюдать за каждым моим движением.

Стоило услышать вопрос, я сразу вспомнила, как в первый раз уснула с ним рядом... мокрая. Тогда совместный душ был вынужденным и неожиданным, сейчас куда более желанным, но... Но я не очень понимала, как подобное осуществить, когда душевая зона звездолёта отсутствует. И всё же коротко кивнула, не поднимая взгляда – хватило и ощущения заалевших щёк. Почему сейчас мне во всём видится чувственный подтекст?..

– В кристаллах есть жидкость, – неожиданно поделился наблюдением мужчина. Немного подумав, добавил. – В больших её должно быть много. Трое хватит.

– Для чего? – сразу насторожилась я.

– Помыться.

Озадаченно и одновременно преисполнившись надежд я замерла, разрываясь между радостью и страхом. Даже обтереть тело сейчас стало бы благословением, но я отдавала себе отчёт – для этого придётся раздеться. А как поведёт себя Кин, я предположить не могла...

– Подойди.

Я раздумывала, а эдайти действовал. Потому я проморгала момент, когда он сорвался с места, а отыскав глазами, обнаружила его возле мощнейшего кристалла – в три объёма моих рук!

– И... как?..

Неуверенно теребя магнитные застёжки куртки, я опасливо поднялась и двинулась к нему. Пока я шла, Кин с вдумчивым видом осматривал кристалл, медленно водил рукой вверх и вниз по гладкой поверхности высоченной, будто каменной глыбы. Огладил «ствол», перешёл на боковое ответвление-ветку. Замер, словно прислушиваясь, отвёл руку, развернув ладонь ребром, явно готовясь нанести рубящий удар. Отставил ногу, присел, вдохнул, выдохнул...

Что он собирается сделать, я догадалась моментально. Но... Кристалл, что выбрал Кин, выглядел неприступным колоссом! Даже эдайти не может быть под силу его сокрушить...

Мысль оформилась в голове сразу: такие отчаянные манёвры без травм не обходятся. Кин просто не понимает, что физическое тело, даже такое совершенное, имеет свой предел прочности. И его можно повредить... Теоретически.

Однако я ещё только судорожно ловила ртом воздух, чтобы предупредить и остановить эдайти, а рука мужчины смазанным движением уже впечаталась в «ветку». Не то звон, не то хруст вспорол окружающую тишину, когда появившаяся от удара в кристалле трещина разделила его на две части. Заворожённая зрелищем узора из паутины разбегающихся трещин, я в ошеломлённом ступоре смотрела на медленно откалывающуюся вершину окаменелого колосса.

Она рухнула бы прямо на меня, буквально приросшую к земле, если бы Кин вовремя не перехватил «ветку», аккуратно опустив на песок чуть в стороне. Но благодарности за очередное спасение эдайти

не дождался – моё внимание переключилось на куда более значимое событие.

Из нижнего обрубка кристалла потоком рванул вверх столб фонтанирующей жидкости.

Вода... Вода?! Да без разницы, ведь это так похоже на воду!

Уже не в состоянии думать ни о чём другом, окрылённая истинным чудом, забыв о прежних сомнениях и ведомая лишь желанием очиститься и освежиться, я сама не осознала, как сорвала скафандр. А за ним и оставшуюся нательную одежду. Миг – и я уже счастливо барахталась в потоке освежающей и такой желанной... воды?

Засаленные и висящие сосульками волосы моментально намокли, грудь и плечи бомбардировали сотни капель, сливаясь и стекая по телу юркими ручейками. С остервенением я принялась тереть себя руками и лишь потом сообразила: во внутреннем кармане скафандра по инструкции должна быть небольшая емкость с антибактерицидным гелем. На одну-две водные процедуры...

Надорвав пакетик, вспенила гель, старательно размазывая его по телу и голове. И полной неожиданностью стали ладони Кина, присоединившиеся к действию. Повторяя мои движения, большие руки мужчины заскользили по моему телу, оставляя мыльные следы.

– Лучше собой займись, – посоветовала я, стараясь увернуться от изучающих прикосновений. – Тоже не повредит помыться.

Не повредит – мягко сказано. Начиная с форсирования болотной топи и по сей момент тело Кина покрывал слой заскорузлой грязи. Был ли запах, я не ощущала. Или мои обонятельные рецепторы на этой планете сбились, или уже свыклась с несвежими ароматами. Сама точно благоухала не лучше!

Кин спорить не стал. Миг – и он оказался рядом под потоком влаги. Вот уж кто не полагал наготу проблемой... Впрочем, и я, успев «налюбоваться» крепким мужским задом, не реагировала. Да – мужчина, да – с пропорциями бога... Но для меня в самом факте наличия тела не было ничего экстраординарного. Вот ему, должно быть, куда необычнее – и все эти различия между нами, и необходимость купаться...

– Готово, – отрапортовал эдайти, игриво поддев меня бедром.

Как и со всем прочим, с помывкой он справился с запредельной скоростью, в отличие от меня, вальяжно расслабляющейся, подставляющей лицо и грудь струям воды и массирующими движениями втирающей гель в волосы. О том, что мужчина за мной наблюдает, – знала, чувствовала его неизменно преследующий взгляд.

Но вот купательных заигрываний от своего спутника не ожидала. И банально шлепнулась на песок, получив тычок в бок. Мокрое тело покрылось слоем жёлтых песчинок, а я, поддавшись накотившему возмущению, безрассудно зашипела на эдайти:

– Ты!..

– Троя?

Мужчина быстро поднял, обхватив мои руки своими ладонями. Голос его едва уловимо дрогнул, но я это заметила словно настроенный на него сверхчувствительный детектор.

– Всё в порядке, – отмахнулась, сообразив: он ищет слова, чтобы дать мне понять – у него не было намерения навредить.

Вот уж для кого такое взаимодействие в новинку. И не знает, несчастный, про любовные игры в кошки-мышки между мужчинами и женщинами. Должно быть, не учёл, что я не одна из его собратьев и весовые категории у нас разные. Им всем ещё лишь предстоит осознать, что с нами, женщинами, стоит быть помягче...

Попыталась высвободиться и... И замерла, когда взгляд остановился на локте Кина. Шокированная зрелищем явно противоестественно выпятившейся из-под кожи кости, я тут же забыла о переживаниях насчёт интереса эдайти к моему телу.

– Что это? – пробормотала потрясённо, не сразу сообразив – удар по каменному кристаллу даром не прошёл. Это как мне со всей силы треснуть по бетонному столбу. А когда осознала, ахнула: – Да чтоб тебя! Это же закрытый перелом...

– Троя злится? – заинтересовался эдайти, проявив и познания в расшифровке эмоций, явно соотнеся их со своим поступком. Одновременно он выверенным движением снова задвинул меня под уже иссякающий поток, которого, впрочем, хватило, чтобы смыть с тела песок.

– Тебе не больно?! – Отскочив в сторону и ладонями стирая с лица воду, чтобы распахнуть глаза, я ткнула пальцем в место очевидной

проблемы. Глазам своим не верила: он этой рукой ещё и двигал! Даже меня поднял!

– Больно? – Кин приблизил своё лицо к моему, словно искал там ответ.

– Руке! – Я осторожно коснулась места излома. – Ты её сломал.

– Сломал? Как кристалл? – Эдайти наконец-то перевёл взгляд на свою конечность. Немного замедленно согнул-разогнул, вынудив мои брови поползти вверх: вот это высокий болевой порог!

– Да! – пояснила, трясась от накатившего ступора. Ясно же, что им всё ещё малопонятны особенности физических оболочек, но проблемы это не уменьшало. – Тело можно повредить, как любой другой материальный объект. Сломать, разорвать, сплющить, сжечь... Ты локтевую кость сломал! Неужели не чувствуешь?

– Нет.

Он ещё и плечами пожал, сразив наповал. Снова эта детская полнейшая наивность в сочетании со смертоносными возможностями. Понимают ли эдайти последствия повреждений тел? Знакомо ли им само понятие травмы? Смерти? Одно ясно – они всё же не неуязвимы! Эта мысль заставила действовать...

– Не дёргайся! – Я подскочила вплотную к мужчине, бережно перехватив его руку. – Нельзя, сделаешь только хуже.

Взгляд уже шарил по округе, подмечая быстро исчезающую в недрах песка лужу, крошечный ручеёк, струящийся по надломленному стволу – всё, что осталось от бьющей ввысь струи, и... обломки свалившейся тут же вершины окаменевшего колосса. При этом я инстинктивно, едва касаясь, поглаживала пострадавшую конечность Кина, успокаивая боль, которой он даже не осознавал...

– Придержи второй рукой, – перехватив другую его ладонь, подтянула ближе.

Эдайти послушно подчинился, при этом впившись немигающим взглядом в моё лицо. Не заботясь о том, в каком виде предстану перед ним, я развернулась и, наклонившись к своей отброшенной в сторонку одежде, схватила нательные брюки. Единственное, из чего представлялась возможность сделать повязку.

Подхватила осколок достаточной длины, решив использовать его в качестве шины, чтобы зафиксировать кость в правильном

положении. О том, сколько понадобится времени, чтобы она срослась, я старалась не думать – чередой проблем продолжалась.

Игнорируя молчаливую заинтересованность и непрерывный контроль за каждым моим движением, принялась ощупывать мужскую конечность. По оказанию первой помощи в учебке целый курс был, и я его знала неплохо. Поэтому смогла вправить кость и зафиксировать её положение, примотав к руке осколок кристалла. Свободные концы брючин связала на шее эдайти. И он позволил это сделать, пригнув ко мне голову. Ещё и чуть присел, почти уткнувшись лицом в мою ничем не прикрытую грудь. Глубоко вдохнул, словно желая наполнить лёгкие ароматом моего свежeweымытого тела.

– Зачем это? – чуть качнув своим новоприобретением, мужчина наконец проявил хоть какой-то интерес к моим поступкам.

– Так надо, чтобы рука... восстановилась.

– Ладно, – просто согласился он.

– Кин... – я запнулась, смутившись тому, как естественно его имя слетело с губ. – Точно не больно?

– Да.

Берсерки! Как есть берсерки! Ещё одна запредельная черта созданных тел?

Переведя дыхание, я отступила, решив, что сделала всё возможное для помощи. Пусть и для помощи монстру. Монстру, не знающему боли, но замирающему от одного поцелуя.

К чему вдруг вспомнила об этом? Суевливо завертевшись на месте и старательно прогоняя из головы несвоевременные образы, задумалась, как быть дальше? Влажные волосы холодили спину. Всё, что осталось мне помимо остатков скафандра, – куртка Игеря. Но намочить её не хотелось. Стыда из-за наготы в присутствии Кина уже не было: сейчас эдайти стал моим пациентом. Не будет же приставать с одной работоспособной рукой?..

– Давай присядем здесь, – разложив на песке брючную часть скафандра, указала на него мужчине. – Немного обсохнем.

– Хорошо.

Привычная лаконичность и спокойствие. Не позволив мне позаботиться о нём, прежде Кин усадил меня. И сам легко устроился рядом, сев вплотную – наши бёдра и плечи соприкасались.

– Точно не болит? – вновь уточнила я, желая заполнить неловкую тишину. – Не стоит демонстрировать стойкость, будь честен.

– Нет. Я всегда честен.

– Ясно... Нужно ждать, пока срастётся кость, – сказала и зевнула – всплеск лихорадочного возбуждения иссяк.

– Троя должна поспать.

При этом Кин призывным жестом похлопал по здоровому плечу. Притянув колени к груди, я воспользовалась приглашением, привалившись к нему. Сил бороться с жизненными невзгодами уже не было, глаза закрывались. Однако я вспомнила, что забыла ему сказать...

– Спасибо за душ, – пролепетала, сплетая пальцы в замок.

– Трое надо? Сразу скажи.

Угу. И он опять себе что-нибудь травмирует, решив свернуть очередную гору. Мысленно я тяжело вздохнула, когда эдайти внезапным манёвром переместил меня к себе на колени. Устроил так, что моя голова оказалась на его ногах!

– Спи. Так удобнее. – Вот и всё объяснение...

Только здоровую руку не отвёл. Немного поведив ею по влажным прядкам, погладил плечо и положил поверх моей груди. Охнув, я немедленно напряглась, сделав попытку подняться. Но Кин не позволил, поднажав локтем. Впрочем, сдерживая меня на месте, ладонью не двигал. Но и я не могла расслабиться, не понимая, чего следует ожидать от эдайти, и потому героически сражалась со сном, инстинктивно не доверяя своему спутнику.

– Мягкая. Приятно, – сухо проинформировал мужчина, спровоцировав у меня очередной всплеск напряжения.

Теперь, несмотря на усталость, сон не шёл. Мысли крутились в голове как заведённые, мешая расслабиться. И напряжение не отпускало, и вопросов много появилось, а ответов я так и не получила. В итоге, чтобы себя не мучить, а его отвлечь от физических отличий моего тела, я напомнила Кину:

– Ты обещал рассказать. Сказал, позже...

– О чём?

– О вашем родном мире.

– Да. Верно. – Эдайти помолчал, то ли решая, с чего начать, то ли обдумывая, что именно мне можно знать. Наконец заговорил: – Он

другой. Мой мир. Совсем иной. В нём нет ничего вещественного, осязаемого, плотного. Многомерность – это... – он запнулся, с трудом подбирая слова, – волновые потоки, перепады частот, колебания фотонов, силовые поля и гравитационные искажения. Там много уровней, но мы предпочитаем использовать три. Самый удобный – изотропный. Он спокойный, размеренно инвариантный. Есть эмпирический – заполненный бозоновыми скоплениями. Ещё анизотропный – неравномерный, с циклическими флуктуациями, спонтанно рождающими новые частицы. В нём избирательные отклонения квантовых полей, случайные гравитационные искажения, сингулярные дыры, потоки первичной субстанции, кварковые завихрения и полевые возмущения.

Кин умолк, видимо исчерпав запас терминов, которые отпечатались в моей памяти из курса физики и напрочь были забыты за ненужностью. А вот теперь пригодились. Больше того, я поразилась, насколько он уже успел освоиться с нашими понятиями, характеризующими реальность, с представлениями о мирах.

– А вы сами? – пролепетала я, несколько ошалев от слов, которые были понятны лишь на уровне «когда-то слышала». – Какие там вы? Тоже не вещественные?

– Разумеется. Хочешь, чтобы я себя описал? Это сложно объяснить, используя имеющийся у тебя понятийный запас. Но я могу попробовать... – Кин покосился на меня, а когда я неуверенно кивнула, загадочно усмехнулся и выдал: – Тонированный сиреневыми длинами волн спектр свечения, прямой вектор глюонов, высокий уровень кинетики и выраженный потенциал силовых полей. А ещё сильные выверты спиновых матриц, чёткая калибровочная симметрия и преобладание кварков верхних ароматов. Мы общаемся, меняя амплитуды частот, притягиваемся, поляризуя контуры, стабилизируемся, корректируя матрицы вращений...

Серьёзно?! Я в самом деле знала слова, которые он только что произнёс, – работая на станции, где велись постоянные научные разработки, нахваталась и наслушалась многого, но...

– Ни хрена себе... – выругалась, обрывая Кина. Потрясла головой и выставила перед собой ладонь, останавливая готового продолжить эдайти. – Думаю, мне этого достаточно.

Кин настаивать не стал. Я улеглась удобнее, даже глаза закрыла, намереваясь уснуть.

Уснуть? Да разве это возможно?! Чем активнее я убеждала себя, что больше не коснусь этой заумной темы, тем сильнее жгло любопытство – хотелось понять, но как-то... на бытовом уровне.

– А вы там все одинаковые? – не выдержала и приподнялась, заглядывая в малоподвижное лицо эдайти.

Почему-то в памяти снова замаячил сиреневый туман. Уразуметь *его* как осмысленную форму жизни никак не получалось. Со слов же Кина вообще выходило, что они – нечто более развитое и совершенное в сравнении с нами.

– Разные. – Кин вновь говорил медленно, явно с трудом добывая нужные слова. Точно ступил на зыбкую почву вопроса, в котором сам ещё не разобрался. – Но по-другому разные. Не как здесь, у материальных. Мы разнимся по... статусу. Энереллы-лекарки выправляют искажённые конфигурации кварков у всех эдайти. Эдилати-импульсники оперируют энергией, перебрасывая на разные уровни мерности. Эдоцити-гасители нивелируют избыток энергии и подавляют её спонтанные всплески. У меня статус эдилати-дойщика. Я забираю энергию отовсюду, откуда могу, и перекачиваю её в многомерность. Без нас она исчезнет.

– То есть... Ты не ради прожорливос... э-э... – спешно поправила, – не ради себя всех... выпиваешь? – Я судорожно сглотнула, когда осознала, что эгоистичность и бездушность, с которой эдайти убивают, надуманные. Это только наш, субъективный, в границах собственного развития, взгляд на ситуацию. А они всего лишь заботятся о своём мире.

– Н-н-не знаю, – в сомнении качнул головой Кин. – Я больше не ощущаю той связи с мерностью, какая была до того, как нас заточили в этих телах. Но связь с братьями осталась. И энергия, которую я поглотил, всё же медленно тает. А это, возможно, свидетельствует, что и сейчас многомерность тянет из нас свою долю. Впрочем... – Он откинулся на песок, заложил здоровую руку за голову, и бесстрастно закончил: – Объяснение может быть и иным.

Пришлось приподняться, потеряв из виду лицо мужчины. В этом его внезапном отдалении мне почудилась тоска... по дому... по прошлой жизни.

– Мне тоже никогда не вернуться... – тихо призналась в том, что понимаю его. Да, на удивление в чём-то мы оказались схожи!

Кин промолчал, возможно не желая обсуждать необратимое или... осознавая свою роль в конкретно моей трагедии?..

– А новые эдаити... откуда они берутся? – осторожно коснулась я щекотливого вопроса, спеша сменить тему.

Размножение – камень преткновения в наших с Кином отношениях, хорошо бы понять, как с этим обстоят дела у них?

– Просто появляются. Спонтанно возникают на разных уровнях. Независимо от других эдаити. И каждый из нас также спонтанно может исчезнуть. Это нельзя контролировать. Мы живём, пока мерность нас в себе удерживает.

Точно ничего схожего с физическим вариантом!

– А потом? После исчезновения? – сначала задала вопрос и лишь потом сообразила – фактически требую от него невозможного. Кто вообще в курсе, что происходит после смерти?

Кин предсказуемо не ответил. Лишь пожал плечами, продолжая смотреть в мутное серое небо. Я прекрасно видела его чёткий профиль и замершие в неподвижности глаза. Интуитивно поняла: не стоит продолжать разговор, я и без того достаточно разбередила его душевные раны. Конечно, если предположить наличие души у... чужака. Впервые даже мысленно назвать его монстром не получилось.

Молча улеглась, повернувшись к Кину спиной и вновь устроив голову на его ногах. Сжалась, притянув колени к животу, как никогда прежде остро ощущая одиночество. Теперь ещё и его...

Мы словно скитальцы, ушедшие так далеко от привычного и родного дома, что точка невозврата оказалась пройденной. Два одиночества, встретившиеся на краю вселенной... Лишь почувствовав солоноватый привкус на губах, поняла, что плачу. Наверняка за нас двоих...

Глаза наконец закрылись. Чувствуя упадок сил не только физических, но и душевных, я уснула. То, чего страшилась, – боли, насилия – не случилось. Сегодняшний день и такое внезапное уединение с эдаити преподнесли неожиданно значимый сюрприз – этот пугающий и диковатый мужчина мне открылся, став чуточку понятнее...

Лёгкого шевеления рядом со щекой оказалось достаточно, чтобы проснуться. Сообразив, что во сне обхватила ноги Кина руками, а сама расслабленно распласталась по песчаной поверхности, я смутилась. Прямо Ева и Адам какие-то! В вопросах наготы и безрассудства так уж точно.

Но тело ощущалось отдохнувшим, дискомфорта не было. Ничто вокруг не напоминало о том холоде, что окутал нас наутро после первой ночёвки на планете. Оттого и нагишом спалось чудесно.

– Полагаю, в зиянии отсутствует не только ультразвук, но и температурные перепады, – отреагировал эдайти на мои мысли.

Повернувшись к нему лицом, обнаружила его уже сидящим и снимающим повязку с импровизированной шиной.

– Что это ты делаешь?.. – Подскочив, обеспокоенно протянула к Кину руки, сообразив, что не предупредила его о сроках сращивания костей!

– Всё уже в порядке.

– Но перелом... – от подобной категоричности я растерялась.

– Кость срослась.

В качестве подтверждения эдайти демонстративно совершил пару вращательных движений рукой, одновременно ощупывая место вчерашней травмы. Оно действительно выглядело иначе – естественно!

– Да ты регенерируешь покруче любой ящерики...

Не без зависти осознала я очередную данность. Bravo создателям тел для амиотов! Посмертно я признала их заслуги.

– Трое пригодится, – вместо ответа Кин протянул мне нательные штаны, послужившие ему эластичными бинтами.

Спорить не стала, стряхнула с бёдер налипшие песчинки и молча натянула брюки. Когда подняла взгляд, обнаружила своего спутника тоже одетым в штаны и с предупредительно запахнутой для меня курткой Игеря. Пока продевала руки в рукава, Кин обескуражил меня ласковым прикосновением к груди.

– Мягкие. Приятно, – он вновь сообщил свои ощущения, явно давая понять, что не исчерпал интереса к вопросу различия наших тел. Или просто решил начать день с позитива?

Мне только и осталось, что поднять взгляд к неизменно мутному небу: такой беспокойный Адам мне достался! Впрочем, Кин времени

на рефлексию не оставил – уже двинулся в сторону, удаляясь от разрубленного накануне пополам кристалла.

– Куда ты собрался? – Спешно сомкнув застёжки куртки и подхватив с земли скафандр, я понеслась за ним.

– Мы уходим. – Эдайти снова был собран, деловит и невозмутим, словно ступал по знакомому с детства ковру в спальне.

– Но ты же хотел остаться здесь. Сказал, что другие будут ждать...

– Я кое-что понял. Щег точно вывалится обратно раньше нас и расскажет остальным о сути этих зияний. И они наверняка примут решение уходить из леса, начинённого такими ловушками. А направление их движения я знаю.

– Но если... – Я хотела сказать «ты ошибся» и не успела. Кин обернулся и обхватил своей лапищей моё лицо, закрывая рот большим пальцем.

– Не надо во мне сомневаться.

И он... улыбнулся!

Что сразило меня больше – его слова или его улыбка – и сама толком не поняла. А когда продолжили путь, вдруг поймала себя на том, что тоже улыбаюсь, уставившись на широкую бледнокожую спину. Задавать вопросы желания не было – впервые с момента похищения на душе не скребли кошки, я доверилась своему опасному спутнику.

В звенящей тишине мы безмолвно шли сквозь серую кальку местного леса... Я намеренно выкинула из головы все мысли, сосредоточиваясь только на том, чтобы избежать соприкосновений с острыми гранями кристаллов. Кин пусть и шёл первым, но умудрялся и меня направлять, ведя за руку.

– Троя голодная? – В какой-то момент он замедлил шаг. – Рядом есть ещё один... мешок.

Сообразив, что эдайти подразумевает яйцо-зародыш зеркального озера, я отрицательно мотнула головой. Вчерашнее-то с трудом переварила, до сих пор при мысли о питательном киселе к горлу подкатывает дурнота. Да и чувство голода пока не одолело...

– Нет, не хочу.

Блёкло-серые кристаллы, что так разительно отличались от пёстрой яркости оригинальных версий, начали редеть – уворачиваться от опасных выростов-веток приходилось всё реже. А я задумалась:

почему в зиянии нам не встретилось ни единой полноценной зеркальной ловушки? Только их зачатки?

– Скорее всего, провалившись сюда, они погибают, – уже привычно ответил на незаданный вопрос Кин. – Им не хватает пищи. А на месте разрушившегося «озера» остаётся это яйцо. Когда его выкинет из зияния, оно разовьётся...

– Что это? – перебила я мужчину, останавливаясь и указывая на пространство перед нами.

Граница леса, до которой мы добрались, казалась ненормальной. Странно призрачной! Там, где заканчивали расти кристаллы-деревья, не было спокойного перехода к равнине или горам. Никакой другой местности не было на туманном горизонте. Лишь муть, похожая на плотную стену светящегося пара, мешающего видеть то, что располагалось дальше.

– Смотри! – вскрикнула, заметив яркую вспышку.

От этой стены отрывались, медленно уплывая в лес, те самые искрящиеся сгустки.

Зияния!

– Почему так? – удивилась я, всматриваясь в необычное явление.

Кин интереса к происходящему не проявлял, как если бы уже давно всё рассмотрел и понял.

– Видимо, здесь минерал, о котором я тебе говорил, располагается ближе всего к поверхности. А меняющие ход времени частицы, которые он образует, слипаются в сгустки и поднимаются вверх, – поделился догадкой. – Что-то подобное я и предполагал.

– Значит, нам туда нельзя, – вздохнула я, делая два шага назад. – Иначе мы в новое зияние провалимся. А ведь ещё из этого не выбрались.

Кин промолчал. Пристально смотрел то на сгустки, то на туманную стену, а потом... Без предупреждения подхватив меня на руки, шагнул в туманную завесу.

– Что ты делаешь?! – взвизгнув, я дёрнулась, судорожным движением цепляясь за шею эдайти.

– Мы возвращаемся! – ответ был кратким и уверенным.

Он просил доверять – вот и всё, о чём успела подумать, проваливаясь в искрящуюся бликами муть!

Глава 8. Столкновение

Кин

Надёжно удерживая Трою, я целенаправленно и дотошно фиксировал каждый миг перемещения, используя и возможности тела, и силу эдайти. Понимание – в основе всего. Мы сможем стать полноправной частью этого мира, лишь досконально разобравшись в процессах, его наполняющих. Чехарда – слово, которое частенько мелькало в мыслях добычи и запомнилось ёмким смыслом, – лучше всего отражало нашу нынешнюю степень познания. И эту самую «чехарду» нужно было привести в порядок.

Мы выпали из зияния так же быстро, как в него попали. Однако я успел почувствовать малейшие изменения – воздух начал движение, пространство вздрогнуло, голоса собратьев зазвучали медленнее, становясь всё более внятными, послужив сигналом: жизненные процессы наших тел ускоряются.

Едва я, прижимая к себе Трою, перешагнул завесу, на нас нахлынул мир в своём естественном течении. Оглушил ожившими запахами, стремительностью звуков, сочностью красок и, главное, движением. Вокруг больше не было погрузившегося в стазис пространства.

– Мы вернулись! – надрывно-облегчённый шёпот добычи вторил моим мыслям.

Стремительно обернувшись, чтобы проверить своё предположение, я ожидаемо ничего не увидел. Позади нас не было никакого свечения – ни бликующего вспышками энергии тумана, ни искрящихся сгустков, – лишь деревья-кристаллы, растущие густо и раскидисто. Лес из пёстрых окаменевших исполинов закончился... и всё!

Интересно...

Не сразу я догадался, что порождаемая минералом искрящая «стена» не только отдаёт, но и забирает замедляющие время частицы, а потому невидима для тех, кто движется во времени с нормальной скоростью. Для нас же, «заторможенных», она была видна.

В тот момент, когда я на неё смотрел, осознание пришло как наитие, толкнувшее на эксперимент. Ну а то, что он оказался удачным... Тут скорее элемент вероятности сработал. Могло ведь и с точностью до наоборот получиться – нас бы глубже затянуло в зияние.

Зато теперь сомнений не было – пятна вовсе не провалы, они всего лишь сгустки частиц, изменяющих ход времени для отдельно взятого объекта и «замедляющих» его. А исчезновение, то есть невидимость для тех, кто остался в нормальном времени, – побочный эффект такого замедления.

Медленно и шумно выдохнула Троя, пощекотав дыханием шею и шевельнув мои волосы. Я слышал, что её сердце только-только перешло с судорожного стука на более спокойный ритм. Добыча едва ли сама осознавала, с какой силой вцепилась в мои плечи, с каким доверием вжалась лицом в мою грудь. Но сейчас всё...

Стоп!

Сущность эдайти словно ошпарило волной накатившей информации – если оболочка концентрировалась на близости женщины, то сознание мгновенно начало анализировать перемены в окружающем мире.

Перемены!

Я осознал их значимость и масштаб за доли секунды, синхронно со словами собрата:

«Кин! Наконец-то! Не мешкай! Ты нам нужен».

Призыв Орша донёсся, едва мы переступили «стену». Звучал отчётливо и ясно, хотя эдайти не был рядом – я слышал лишь мысленный голос, – но он ждал моего появления и почувствовал меня сразу. Как и остальные.

«Я же говорил, что он догадается!» – донёсся ещё один довольный комментарий.

«Щег! – узнал и порадовался я воссоединению. – Ты как?»

Пусть возможности эдайти уже подсказали о наличии перемен в мире, которые необходимо учитывать, но не поинтересоваться о состоянии одного из нас я не мог. Да и наше бессловесное общение протекало стремительно.

«Бегал по лесу, чувствовал, что вы рядом, всех звал, не сразу разобрался, что происходит. Сбросил с себя тормозящий заряд, когда

прошёл через искрящийся частицами столб. Нашёл такой в глубине леса».

Столб? Не стена?.. Хм...

Значит, мест «выхода» несколько. Это любопытно... Тоже момент, который необходимо обдумать, но не сейчас. Сущность эдайти настойчиво подталкивала разобраться с первостепенным! И присоединиться к своим.

Бросив сканирующую волну, я в один миг детально обозрел окружающее пространство. Ещё одно гигантское болото – справа, за которым ощущалась гряда хищных гор. Холмистую равнину, простирающуюся до горизонта, – слева. А на склоне одного из возвышений – пригревшуюся в лучах голубого светила группу распластавшихся существ, похожих на тот самый плоский летающий кристалл, за которым мы охотились в первый день в лесу.

«Увидел» я и место стоянки, где сейчас обосновались мои собраты, – ложбину между холмами, на небольшом удалении от границы леса. А чуть дальше – непонятное образование из камней, формирующих практически прямые полосы, заканчивающиеся кольцами. Почему-то они привлекли внимание, было в них что-то... неестественное. Даже для этого мира. Опасность?

Нет! Дальше... Причина подспудной тревоги в чём-то ином.

На время отложив выяснение происхождения и значения неведомой конструкции, я сконцентрировался на том, что находилось дальше... выше... над нами.

Вот оно! Угроза...

Возможности эдайти позволили осознать и опознать зависшие над планетой на границе атмосферы корабли.

Корабли! Те самые, преследовавшие и атаковавшие угнанный транспортник, когда мы приближались к точке перехода в подпространство. Те самые, повредившие двигатель и часть устройств. Но так и не сумевшие нас остановить...

Они нас выследили?!

«Что произошло, пока меня не было?» – рявкнул, срываясь с места и одновременно удобнее перехватывая едва начавшую дышать ровно Трою, устраивая её на своём плече.

– Я сама могу идти... – она потрясённо пискнула, но сразу умолкла, когда задохнулась от потока встречного воздуха и осознала, с

какой скоростью я бегу.

«И сколько не было?!» – добавил поспешно. Уж слишком многое поменялось...

«Прошло двадцать восходов голубого светила, – немедленно сообщил Орш. – Всё было как со Щегом: мы вас ощущали живыми, но без конкретного местоположения. Решили ждать, оставались на месте. Обследовали лес, охотились, еду жарили, практиковались с огнём. Воспламенить вещество просто, надо лишь задать его структурным частицам высокую скорость движения».

«Пленника съели?»

Я не переживал об Игере, но предпочёл бы предвидеть реакцию Трои на возвращение к своим.

«Не было необходимости. Пищей лес изобилует. Хищные горы недалеко, можно за «шишками» ходить. Особого внимания на пленника не обращали. И он помогал. После вашего исчезновения сначала паниковал, потом вёл себя очень тихо, даже неприметно. Часто дрожал, но без возражений выполнял всё, что говорили. Как огонь использовать, показывал. Жареная пища хорошо подходит оболочкам, особенно женским», – закончил Орш.

«Проблемы были?» – разумеется, я имел в виду все эти странности с телами и агрессивную реакцию эдайти с мужскими оболочками на взаимодействие с эдайти-женщинами.

«Да».

За скупым ответом собрата было скрыто многое. Но оба мы понимали, что этой проблемой, зачем-то целенаправленно созданной учёными со станции, заточившими нас в телах, придётся заниматься основательно. Это не то, в чём мы способны разобраться, исходя из опыта прежней жизни.

«Почему ушли из леса?»

«Щег появился через шесть восходов голубого светила, – мешая моему стремительному продвижению, информировал собрат. – Тогда мы и поняли, как устроены зияния. Сколько ждать тебя, не знали. Продолжили путь. Не сомневались, что нагонишь».

«Верно, – одобрил я общий выбор. Сам бы поступил также. – Что с братьями? Все совладали с оболочками? Особенно с женскими?»

«Да, контроль над телами есть. Времени зря не теряли: развивали координацию и взаимодействие тел и сущностей эдайти.»

Но...»

«Что?»

«Женские оболочки существенно слабее. Это факт. Мы соотнесли и проверили возможности всех, кто попал в такие тела».

«Они... не самостоятельны?» – уточнил я. Сейчас особенно важно было знать наши слабые стороны!

«В бытовом смысле вполне самостоятельны, если не брать в расчёт неспособность слышать нас привычным способом. Но их возможности реагировать на внешние угрозы существенно ниже. При любой опасности эдайти-женщин необходимо защищать!»

В интонациях Орша не слышалось логичного сожаления. Скорее наоборот, некое потаенное довольство. Словно собрат был рад необходимости проявлять заботу о... Риш?.. Я доподлинно осознавал, о ком именно он говорил, хоть имя «беззащитной» не прозвучало.

И я его понимал, потому что испытывал те же ощущения по отношению к Трое.

«Как ведут себя Риз и Шох?» – адресовав вопрос исключительно Оршу, я скрыл свой интерес от остальных. Не хотелось афишировать некоторые всё ещё неясные моменты, связанные с близостью женских тел и нашей на них реакцией.

«Риз по-прежнему проявляет заинтересованность в Рише, но я его не поощряю. Шох сконцентрировал внимание на Муш. А с ним Зом и Щег... – Орш на мгновение умолк, а затем напомнил: — У нас всего пять эдайти в женских версиях тел, а в мужских восемнадцать. Конкуренция неизбежна – женские оболочки обладают притягательным влиянием».

«Как они сами это восприняли? Ты Риш спрашивал?»

«Всем нам пришлось привыкать к материальности, – мысль Орша прозвучала немного философски. – Всем было одинаково непривычно: как в мужских, так и в женских телах. Куда сложнее эдайти-женщинам было свыкнуться с отсутствием бессловесного общения. Тут уже все мы нарабатываем навык общения голосом».

«А как они воспринимают вспыхивающие конфликты между братьями из-за желания других эдайти быть ближе?»

«Им интересно. Наблюдают. – Орш только подтвердил потребность эдайти к познанию. – Но как это работает, пока разобраться не смогли. – В сознании возник образ печального

вздоха. – *Риш экспериментировал! Пробовал на мне разное... Трудно пришлось. Влияние женских оболочек очень сильное».*

Вспомнив собственное состояние в момент близости с Троей, я понял собрата. Но тут же прогнал из головы мысли о недавнем и таком захватывающем тактильном сближении – не время думать об этом, когда явились одержимые идеей нашего уничтожения преследователи. Прежде необходимо устранить угрозу в их лице.

Место нынешней остановки эдайти приближалось. Троя бессознательно обмякла на плече – подобный темп движения она выдержать оказалась неспособна, поэтому я замедлился, опасаясь навредить добыче.

«Что с нашими врагами?» – вновь обратился ко всем, продолжая вникать в произошедшее за время моего вынужденного отсутствия.

«Они появились этой ночью. На розовом восходе попробовали приземлиться, но точно не учли разрушительного влияния на них ультразвука. У всех маленьких кораблей, которые отделились от крупных и вошли в атмосферу, видимо, отказали устройства полета. Или пилоты не выдержали и от высокой интенсивности звука потеряли способность к управлению техникой. Они до нас не долетели, рухнули вниз. Место падения – за кристаллическим лесом».

Этот мир не принял наших врагов, невольно оказав нам услугу. Одно преимущество есть!

«До голубого восхода больше попыток приземлиться не было, – продолжил Зом. – Сейчас активность преследователей высокая. Похоже на спасательную операцию?»

«Я этого не ощущаю», – поделился я наблюдением.

Действительно, бросив сканирующую волну через лес, в ответ получил лишь неясную размытую картинку без чётких ориентиров.

«Минерал мешает видеть. Под кристаллами его очень много, в дополнение они сами поглощают наши волны. Мы отправляем разведчиков через лес, чтобы иметь точную информацию о происходящем по другую его сторону», – доложил Щег.

«Кто-то ещё попал в зияния, под влияние частиц, искажающих ход времени?» – проявил я привычную практичность. Если нас стало меньше, нужно чётко представлять себе перспективы.

«Нет, теперь все действуют осмотрительно. Сгустки хорошо заметны, если концентрироваться на исходящей от них энергии», –

отчитался собрат.

Наш разговор движению не мешал, но я предпочёл его завершить. Основную часть событий я выяснил, а упущенное или детали можно будет уточнить позже. Сейчас меня куда больше занимало состояние Трои – она пришла в себя, когда я снизил темп и снял её с плеча, взяв на руки. Теперь женщина сверлила моё лицо напряжённым взглядом и почему-то молчала, никак не решаясь заговорить вслух. Зато в её голове мыслей было более чем достаточно...

«Проклятье! Почему я вечно болтаюсь на нём, как мешок с требухой? Вот что не так с этим эдайти? Куда он понёсся с такой дикой скоростью? Хоть бы заранее предупредил... Если я заблую ему всю спину, это проймёт этого... дикаря?!»

Троя мысленно шипела! Я никогда раньше подобного не воспринимал...

«Нет же, о чём я думаю? Он же всё опять «услышит»? Как меня это достало... кто бы знал! – Добыча обхватила руками мою шею и в упор взглянула в глаза. Так странно: словно она что-то там желала рассмотреть? – Эй, ты! Радуйся, что я отказалась от второго яйца-зародыша, иначе всё это нечто уже красовалось бы на твоей крутой заднице! Слушаешь, же? Моргни хотя бы!»

Обстановка не располагала к общению, и потому на провокации я внимания не обращал. Достаточно было понимать: женщина продержится до лагеря.

«Конечно, сделал вид, что не понял! Как всё просто... Ну вот опять ускорился... Так спешит к своим? Соскучился? Да бред, всего-то пара дней разлуки... или?.. – Троя вдруг замерла. – Возможно, что-то не так? Случилось за это время? Точно! Вот я дурёха, не учла... Гадство, эти ненормальные же не сожрали штурмана?!»

От промелькнувшей мысли добыча содрогнулась – прижимая к себе женщину, я ощущал малейшее движение её мышц.

Дурёха? Смысл слова остался невыясненным – меня в этот момент интересовало совершенно иное. Поднявшись на очередное возвышение, я остановился, окидывая взглядом окружающее пространство. Собратья теперь были совсем близко: короткий спуск – и я окажусь в нужном месте. Кристаллический лес, граница которого широкой дугой оконтуривала равнину, подступал вплотную к ложбине

и «рос», пожалуй, ещё гуще. Но сейчас вовсе не эта картина занимала взгляд.

В небе над макушками самых далёких кристаллов были заметны крошечные тёмные пятна... Добыча, проследив направление моего взгляда, тоже заметила их.

– Что там? – голос Трои, упёршейся ладонями в моё плечо и неотрывно всматривающейся вдаль, был наполнен напряжением. Она видела несомненно хуже, чем я, но, обладая куда большим представлением о творениях материального мира, не распознать необычное явление не могла. – К-к-корабли?

– Корабли, – коротко бросил я, подтверждая и одновременно пытаясь достать до наших врагов сканирующей волной.

Осознавал бессмысленность – и всё равно не мог не попытаться. Вдруг отсюда, с возвышения, сила эдаити сработает привычно? Увы. Результат был всё тем же – сигнал ушёл и пропал, частично поглощённый кристаллами, частично отражённый полем, что генерировали залежи подземной руды.

– Как корабли?.. – теперь в голосе моей добычи была слышна осмысленность и растерянность. – Откуда?.. Но ведь здесь... не выжить... Этот сектор... – Она запнулась. Пробормотала: – Не заселили... Все переселенцы погибали... никто не вернулся... Откуда вдруг корабли?.. Или это?..

Троя снова умолкла. То есть вслух больше ничего не произнесла. Однако её сознание говорило со мной куда более активно. Рождающиеся образы врезались в моё восприятие, накладываясь на происходящее в реальности.

Я осторожно спускался по крутому склону, следя, чтобы ступни не соскальзывали с осыпающейся поверхности. И всматривался в образы, мелькающие в мыслях Трои, где боевые крейсера неспешно совершали разворот и ныряли в разворачивающиеся перед ними зоны перехода через подпространство.

Я перепрыгивал через расщелины, отмечая их глубину и запоминая расположение. А в воображении Трои манёвренные штурмовики пронзали атмосферу, стремительно опускаясь на поверхность, чтобы...

Спасти? Нет! Убить! Именно этого она ожидала от явившихся следом!

И она знала их куда лучше, она была одной из них...

Её страх нарастал – я чувствовал охватывающее женщину напряжение. И одновременно с неудовольствием отмечал возросшее количество объектов вдали – ультразвук пропал, и противник сконцентрировал силы у поверхности планеты.

Чрезмерное скопление энергии в одном месте неизменно приводит к взрыву. В материальном мире всё будет так же? Если судить по ожиданиям Трои – да. Осознав появление преследователей, женщина больше не проронила ни звука, но напряжение, сковавшее её тело, взгляд, словно приклеившийся к горизонту, – всё это говорило куда красноречивее любых слов.

Моя добыча была одной из них. Не прихвати я её при побеге, Троя бы сейчас могла быть на одном из тех транспортников. И уж точно она могла предвидеть их действия – я же видел эти образы в её сознании! Мало того, она готовилась к их воплощению в реальность. Готовилась со страхом и чувством обречённого смирения. Почему она и ей подобные заранее настроены на негативный результат? Столько думают о... гибели. О неудаче.

Мы, эдаити, иначе воспринимаем жизнь – как нечто фактическое, что есть в данный конкретный миг существования. И лишь в наших силах сделать в этот самый момент всё возможное, и даже больше, ради своих целей. Нет смысла в мыслях программировать будущее, достаточно выполнить необходимые задачи прямо сейчас. Ведь если мы исчезнем в одно из мгновений, то значения этот факт для нас лично уже иметь не будет. К чему тогда напрасные траты энергии на мысли о поражении?..

Оказавшись среди собратьев, я в первую очередь аккуратно снял с плеча онемевшую от новостей добычу и усадил её рядом с ошалело открывшим рот и пытавшимся отползти подальше Игерем. Пленник вёл себя нелогично – я ожидал радости после возвращения Трои, но он словно бы испугался.

Осмотрев лагерь, я не заметил активности и уточнил:

«Чем занимаетесь?»

Вокруг царило привычное спокойствие: собратья отдыхали. Кто-то восполнял ресурсы оболочек, поглощая жареную пищу. Кто-то, позволив фиолетовым сгусткам истинной сущности выскользнуть из тел, вытягивал энергию из, вероятно, недавно пойманной мелкой

добычи. Была даже пара, которая, не теряя времени, занималась изучением оболочек друг друга. В мужской особи я распознал Зома, а в недрах женской оболочки был сокрыт Муш. Именно его волосы и гладил собрат, отмечая их сравнительную мягкость.

Если не брать в расчёт стука зубов Игеря и шумных ударов явно ускорившихся сердец наших пленников, на поляне господствовала мирная тишина.

«Ждём, когда враг проявит неосмотрительность и приблизится, – пояснил Орш, который, пользуясь моментом, переглядывался с сидевшим неподалёку от него Ришем. – Остаётся приманкой на поверхности».

С одной стороны, всё верно: придёт время действовать – эдаити будут действовать. Внешне не заметно, но каждый из нас освоился с оболочками настолько, что готов был реагировать молниеносно. С другой...

«Ты не теряешь хватку? – отчитал я собрата. – Разве пассивное ожидание – подходящая сейчас тактика? Она неоправданно опасная, с учётом ограниченности наших возможностей. Ведь минерал, который существенно снижает, приглушая и частично блокируя влияние силы эдаити, совсем рядом».

«Достать врага, когда он в атмосфере, мы не можем. – Орш откинулся спиной на песок, растягиваясь, и уставился взглядом в небо. Подобно мне, он облачился в армейские штаны. – Для воздействия на чувствительные к перепадам энергии устройства на транспортниках необходим прямой контакт. Воздушная среда для этого не годится. Да и энергетический уровень у нас сейчас не настолько высок, чтобы его хватило на какие-то масштабные разрушения, когда можно взять и ликвидировать корабль разом. Поэтому остаётся только один вариант – вынудить врага напасть на нас на поверхности планеты».

Доводы собрата звучали резонно – в этом я с ним согласился, но остальное не принял.

«Атака противника с воздуха более вероятна, чем наземная, если их цель – наше уничтожение».

«Цель может быть иной – захват», – вмешался, проявив сомнение Рух.

«В любом случае, пока мы этого не знаем, нельзя рисковать сразу всеми. Следует увести уязвимых братьев в женских оболочках в

лес, – поделился я иным видением стратегии, – спрятать в зиянии, если ситуация выйдет из-под контроля. Щег! Ты сможешь это организовать?»

«Смогу».

Уверенность в интонациях меня удовлетворила, и я, проследив за тем, как собрат принялся собирать в группу «глухих» эдаити, продолжил:

«Кроме этого, мы должны перехватить инициативу и напасть первыми... Кто был на месте первой попытки приземления кораблей врага? Что видел?..»

– Ты видел?! Что нам делать? – синхронно с моим вопросом Троя, развернувшись к Игерю, прошептала свой практически ему в ухо. Впрочем, это не помешало абсолютно всем эдаити его услышать. – Они точно явились не ради переговоров! Но как нас нашли?! – Добыча дышала судорожно. – Да ещё и так быстро...

– Это... это... да, так быстро... я не думал... – в бессвязном ответном бормотании штурмана было ещё меньше осмысленного, чем в тревогах Трои.

«Когда голубой гигант подавил действие ультразвука, рядом с разбившимися кораблями приземлились новые, – не считая необходимым слушать не несущий важной информации диалог пленников, откликнулся на мой вопрос Зом, продолжая наше бессловесное обсуждение. – Они отличаются – более крупные, чем шаттлы, но меньше, чем тот транспортник, на котором мы улетели со станции. И могут двигаться в атмосфере. Похоже, что противник разворачивает лагерь...»

«К нам летит семь маленьких кораблей! – обрывая Зома, пришёл сигнал наблюдателя. Стоявший на высоком холме Тас неотрывно следил за манёврами врага – я опознал его местоположение ещё на подходе к лагерю эдаити.

«Тас – остаёшься на холме, маскируешься среди камней и выполняешь роль наблюдателя. Докладываешь обо всех изменениях в дислокации противника. Первая группа – Зом и Шол! Помогаете Щегу спрятать уязвимых эдаити и пленных – по кратчайшей траектории уводите их к краю кристаллического леса! Вторая группа – Орш и ещё шесть эдаити, третья – все остальные – со мной. Мы движемся в противоположных направлениях, вдоль границы леса, отвлекая

внимание врага на себя. Когда окажемся в зоне поражения, действуем в зависимости от обстоятельств. Выполнять!» – рявкнул я, пресекая возможное обсуждение, хотя и чувствовал – собратья поддержали идею о разделении. Тем не менее все сейчас должны действовать как единый организм, согласованно и подчиняясь одному. Самому опытному и сильному. Мне!

Прежде чем собратья разделились и стремительно разошлись по указанным направлениям, я оказался рядом с женщиной. Едва все мы принялись действовать в рамках новой стратегии, как моя добыча и Игерь придвинулись вплотную друг к другу, стараясь с лихорадочным вниманием уследить за мечущимися по поляне тенями эдайти.

– Троя, ты и... он, – подбородком я указал на штурмана, одновременно отгалкивая его от Трои, – отправитесь с Щегом. Ты же помнишь Щега? – Мысленно подозвав собрата и дождавшись утвердительного кивка добычи, которая опознала в нём «того самого, пропавшего первым». – Вы, Риш и другие... женщины-эдайти сейчас уйдёте обратно в лес. Ничего не бойся, – сразу оборвал готовые сорваться с губ Трои вопросы, которые я и так прекрасно «слышал». – Это на время, ради вашей же безопасности. Будь готова к тому, что вновь провалитесь в зияние. Ты же уже знаешь – из него есть выход! И главное – ты знаешь, что я всегда вернусь за тобой.

– Что?! – вопреки всякой логике первым вскрикнул Игерь, который с невероятным вниманием ловил каждое моё слово. – В зияние?! Добровольно? Помучить напоследок? Да за кого они нас...

– Тише, – наконец-то, сделав глубокий вдох, отреагировала моя добыча, решительно взмахивая рукой и обрывая поток протестов. – Там действительно не так страшно! Не страшнее, чем где-либо ещё на этой планете, – добавила, чуть подумав. – Но главное – там нет ультразвука!

На мой взгляд, это было совсем не главным, но тратить время на обсуждение я не желал. Одним движением подняв Троию на ноги, посоветовал:

– Старайся не отходить от Риш.

Ещё один эдайти, с кем она установила некий контакт, и я даже готов был мириться с этим фактом. А вот с Игерем, с кряхтением поднимающимся на дрожащих ногах, мириться не хотелось. Потому я лишь бросил ему не глядя, ловко крепя к телу Трои знакомый рюкзак,

в который Щег по моей просьбе уже засунул жареную еду и одну емкость с водой:

– Можешь остаться здесь и дождаться... подмоги. То, чего ты так жаждал.

Сколько раз начиная с момента отстыковки угнанного от станции транспортника штурман молил о таком вот «спасении» своими.

– Я всё поняла! – Троя не сводила с моего лица серьёзного взгляда, предварительно предупреждая посмотрев на собрата.

Мысленно я одобрил её поведение: она сильнее многих... своих соплеменников, конечно. Верно восприняла поставленную задачу, спорить и не подумала, больше того – отчаянно старалась совладать с волнением. Последнее получалось не очень, но хотя бы её ноги и голос не дрожали.

– Двигаться эдайти будут опять... быстро, – предупредил о последнем, вспоминая её реакцию на наш забег. Нести женщину я поручил лично Щегу.

– Спасибо. – Троя умудрилась перехватить мою ладонь. То есть я позволил ей это, заметив целенаправленное движение. – Спасибо, что снова пытаетесь спасти нас. Не думай, – она запнулась, покраснев, – что я этого не понимаю.

«Но понимаю, что вам это в принципе не нужно: мы – лишь обуза...» – её мысли, как обычно, были куда красноречивее.

– Благодарить их?! – зашипел Игерь, ковылявший по пятам за Троей. – Не устрой они всю заваруху, мы бы об этом кошмарном месте не узнали, проживая свои жизни тихо-мирно.

На этот раз добыча не успела развернуться и закрыть ему рот – пленник получил в лоб щелчок от меня. Я сделал это стремительно и чётко, не оглядываясь, пусть и слегка, но мужчина немедленно рухнул на песок, схватившись обеими руками за голову. Словно боялся, что она расколется надвое...

– Мы разберёмся с этой проблемой. Затем я заберу Трою.

Не позволив женщине оглянуться на шёпотом изрыгающего проклятия Игеря, я уверенно коснулся её порозовевшей щеки ладонью. Такое во всех смыслах приятное соприкосновение...

«Готовы», – пришла мысль Щега и точно такие же от остальных эдайти, которые были заняты подготовкой женских особей к эвакуации.

Мгновения мысленного ответа я потратил на... поцелуй. Сам не понял: то ли дело в выражении глаз Трои, то ли в ощущении растекающегося жара по поверхности её кожи, то ли в аромате, усилившемся при повышении температуры тела, но я разрешил себе не сдерживаться. И вновь испытать это вдохновляющее и побуждающее к большему прикосновение...

Реакция тела оказалась молниеносной, неизменно острой и призывно-алчной. После такого невозможно не вернуться... Зрачки Трои расширились, затянув чернотой карие радужки. Не ожидая поцелуя, она охнула, но оттолкнуть попытки не сделала!

Я же, отслеживая, как собрат, под моим пристальным взглядом действуя немного скованно, подхватывает на руки Троя, сделал шаг в направлении своей группы. И тут же все те, кого я выбрал для защиты неприспособленных особей, понеслись, с места бросившись соревноваться с ветром. И Игеря кто-то из «просвистевших» мимо подхватил за ворот уже изрядно потрёпанного скафандра.

Уводя свою группу, я одновременно контролировал и перемещение Щега, прислушиваясь к мыслям моей добычи.

«Разберутся? Проблема? И всего-то?! Он вообще нормальный? Все они?! Нет, точно, мозги у эдаити набекрень – никакой связи с реальностью! – она беседовала сама с собой. – Увижу ли я его? Выживет ли вообще хоть кто-то? Щадить их точно не будут. Это тот случай, когда никому не нужны неуправляемые пленные! Свидетели, впрочем, тоже... – Троя вновь представила себе «рой» маленьких кораблей на горизонте. – Сказал, что придёт за мной? Ха!»

«Самонад...»

«...почем...»

«отчаян...»

Связность из мыслей Трои пропала, остались лишь обрывки слов, а я понял – группа Щега практически достигла леса с его поглощающими сигнал кристаллами и экранирующим силу эдаити минералом в подземной породе. И теперь уже окончательно сконцентрировался на приближающихся объектах.

А они приближались быстро!

Маленькие манёвренные корабли действительно, как мы и рассчитывали, обогнув кристаллические заросли, разделились. Четыре

из семи теперь преследовали группу Орша, уходившую к болоту и начавшую проваливаться в топь.

Враг быстро сообразил, что противник быстро станет для него недостижим, и потому мешкать не стал – корабли открыли огонь, даже не успев приблизиться на удобное для поражения цели расстояние.

«Дальность стрельбы невелика, а в этой странной жиже разряды замедляются и зона поражения сводится к минимуму, – обобщил наши наблюдения собрат. – Их можно избегать, всего лишь опускаясь на дно».

«Только не дайте им понять, что это так. Заблуждения противника – самое большое преимущество. И уводите их дальше в болото, вынуждайте снижаться, пока не появится шанс воздействовать силой эдакти и потопить», – откликнулся я, с неудовольствием отмечая – мою группу пытались догнать всего три корабля. Оршу повезло куда больше!

Ощущения, накрывшие после перехода через разрыв многомерности в физический мир, когда мы ещё в своём прежнем состоянии впервые наткнулись на объекты этого мира, разрушали их в бесконечном множестве, поглощая чистую энергию и упиваясь её доступностью, вновь вспыхнули в памяти.

Увы, заточённые в материальных телах и ограниченные в объёмах энергии, которую способны усвоить, сейчас мы подобное проделать не могли. Но и противник, находясь так далеко от своей основной базы, вряд ли мог наращивать силы и получать ресурсы. Выходит, нам надо лишь уничтожить имеющиеся корабли... один за одним!

Небо прорезали вспышки выстрелов. Перед нами встала куда более сложная задача – лавировать, уклоняясь от пронзающих воздух обжигающих лучей и разлетающегося каменного крошева, перепрыгивать через рытвины и воронки открытой местности, одновременно сохраняя скорость и направление движения. А ещё анализировать действия врага, учитывая его ходы и определяя цели, которые поставили себе нападающие.

Мы бежали очень быстро, но не на пределе сил, стремясь подманить и оценить возможности врага. И результаты этого анализа оказались любопытными.

Обстрел явно шёл не на поражение. Большинство выстрелов делалось с опережением – воронки от ударов образовывались строго

вперед или сбоку, преграждая путь и вынуждая нас уходить в сторону.

«Они нас выматывают», – деловито подтвердил мои выводы Орш.

«И отвлекают! – донеслось до нас сообщение Таса, оставленного в одиночестве на вершине холма. – В обход леса, совсем низко движутся два тяжёлых маломанёвренных транспортника».

«В каком направлении движутся? Ко мне или Оршу?» – бросил я, в очередной раз перемахнув через глубокую расщелину и разминувшись с плавающим на пути воздух лучом.

«К тебе, – доложил наблюдатель. – Скоро вы их увидите».

Действительно, на горизонте довольно быстро возникла громоздкая тёмная масса идущего практически у самой земли корабля. За ним второго...

«Что они задумали?» – в недоумении отвлёк меня вопросом Орш.

«Сейчас узнаем», – ответил я, бросаясь навстречу врагам. Важно действовать не только на опережение, но и непредсказуемо.

Мы приближались, лавируя и уклоняясь от пронзающих воздух зарядов, которыми нас по-прежнему пытались ограничить в манёврах маленькие корабли. Успеха определённо добились, потому что транспортники, которые явно намеревались разойтись и пролететь дальше, торопливо опустили на землю, едва пересекли границу леса и оказались над равниной.

Громкий лязг рухнувших пандусов, и рванувший из недр корабля десант...

Опрометчиво... И неосмотрительно.

Мы не умеем отступать, а повреждения, получаемые нашими телами, хоть и неприятны, но лишь незначительно снижали скорость нашего продвижения. Вскоре первые глупцы, рискнувшие выйти против нас, оказались совсем рядом...

Они сами подставили себя под удар. Мы лишь воспользовались их ошибкой, рачительно пополняя свои энергетические ресурсы. Сосредоточились на избирательном поглощении и уклонении...

При этом моё сознание привычно чутко улавливало посылаемые Тасом сообщения:

«Манёвры транспортников непонятны. Приподнялись, но не сдвинулись... Снова опустились... Опять поднялись... Начали

отходить!»

Синхронно с этим десант, который всё это время атаковал, но упорно старался держать дистанцию, тоже сменил тактику, начав отступать к тому месту, откуда ушли транспортники. А маленькие корабли снова рванули в бой, подстёгивая нас с удвоенной силой.

«*Ловушка!*» – единственно возможное объяснение появилось сразу. Слишком уж явно нас вынуждали идти именно в этом направлении. Но что конкретно нас ждёт?

Настигнув очередную замешкавшуюся жертву, я бросил всю полученную от неё энергию на новую сканирующую волну. Равнина – не кристаллический лес. Здесь в почве нет поглощающего минерала. Потому с привычной лёгкостью сущность эдаити прошла по интересующему меня месту, обнаружив под слоем вещества, имитирующего естественную поверхность, чужеродные образования.

Знакомые нам! Настолько хорошо знакомые, что сомнений не возникло.

Энергетические клетки! Вернее, платформы, внутри которых спрятаны механизмы, готовые активироваться и создать пленяющий непреодолимый каркас, едва мы окажемся над ними... Противник, отвлекая нас атакой, успел их выгрузить на поверхность планеты и замаскировать. Вот зачем «кralись» большие грузовые корабли, заинтересовавшие Таса!

«*Они всё же желают нас пленить*», – Орш, как и я, сделал верный вывод.

Наивность врага... Его самоуверенность... Глупость! Это даже перестало быть интересным. Впрочем, то, что нас недооценивают, лишь ускорит победу.

Втянув максимум энергии, накопленной собратьями, я направил её в недра механизмов. Тот способ с вливанием разового потока энергии, что сработал на станции, то же самое, что уничтожило червя, теперь сжигало энергетические каркасы ловушки, разрывая корпуса платформ, вздымая маскирующую их псевдопочву и... вынуждая атакующих паниковать, спешно меняя планы.

«*Всего-то?*» – собрат поделился со мной образом презрительно фыркающего Игеря.

Вероятно, если бы мы попали в расставленную ловушку и были обезврежены, транспортники бы беспрепятственно забрали тех, кто

высадился на поверхность. Теперь, лишившись этой возможности, громоздкие корабли вновь опускаться не рискнули, начав медленное движение обратно в свой лагерь.

План провалился, и они, осознав это, отступили. А десант?..

Десант под прикрытием малых кораблей, усердно оттесняющих нас от потенциальной добычи, рванул напрямиком в кристаллический лес.

В лес?!

Наверняка намерением нападавших было лишь пересечь его, пешком добравшись до лагеря. Вот только нас это совсем не устраивало! Там они могли наткнуться на тех, кто не сумел бы оказать им должного сопротивления.

«Щег, уводи всех в зияние! Немедленно!» – рывкнул я, одновременно меняя траекторию движения своих эдайти и намереваясь по широкой дуге обогнуть долину, успев перехватить хотя бы часть десанта. Тем самым снизить численность противника и... пополнить стремительно снижающийся энергетический запас!

«Кин, осторожнее! Слева!» – врезалось в сознание предупреждение Таса.

«Тас, вниз! Не высовывайся!» – не менее остро резанул призыв Орша.

Окинув взглядом поле боя, я молниеносно выстроил в сознании картину происходящего. Огненную завесу, что отрезала мою группу от десанта. Выбравшихся из болота и спешащих к нам эдайти, ведомых Оршем. Те малые корабли, что когда-то их преследовали, теперь окружили вершину холма, на котором находился наш наблюдатель...

Они всё же вычислили или как-то приборами засекли присутствие того, кто столь успешно предупреждал нас о манёврах противника и благодаря кому закончилась неудачей попытка заманить нас в ловушку.

Отступив от полыхающей стены огня и раскалённой почвы, ставших непреодолимой преградой на подступах к лесу, мы метнулись навстречу группе Орша. Вновь объединиться сейчас стало первостепенной задачей. Хотя бы потому, что так легче обмениваться энергией – чем мы дальше друг от друга, тем сложнее оказалось это делать.

«Какие цели первоочередные?» – стремясь к тому же, Орш одновременно прояснял наш потенциал и намерения.

«Десант для нас недостижим. Корабли, пока они в воздухе, тоже. Но можно попробовать вынудить их приземлиться», – я предложил единственно возможное решение.

Тот образ действий, что возник в моих мыслях, стал для всех стратегическим планом, к реализации которого мы приступили немедленно.

Быстрое перемещение – призванное создать у противника иллюзию нашего панического бегства от источника огненной угрозы. Остановка – словно мы в растерянности и непонимании: куда дальше двигаться. Незначительное рассредоточение – будто среди нас нет единомыслия и слаженности.

«Сейчас!» – краткий приказ, и...

И мы для врага исчезли. Пропали. Нет, не потому, что ушли в зияние – увы, на равнине ничего подобного не наблюдалось. Причина была куда более прозаичной: во время одного из последних сканирований я обнаружил подземные полости. Именно там, где на поверхности имелись те самые непонятные каменные кольцевые образования, замеченные мною ещё в момент возвращения к своим. Входы в них были необычайно узкие и практически незаметные.

Их наличие и повлияло на наши намерения. Синхронность и стремительность действий... Тела не подвели, позволив реализовать задумку идеально. Все мы исчезли, словно стёртые с поверхности земли.

Именно к такому эффекту мы стремились, чтобы дезориентировать противника. Заставить его совершить ошибку и приземлиться, чтобы выяснить, куда мы провалились...

Не сработало.

Вместо ожидаемой реакции на равнину обрушился очередной огневой шквал. Пикирующие в небе корабли бомбили место нашего исчезновения, сбрасывая всё новые и новые заряды. Стены укрывших нас подземных полостей содрогались, осыпаясь и с трудом выдерживая натиск. Очень нехарактерно для природных образований... Впрочем, на этой планете мы уже встретили немало чрезвычайно прочного...

«Их планы изменились, – рассудительно заметил Орш. – Захват не удался, решили просто уничтожить. Думают, что мы попали в естественную ловушку и пользуются моментом?»

«Или намерены максимально повредить, чтобы на восстановление мы потратили время и энергию, а они успели за это время собрать новые силы и подтянуть ресурсы», – дополнил я.

Одновременно, прикрыв глаза, чтобы на время полностью погрузиться в восприятие эдайти, прикоснулся ладонями к поверхности под ногами. Чтобы рухнуть сюда, нам пришлось оказать синхронное давление на землю, вернее на тонкие пласты вещества, прикрывающие входы в подземные полости. Были ли они созданы природой или стали следствием жизнедеятельности пока не известной нам формы местной жизни, неясно, но «пещерки» ощущались чем-то основательно незыблемым!

Настолько прочный каркас стен насторожил. Наш дружный скачок, мощь приложенного одномоментного усилия позволили пробить «пластины», но лишь частично и совсем несоразмерно с затраченными силами. Узкие щели, в которые мы соскользнули, возможно, даже не были заметны с воздуха!

Без лишних мыслей, едва провалившись, все мы стремительно откатились в стороны – размеры подземных полостей позволяли это сделать. Тем самым избежали вреда от тех немногих снарядов, что всё же залетели вовнутрь, попав в некоторые самые широкие бреши.

Слишком хорошо...

Прислушиваясь к хлопкам и стрекоту посыпавшихся следом выстрелов, между делом отмечая крепость укрывших нас стен, старался воспринять максимально больше информации о месте, где мы оказались.

«Там не одна пещера, – подтвердил общие наблюдения Орш. – Их несколько».

«Целый лабиринт. Подземный лабиринт. И они уходят глубже...»

«Естественное укрытие?» – предположил я, радуясь отсутствию в прочных стенах и почве вокруг злополучного поглощающего минерала.

«Не хочу даже предполагать – чьё!» – рационально заметил Орш.

Огненные вспышки на поверхности продолжались. Сложно предсказать, как долго длилась бы атака и чем закончилась, только спасительный момент настал – голубое светило коснулось горизонта, а небо начало окрашивать сиреневое зарево. Розовый восход

стремительно приближался, а с ним и ультразвук, воздействие которого для наших врагов губительно...

Они об этом точно знали. В единый миг обстрел по всем направлениям прекратился, а атака превратилась в стремительное отступление. Все маленькие корабли на максимальной скорости умчались к своей базе, следом за ранее начавшими движение транспортниками.

То, что сейчас происходило в «лесу» и на этой самой базе, было нам недоступно, а собрат-наблюдатель, который мог бы хотя бы частично прояснить этот вопрос, молчал.

Почему его *нет*?

«Тас?» – позвал я, хоть и чувствовал – собрата нет рядом. То есть вообще нет. Нигде. Даже эдаити, исчезнувшие в зиянии, воспринимались слабыми отголосками жизненной силы, а Тас, оставшийся на холме...

«Я его не ощущаю», – созвучно моим мыслям отозвался Орш.

Ощущение, когда одного из нас вдруг... нет. Словно в том «облаке», что мы все собой объединённо представляем, внезапно образовалось слепое пятно.

Не сговариваясь, прекрасно понимая, к какой цели стремимся, мы оба выскочили из рытвин и ям в поверхности местной почвы, которая служила нам укрытием. Стряхнув присыпавшую нас землю, стремительными теньями пронеслись по изуродованным взрывами камням, стремясь побыстрее добраться до того, на котором...

Даже сведения о Трое и группе укрывшихся в кристаллическом лесу эдаити в женских оболочках сейчас воспринимались не так значимо. Их я тоже большей частью не ощущал, ориентируясь лишь на смутное присутствие Щега. Но так и должно быть, раз они, следуя приказу и избегая столкновения с ринувшимся наутёк через лес наземным десантом преследователей, целенаправленно провалились в зияние?..

С Тасом всё было иначе. Качественно иначе...

Мы неслись к вершине холма, обуреваемые не страхом, нет, скорее ошеломлённые пониманием: вот оно – то, что вынудит признать необратимые перемены. Наше отныне иное существование.

На самой вершине холма, среди развороченной груды натасканных на него валунов, как нечто чуждое и неуместное,

раскинув руки и глядя в темнеющее небо широко распахнутыми и замершими в одном положении глазами, лежало серокожее тело. Только тело, без малейших признаков того, кто когда-то был в нём заключён... Так, должно быть, выглядели оболочки, прежде чем нас – эдайти – сумели законсервировать в них.

Тас смог из него выбраться? Как?!

Мы безмолвно переглянулись, продолжая с лихорадочной поспешностью прощупывать пустую оболочку и окружающее пространство. Если выбрался, он же не стал бы отдаляться?.. Даже избавившись от материальности, стремился бы к своим. И мы... все так же ощущали бы его присутствие.

Но... нет. Собрата не было. Нигде. Вообще. Он бесследно исчез в одно мгновение. Как исчезали в нашей прошлой жизни другие эдайти, когда внезапно пропадали из многомерности.

Тас перестал су-щест-во-вать! Та его истинная часть – сущность эдайти, что единственная имела для нас значение. Тем ничтожнее и бессмысленнее казалось это тело, такое мощное и совершенное, но при этом бесполезное...

«*Пропал? Умер?*» – почему-то именно последнее слово, когда-то подслушанное в мыслях Трои, пришло на ум.

Мы с Оршем с недоуменной оторопью замерли над обмякшим и неподвижным, словно кусок местного кристалла, телом. Сейчас оно, как никогда, воспринималось чем-то синтетическим и неуместным.

«*Вернулся в мерность...*» – вторым пришло иное осознание-догадка.

Вернее, предположение. Ведь доказать или опровергнуть подобное невозможно. И Тас исчез, у этого факта должно быть объяснение.

«*Почему?*» – третьим стал вопрос, родившийся одновременно и у меня, и у Орша. Эдайти всегда стремились разобраться в значимом для себя.

Столь же синхронно мы ощупали пространство, отыскивая то, что могло стать причиной исчезновения? Гибели, если рассуждать понятиями материального мира?

И... мы её нашли.

Совсем рядом, за высоким валуном лежало ещё одно тело. Остромордое, крупное, покрытое длинной рыжей шерстью, с

четырьмя толстыми короткими лапами.

«*Show!*» – собрат меня опередил, безошибочно определив, кому именно принадлежало это тело.

Встреча из прошлой жизни... Существо, знакомое всякому эдайти. Однако впервые моя реакция на него оказалась столь явственной: задрожала, приподнимаясь, верхняя губа, приоткрывая опасные клыки, глаза распахнулись шире, а волосы на макушке словно бы вздыбились, рычание вспоролу обступившую тишину – оболочка, обретя связь с сознанием, реагировала, наглядно отображая сокровенные реакции внутренней сущности: негодование, возмущение, злость. Шоши – жуткие порождения сразу двух миров, одновременно и имеющие материальный облик, и являющиеся сущностями мерности. Они те, кто блокирует поступление энергии, забирает её, тянет, мешает нам...

А теперь, по всей видимости, уничтожает. Даже когда мы в столь неуязвимых телах. Естественные враги, которых не остановило и появление у нас материальных оболочек!

Угроза...

«*Откуда здесь взялась эта тварь? И почему теперь она... такая?* – Орш задумчиво потрогал ногой мягкую массу. Неподвижную, потому что нематериальной сущности, побуждающей органику к активности, в ней больше не было. Однако куда именно она делась, версий у нас не было. – *Не опасная?»*»

Оставалось лишь строить предположения о месте его прежнего обитания и причинах появления здесь:

«*Либо это что-то местное, либо...*»

Мы синхронно развернулись, чтобы зрительными органами своих оболочек рассмотреть происходящее за лесом. Вероятность того, что шош прибыл вместе с нашими врагами, нельзя было исключать. А участь встретить его один на один выпала Тасу. После чего он исчез...

Они оба исчезли!

А нам осталось только осознавать, какой безжалостной и стремительной оказалась эта встреча. И каковы её последствия для одного из нас. Для любого из нас, окажись мы на месте Таса.

Троя тоже могла его встретить! Стоило этому образу оформиться в сознании, как тело подвело – реакция сущности эдайти оказалась настолько сильной, что оболочка не справилась с «воплощением». Перед глазами померк свет, на доли мгновения погрузив во тьму,

сердце замерло, замедлив ток крови, а слух словно пропал, накрыв полной глухотой.

Исчезновение Таса... Оно волновало меня исключительно как необычный факт, причину которого необходимо понять. Но исчезни Троя?.. Неожиданно я осознал, что не представляю, как смог бы принять эту данность... Такого я не умел.

Она в зиянии со Щегом, в безопасности! Мне же надо скорее избавиться от возникшей проблемы – преследователей, чтобы вернуться к добыче.

Высота холма была недостаточной для хорошего обзора, лагерь противника располагался далеко – взгляд, продираясь сквозь верхушки окаменевших кристаллов, мог дать лишь общее представление. Но и его хватило, чтобы сделать простой вывод:

«Закрылись».

Над местом приземления преследователей раскинулся мерцающий купол. Догадаться о его предназначении было несложно: блокировать ультразвук, снизить влияние других неблагоприятных факторов, скрыться от насекомых...

Соплеменники Трои и Игеря, другие их союзники явились сюда с конкретной целью, и, даже столкнувшись с проблемами в виде губительной реакции местной экосистемы на свои физические тела и технику, они не имели намерений отступить.

«Им так важно уничтожить нас», – поделился я с Оршем скупым выводом.

«Нас стало меньше», – прагматичный собрат куда быстрее принял ситуацию как данность.

«Нужно поставить сюда нового наблюдателя».

Вывод, который я сделал, стал откровением для меня самого: жизнь Трои оказалась важнее, чем жизни других эдайти. И я смогу защищать их, лишь зная, что моя добыча вне досягаемости врага. Идея укрыться в зиянии оказалась крайне удачной!

«Возможно ночное нападение, когда снова пропадёт ультразвук?»

Просчитывая степень угрозы, и Орш, и я искали и варианты, как противостоять ей.

«С учётом силы, которую противник вложил в последнюю атаку, – нет, – высказал я своё видение ситуации. *– Но дозор всё*

равно необходим».

Приняв решение, мы спустились с холма.

Первое же столкновение с преследователями на планете оказалось ничьей и сулило затяжное и изматывающее противостояние. Будет новый бой, который потребует быстрых и жёстких ответных действий. Пока же мы, как и они, нуждаемся в восстановлении сил. Значит, пусть ненадолго, но в этом мире воцарится привычный покой...

На соседнем холме, вторя моим мыслям, неторопливо распластались вернувшиеся на прежнее, видимо облюбованное место плоские летающие существа, которых спугнули боевые действия и огненные залпы.

В сиреневом небе пронеслась ещё одна стая, направляясь к хищным горам.

«Пища нужна и нам».

Тут же двое эдайти, которым мы послали предупреждение, отправились следом – добывать еду, и ещё трое – на место бывшей стоянки, забрать уцелевшее.

«Хорошее место. Подходящее», – Орш воспринимался сосредоточённым, анализирующим картину подземного лабиринта, где ожидали другие эдайти.

Мы синхронно нырнули в так удачно обнаруженные подземные полости.

Конечно, собрат подразумевал их использование в качестве убежища для нас. Интересно, как глубоко и далеко они простираются?..

Глава 9. Встреча

Троя

Время действовать!

Сказалась ли военная выучка, или прошла первая оторопь, но ощущение реальности вернулось. Да, появления на планете недавних соратников я не ожидала – успела убедить себя: шанса вернуться не будет. Поэтому, увидев зависшие над планетой звездолёты, не сразу поверила глазам. И испугалась, понимая, что и мне эти перемены хорошего не сулят.

Амиоты-эдайти захватить себя не позволят, не для того они вырвались со злополучной станции. С какой бы целью ни явились преследователи, рано или поздно встанет вопрос уничтожения. Будучи военнослужащей, я слишком хорошо понимала последствия такого решения. Поначалу – попытки локального уничтожения, но если справиться с недавними подопытными не выйдет, то в средствах никто стесняться не станет.

Ядерная бомба или ещё что-то столь же разрушительное? Без разницы, если перед моими сослуживцами поставят задачу полного уничтожения «экспериментов». Важен будет только результат. А ради его достижения рискнут и планетой, не то что жизнями таких пленников, как я или Игерь.

Всё это молнией промелькнуло в сознании, пока я, переживая мгновения страха и паники на руках уносящего меня прочь Щега, пришла к мысли: мне следует делать всё, что в моих силах, ради выживания, остальное – как пойдёт. Но воздаяния Кину и его собратям я больше не желала...

Самоконтроль вернулся к моменту, когда эдайти сгрузил меня на землю – передвигаться сквозь частокол острогранных кристаллов предстояло на своих двоих.

– Куда нас ведут?.. Снова в этот жуткий лес? Решили червям ночным скормить? Или «озёрам»? Этих трёх амиотов разве на всех хватит, чтобы защитить?.. А жрать мы что будем?..

Игерь, хоть и послушно топал позади, ворчал и бормотал невнятные ругательства, когда спотыкался. Иногда затихал, чтобы вскоре начать костерить амиотов с удвоенной силой. Я предпочитала идти молча. Мне казалось правильным лишний раз не отвлекаться. Тем более ветви кристаллов вновь несли угрозу. О том, что уже невольно соотношу себя скорее с группой беглецов, чем с недавними сородниками, старалась даже не думать. Увы, сейчас я в одной лодке именно с эдайти.

Не отставать, следуя за быстро идущим Щегом, было сложно. Но я неустанно напоминала себе, что время проявить профессиональные навыки пришло. Надо собраться и действовать согласно указаниям, спорить сейчас несвоевременно. Сосредоточиться на конкретной задаче, пусть она и исходила от Кина.

Идти в кристаллический лес с женщинами-эдайти! Я шла. Вновь провалиться в зияние? Сделаю, раз инструкции именно такие. Примирившись с реальностью, где я больше не коллега, а наверняка одна из целей, я старалась сделать всё от меня зависящее, чтобы помочь... тем, рядом с кем волею судьбы оказалась.

Или хотя бы не мешать.

Кин сказал, что вернётся за мной. Больше того – он точно был уверен, что с проблемой в виде преследователей они справятся. Но я – то реалистка! И слишком хорошо понимаю ход мыслей своих.

Проклятье, как же они нас нашли?!

Недоумение и растерянность оттого, как быстро боевые крейсера оказались около этой планеты... Почему корабли приземляются, а военные явно планируют атаку, если, согласно сообщению некогда долетевших сюда колонистов, планета – гиблое место для любой техники?..

Всё это порождало обречённость: преследователи не считаются с потерями.

– Стоять!

Неожиданная команда принёсшего меня и главного сейчас эдайти – Щега, того самого, который вёл нас и женских особей, вынудила остановиться. И я, и Игерь испуганно заозирались, когда пространство между кристаллами внезапно наполнилось гулом.

Очевидно, эдайти расслышали его немного раньше, поэтому и насторожились.

– Летят... – зачарованно прошептал штурман, всматриваясь в серое небо, частично закрытое разноцветными ветвями. Он потрясённо ойкнул, когда рука эдайти рванула его вниз, заставляя упасть на песок.

– Лечь. Не двигаться, – одновременно с этим раздался ровный голос Щега.

Меня тоже дёрнули. Рухнув на песок, рядом со штурманом, я негромко выругалась. Бесцеремонность и резкость этого эдайти была сравнима с той, которую демонстрировал Кин на корабле. И вроде как понятна причина – Щег просто не задумывается о том, насколько мы, люди, слабее, но всё равно приятного мало, когда тебя швыряют о землю. Получив ощутимую встряску, я несвоевременно и остро почувствовала перемены в Кине. Хотя бы тот факт, что он остановился, когда я попросила его в зиянии, или...

Впрочем, слишком поздно сейчас признавать, что мой похититель перестал походить на безумного варвара, одержимого жаждой уничтожения. Пусть даже всего лишь в отношении меня. Возможно, больше мы не встретимся, ведь, отправив нас с эдайти-женщинами в «укрытие», сам Кин остался, чтобы столкнуться с представителями моего мира...

Конечно, он планировал позже вернуться, но... Вопреки всем поражающим воображение возможностям их новосозданных тел, эдайти-амиотов было всё же критически мало против целой цивилизации материальных нас.

Все эти мысли только ожесточали, добавляя мотивации собраться и действовать: обузой я не стану.

Сплюнув песок, попавший в рот от неудачного приземления, я подняла лицо к небу, сообразив: причина пренебречь деликатностью у Щега была весома. Несколько секунд, и над верхушками рядом стоящих кристаллов пролетели четыре корабля.

Так низко... Казалось, своим брюхом они царапают верхушки разноцветных окаменевших колоссов. Так целенаправленно и нарочито подавляюще...

От нарастающего реактивного гула задрожали ветви... Сердце застучало с новой силой: началось. Всё то, чего я боялась и неизбежность чего осознавала.

Сосредоточенная на происходящем в небе, я мысленно была совсем в другом месте – думала об атаке, о возможностях военных транспортников, о том, как отреагируют оставшиеся в долине эдайти. Поэтому не сразу осознала едва слышный шёпот Игеря:

– Троя, ты понимаешь, что происходит? Нас освободят! Они же за нами явились?

– Точно нет, – одёрнула штурмана, опасаясь навлечь на нас гнев спутников-эдайти, которые в молчаливом наблюдении замерли поблизости. – Мы не те пленные, ради которых преодолевают такие расстояния и организуют лагерь на поверхности планеты, которая в буквальном смысле убивает.

Не стоит ему испытывать иллюзий!

– Но это же наш шанс! Шанс на возвращение. Мы должны пробиться к своим.

– Тсс...

Глазами указала на Щега, намекая, что наш разговор все слышат.

– Глупая женщина, – яростно зашипел он в ответ, в азарте нахлынувших эмоций игнорируя все мои одёргивания. – Им не до нас! Понятно же, что всем амиотам конец, ответят за убийства. И заслуженно! Но нам резона нет держаться их, только больше рискуем...

Действуя, как никогда, выверено и четко, я рубанула мужчину по плечу ребром ладони, обрывая неуместную болтовню. Слов Игеря не воспринимал – взгляд его сверкал лихорадочным возбуждением. Будучи военнослужащей, я понимала его состояние: смесь паники, эйфории и запредельного возбуждения. Так иногда бывает с гражданскими, оказавшимися в эпицентре настоящего боя.

– Заткнись, – бросила коротко и сухо, всеми силами сохраняя самоконтроль.

Действуя неадекватно в состоянии аффекта, он точно не осознавал, что своими словами способен только усугубить наше положение. Эдайти рядом, до прихода «помощи», на которую так наивно и опрометчиво рассчитывал Игеря, они успеют умертвить нас любым удобным способом миллион раз. И особенности планеты никуда не делись – рассуждай штурман ясно, подумал бы о том, как станет переживать ультразвук вдали от «ненавистных амиотов».

– Придётся брать дело в свои руки, – пусть Игерь и оставил попытки достучаться до меня, но что-то едва слышно бормотал себе под нос. – Что с этих баб взять?.. Но не бросишь же её тут? Женская придурь! Мозги ей амиот запудрил, вот и надеется. Всякому ясно: попользуется и сожрёт в итоге. – Он шумно засопел, тоже отплёвываясь от песка. – Мы – земляне. Свои нас не бросят.

Глупец!

Истово надеясь, что эдайти сейчас действительно не до бредовых идей пленника, я продолжала наблюдать за происходящим. Профессиональные навыки и военные тренировки сделали своё дело – мне удалось совладать с эмоциями, тело тоже было готово действовать. Пусть я не представляла, что могу сделать в данных обстоятельствах, но была готова по малейшему сигналу сорваться с места.

Щег, Риш и другие спутницы-эдайти выглядели невозмутимо и сосредоточенно. Штурман точно никого не интересовал, со своими планами вселенского возмездия. Едва корабли проплыли мимо, и вдали послышались хлопки первых выстрелов их орудий, как Щег разрешил:

– Можно идти.

Все молниеносно поднялись, даже я и штурман.

Теперь мы шли медленно. Эдайти прислушивались к далёким взрывам.

– Орша слышишь?

Риш обратилась к Щегу очень тихо – я расслышала только потому, что эдайти вёл меня рядом, придерживая за плечо, и изредка – когда я не успевала – помогал лавировать в острогранных зарослях. Но его хватку с прикосновением Кина нельзя было и сравнивать – плечо уже болело, синяк там неизбежен.

– Он справляется.

Короткий ответ, но обрадовал он и меня: Кин точно не уступает Оршу в возможностях и ловкости.

– Какие-то приказы?

– Слышу... урывками. Мешает лес.

Я поняла: эдайти ощущал поглощающее и отталкивающее влияние кристаллов и местной подземной руды, о которых говорил Кин.

– Но... – Риш с очевидным трудом подбирала слова, как если бы не понимала, как можно выразить мысль, – повреждений нет? Тела?..

– Собратья сейчас почти не... разговаривают, – с небольшой запинкой отчитался Щег. – Полагаю... заняты.

Риш заметно вздрогнула, но промолчала. Я же анализировала диалог. По всему выходило, что слышать тех, кто остался на равнине, мог только Щег. Эдайти-мужчина! А Риш не могла... Эдайти-женщины лишены этого дара?.. Эту особенность я для себя отметила. Как и слова Щега: он дал понять, что в долине сейчас творился ад. Чего-то подобного я и ожидала...

О том, куда мы идём, я не размышляла, бормотания Игеря не слушала, детали окружающего леса фиксировала автоматически – мысли были заняты Кином и боем, что мы оставили позади. Я действительно переживала за своего диковатого и безжалостного похитителя...

Сумасшествие!

Но как бы тяжело ни было на сердце, решиться спросить Щега я никак не могла, страшась реакции последнего.

– Но ты всех их ощущаешь? – спустя время Риш снова задала вопрос.

Именно тот вопрос, что крутился в моей голове. Я так благодарна была ей за него! И синхронно с женщиной-эдайти замерла в ожидании ответа. Тем более что Щег тянул с ним, молча продолжая двигаться дальше.

«Чтоб тебя, говори уже!» – мысленно взывала я к нашему безэмоциональному вожаку. И одновременно заклинала: – *Лучше молчи. Не хочу знать, если всё... плохо».*

– Нет.

– Кто?!

Единственное слово, но выдохнули его, застыв на месте, все... кроме Игеря. Как оказалось, и другие наши спутники прислушивались к диалогу. Я больше всего страшилась услышать в ответ имя Кина, одновременно ожидая услышать его: достаточно наблюдала этого эдайти, чтобы понимать – он будет на острие любой атаки. Больше того, станет самым её воплощением.

Вопреки всем убеждениям штурмана и заслуженных обвинений в адрес эдайти, я не желала им поражения. Но и своим не желала... всё, чего жаждала душа, – чтобы обе стороны отступили, оставшись при своём. Но подобное возможно лишь в каком-то идеальном мире...

– Кто?! – настойчиво допытывалась Риш, повторив вопрос.

В памяти всплыл отчётливый образ, где Орш держит её на руках в этом самом лесу! Его имя она, подобно мне, страшилась и ожидала услышать?..

– Тас.

Первой реакцией стало облегчение, второй – радость... Но тут же я устыдилась – для эдайти он был частью их группы, потерей... Впрочем, Риш тут же доказала, что отнюдь не только я столь двулично рассуждаю:

– Тас слабый. Всегда таким был, – амиотка взмахнула рукой, видимо не считая собрата достойным сожаления. Лишь сделала вывод: – Многомерность его удерживала даже таким. А в материальном мире законы иные – только сильные могут здесь жить.

– Да, – согласился Щег, явив мне малопонятную сторону их существования.

На этом их обсуждение и завершилось. Для меня такая реакция на гибель собрата была странной, но я неизменно повторяла себе, что эдайти видят мир иначе. Разве мы вправе полагать свою точку зрения единственно верной?

Новость о том, что Кин жив, вдохновила, придав сил. Ещё несколько минут, преследуемые грохотом взрывов в отдалении, все мы двигались молча и споро, когда...

– Стоп!

Резкий почти что вскрик Щега лично меня застал врасплох: ноги дрогнули, заставив тело подскочить над землей.

– Кин... – эдайти замер, прикрыв глаза, всем своим видом являя сосредоточенность. – Пытается дозваться.

– Что там?

Наверное, я была в числе тех, кто спросил.

– Бежим! – Щег встрепенулся и резко развернулся куда-то влево относительно прежнего направления. – В зияние! Приказ Кина.

«В зияние»... В моей душе всё оборвалось: разве это был вариант не на случай, когда оставшиеся в долине... не справятся?

– В этой стороне ближайшее, – без промедлений устремившись в указанном направлении, бросил один из безмолвствующих эдайти. Он и второй эдайти успели при этом схватить за руки и утащить за собой четырёх «дам». – Сюда! Быстро!

Один миг, и все они исчезли, видимо нырнув в зияние.

– За мной! – приказал Щег.

Схватив за руку меня и единственную оставшуюся женскую особь, сорвался с места, вынуждая бежать за ним. Быстро бежать! Похоже, других сгустков-переходов в зияния в этом месте не было, и он надеялся их найти.

– А я? – изумился Игерь, бросаясь следом.

Я лишь краем сознания отметила его испуг и торопливость. В голове билась только одна мысль – если эдайти не притормозит, или у меня сердце не выдержит, или я задохнусь. Мы даже во время учебных тренировок на полигоне не бегали с такой скоростью, одновременно лавируя между острых препятствий...

Когда Щег остановился, вернее замер как вкопанный, резко затормозив, я по инерции пролетела мимо. И точно вцепилась бы в оказавшийся на пути кристаллический столб, если бы в последний миг рука эдайти, сжимающая запястье, рывком не изменила мою траекторию, дёрнув к себе.

– Троя! – раздался отчаянный вопль откуда-то сзади... – Бросили меня, да? – задыхаясь, продолжал орать наконец догнавший нас штурман.

Пытаясь отдышаться, он рухнул на колени рядом со мной и вцепился в другую руку.

– Тсс! – я шикнула на Игеря, сама с трудом переводя дыхание и одновременно не сводя глаз с эдайти. – Жив, вот и радуйся.

У подавленных из себя слов был металлический привкус крови – давно я не бегала на таком пределе сил.

Моральные метания штурмана сейчас не заботили, сил объяснять ему, что моего мнения насчёт заданного темпа тоже никто не спрашивал, не было. Куда важнее, в контексте стремительности наших спутников, было не проморгать очередных перемен.

Щег тем временем всматривался в глубь леса и морщился, словно старательно прислушивался и никак не мог разобрать то, что слышал. Я знала: он пытается связаться с другими эдайти, попавшими сейчас под удар преследовавших их военных.

– Кто-то приближается? – подала голос Риш.

При этом она резко выпрямилась и одновременно развернулась корпусом в направлении, откуда, вероятно, услышала какие-то

насторожившие её звуки. Движение вышло резким, но не смазанным. И очень... чувственным – высоко поднятая обнажённая грудь амиотки качнулась. Зрелище, заставившее даже изнурённого бегом Игеря шумно сглотнуть.

И не только его. Как не концентрировался Щег на происходящем в отдалении, но и его внимательный взгляд, скользнувший по женской груди, я заметила. И мысленно вздохнула: материальность делает с ними своё дело – призывы и потребности тел уже влияют на эдайти. Чисто мужские реакции пусть пока и не очень осознанные, но выдают их новообретённые организмы. Не одного Кина зацепило женское тело, они все уже отвлекаются на женскую анатомию ничуть не хуже мужчин известных мне рас. Когда уже уразумеют, что надо бы прикрываться одеждой?.. Вот хотя бы из-за такого отвлекающего эффекта.

Парадокс: чем напряжённее ситуация и безнадежнее твоё положение, тем за более незначительные детали цепляется сознание. Да какое мне, в сущности, дело до того, что амиоты-эдайти начали постигать азы половозрелой сексуальности? При нынешнем раскладе они могут и не успеть воспользоваться этими знаниями. Тут не знаешь, с какой стороны в следующий миг ждать беды!

– Да, приближается, – невольно подтверждая мои опасения, Щег кивнул, с немалым трудом отводя взгляд от мерного колыхания женской груди. – Далеко ещё. Нам надо в зияние.

– Приближаются? – нервно, но, к счастью, тихо переспросил штурман. – Кто?!

Если судить по интонации, Игерь ожидал появления очередных монстров.

Я сделала вид, что не слышу вопроса. Щег снова заозирался, отыскивая что-то...

– Здесь, – наконец эдайти впился взглядом во что-то одному ему ведомое, потому что я, сколько ни всматривалась, ничего особенного не замечала. Разве что воздух стал теплее... И дрожать начал, будто под нами раскалённая сковорода.

– Вперёд, – резко скомандовал Щег, не спуская глаз с этого дрожащего марева, и потянул за собой меня и Риш.

Что разрушило план? Лишь обращаясь мыслями назад – к случившемуся – я могла рассуждать об этом. В тот же момент... Едва

Риш, дублируя каждое движение собрата, сделала шаг и погрузилась в яркий искрящийся свет, который я инстинктивно узнала. Едва я вознамерилась сделать то же самое, торопливо занеся ногу, – вдруг ощутила рывок назад!

Всё случилось невероятно стремительно, но при этом каждый миг, малейшее движение отпечатались в сознании.

Моё незавершённое движение – инстинктивная попытка обернуться, чтобы увидеть причину замедления. Одновременно с этим – поворот головы Щега, ощутившего мою заминку, и молния ярко-жёлтого энергоклинка, распоровшего воздух перед моим лицом...

Лезвие сверкнуло, устремившись вниз и разделив пространство между мной и эдайти. Наши с Щегом взгляды как раз встретились, и его короткий вскрик я скорее увидела в движении дрогнувших губ, чем услышала... Бордовая жидкость брызнула в стороны... Мою руку, ведомую рукой эдайти, что-то тяжёлое дёрнуло вниз... Ощущение сопричастности пропало...

Доли мгновения, когда разум не успевал за происходящим, и я не испугалась случившегося только потому, что не поняла... поступка Игеря. словно в замедленной съёмке я видела, как искажается гримасой гневного недоумения лицо стремительно разворачивающегося Щега. Как расширяются глаза Риш, охватившие картину происходящего. Но скорость уже не играла роли: руки штурмана со всей силы толкнули эдайти в спину.

Световое искрящееся поле затащило нашего сопровождающего и амиотку в себя прежде, чем я успела хотя бы вскрикнуть. Яркая вспышка схлопнувшись, исчезла, а с ней и пара наших спутников...

– Что?.. – в шоке, всё ещё отказываясь понимать, я с трудом отвела взгляд от того места, где секунду назад стоял Щег.

С тем же недоумением опустила взгляд на свою руку и вскрикнула, отшатываясь назад. Не удержала равновесия, упала на песок и лихорадочно принялась отдирать от своего запястья сведённые судорогой пальцы... отрубленной кисти эдайти.

– Получилось! – ликующий и одновременно неверяще-дрожащий шёпот штурмана прозвучал позади, став приговором. Я всё поняла.

Игерь не только задержал меня, отдёргнув от зияния, он ещё и в буквальном смысле разобрал узел из наших со Щегом прочно сплетённых рук!

Как подобное могло случиться? Как мой паникёр-соплеменник смог испортить весь план спасения-побега, придуманный Кином? В итоге из всей группы, отправленной в кристаллический лес, в зияния не попали только я и штурман!

Это же приговор...

В агонии лихорадочной паники я смотрела на Игеря наверняка обезумевшим взглядом, едва ли осознавая, что завываю словно сирена. Как я и Щег допустили это?!

Самоуверенная спешка? Убеждённость в безальтернативном смирении? Вера в нашу разумность? Что сыграло роковую роль? И ладно эдайти, но я-то всё это время гнала от себя явные доказательства упрямой слепоты землянина, его нежелание содействовать сбежавшим «экспериментам». Почему я так легкомысленно отнеслась к его желанию отомстить?..

От страха за последствия перехватило дыхание, от собственного бессилия на глазах выступили слёзы. Отодрав наконец кисть Щега, я бросила её на землю и спрятала лицо в ладонях, не замечая, что пачкаюсь в бордовой крови эдайти.

Вот я кретинка!

– Ты спятил? Нам же теперь не спастись! Без них мы зияние не отыщем. Разве что случайно провалимся, но выбраться не сможем!

Орала я от души, выпуская на волю весь душивший меня гнев.

– Прекрасно, – припечатал Игерь, жестаи призывая меня умолкнуть. – Наше спасение совсем не в том, чтобы проваливаться в эти сомнительные зияния. Наукой это ещё не изучено...

– В лесу без эдайти мы погибнем!

Меня трясло так, что я с трудом сдерживала желание поколотить штурмана.

– Что за глупость? – Игерь взвился, чуть повысив голос. – Наоборот, это они для нас угроза!

– А ультразвук?! – рявкнула я самое очевидное. – Тебе первого раза не хватило? Как без эдайти рядом справимся?

– Я всё продумал, – заверил Игерь, на вид совершенно не заботясь о хоть какой-то угрозе. – До появления розового светила время есть. Мы доберёмся до своих и получим помощь.

– Какую ещё помощь, – в сердцах заорала я на единственного уже спутника.

– Тише ты, – выдохнул в ответ Игерь, приседая на корточки рядом. – Ведёшь себя словно кисейная барышня, а не военнотружущая. Чему вас в учебке учат, спрашивается?

– Учут не переоценивать свои силы. И думать о последствиях, прежде чем что-то сделать, – сказала как отрезала, немедленно поднимаясь на ноги. Шок от поступка Игеря наконец немного ослаб, и я вновь начала осознавать происходящее: звуки боя в отдалении.

Чтобы скинуть охватившее тело оцепенение, пришлось немного размять руки. Одновременно я озиралась, стараясь хоть как-то идентифицировать шум. После быстрого бега неизвестно куда, следом за Щегом, было сложно сориентироваться и понять, где осталась долина. А звуки выстрелов усилились – грохот эхом разносился по лесу, не позволяя определить, где находится источник.

– Я спас тебя от жуткой участи. Сейчас нам надо лишь поспешить и выйти к своим.

Недовольный моей реакцией, то есть отсутствием благодарности, на которую он, очевидно, надеялся, штурман тоже поднялся.

– И куда пойдёшь?

Суть вопроса до мужчины дошла не сразу, но когда недоумение на его лице сменилось растерянностью, а сам он завертелся волчком, пытаясь сориентироваться, я испытала прилив мстительного удовлетворения.

– Вроде бы стреляют там... Значит, нам идти сюда... – Игерь неуверенно указал направление, но в этот момент и в той стороне громыхнуло...

– Сюда, туда, – сердито топнула я ногой. – Везде опасно. «Озёра», треклятые насекомые, многоножки, червь, зияния...

Перечисляла автоматически – все мысли были лишь об одном: куда бежать? К кому?..

Пытаться пробиться сейчас к Кину? Безрассудство! Только добавить ему проблем, став обузой.

Пробираться к приземлившимся военным? Тоже спорно. Так наивно я к появлению преследователей не относилась и истинными масштабами эксперимента над эдайти была впечатлена: раз уж следом за ними на планету явился такой «хвост» из преследователей...

Проклятье, как же поступить?!

– Мы должны попытаться вернуться в долину, – в итоге приняла я решение, осматривая песок под ногами в надежде отыскать наши следы...

– Троя, ты спятила? – Игерь даже за руку меня ухватил. Причём так решительно, словно он готов был тащить меня волоком в нужном направлении.

– Щег говорил: кто-то приближается, – напонила я, пытаюсь пока деликатно освободить своё запястье. Но в душе я была уже готова и врезать штурману как следует.

– Точно наши! – тут же возликовал Игерь. – Иначе бы эти монстры так не улепётывали... Что крысы по норам. Ха! Зияние... Да в гробу я видел эти их фокусы.

– Это не фокусы, – огрызнулась я. – Я там сама была.

– Будь счастлива, что вернулась! – Безапелляционность Игеря поражала: вот кто не испытывал сомнений, твердо стоя на своём. – Может, это вообще какой-нибудь гипноз! Впрочем, не важно. Лишь одно имеет значение – в это дьявольское место прилетели наши военные. Ты могла такое представить несколько дней назад? Признайся, потеряла уже веру?!

Пришлось кивнуть: штурман попал в точку.

– А они прилетели! Это наш шанс: мы вернёмся домой! Ты только подумай об этом! Наша прежняя жизнь вернётся. Моя уловка удалась! Сам не верю, что мне хватило смекалки и навыков переиграть амиотов! – Игеря распирало от самодовольства. – Они-то смотрели на меня как на ходячие консервы, но я им устроил западню!

– Или сам себя в неё загнал, – буркнула я себе под нос, оставив попытки переубедить штурмана. Пора было разобраться в ускользнувших от моего внимания деталях. – Ты где клинок-то достал?

– Нашёл в контейнере, когда искал аптечку. И прихватил вместе с передатчиком.

– Каким ещё передатчиком?... – я запнулась, начиная прозревать...

И небезосновательно, потому что ответ Игеря полностью подтвердил мои догадки:

– Дальней связи. Отправил сигнал, когда вы в зиянии пропали, а амиоты отвлеклись и за мной не смотрели.

Вот почему нас так быстро обнаружили! Ошеломлённая откровениями мужчины, я не нашлась с ответом. Отвернулась и замерла, заметив в просветах между кристаллами движение.

Хищник? Или... Военные?

Судьба вновь сделала выбор за меня, воссоединив с теми, о встрече с кем я уже не просила – на поляну выступили десантники. Не узнать фигуры в защитной экипировке было невозможно.

Направленные на нас бластеры заставили сглотнуть и просипеть:

– Не стреляйте.

Голос меня подвёл, пришлось прокашляться. Зато Игерь на него среагировал и радостно развернулся навстречу прибывшим.

– Вот я же говорил! Они нас... – Он поперхнулся, наткнувшись взглядом на ствол бластера – десантники продолжали держать нас на прицеле. Даже издали было видно, что предохранители оружия отключены, а уровень заряда выставлен такой, что одного выстрела хватит, чтобы бронетанк разнести в клочья. А уж от нас вообще ничего не останется. – Не стреляйте! Мы же свои! – закончил штурман испуганно, срываясь на фальцет.

– Оружие бросить! – заорал усиленный динамиками голос взводного. – Лечь на землю! Руки за голову!

– Какое ещё оружие? – опешил Игерь, растерянно хлопая глазами.

Идиот...

Вырвав из-за пояса штурмана клинок, я бросила его к ногам десантника. С той же силой, с какой действовал Щег, рванула мужчину вниз, заставляя выполнить приказ и молясь, чтобы он не вздумал сейчас качать права или рассуждать о сопричастности. Не в том мы положении...

Лежа на песке и чувствуя, как чужие ладони меня обыскивают, ощупывая тело, я старательно уговаривала себя не паниковать. Ощувив рывок, который поднял на ноги, и усилие, заставляющее опустить руки вниз и заводящее их за спину, чтобы надеть наручники, – уговаривала себя потерпеть. Получив бесцеремонный толчок в спину, зашагала следом за одним из десантников, надеялась на...

На что? Какие у нас перспективы? Как ни крути, а для военных мы теперь оба – дезертиры. Даже если всего лишь косвенно способствовали побегу и невольно выдали знания и информацию о своих, попав в плен не по своей воле. Я прекрасно знала позицию

руководства: если ты попал в лапы противника – обязан сдохнуть. Не сдох, то есть жив, здоров и упитан, – значит, стал сообщником врага. Нас могут обвинить в содействии противнику, а следовательно церемониться никто не станет...

Мы – лишние свидетели. Хотя, разумеется, остаётся вариант, что нас могут счесть полезными, ведь за время, проведённое рядом с эдайти, мы немало о них узнали.

Другой вопрос: хотела ли я сообщать эту информацию военным, прекрасно понимая, что они будут настойчиво искать уязвимые места эдайти. Слабости Кина...

Хочу ли я возмездия? Расплаты для него за пережитое?.. Нет! Узнав эдайти лучше, я пересмотрела отношение к месту.

– Не дрейфь, Троя, прорвёмся, – негромко, но внятно заявил штурман, шагающий позади меня.

Я лишь фыркнула презрительно: вот уж наивный оптимист. Кто бы говорил?! Он же штатский, пусть и рукастый! Транспортник, на котором Игерь всю жизнь летал, занимался снабжением. Оттого и заблуждения, что нас примут с распростёртыми объятиями. Уж я-то куда лучше знаю своё начальство и внутренний регламент.

– Не болтать! – заорал, ударяя в спину прикладом, один из идущих позади десантников, видимо решив, что пленные ведут себя неподобающе.

По инерции ускоряясь, я больше с Игерем не разговаривала. Но думать мне никто запретить не мог.

Штурман сказал, что использовал передатчик. Странно... Портативные радиостанции не настолько мощные, чтобы достичь других звёздных систем. Максимум – сработает в пределах пары астрономических единиц. Получается, что военные уже были где-то рядом? Упорно продолжали выискивать сбежавших «экспериментов»? Игерь просто ускорил их появление и упростил задачу поиска на планете, указав точное место приземления?

Видимо, не совсем точное, потому что оно оказалось с другой стороны леса – я узнала местность, куда нас привели. Ровное пространство с мягкими и приземистыми «травянистыми» кристаллами. На горизонте выразительно вздымались горы, одна из которых едва не свела меня с ума запахами еды. С противоположной

стороны невнятной полосой виднелось уходящее вдаль оранжевое болото.

В этом месте была первая стоянка эдаити! Неподалёку отсюда участок, где мы с ними вошли в лес.

Сейчас же здесь раскинулся другой лагерь. Военный. И такая знакомая мне организация тыловой территории!

Шесть огромных кораблей-транспортников стояли по периметру пространства. Их носы, устремлённые в небо, были раскрыты, как лепестки цветка, а из сердцевин поднимались вертикальные столбы – преобразователи энергии. Силовое поле, которое они генерировали – почти прозрачное, но переливающееся радужными разводами, мерно дрожало и накрывало собой всё пространство между кораблями.

Защита...

Защита, которую то и дело разрывали проходящие сквозь неё, возвращающиеся в лагерь десантники. Сбрасывали оружие в специальный контейнер и отправлялись на импровизированный плац – место отдыха и тренировок.

Эту же защиту прорывали и влетающие в лагерь штурмовые корабли. Я насчитала семь, стоящих в отдалении, и ещё три успели приземлиться, пока меня с Игерем вели к большой штабной «палатке», окружённой более мелкими. На поверку это оказался лёгкий, быстро собираемый походный армейский модуль.

– Так... Кто тут у нас?

Сидящий за столом и тем не менее заметно возвышавшийся над ним худощавый офицер в фиолетовой форме СКР, приспустив очки, придиричиво осмотрел сначала меня, затем Игеря. Я же невольно вздрогнула. СКР – это служба космической разведки, и, насколько мне известно, её сотрудники никогда не покидают своих кораблей. Никогда не высаживаются на планеты, предпочитая для большей мобильности жить в космосе, а действовать и получать информацию чужими руками. Вывод получался простой – амиоты... то есть эдаити, оказались настолько важны, что специалисты СКР даже решили пренебречь собственными правилами. От этого стало совсем жутко.

– Рядовая в запасе Троя Флэш. Третий взвод шестого резервного подразделения «Стигма», – коротко отчеканила по уставу, но спешно добавила, почувствовав очередной удар прикладом в спину от своего

конвоира и заметив соответствующие нашивки на рукавах формы: – Господин полковник.

– Э-м-м... Игерь Сергеевич Ям. Механик и резервный штурман грузового транспортника «Перепёлка-2», – покосившись на меня, куда менее чётко выдал мой спутник.

– Любопытно... – бесцветные глаза офицера вновь спрятались за толстыми линзами, а взгляд опустился на разложенные на столе инфомодули.

Тонкие пальцы скользнули по ним, или отыскивая определённый, или пытаясь отвлечь наше внимание, пока мужчина, очевидно, принимал какое-то решение...

Больше всего я боялась, что Игеря начнут допрашивать отдельно от меня и первым! Он же наговорит такого, что потом сам рад не будет. Мои попытки хоть как-то наши действия объяснить уже не будут иметь принципиального значения!

Как назло, именно так всё и произошло.

Так и не сняв наручников, уже спустя пару минут по приказу тощего начальства меня увели в соседнюю палатку. Стояла она практически вплотную к штабу, и потому крики и поначалу гневный, а затем совершенно жалобный голос Игеря я прекрасно слышала. Поэтому прекрасно осознавала – методы влияния на степень разговорчивости мужчины не ограничиваются психологическим давлением. В ход наверняка идёт и физическое воздействие.

Однако я даже не предполагала, насколько сильное...

Когда мне приказали выйти из палатки, чтобы отвести в штаб, Игеря как раз оттуда вывели. Вернее, выволокли под мышки практически безвольное тело. «Практически» – потому что голову он всё же поднял, чтобы посмотреть на меня.

Выглядел он жалким, взгляд мужчины отражал боль и чувство вины в равной степени.

Синяк на всю левую щёку, заплывший глаз, содранный по пояс скафандр и выразительные ярко-красные полосы на спине – всё это рассказало мне о допросе куда больше полного боли и отчаяния взгляда штурмана. Зато я хотя бы оказалась готовой.

Увы, военные оправдали мои наихудшие ожидания: никто даже не намекнул, что видит в нас спасённых из неволи соплеменников. Хотя, конечно, ни уровня боли, ни обиды на своих этого не уменьшило.

Скорее наоборот – притупило ощущения. Всё вдруг стало безразлично. Всматриваясь в лицо представителя разведки с по-рыбьему невыразительным взглядом, я не могла отделаться от ощущения, что всё это происходит не на самом деле. Не со мной. Словно я смотрю фильм...

Одичала ли я за время, проведённое в плену у Кина, утратив навыки сосуществования с представителями своей цивилизации? Или из-за стремительности событий и перемен схожу с ума, а неверие – защитная реакция сознания?

В чём бы ни была причина моей отрешённости от реалий происходящего, мысленно я больше переживала о состоянии Кина, чем о своих перспективах. Факт!

Оттого и не сразу сосредоточилась на заданных негромким тоном вопросах, не сразу отреагировала на поток «неопровержимых» заявлений, красноречиво иллюстрирующих позицию «спасителей».

Получила пощёчину.

Ещё одну, вновь не успев внятно ответить на вопрос...

В праве на заторможенность по причине пережитого мне тоже отказали, от души дёрнув за плечо.

Кажется, вывих...

И вновь внимание парадоксальным образом сконцентрировалось на незначительных деталях.

Грязно тут, цвет стен такой серый... однотипный... будничным. Капли свежей крови на полу на этом фоне смотрятся так ярко. Интересно: из носа брызнуло или губы уже кровоточат?

Разведчик повысил голос, рявкнув:

– И как ощущения? Когда так запросто предаёшь своих?

Очередная хлёткая пощёчина.

Громкий звук вкупе с болезненным ударом привели к нужному результату – я начала вслушиваться в слова. А как иначе? Тут мои мысли никто услышать не мог...

– Этот амиот к тебе действительно так привязался?

Короткий удар под дых, от которого потемнело в глазах и перехватило дыхание.

– Почему он именно тебя не убил?

Скручивающее движение, выламывающее запястье... Ад! Как же больно...

«Свои» так сыпали вопросами, приправляя их жёсткой физической демонстрацией превосходства, и не оставляли мне шанса ответить. Замедленная реакция моего сознания, которое словно заново училось выражать мысли, проговаривая их вслух, не позволяла действовать в одном с ними темпе.

– Кто ещё выжил?..

Болевой приём, после которого хотелось завывать волком. Граш-ш-ш! Сколько же можно?..

– У них есть слабые места?..

Последнее интересовало полковника особенно сильно – он снова и снова на разные лады повторял этот вопрос. Но как же всё это контрастировало с действиями эдайти... Оправданная жестокость и *не* оправданная. В чём смысл так сразу наказывать нас – меня и Игеря? Как неразумно так непродуктивно подходить к, по их мнению, сокрытых в нас знаниях? Объяснение одно: я стала для своих не просто врагом, а тем, кто сблизился со сбежавшими амиотами. И из меня необходимо как можно быстрее в буквальном смысле выбить всю необходимую информацию. Поэтому пряники мне не предложили, сразу перешли к кнуту. Возможно ли, что противостояние с эдайти на равнине идёт не слишком гладко? Фактор времени играет ключевую роль.

Предсказуемо, конечно, – они же по их души прилетели. От меня нужны их слабости, способы совладать с «экспериментами» в кратчайшие сроки. Миндальничать некогда, амиоты важнее всего... Хотя мне и казалось странным: если цель преследователей – уничтожить, то зачем выяснять, в чём противник уязвим? Подобные мысли и прежде возникали в голове: желай военные только уничтожения амиотов – использовали бы способ проще и вернее, чем наземная операция на смертельно опасной планете. Значит... они хотят их захватить, а не уничтожить? Вернуть обратно на станцию и продолжить эксперимент?!

Чтобы не чувствовать боли, я, как нас учили на занятиях, всё глубже погружалась в себя. Но это лишь усугубляло ситуацию – меня не желали оставлять в покое. Очередная пощёчина стала той каплей, что перевесила способность держаться в сознании – вслед за новой болевой вспышкой пришла волна беспросветного забытья.

– Ты как? Сильно тебя... Сволочи, какие же сволочи эти вояки...

Узнав голос штурмана, я открыла глаза. Далось это не просто – правый глаз по ощущениям заплыл, позволяя мне видеть мир через щёлочку. Всё тело ныло, а плечо, левое запястье и грудная клетка при каждом вдохе отдавали болью. Качественно меня отделали...

Мне всё же удалось сфокусировать взгляд на Игере. Он и сам был не в лучшей форме, но суетился вокруг меня и явно пытался помочь. Я же, лёжа на пластиковом покрытии, на которое меня, очевидно, бросили, притаившись из палатки разведчика, мечтала лишь о том, чтобы он замолчал – голову ломило от малейшего звука.

– Отвали, – прошипела, пытаюсь воспрепятствовать осторожным прикосновениям мужчины. – Как долго я пробыла в отключке?

Игерь не обиделся – он расстроился, потому что я услышала:

– Прости... Я не думал, что всё так выйдет. Мне казалось...

– Тсс... – зашипела я, обрывая его каюнь.

– Пару часов, точно не знаю, – сразу исправился Игерь, выдав ответ по делу. – Раз пришла в себя, может, подскажешь? Твои конвоиры бросили, но что для чего, не пояснили... Что использовать? – Он тряхнул перед моим лицом крошечной портативной аптечкой экстренной помощи. Такие только в боевых условиях выдаются.

– Шприц. Ампула с коричневым содержимым, – прошлёпала я разбитыми губами, надеясь, что обезболивающее из набора не изъяли.

Штурман, судя по шорохам, принялся потрошить упаковку. В памяти всплыл момент с недавним рапортом, когда он представлялся полковнику механиком с угнанного амиотами транспортника, но я по привычке мысленно называла его штурманом – так, как повелось с момента, когда он вместе с Кином управлял кораблём.

Почувствовав укол, испытала благодарность: терзающая тело боль была невыносима. Средство подействовало быстро. Когда я немного отлежалась, то поняла, что худшее позади – мышцы слушались, суставы сгибались. Села наконец, осматривая себя и место, куда нам «повезло» попасть.

Это даже не было палаткой – три столба, вокруг которых натянули прозрачную трипслатовую плёнку, показавшуюся мне пластиком. Мы, запертые между опорами на тесном пятчке, находились на обозрении всего лагеря. Жизненного пространства – пара-тройка квадратных метров на двоих. Свет и звук эта конструкция пропускала прекрасно.

Скользнув взглядом выше, заметила колебания воздуха, выдававшие наличие защитного энергетического купола. Если время ультразвука за его пределами пришло, то хоть в чём-то нам повезло...

Пока я пялилась вверх, уловила движение сбоку: к нашему ограждению приблизились двое десантников в лёгкой тренировочной форме. Непроизвольно накатила волна воспоминаний – сколько же раз в прошлом я наблюдала такое вот приближение коллег... Впрочем, ностальгический порыв развеялся моментально, стоило мужчинам заговорить:

– Подстилка амиотов, – презрительно хмыкнул один из них. – Как думаешь, её сразу в расход пустят или... позабавиться разрешат? Что она такого умеет, что даже твари этой понравилась?..

Пусть внешне это никак не проявилось, но в душе меня перекосило. Знакомые разговорчики, были среди моих бывших сослуживцев те, кто о коллегах-женщинах рассуждали только в таком ключе.

– На фигу она нам после амиота? – сплюнул второй, демонстрируя откровенную брезгливость. – Нормальных баб хватает. А от этой ещё подцепишь чего...

Поглазев сквозь обмотку на моё безвольное тело, они отошли, продолжив путь, а я... Я с трудом погасила затопившее душу негодование, испепеляющим взглядом уставившись на Игеря. Вот кто сейчас источник всех проблем.

– О чём ты там натрепал разведке? Что сказал полковнику?!

Получить обо мне порочащие репутацию сведения могли только от него! Болтуном Игерь был – болтуном и остался на мою голову.

– Я старался быть честным, рассказал всё как есть, – с явной обидой возразил штурман. Он точно не ожидал и не понимал причин такого к нам отношения. – Но мне не поверили. Больше того, врагом объявили и прямо заявили, что им свидетели не нужны. Амиоты обречены, и мы тоже... Ты в этом здравый смысл находишь?

Если представить, как наши с Кином взаимоотношения виделись стороннему наблюдателю, не подозревающему о способности эдакти считать мои мысли?.. Да... на его взгляд, между нами было немало странного. Увы, эту свою субъективную точку зрения, получается, он и донёс до преследователей. Не повезло мне!

– А о чём я тебе с самого начала твердила?! Не по наши души они здесь. Ты мыслишь иными категориям, – немного натужно вздохнула я в ответ, пытаясь приподняться на локтях. – У военных нет полутонов, либо ты – свой, либо – враг. Их мир чёрно-белый, я сама до недавнего времени такой была.

Пока не сломалась, осознав, что такой взгляд на реальность мне не подходит.

– От этого не легче, – отвёл взгляд мужчина. – Я поздно понял, что был дураком, когда не поверил тебе. Ты была права насчёт приоритетов этих... – он запнулся, боязливо оглянувшись, и добавил значительно тише: – вояк.

Именно эти слова примирили меня с поступком Игеря, в какой-то мере оправдав его. Он стремился спастись и делал для этого всё возможное. Не его вина, что военные не оправдали его надежд. Вот же идиот... Больше я на собрата по плену не злилась, осознав, что за свой просчёт он расплатился сполна.

Отвечать я не стала – ни обличения, ни всепрощение сейчас нам не помогут. Остаётся лишь ждать дальнейшего развития событий – повлиять на них опять же не в наших силах. Тот факт, что конвоиры, доставшие меня сюда, снабдили какой-никакой, а аптечкой, обнадёживал. Моей немедленной смерти военные не желают. Значит, какое-то время у меня есть... И у Кина... Если он жив.

– Как обстановка в долине за кристаллическим лесом? Что-то об... амиотах говорили?

Вот от кого зависит наше время! Пока эдаити сопротивляются – военные будут нуждаться в данных насчёт любых их возможностей и тем более слабостей. А, кроме нас, других источников для получения информации у них нет. Поэтому мы будем жить, пока эдаити на свободе. С другой стороны, чем острее военные будут нуждаться в этой информации, тем меньше будут с нами церемониться. Особенно со мной после всех небылиц, поведанных Игерем.

– Нет, только спрашивали про них. И... – штурман запнулся, но продолжил: – Я предположил, что амиот попытается тебя вернуть... – На мой наверняка ошалевший взгляд и выпученные глаза он лишь виновато развёл руками: – Он же постоянно твердил, что ты – его добыча. Такое впечатление, что ты для него очень ценна... ээ... как для мужчины может быть ценна женщина...

– Ты идиот! Как такое пришло в твою голову? К чему бы Кину видеть во мне женщину, если до недавнего времени они... – я запнулась, встретив ошалевший взгляд собрата и сообразив, что уже и за глаза называю эдайти по имени. – В общем, поверь: амиоту моя персона безынтересна. Но из-за тебя теперь полковник полагает иначе. Понимаешь, чем мне это грозит?..

– Да просто со стороны казалось... – Игерь очевидно был преисполнен раскаяния, – казалось, он... поступает во всём, что тебя касалось, так... собственнически.

– Именно! – мне хотелось рычать, но пострадавшие рёбра не позволяли лёгким развернуться во всю ширь, выдав нужный диапазон звука. – Он изначально возомнил себе, что я – кусок торта, который хочется распробовать! Именно его кусок.

Так хотелось сказать: на этом всё! Но язык не повернулся. Не после случившегося в зиянии. Наоборот, вдруг вспомнила, как двигались губы Кина, когда он спокойно, со стопроцентной уверенностью в своих словах уверял, что всегда за мной вернётся. Проклятье, но он уж точно не подразумевал ситуацию, когда на его хвосте будет висеть союзный флот?.. Это не местная неведомая зверюшка...

Хотела бы я, чтобы он словно безумец отправился в логово врага ради моего спасения? Однозначно нет. Такого и врагу не пожелаешь, а Кина врагом я больше не считала...

– Просто солги им? – предложил собрат по несчастью, выдав очередную идею. – Придумай что-нибудь, чтобы отстали? Об амиотах. Давай вместе подумаем: мы много дней были рядом, что-то же да подметили? Что можно счесть за их слабость?

Сердце болезненно ёкнуло. Смогу так сделать? Снова смирюсь, пойду на поводу у обстоятельств, чтобы выжить?

– Бессмысленно. Очень быстро станет ясно, что наши сведения ложные. Они не подтвердятся. И тогда...

О том, какой будет расплата за подобный обман, я позволила Игерю додумать самому.

– Что же нам делать? Как выжить и на кого теперь полагаться? Как убедить военных сохранить наши жизни? – штурман тоже шептал, с понурым видом присев совсем рядом. Вместе мы сквозь

пластиковую обмотку наблюдали за редкими перемещениями между палатками военных в тренировочной форме.

– Хороший вопрос, если б я знала на него ответ...

– Какая-то беспросветная обречённость. Что там, что здесь – нас ждёт лишь гибель.

– Знаешь, сколько раз с момента побега амиотов со станции я так думала? – Растянуть пострадавшие губы в натужной улыбке оказалось непросто. – Достаточно, чтобы понять: будущее не предугадать. Уже устала бояться смерти. Поэтому предлагаю не тратить время попусту, а постараться восстановиться и отдохнуть.

– Мне вот точно не уснуть при таких обстоятельства, – с тяжёлым вздохом Игерь вытянулся на пластиковой подложке.

Минут через пять он уже сонно посапывал: природа, перенесённый стресс и усталость взяли своё. А вот я ночь почти не спала. Забывалась на считанные минуты и просыпалась, вздрагивая от малейшего шума. Силовой экран, раскинутый над военным лагерем, мерно переливался радужными разводами. Ни «комаров», ни скачков температуры, ни ультразвука не было – видимо, защита была надёжной. Но мне в этом «комфорте» спать было тревожнее, чем под боком у не знающего жалости эдайти.

Невольно я прислушивалась к звукам, доносящимся из-за защитного купола: уже знакомым, но оттого не менее устрашающим. Крики, звучащие со стороны кристаллического леса, пугали основательно. И, кажется, не только меня – несущие ночную вахту дозорные тут же вскидывали оружие и опускались на одно колено, принимая боевую стойку, стоило очередному местному «ожившему кошмару» подать голос. Похоже, ни у кого не было уверенности, что какая-нибудь особо крупная и наглая тварь не сумеет пробить защиту.

Однако обошлось. То ли местная живность перепугалась взрывов и шума, то ли не рискнула рваться через барьер. Или же банально нас не видела? Экран всё же не настолько прозрачен...

Под утро, вернее под самый восход розового светила, спокойствие в лагере сменилось активностью. Командование явно решило подготовиться к новому дню заблаговременно, видимо, чтобы начать новые боевые действия сразу, как только взойдёт голубое солнышко. Означало ли это для амиотов ночную передышку в атаках? Я надеялась, что да.

Однако суэта была обычной. Вовсе не пораженческой или панической. Это означало, что преследователи хорошо подготовились к местным реалиям и что... дела у эдайти шли неважно.

Посыпались привычные приказы: «Подъём!», «На построение!», «Бегом, ленивые задницы». На плацу зашевелились спящие в спальниках бойцы. Мимо нас промчался, топоча и выкрикивая речёвку, один из десантных взводов. Появившиеся из стоящей неподалёку палатки пилоты, что-то обсуждая и смеясь, неторопливо пошли к своим штурмовым кораблям. Обгоняя их, туда же понеслись механики...

На нас внимания никто не обращал, словно была команда: не замечать.

– Что, даже не покормят?.. – Разбуженный шумом Игерь нервно озирался. Хотел было ещё что-то сказать, но выдал лишь: – Ух ты!

Изумление в глазах и голосе штурмана было настолько сильным, что я обернулась, чтобы посмотреть на причину его удивления.

Откинутый полог ещё одной палатки, придержививал зевающий... рарк! Фуражки на нём не было, и остроконечные уши вызывающе торчали над коротко стриженным ёжиком волос. Но, конечно, Игеря удивил не факт его присутствия – всё же рарки по контракту и за хорошие деньги готовы служить в одних рядах с землянами. Поразительным было другое – существо, стоящее у ног мужчины. Рыжее, пушистое, почти ему по пояс, с мордой муравьеда, маленькими янтарными светящимися глазами, медвежьими ушами и толстыми короткими лапами. Я таких животных никогда раньше не видела.

– Шош, – замороженно прошептал Игерь. – Ни фига себе...

– Что ещё за шош? – буркнула я, с облегчением ощущая, что боль в рёбрах отступила, и одновременно присматриваясь к существу, которое самым наглым образом справляло нужду около палатки, прямо на низкорослые кустики пёстрых мягких кристаллов.

– Ты дремучая? Кроме учебки, нигде не бывала? – шёпотом возмутился штурман. – Эти рыжики родом с Ракиса. И переломили ход войны, когда амиоты на нас напали. Как именно шоши действуют – рарки держат в секрете. То ли поедают энергетические сущности, то ли развоплощают, толком никто не знает, но... Но раз они здесь, значит, амиотам крышка. Разве что телесная оболочка как-то их спасёт.

Нахлынувшая после этих слов неприязнь к внешне совершенно милому существу удивила. Так, например, на соседского красивого песика можно реагировать, когда он успел покусать кого-то из твоих близких.

Вот этот рыжик-шош развоплотит Кина? Мне вдруг стало дурно, померкла радость от ставшего вполне приличным самочувствия, стоило представить это... Что-то вроде нашей смерти? Как если бы душа покинула тело? Стоит из специально созданного тела ликвидировать сущность Кина, как... Как знакомый мне амиот превратиться в пустую и бесполезную оболочку.

Выходит, всё очень серьёзно для эдайти. Очевидно, последствия и итоги побега амиотов со станции проанализировали со всей тщательностью. Больше нет эффекта неожиданности и недооценки способностей их физических воплощений. Преследователи пусть и локально, но смогли обезопасить себя от ультразвука. А теперь, выходит, что у них с собой и действенный, хоть и незнакомый мне, способ уничтожения эдайти...

– Эти шошы реально так опасны для амиотов? – борясь с дрожью в голосе, переспросила Игеря. – Я думала, ход войны переломило изобретение энергоклинков.

– Клинки – само собой. Но для того, чтобы их создать, нужно было хотя бы одного амиота поймать. Иначе как эффективность проверить? И тут без шошей не справились бы.

– А они разумны? Эти шошы. Или просто звери?

– Троя, я тебе не энциклопедия, – развёл руками штурман. – Что знал – сказал. Про то, что не знаю, врать не буду.

Лишив меня шанса получше присмотреться к невинной на вид и, как выяснилось, смертельно опасной для эдайти живности, шош вновь скрылся за пологом палатки. А вот сопровождавший его рарк направился в уже знакомую мне штабную палатку – этот походный блок находился в центре защитного купола. Следом за ним туда же зашли ещё несколько офицеров – я внимательно наблюдала за происходящим, стараясь предугадать дальнейшее развитие событий.

Заурчал живот, почему-то тоже спровоцировав у меня всплеск воспоминаний о Кине. «Этот звук!» – сказал он тогда...

– Только и делаем, что голодаем на этой планете, – понимающе кивнул мне штурман. И с ещё более печальным вздохом тихо

пробурчал себе под нос: – Видно, не очень-то мы для своих важны...

– Раз снова готовятся наступать, значит, вчера справиться с амиотами не удалось, – озвучила свою основную надежду.

– Пробный шар не закатился, – цыкнул языком Игерь. – Я не удивлён. Сам видел, на что способны амиоты. Но сегодня подключат тяжёлую артиллерию в виде шоша, и амиотам конец. Иначе никак. За время в плену я одно понял: их не заставить подчиняться. Может, это дошло и до создателей их тел? Впрочем, нам лучше о себе думать: как нам свои жизни отстоять и... домой вернуться. К нормальной жизни!

– Тс-с... – оборвала я мужчину, заметив двоих целеустремлённо шагающих к нам конвоиров.

Штурман, проследив за моим взглядом, напрягся, но я каким-то глубинным инстинктом угадала: они за мной. Уж очень недобро оба уставились именно на меня.

Так и случилось: отодрав край плёнки, один из военных, пока второй держал побледневшего Игеря на прицеле, рывком поднял меня на ноги. Стараясь не морщиться от болезненных ощущений, я, с тяжёлым комком дурных предчувствий в груди, медленно переставляя ноги, побрела туда, куда молча подталкивали конвоиры. Это вновь была палатка в центре лагеря...

– Стой. Жди, – бросив короткий приказ, один из бойцов шагнул внутрь штаба, оставив меня стоять перед входом. Второй остался рядом, караулить.

Сделав глубокий вдох, я заставила себя успокоиться: будь что будет.

Оглушающий шум крови в ушах стих, а из-за неплотно прикрытого полога стали слышны голоса беседующих. Особенно когда они их повышали. Вернее, орал кто-то один, и, судя по знакомым мне по экс-напарнику выражениям, это был именно рарк.

– Гр-р-раш вас раздери, полковник. Вы в своём уме? У нас остался только один шош! Второго вы благополучно просрали, отправив на вчерашний необдуманый захват. Убедили меня, что это для него не опасно. А что в итоге? Что, я вас спрашиваю?! Молчите? Ну так я вам напомню. Амиот мёртв, но и шош мёртв. Один – один. Щ-щ-щедар! Не велика ли цена? И теперь вы хотите угробить оставшегося ради сомнительного результата? Шоши – создания редкие и слишком ценные, чтобы ими вот так бездарно разбрасываться. Амиоты успели

освоиться на этой планете, их с наскака не взять. Рисковать единственным козырем без четкого плана и гарантий?!

Видимо, ему что-то ответили, потому что сначала я слышала неразборчивое бормотание, а потом возмущённое:

– Не позволю! Ищите другие способы. Такие, которые дают стопроцентную гарантию, что шош не погибнет. Нет таких? Тогда будем обсуждать, когда их найдёте.

Полог резко откинулся, и рарк выскочил, едва не сбив меня с ног. Похоже, даже этого не заметил – стремительно зашагал к своей палатке, не удостоив меня и взглядом.

Зная взрывной и несдержанный характер этой расы, его поведению я не слишком удивилась. А вот приёму, который на этот раз ждал меня, как раз наоборот.

– Заходишь.

Не успела я проводить взглядом удаляющуюся фигуру рарка, как из палатки появился военный. Он махнул моему сопровождающему, после чего, получив тычок в спину, я резво ввалилась в недра штаба.

В животе всё сжалось, и голод был тут ни при чём: я ожидала повторения вчерашнего жёсткого допроса. Благо со слов Игеря уже представляла ход мыслей разведки.

Но вместо этого услышала вполне себе миролюбивое приветствие:

– Прошу вас, Троя, проходите, – несколько натянуто улыбнулся незнакомый мне мужчина в гражданской одежде. При этом я буквально кожей чувствовала – он тут главнее всех. – Присаживайтесь. Вот сюда, да. Водички хотите? Ну, конечно, вот я дурень!

Он с нарочитой суетливостью хлопнул себя по лбу и схватился за бутылку – одну из тех, что стояли на столе рядом с открытыми пайками. Начальство совмещало полезное с важным: завтракало и обсуждало планы одновременно. Свинтив крышку, буквально впихнул мне в руки ёмкость с водой.

– Пейте, пейте. Вчера мой ко... – он оборвал сам себя и выбрал иное обозначение: – полковник слегка перестарался. Перенервничал, сами понимаете. Мы все сейчас на нервах...

Передав воду и проследив, чтобы я села, куда мне было указано, мужчина так и стоял рядом. За всей этой напускной заботливостью и бессмысленной болтовней я неизменно ощущала пристальное

внимание присутствующих – украдкой все бросали на меня взгляды. Но взор именно моего нынешнего собеседника пробирал до мурашек. Теплоты или даже намёка на понимание там не было. В глубине буквально прозекторского взгляда явственно читалась жёсткость и целеустремлённость. Даже суховатая поджарость тела и обильно разбавленные сединой волосы не могли смягчить первого впечатления: волк в овечьей шкуре.

– Такая ситуация с этим преследованием, да ещё выжившие пленные обнаружили. Ответственность, знаете ли. Не все способны принять её на себя спокойно, – продолжал разъяснять незнакомец.

– Спасибо, – решив, что применять ко мне седативное смысла нет, я отхлебнула воды – хоть чем-то наполнить пустой желудок.

Отмалчиваться не стала: к чему провоцировать агрессию?

Чем старательнее «штатский» передо мной оправдывался за вчерашний мордобой и отбитые рёбра, тем отчётливей я понимала – он лишь играет в «доброго полицейского». Тем более что «злой» сидел здесь же в сторонке и старательно делал вид, что его происходящее не касается. Три других офицера вообще повернулись к нам спинами, изучая виртуальную карту, развёрнутую над соседним столом.

Впрочем, не слишком ли категорично я рассуждаю? Почему ищу в каждом слове скрытый смысл или заведомый обман? Перестала доверять своим?.. Мне, как бывшему представителю военной братии, разве не очевидно: именно так и должны вести себя с подозреваемым в измене. Без жестоких крайностей по возможности, но в целом? Военные ведут себя логично. И этот мужчина?..

Не таясь, с особой тщательностью я вглядывалась в его лицо, пока делала ещё несколько глотков воды. Привычка доверять интуиции сказалась: что-то в нём и настораживало и располагало одновременно.

– С вашего позволения, я тоже присяду, – демонстрируя добродушие, мужчина опустился на единственный пустующий рядом со мной стул. – Вы, должно быть, гадаете: кто я? И почему извиняюсь за вчерашнее?

Решив по возможности обходиться лаконичными ответами, я сдержанно кивнула.

– Мне поручено курировать проект с амиотами, – не менее пристально наблюдая за мной, сообщил незнакомец. Что удивительно: в глубине его глаз – ярко-зелёных, несмотря на возраст, – при этих

словах мелькнуло напряжение. – Ваш случай очень интересный, именно поэтому я, узнав, что мои подчинённые слегка... м-м-м... переусердствовали, – он едва уловимо поморщился, – решил встретиться с вами лично.

– Понятно.

Спасибо штурману: привлёк к моей невезучей персоне чрезмерное внимание.

– Скажите, Троя, вы рады, что остались в живых? На вашу долю за последнее время выпало немало испытаний. Очень много людей погибло, большинство на ваших глазах.

– Рада...

Это было не совсем то слово, каким бы лично я охарактеризовала свои ощущения, но именно такого ответа ожидал мой собеседник.

– Механик «Перепёлки» сообщил, что вы выжили благодаря амиотам. Без их «опеки» выдержать трудности полёта на аварийном корабле и выживать на этой планете для землян стало бы невозможным. Неизбежная и безальтернативная гибель для всякого представителя нашей расы в сравнении с той лёгкостью, с которой амиоты справляются с этими трудностями. Люди легко гибнут, да? Мы мало где способны выжить, не создав предварительно ресурсозатратной комфортной микросреды. Не слишком конкурентоспособная раса...

Очевидно главный здесь задумчиво смотрел на меня. Все остальные молчали.

– Но вы сами создали для них такие совершенные тела и переселили в них сущности, усилив степень совершенства, – невольно пожав плечами, я выдала единственно верный ответ. Волнуясь из-за того, что наговорил штурман на мой счёт, решила попытаться исправить впечатление: – Что до «опеки», то Игерь неверно поня...

– Вы о том, что вам удалось установить с предводителем амиотов особый контакт? – перебил меня суровый собеседник.

– Ничего такого между нами не произошло, – я отчаянно замотала головой, в душе больше всего опасаясь: они сочтут, что я важна для Кина!

Самой себе не хотела признаться: что, если это правда? Вновь я вспомнила его обещание всегда возвращаться за мной. Это означает слабость для эдайти, болевую точку. Кому, как не бывшей военной,

знать: слабости противника необходимо использовать в первую очередь.

– Дело совсем не в амиоте, – неожиданно растянул мой собеседник губы в некоем подобии улыбки, которая, впрочем, не затронула расчётливого взгляда. – Дело в вас, Троя. Скажите, вы теперь им доверяете? После совместных испытаний. Сочувствуете? Оправдываете? И что скажете по поводу мнения второго пленника, он был убежден, что амиотов подчинить никогда не удастся? Что их можно только уничтожить.

– Вы будете пробовать? Попытаетесь поймать их, чтобы продолжить эксперимент, который проводился на станции?

Это дарило надежду, что эдаити не уничтожат. Впрочем, в глубине души, я была уверена: Кин и его собратья не примут такого исхода, вновь и вновь продолжив попытки сопротивления.

Мой собеседник чуть откинулся на спинку своего стула, закинув ногу на ногу, скользнул взглядом вверх, невольно выдавая работу мысли. Выглядел он расслабленным, даже философствующим.

– А что такое, по-вашему, эксперимент, Троя? Есть ли у него границы и заданные рамки? Или важна лишь цель? А всякого рода издержки и побочные сложности в расчёт брать не стоит. Особенно когда эта цель соизмерима с вопросом выживания целой цивилизации?

Нет! Он точно не был военным, не в полной мере – уж наверняка. Эти его рассуждения – я поняла, они не требовали ответа – больше всего напоминали идиомы фанатиков-учёных со станции. Впрочем, в незнакомце не чувствовалось их одержимости, скорее рассудительное терпение. А вот манера выжидать, так или иначе добиваясь цели, – это точно его.

У Кина непростой противник!

– Вы бы предпочли, чтобы мы их поймали и вернули на станцию для продолжения эксперимента? – продолжил мужчина. В душе крепла уверенность – вот он, серый кардинал эксперимента с эдаити. – Или уничтожили, полностью, скрыв даже малейшее напоминание на существование амиотов? Если первое, вы готовы продолжить начатое и сотрудничать с нами, став посредником между ними и военными?

Вот оно! Наши взгляды встретились. Что, происходящее в глубине души пожилого мужчины, сейчас отражали его глаза? Не надежду же?

Он таким образом давал мне понять, как меня будут использовать? Что будут – это очевидный факт.

– Не знаю... – ответ сорвался с губ раньше, чем я обдумала его всесторонне. Доверия к недавним коллегам не было.

Гибель? Я точно не желала этого! Но и участи лабораторных мышей для эдайти не хотела. Смогла бы остаться рядом в таком случае, стремясь хоть как-то поддержать в этом жалком существовании? Нет, я бы просто не выдержала, разрываясь между долгом и потребностью способствовать их освобождению. Но третьего пути нет. Именно это сводило с ума, заставляя тревожиться о Кине и его собратях.

– Вам ведь повезло, – кивнув с понимающим видом, словно знал, о чём я думала, вдруг сменил тему собеседник. – Вы выжили, смогли продержаться в смертельно опасных условиях планеты до нашего появления. Вернулись к своим... Значит, вопрос времени, когда окажетесь дома. Снова наступит нормальная жизнь, а ужасы пережитых испытаний со временем померкнут. Для нескольких сотен погибших на станции при побеге амиотов подобное невозможно. Вы же хотите вернуться к своей жизни?

Игерь твердил, что его единственная цель – вернуться к нормальной жизни. Ради этого он отчаянно рисковал, сделал всё, чтобы осуществить свой нереальный план. Он под таким давлением обстоятельств и постоянной угрозы со стороны эдайти сумел отправить призыв своим. Если вдуматься, безумно рискованный поступок, какое-то запредельное проявление мужества и стойкости. Он отчаянно и вопреки всему желал вернуться домой...

Почему я не думаю об этом же? Я что, ненормальная и не понимаю, что надо стремиться оказаться как можно дальше от жутких монстров, за секунды высасывающих жизнь из мне подобных? Не понимаю, что для меня жизнь на этой проклятой планете невозможна? Ведь не будет же Кин до конца дней держать меня подле себя? Мало ли какие случайности возможны – и тогда ультразвук убьёт меня не намного медленнее, чем это сделал бы эдайти.

Где ответ? Я сошла с ума от пережитого? Или... правда в том, что мне не к чему возвращаться? У меня нет и никогда не было дома, нормальной жизни в понимании штурмана и кого-то, кто действительно дорог?..

Говорят, дом там, где близкие, где живёт твоё сердце. Как так получилось, что мне ближе и важнее всех во вселенной стал Кин? Непонятный, чуждый, пугающий и одновременно успокаивающий душу эдайти?..

Сумасшествие!

Распахнув инстинктивно зажмуренные глаза, я встретила изучающий, в чём-то даже отрешенный и холодный взгляд незнакомца. В той же расслабленной позе он наблюдал за мной, в глубине его глаз плескалось понимание. Он наверняка знал, что является моей слабостью, с абсолютной точностью нащупал мою болевую точку...

Со мной беседовал профессионал, способный читать людей словно открытые книги. И этот факт очень тревожил: что он понял из того, о чём я и себе признаться страшилась? К чему были эти его странные вопросы, что он пытался нащупать в моих мыслях, выстреливая невероятными заявлениями и наблюдая за моей реакцией?

Свои чувства скрывать мне не всегда удавалось.

Сотрудничество? Что они предлагают мне? И только ли добровольно или, откажись я, заставят? Здесь для них я лишь средство достижения цели.

Что до амиотов, то я достаточно видела на станции и ничуть не меньше после побега, чтобы осознать: абсолютно никто и никогда не отводил им участи... равных. Какое сотрудничество? Это смешно!

Слепое орудие уничтожения, бессловесные и бесправные рабы, обязанные лишь подчиняться и уничтожать заданную им цель. Вот и весь их удел и предназначение, самоощущение и восприятие сознания эдайти никого из создателей телесных оболочек для амиотов не интересовало. Орудие, способное усилить нашу цивилизацию, которая им и будет управлять... Не к этому ли клонил глава миссии по созданию амиотов, говоря о слабости нашего вида?

– Домой? Мне в это уже не верится, – призналась честно, не скрывая горечи. Казалось, между мной и реальной жизнью не миллионы световых лет, а непреодолимая пропасть из недоверия к своим и нежелания продолжать такое существование. – Что до амиотов, то... эксперимент же провалился? Лаборатория разрушена...

– Ошибаетесь, – незнакомец смотрел на меня слишком странно, в чём-то даже кровожадно, словно обдумывал идею скормить меня

хищникам по кускам. – Всё обратимо.

У него точно возникли планы на мой счёт. И хорошего ждать не приходилось...

– Да зачем они уже вам?! Ну сбежали, что с того? Их всего жалкая горстка. Я не верю, что вы считаете возможным их ещё использовать, не после того, как они вырвались на свободу. Проявите милосердие! – не выдержав, я взмолилась, слишком задетая за живое, действуя эмоционально, а значит, заведомо напрасно. – На этой планете амиоты никому не причинят вреда, а улететь с неё не смогут. Просто оставьте их здесь – сами сдохнут.

Но мой собеседник медленно покачал головой из стороны в сторону.

– У нас на амиотов другие планы, – тонко улыбнулся он, словно подводя итог разговору со мной. – Без них войну не выиграть.

– Какую войну? – опешила я, с чувством обречённости откидываясь на спинку стула. – Разве мы сейчас с кем-то воюем?

Пугающий незнакомец не мог называть так преследование эдайти. При всех их возможностях о войне и речи идти не может.

– Нет, но всё к этому идёт. А без амиотов в этих самых усовершенствованных телах нас ждёт поражение. Они единственные, кто способен уничтожить одновременно и физическое тело, и заключённую в нём энергетическую сущность. А наш потенциальный враг именно таков. Тем и страшен. И для нашего обычного оружия практически неуязвим. Только тс-с... – он приложил палец к губам, понижая голос. – Ты ведь понимаешь, что это секретная информация. И проект тоже.

Несколько секунд я ошеломлённо молчала: мне сейчас раскрыли истинную причину создания амиотов? Намечается враг, что сочетает в себе две сущности – материальную и нематериальную?

А ведь мужчина даже на ты перешёл, чтобы показать, насколько велико его доверие, которое я, несомненно, должна оценить. Рот его вновь надломилась улыбка. Только вот у меня мысли были совсем иные.

– Вы выбрали странный способ сделать амиотов союзниками. Пленили, ставили над ними опыты, издевались, теперь вот преследуете и стреляете, а не ведёте переговоры и не пытаетесь объяснить по-хорошему или установить контакт...

– Не твоего ума дело, рядовая! – не выдержал и оборвал меня вчерашний полковник, стукнув костлявым кулаком по столу и вмешавшись в беседу.

– Спокойнее, – одним взглядом утихомирил его тайный кукловод, дёрнув за незримые ниточки. – Девочке просто хочется разобраться, она запуталась и не понимает: кто прав, а кто не совсем. Верно, Троя? Ну вот, – как-то даже ласково продолжил, когда я кивнула. – Мы всего лишь приучаем их к жестокому миру, в котором им предстоит существовать. Максимально быстро. У нас не так много времени. А амиотам считать нас союзниками или друзьями вовсе не нужно. Они должны всех ненавидеть. Люто. Яростно. Бескомпромиссно. Тогда нашего противника, который столкнётся с оставленными на переднем крае обороны амиотами, ждёт страшная участь.

– Противника?!

Я что-то пропустила? Он уже второй раз намекает на какую-то назревающую войну.

– Некие колонисты, – видимо решив, что, сказав «А», надо говорить и «Б», сообщил мой «откровенный» собеседник. – Раса, с которой мы столкнулись в галактическом рукаве Персея, когда отправили в космос первую межзвёздную экспедицию. И немного с ними... не ладили. С тех пор стало ясно – столкновение с колонистами неизбежно. Вопрос лишь в том, как скоро это произойдёт. И будем ли мы к этому готовы.

– Но амиотов же так мало, – опешила я от такого поворота событий. – Вы настолько уверены, что этого количества хватит и они справятся... там, на рубеже?

Та самая змеиная улыбка скользнула по губам моего собеседника.

– *Сейчас* мало, но... – мужчина сделал ударение на первом слове и многозначительно подвигал бровями. – Мы ведь не просто так оставили в гибридных телах, которые получили амиоты, способность к размножению. Надеялись, что к моменту нападения их станет больше. Намного больше. Если бы эксперимент шёл своим ходом.

– Они и их потомки вам нужны лишь как пушечное мясо? – возмутилась я, проникнувшись участью Кина и его собратьев. – Вы их бросите в эпицентр боя, не заботясь ни об их желаниях, ни о морали, ни о том, что с ними будет после сражения?

– Ну, какая забота или человечность, Троя? – неподдельно удивился истинный зачинщик всех проблем эдайти. – В глобальном масштабе такими категориями не рассуждают. Жалость к кому? К тем, кто едва не уничтожил половину галактики? С чего бы? Пусть хоть таким образом компенсируют причинённый вред... Помнишь о прежней войне? Ты была маленькой, но историю же учила. Знаешь о тех, кто был нашими врагами? Кстати, о врагах: тебе тоже нужно реабилитироваться. Чем ты занималась в плену, почему не погибла – одна из множества? Теперь должна доказать свою лояльность и верность земной Конфедерации и Содружеству планет, чтобы вернуться к нормальной жизни. Ты ведь этого хочешь?

Хочу? Опять он об этом!

Я зажмурилась, до боли впиваясь обломанными ногтями в ладони. В мыслях всё больше крепло понимание: не хочу! Ни прошлой – бесцветной и бесполезной, ни будущей... такой же. Кажется, единственное время моего существования, когда я действительно жила – дышала полной грудью, позволяя себе любые эмоции и чувства в максимальном их спектре от лютой злобы до невыразимого облегчения, я провела в плену... рядом со своим похитителем.

Только Кин смог «разбудить» меня: на удивление тот, кто и сам не подозревал о чувствах, смог пробудить их во мне. Поначалу – ярость, ненависть. Позже – сочувствие, понимание. И наконец – доверие, уважение... Желание... Или даже больше...

Вспомнив свою реакцию на его поцелуи, признала: треклятый эдайти стал мне важен. Значим? Дорог?

Я не просто не желала ему гибели, я жаждала спасти его. Поэтому решила, что сотрудничать со своими не буду – наверняка за этими громкими словами лишь одно: сделать меня приманкой для эдайти.

Нет, вредить Кину есть право только у меня!

А после? Как я и предупреждала Игеря, лишние свидетели никому не нужны? В таком «особенном» проекте тем более – нет уверенности, что мне позволят добраться до той самой прошлой жизни. Слишком двуличен мой собеседник, слишком умён!

– Нет.

– Что? – теневой представитель службы безопасности Конфедерации поднял левую бровь, явно не ожидая подобного ответа.

Обернулся к полковнику, в глазах которого наверняка читалось: «Ну я же говорил...» Остальные военные тоже зашевелились, в недоумении поднимая головы и обмениваясь взглядами. Все присутствующие предполагали несомненное согласие как единственно возможный выбор? После встряски накануне и неоднозначной «доверительной» беседы сейчас?

К чести моего собеседника, он быстро взял себя в руки, хотя мог бы и вспылить подобно другим, и спокойно предупредил:

– Подумайте как следует. Это единственный шанс и моё последнее предложение.

– Нет.

Для себя я всё уже решила: способствовать поимке Кина не стану. Остальное не в моих силах, но хотя бы... я поступила честно. Не стала лукавить и юлить, не захотела сделок с собственной совестью. Расплата? После того, что я уже испытала, сложно напугать меня даже смертью.

Лучше быть уничтоженной мстительными военными, чем потом всю оставшуюся жизнь испытывать запоздалое раскаяние. Даже если жизнь моя будет совсем недолгой...

– Что ж... – пугающий представитель ведомства безопасности замолчал. Задумчиво уставился на моё лицо, словно паук, в паутине которого запуталась несговорчивая муха, и он теперь решал, как именно её съесть. Я точно выбилась из общей массы, продемонстрировав преследователям самую невероятную реакцию из возможных. Думал ли он сейчас о причинах, побудивших меня отказаться и предпочесть интересы амиотов своим?.. – Так тому и быть, – после значительной паузы, когда в штабной палатке повисла напряжённая тишина, мужчина поднялся, давая понять, что разговор окончен. – Троя, мне искренне интересно было поговорить с вами, но терять время возможности нет, как и дожидаться вашего согласия. Вы в наших руках, следовательно наше право использовать вас по собственному разумению. На этом всё. Постарайтесь справиться со своей ролью достойно.

Улыбнувшись довольно загадочно, но без какого-либо намёка на теплоту во взгляде, он отвернулся, явно потеряв ко мне всякий интерес. Мне же пришлось сделать пару глубоких вдохов, осознавая

суть сказанного: чихать они хотели на моё согласие! Или на несогласие...

С чувством ошеломления проводив мощную фигуру недавнего собеседника взглядом, испытала двойственное ощущение: а человек ли он?.. Что-то в нём насторожило. Толком сама не поняла, но опыт общения с эдайти сделал своё дело – интуиция вопила: с этим субъектом всё не так просто.

Зачем он завёл со мной этот разговор, зная, что всё предрешено? Желал узнать получше, стремился выяснить что-то конкретное или... просто составил собственное мнение о моей случайной персоне? Почему-то я осталась с парадоксальным ощущением, что этот серый кардинал из лагеря преследователей эдайти доволен! Мной, нашим разговором, даже моим выбором...

– На выход, – обрывая мои судорожные мысли, в плечо толкнули недавние конвоиры, подводя окончательный итог встречи.

И разговор, и этот обещавший беззастенчиво использовать меня незнакомец оставили в душе осадок – казалось, у сегодняшних событий есть неведомая подоплёка, которую я, увы, не уловила...

Не знаю, как планировали меня использовать военные, – в этом планы полковника и компании остались неведомыми. Если бы я согласилась – мне бы о них поведали? Впрочем, наверняка завесу тайны я приоткрою самолично.

Смену стратегии явившего мне себя кукловода, с деловитым вниманием принявшего мой отказ, я немедленно испытала на собственной шкуре, вновь прочувствовав всю ту степень безразличия и бесцеремонности, с которыми обращаются разве что со... смертниками.

Никто меня больше ни о чём не спрашивал, даже взглядов пристальных не кидали, как если бы я в одно мгновение утратила всякую значимость, превратившись в кусок подпортившегося позавчерашнего мяса.

Руки, заведя за спину, сковали наручниками, на шею надели тот самый энергетический ошейник, который обеспечивал послушание амиотов, когда те были подопытными на станции. Одежду не тронули, но, честно говоря, я уже была бы рада сама от неё избавиться – заскорузлая, как корка, от грязи и пропитавшей ткань засохшей крови куртка раздражала. Брюки от скафандра перенесли испытания и

остались в лучшем состоянии, но и они были не первой свежести. Радовали только ботинки – неубиваемые, рассчитанные на самые жёсткие условия эксплуатации.

Вот только помочь сбежать или облегчить мою участь они, увы, не могли. Разве что ответственно удерживали от падения, когда меня, затащив практически за шкурку в недра одного из транспортников, втолкнули на скользкую платформу – гладкое металлизированное покрытие делилось на квадратные секторы пересекающимися между собой выступами.

Куда они меня тащат? Почему не вернули к Игерю?

Вопросы возникли в голове ещё в момент, когда меня волоком тащили по территории, закрытой защитным энергетическим куполом. Мельком, в какой-то момент приподняв голову, я заметила штурмана, что всё так же сидел между столбами за завесой из мутной плёнки и с ужасом во взгляде наблюдал за происходящим.

Едва конвоиры отступили, швырнув на подложку из прочной скользкой поверхности, я попыталась идентифицировать эту основу под ногами.

Что это за конструкция и в чём её предназначение, я могла лишь предполагать. Эта «подложка» находилась в грузовом отсеке транспортника! Мне предстоит перелёт?..

Попытавшись выбраться за её пределы и соскочить, я выяснила: невозможно. Не позволял ошейник. Он ярко вспыхивал и нагревался, грозя сжечь мне шею и голову, едва я делала хотя бы шаг в сторону от центра платформы.

Поверхность под ногами завибрировала, накрывая меня волной осознания: транспортник взлетал. Куда? Зачем? Ответов не было, но ощущение надвигающейся беды крепло.

«Кин! – Отчаянный мысленный вопль вырвался сам собой. – Если ты жив и слышишь меня... Пожалуйста, будь осторожен!»

Сейчас это было единственное, чем я могла помочь мужчине, чью значимость для себя осознала так внезапно. Но желала ли я встречи? Нет! Я её страшилась больше всего...

«И не ищи меня! Нельзя...»

После получаса жуткой тряски в закрытом грузовом отсеке створки пола без каких-либо предупреждающих сигналов разошлись в стороны – платформа рухнула вниз. Одновременно и всё моё нутро

словно оборвалось. Сердце ушло в пятки, и я точно... обмочила штаны. С диким неконтролируемым визгом, из последних сил судорожно напрягая ноги, схватилась за единственное, что можно было использовать в качестве опоры, – тонкие трубы, поднимавшиеся на несколько сантиметров над поверхностью платформы и разделяющие её на квадраты.

«Ма-а-а-амочки...»

Падение в бездну... Очевидно, в своей жизни я испытала ещё не все ужасы.

От жёсткого удара о землю платформу, а меня от участи обезглавливания, когда среагировавший на кувырок тела ошейник сожжёт шею, спасла воздушная подушка. Подняв тучу песка, она аккуратно опустила конструкцию, позволив мне удержаться в её центре. Когда пыль осела, а я отдышалась, перестав захлёбываться воздухом, транспортника над моей головой уже не было – он ушёл в сторону и завис рядом с верхушками столпоподобных кристаллов на границе леса.

Неловко из-за дрожащих от напряжения ног, едва ли в полной мере ощущая своё онемевшее от удара о поверхность планеты тело, я развернулась кругом, присматриваясь к окружающему миру. Парализованное только что испытанным ужасом сознание с трудом реагировало на сигналы внешней среды. Пришлось несколько раз с усилием сжать веки и вновь распахнуть глаза, потрясти головой, прежде чем я начала толком видеть и слышать. Сердце всё ещё стучало в груди как ненормальное. Только тогда я поняла, что нахожусь с другой стороны леса, на холмистой равнине, там где...

Где была последняя стоянка амиотов!

Теперь это место выглядело совсем иначе... Изрытая глубокими воронками земля, покрытая трещинами почва... Несомненное поле боя. Страшное свидетельство жестокости и целеустремлённости, с которыми военные пытались вернуть тех, кого не смогли удержать и не научились контролировать.

С трудом сглотнув сухой ком, что встал в горле, я замечала новые и новые следы безжалостной расправы. Знал ли этот мир прежде такое губительное воздействие? Сумеет ли планета восстановить практически выжженный фрагмент собственной территории?

Но...

С каждой секундой всё быстрее крутя головой, я страшилась увидеть и одновременно с неизбежной обречённостью искала другое... Тела! То самое последнее свидетельство победного преследования амиотов.

Тел не было.

Как ни всматривалась, я не увидела даже фрагмента совершенных оболочек эдайти...

Их... Их всё же поймали?..

Горечь затопила душу: всё зря. Кин пленён. Я же... обречена.

Намеренно, в знак наказания оставлена здесь до... ближайшего появления розового светила? Такие мысли пришли в голову. Мне предстоит погибнуть жуткой смертью, а ему... Ему предстоит прожить жизнь, наверняка куда худшую, чем любая смерть. Для эдайти. Какой бы короткой она ни была...

– Троя!

Громогласный, мгновенно узнанный и такой невероятной силы рёв, прокатившийся над долиной, заставил подпрыгнуть на месте. Сердце совершило кульбит, грозя выскочить из груди. Распахнув склеенные слезами веки, я со скоростью света обернулась на зов.

Беглецы стояли на одном из дальних холмов – я не видела лиц, но не узнать статные и, как на подбор, мощные фигуры эдайти на фоне горизонта было невозможно.

Живы?!

Одуревшее от облегчения и счастья сердце снова неистово заколотилось о рёбра. Да, живы!

Но...

Взгляд, чуть сместившись, поднялся выше. В тысячный раз за сегодняшний день обмирая от ужаса, я увидела зависшие над ними штурмовые корабли. Они фактически окружили «добычу». Ведь это была настоящая и безжалостная охота на недавних пленников.

Мне предстоит стать единственным зрителем падения амиотов? В этом суть расплаты, уготованной военными?

Ноги подкосились – я рухнула на колени, каждый миг ожидая смертоносного залпа.

Однако штурмовики не атаковали. Нет... Больше походило, что они чего-то ждали.

Я снова посмотрела на эдайти и... и всё поняла, осознав коварство замысла военных. Как и собственную роль в нём, уготованную мне недавними коллегами. Я просто... приманка.

От неспособности хоть что-то изменить стало плохо. Слёзы хлынули из глаз – я не думала о самоконтроле и сдержанности. К чему? Сердце разрывалось от муки, видя усилия, что прилагает Кин, стремясь ко мне. Оно оплакивало этого странного мужчину, ставшего самым дорогим во вселенной...

Глава 10. Освобождение

Кин

«...ив и слы...»

«...уйста, бу...»

«...щи меня! Нел...»

Троя?!

От неожиданности осознания я замер, блокируя иные источники сигналов и сосредоточиваясь на том, единственном, которого не ждал. Толща земли над подземным лабиринтом так удачно обнаруженных пещер, которые мы изучали и одновременно осваивали, не мешала воспринимать происходящее снаружи. Однако голос Трои по-прежнему рвался, видимо из-за близости кристаллического леса, разросшегося над экранирующей породой. И потому воссоздать полную картину происходящего было сложно.

Послушное тело действовало в синхронном ритме, получая информацию об окружающем пространстве с помощью имеющихся у него органов чувств. Но при мысли о Трое и оно начало сбоить: сердце забилось быстрее, дыхание участилось, слух и вовсе подвёл, перестав доносить до меня шорохи шагов собратьев. И моя оболочка, и моя сущность сейчас концентрировались на одном – звуке голоса добычи.

Но почему я вообще слышу её? Ведь женщина должна быть в зиянии со Щегом, Риш и другими. Но нет... она определённно в одном со мной временном пласте, раз до меня долетают обрывки её мыслей.

Несомненно – что-то пошло не так, раз я её слышу...

«Враг активизировался, – в тот же миг сообщил Риз, укрывшийся наверху как наблюдатель. – Огибая лес, к равнине движутся два транспортника. Их сопровождает шесть штурмовиков».

Предсказуемо – розовое светило только что ушло за горизонт, а голубое вот-вот готово взойти. Мы были готовы к этому. То есть я был готов ко всему, кроме вот этих внезапных мыслей моей добычи, которые обрывались на полуслове, не позволяя вычленить смысл. И самое главное – не давали возможности сориентироваться и определить местоположение Трои.

Почему я слышу только её и нет никаких признаков присутствия собратьев? Что с группой, которая должна была укрыться в зиянии?.. Её одну или их всех захватили преследователи? Другой версии у меня не возникло.

«*Поднимаемся на поверхность!*» – краткий приказ, и все эдаити без мысли о протесте следом за мной и Оршем покинули подземные укрытия, в которых провели ночь.

Самую напряжённую ночь с момента аварийного приземления на планету. Пусть с вечерним появлением розового светила преследователи отступили, но мы продолжали контролировать происходящее снаружи. Окружающая темнота и прохлада подземных полостей этому лишь способствовали – не на что было отвлекаться.

Мы не испытывали особенной надобности в дополнительной защите, но приняли решение воспользоваться этими странными полостями. Постоянное движение, когда час за часом приходилось бы уворачиваться от выстрелов на поверхности, не было особой проблемой при скорости наших тел, тем более когда есть возможность мгновенного коллективного общения, а те из нас, кому она недоступна, в безопасности в зиянии. Но на непрерывное движение тратится много энергии, а нам необходимо было её сберечь. Этот момент новой материальной жизни пришлось учитывать, ведь возможности спокойно добыть пищу и восстановить потенциал оболочек может долго не подвернуться.

Поэтому мы дружно решили использовать полости: на эту ночь исключительно как временное укрытие, а в дальнейшем как объект для изучения. Очень уж любопытным оказался этот подземный лабиринт. Укреплённый, с несколькими дополнительными выходами кроме того, которым мы воспользовались первоначально.

«*Стены гладкие...*» – пришла невозмутимая мысль Орша.

Прежде чем устремиться на поверхность, все мы на доли мгновения сосредоточили внимание на подземной пещере – одной из нескольких, уходящих в недра планеты. Подобно Оршу, прежде чем сделать шаг к выходу, я коснулся ладонью ближайшей стены, инстинктивно направляя небольшую волну энергии – привычка прощупывать всё сознанием эдаити осталась в нас и с обретением материальности.

Да, гладкие стены – об этом сознанию сообщили рецепторы кожи, отреагировавшие на соприкосновение. Что до энергетического щупа...

«Несинхронная вибрация», – подобно собратьям, уловил я резонирующий отклик на свою поисковую волну. И они тут же дополнили:

«Множественная пульсация».

«Похоже на жизненную энергию?..»

«Глубже...»

Мимолётом, сосредоточенные на происходящем на поверхности, мы просто отметили этот факт: что-то есть в недрах подземных пещер под нами. Что-то, обладающее жизненной энергией. Что? Возможно, очередные подземные «горы»? Или «черви»? Сейчас важнее было сосредоточиться на происходящем на земле. Ведь там находилась Троя!

Оказавшись на холме, мы рассредоточились, занимая позиции, удобные для возможной атаки или манёвров уклонения. Воздух, ставший холодным за ночь, осыпал нас белыми крупинками, которые Троя назвала «снег». Пора ультразвука прошла – розовое светило закатилось за горизонт, а голубое готовилось взойти. Небо, всё ещё тёмное, медленно светлело – по суточным ритмам этой планеты скоро наступит полноценный день.

Вопреки ожиданиям, враг нападать не спешил. Штурмовые корабли неподвижно висели, расположившись между нами и транспортниками, замершими над относительно ровным, открытым пространством между двух холмов. Место отлично просматривалось с возвышенности, на которой мы расположились.

«Что они делают?» – высказал общее наблюдение за манёврами противника Хем. Казалось, что враги потеряли всякий интерес к месту, где мы укрылись.

Оба транспортных корабля, как и накануне, опустились практически до земли. Один из них раскрыл нижний люк и сбросил вниз платформу. Ту самую, готовую трансформироваться в энергетические клетки, – мы все без труда опознали это устройство.

«Опять?» – выразил общее недоумение Зак: всех нас повторение вчерашнего насторожило.

«Противник не понял своих ошибок?» – удивился Шох – *Мы ведь уничтожим эту платформу так же легко, как те, что были*

сброшены вчера».

«Они повторяются, – обобщил наши наблюдения Орш. – Это или признак глупости, или новая ловушка, замаскированная под старую, в расчёте на то, что мы её не разгадаем?»

«Вероятнее второе», – решил я и замер, вновь уловив близкое присутствие добычи.

«Ой, мамочки!» – резанул по сознанию панический вскрик Трои.

В тот же миг из недр второго транспортного на землю рухнула ещё одна платформа. А на ней, в самом центре, окружённая вихревыми потоками готовой вырваться из недр платформы энергии, скрючилась Троя.

Отличное зрение наших новообретённых тел позволяло мне и на таком огромном расстоянии отчётливо видеть малейшую черточку на побелевшем и искажённом диким ужасом лице женщины. Её губы двигались – Троя кричала!

Ей больно?! Тело дёрнулось – потребность оказаться рядом с добычей возобладала до того, как я понял: ей, скорее, страшно.

«Что с остальными? – Ладонь Орша опустилась на плечо. Я чувствовал напряжение, с которым он всматривался в моё лицо, зная о моей способности «слышать» добычу. – Риш?..»

Вот! Непривычная черта материального существования – мы стали выделять объекты, имеющие для нас особое значение. И во всех случаях это были... женщины! Ну или эдаити, но неизменно антиподы по полу – в женских оболочках. Закономерность?

«Не слышу других...» – молниеносный ответ собрату.

Действительно: помимо моей добычи, никого из группы Щега не было. Почему?!

«Их всё же поймали?.. Нет! Живы!» – уже совершенно отчётливо донеслись до меня мысли Трои.

Женщина осознала наше присутствие. Увидела, поначалу вытянувшись на дрожащих ногах, всматриваясь в нашем направлении, затем рухнула на колени с каким-то мученическим полустоном-полукриком...

Опережая намерения сознания, моё тело исторгло громогласный рык, разнёсшийся по округе:

– Троя!

– Кин!

Вскрикнув в ответ, она немедленно поправилась, доподлинно не осознавая возможностей острого слуха, присущего нашим телам. Я услышал её, хотя слышать её мысленно было куда удобнее. Особенно сейчас, когда смятение и хаос из чувств и мыслей крайне усложняли понимание – женщина очень сильно переживала?..

Почти мгновенно я понял: из-за меня!

«Кин! Стой! Все вы – стойте, это ловушка. Меня сделали приманкой, они хотят... поймать вас, снова засадить в энергетические клетки, едва вступите на платформу... – Всё это залпом выстрелило в её сознании. Мысли метались так стремительно, что даже я с трудом успевал их фиксировать. – Вот гадство! – Было похоже, что добыча ругает себя. – О чём думаю?! С чего решила, что они пойдут? Должна первым делом пояснить про других амиотов. Кин? Их нет, они не с нами. Только я и Игерь попались, – она снова ругнулась в своих мыслях. – Вернее, сами пришли...»

Всё это, безусловно, имело значение: чем больше мы могли получить информации о действиях противника – тем лучше. Но состояние Трои мне не нравилось: зачем она так изнашивает своё тело, доводя себя фактически до иступления? Жертвует собой... ради меня?..

«Риш и другие – в зиянии, они выполнили всё в точности, как ты говорил. До них не доберутся, поэтому не подходите ко мне! Это ловушка! Ловушка!»

Последнее Троя мысленно почти вопила, повторяя на все лады. Всё полезное из сумбура мыслей добычи – новости о братьях – я мгновенно ретранслировал Оршу и другим.

Появление Трои оказалось внезапным и несвоевременным – её присутствие усложняло наши манёвры, меня так и вовсе ослабляло, принуждая растрачивать время и энергию на защиту добычи. Это выбивалось из стратегии, что мы для себя выбрали: пока лишь уворачиваться, по возможности избегая прямых столкновений с противником, но, наблюдая и оценивая их возможности, вынуждать их тратить ресурсы. Условия планеты подходят нам больше, значит, измотать и ослабить преследователей – предпочтительнее. Логично было отталкиваться от этой данности. До того момента, когда я уловил близкое присутствие Трои...

«Кин, что ты творишь?! – Женщина заметила наши манёвры, имеющие целью приблизиться. Даже в мыслях её волнами растекался страх. – Проклятье! Не иди за мной! Не ко мне!»

Да, очевидно, что преследователи, желая навязать нам свою линию действий, задумали что-то, чтобы переломить ход событий. Сделав Трою приманкой, они угадали. Впрочем, случайности неслучайны: очевидно, что они руководствовались моим интересом к женщине. Откуда у них это знание? Игерь сказал?

Мы издали изучали капкан, готовый захлопнуться и отрезать нас от свободы. Были словно на ладони... Но всё это время штурмовые корабли, зависшие в неподвижности, сохраняли прежние позиции.

Выжидали? Чего же?

Я не понимал. Никто из нас не понимал. Единственный способ выяснить – проверить всё самостоятельно.

Атака, попытка уничтожить, загнать в угол или ту самую ловушку, о которой пыталась сообщить мне Троя, – это было бы логично и объяснимо. Но противник не торопился, словно точно знал – мы тоже не станем действовать, пока не проясним их намерения.

Оповестил он о них способом для нас необычным: между двумя кораблями развернулся голографический экран.

Возникшее на экране изображение меня не впечатлило – ещё один представитель чуждого нам мира. На фоне покрытой недавними взрывами дикой равнины это техногенное послание преследующей нас цивилизации смотрелось неуместно. Когда же незнакомец заговорил...

– Мы знаем, что вы нас понимаете. Поэтому рекомендую сначала меня выслушать, а потом действовать, иначе последствия могут оказаться не такими, на которые вы рассчитываете.

Совсем короткая пауза, видимо, чтобы убедиться – мы готовы его дослушать, и продолжение:

– Мы дали вам эти тела, без которых вашей участью был бы вечное забвение в плену «сырой» энергии. Мы же можем и лишить вас их! Вчера один из ваших братьев погиб. Это наглядный пример того, что вы уязвимы. Этого достаточно для демонстрации наших возможностей? Или может точно так же погибнуть пленница, которую вы захватили на станции. А когда из зияний появятся женские особи – а рано или поздно им придётся это сделать, – мы уничтожим и их. Исход predetermined, любые ваши попытки сопротивляться – лишь

небольшая отсрочка. Горстка амиотов не сможет противостоять сразу нескольким цивилизациям. Но нам не нужны лишние жертвы. Если вы сейчас без сопротивления спуститесь с холма и зайдёте в клетки, то все останутся живы. Наша цель – не уничтожение.

Усиленный техникой голос разносился над округой, я неожиданно осознал, что из груди моего тела вновь рвутся наружу странные раскатистые звуки. Вовсе не такие мягкие, которыми организм реагировал на близость Трои. Иные – жёсткие, резкие, не предвещающие ничего хорошего тому, кто сейчас окажется рядом.

Приходилось сдерживать привычную потребность сущности эдайти сокрушить противника, втянув в себя всю его жизненную энергию. Разум подсказывал: сейчас нет поблизости доступных объектов для подпитки наших сил. Минус ограничивающего и сдерживающего эффекта привязки к телам, увы.

– Обдумайте, мы даём вам немного времени. Но помните: единственный шанс для вас жить – это подчиниться.

Вот почему они не атакуют: важно пленить нас живыми.

«Он искренне верит в это? – презрительное замечание Орша на последнюю реплику зазвучало в наших головах. – Что мы ради пленницы войдём в клетки? Добровольно вернёмся в плен? И что исход предопределён?»

Безусловно, такой лёгкости в осуществлении планов мы преследователям не обеспечим. Скорее уж наоборот, будем противостоять им бесконечно долго, не способные оценить чужую логику.

«Они сделали выводы из нашего побега и вчерашней атаки, – спокойно констатировал я, мысленно примеряя к ситуации разные варианты развития событий. Для меня вопрос о том, нужно ли вернуть свою добычу или нет, даже не стоял. – Действуют на дистанции, не подпуская к нам тех, кем мы сможем восполнить растраченную энергию. А атакуй мы – это случится неизбежно».

«Возможности для нападения у нас нет – слишком высоко корабли, мы не способны летать и не доберёмся до них, – возразил Шох. – Не похоже, что сегодня будет наземная атака. Если хотим выманить их на поверхность – лучший вариант уходит вглубь подземных пещер. Если заполучить нас так важно – они пойдут следом».

Шох размышлял верно. Но я был намерен уйти с Троей – другого варианта просто не было в моём сознании. Собратья улавливали этот вектор, но пока не комментировали, ожидая разъяснений.

«Они угрожают и эдайти в женских оболочках!» — Зак отметил момент, особенно значимый для всех.

«В этом есть опасность, – согласился Орш. – Судьба укрывшихся в зиянии непредсказуема: где и когда они вернутся, мы доподлинно не знаем. Если врагу повезёт оказаться в нужном месте в нужное время, это приведёт к неизбежному столкновению».

Собрат, конечно, думал о Риш. Шансы эдайти в менее функциональных женских оболочках при контакте с преследователями значительно ниже. Но рассуждать о неведомом и гадать о том, что только может быть?.. Нет, мы так не умеем.

«Как почувствуем их, так и решим, каким образом действовать. Щег и другие тоже мгновенно ощутят близость врага и не станут лёгкой добычей», – выразил общее мнение Шох.

Мысли между нами вспыхивали и исчезали с такой скоростью, что вряд ли незнакомец, чье обращение нам транслировали, успел перевести дух. Непрерывные мысленные вопли Трои – *не верьте им, оставьте меня, уходите сами*, – я и вовсе игнорировал, отмечая как фон и подтверждение её текущей жизнеспособности, больше сосредоточенный на диалоге с эдайти. Решение по моей добыче было принято сразу, едва я ощутил её рядом, и обсуждению не подлежало.

Знал, что собратья поймут, пусть пока лишь с толикой недоумения отмечают моё целеустремленное желание вырвать Трою из плена. Потому подтвердил:

«Да, на данный момент они в безопасности. Но мою добычу заберём с собой. Она тоже часть нашей группы... – Я заблокировал общее восприятие, адресуя последнюю фразу исключительно Оршу: – Как Риш!»

Для всех нас этого было достаточно: если кто-то признавал пленницу частью общности, остальные принимали это – так происходит в нашей многомерности с новоявленными сущностями, таким оно останется для нас и в мире, куда мы попали. Признав среди своих значимость для меня Трои, я немедленно расположил к ней всех эдайти.

Сомнений у собратьев не осталось: раз одному из нас необходимо вернуть добычу – другие помогут. Так рассуждал бы и я на их месте. План того, как именно действовать, уже оформился в моих мыслях. Эдайти погрузились в оценку и распределение функций, принимая на себя свою зону ответственности: каждый из нас знал, что необходимо действовать сообща, во всём поддерживая других. Нельзя получить оптимальный результат, если нет слаженности и согласованности. А потому...

Потому мы начали действовать: разделились на две группы, которыми привычно руководили мы с Оршем, и начали спускаться с холма.

Утренний холод отступал, сменяясь дневным зноем. Двигались мы не слишком торопливо, скорее медленно, желая создать у врага нужное впечатление покорной исполнительности и смирения. Одновременно совершали неявные манёвры, чтобы разделиться.

Восемь эдати во главе с Оршем постепенно стали отставать, делая вид, что ранены, изнурены и не могут быстро идти. Кто-то поскользнулся на клочке мягких кристаллов, кто-то запнулся, преодолевая глубокую рытвину, оставленную взрывом... Неявно, но их продвижение замедлилось.

Остальные, которых вёл я, сохраняли прежнюю скорость, двигаясь к практически беснующейся Трое – женщина то подскакивала на ноги, хватаясь за голову, то плюхалась вниз, закрывая лицо ладонями. А уж как она вопила в своих мыслях...

«Маленькие корабли неотрывно следуют за вами, транспортники начали движение к платформам», – сообщил Риз, оставленный наблюдать за происходящим с вершины холма.

Острой необходимости в его контроле со стороны не было – каждому из нас достаточно бросить сканирующую волну, чтобы в один миг обозреть окружающее пространство. Но... мы берегли энергию. Для реализации замысла её потребуется много. К чему напрасно расходовать, если можно получить информацию об окружающем мире иным, менее затратным способом?

Тактический ход... Наше преимущество – внезапность и непредсказуемость. Враг не сможет просчитать наших действий просто потому, что они не укладываются в его понимание наших возможностей. А когда осознает, будет поздно...

«Кин, что ты делаешь, Кин?! Остановись, умоляю! Не надо! Уходи!»

Беспокойная женщина. Если подумать, её мысли никогда не бывали монотонно-размеренными. Сейчас же в голове Трои, следящей глазами за нашим приближением, нарастала паника. Даже отчаяние? Её мысли мне не нравились: чтобы нас вновь не захватили, она готова... погибнуть?

Слово со столь же загадочным смыслом, как и пресловутое «размножение», но ставшее более понятным после исчезновения Таса из навязанной оболочки. Оно вызывало отторжение и желание упорно противодействовать тому, что могло спровоцировать ту самую гибель Трои. Тело реагировало на это внутреннее состояние, – в горле вновь и вновь рождались перекатывающиеся гортанные звуки. Кажется, я начал догадываться, что они означали: недовольство.

Несмотря на протесты женщины, следовать её советам я не собирался. Она – моя добыча! Конечно, я её не отдам, не позволю украсть или забрать у меня.

Моя группа почти бегом, явственно спеша, первой подошла к платформе. Песок под ногами сменился запылённым искусственным покрытием, под которым скрывались наполненные энергией устройства. Бессмысленная попытка не позволить нам увидеть то, что содержит в себе энергию, даже если это и не живой организм. Когда-то для нас это вообще не играло роли...

– Кин! – едва я шагнул на платформу, обречённо всхлипнула Троя. – Ну зачем? Зачем?!

Она уже не делала попыток дозваться меня мысленно, отбросив намерение утаить наше одностороннее общение.

– Я обещал вернуться.

Глаза добычи ошеломлённо распахнулись, словно бы она не доверяла собственному слуху. Я же, отвечая Трое, одновременно действовал стремительно, чтобы успеть преодолеть разделяющее нас расстояние и оказаться с ней рядом до того, как сработают механизмы, рождающие энергетические прутья, и разделят нас на отсеки так же, как на станции. Важно было оказаться в одной «ячейке» с добычей!

Мои собраты обеспечили мне необходимые для этого мгновения – отвлекая внимание и заставляя противника медлить, они зашли в ловушку кучно позже меня, не одновременно переступив границу

будущей энергетической клетки. Возможно, реакция у того, кто держал руку на пульте управления, запаздывала, или же преследователям важно было заполучить именно всех или пронаблюдать нашу с Троей встречу. Или причиной заминки стало несовершенство механических устройств в сравнении со стремительными рефлексами и движениями созданных для нас оболочек, только мне этого хватило.

– Троя!

Рванул добычу на себя, едва оказался рядом. Сгрёб в охапку, одновременно наблюдая, как под действием направляющего механизма пронзают воздух потоки энергии, формируя непреодолимую преграду и отрезая добровольных пленников от свободы.

Но внешне всё выглядело как полное осуществление планов врага: та группа, что двигалась со мной, оказалась пленена и разделена. Разрознена, разобщена, дезориентирована... Так полагал наш враг. Мы не спешили его разубеждать, покорно замерев там, где нас застали выстрелившие вверх потоки энергии.

– Задушишь, – тихо пискнула Троя.

Я не рассчитал усилия, с которым прижал женщину к своему телу. Её сердце билось в ускоренном темпе, пальцы рук крепко вцепились в мои плечи, взгляд с полубезумной лихорадочностью шарил по моему лицу. Реакция её тела противоречила словам, которые Троя говорила ранее: выходило, что она рада нашей встрече!

– Ты обманывала, – вслух спокойно отметил я очевидный сейчас и возмущивший меня факт.

Добыча, замедленно из-за внезапного ступора, сфокусировала взгляд на моих губах.

– Что?! О чём ты? – она выдохнула и сразу умолкла. Подняла голову и поверх моего плеча со страхом уставилась на медленно надвигающуюся на нас громаду транспортника.

– Когда просила не приходить за тобой, – спокойно пояснил я свои слова, тоже посматривая на корабль.

Вздвигнув, словно кто-то невидимый хлопнул её по затылку, Троя резко переместила взгляд на моё лицо. В её глазах сейчас отражалось то, что я уже научился с лёгкостью узнавать: недоумение и ужас.

– Проклятье! – с нервным смешком, исказившим губы, женщина прошипела мне почти в ухо. – Ты же не можешь говорить это всерьёз?!

«Чёртовы несмышленные младенцы с рефлексами киборгов, которых облапошить – как пирожок съесть», – билась непонятная мысль в её голове.

По всему выходило, что она была и рада, и не рада моему появлению. Как можно такое понять? Как вообще можно испытывать такие противоречивые устремления одновременно?

Не поняв сути её вопроса, я не собирался и отвечать. Неуловимо-гневное сопение Трои, которая явно пыталась совладать со своими страхами и усмирить дыхание, меня совсем не отвлекало. Привычно заинтересованный всем, что касалось поведения моей добычи, и обдумывая возникшую дилемму, я синхронно фиксировал действия и оценивал скорость, с которой вражеская техника опускалась. Транспортнику придётся сесть на поверхность планеты, иначе не поднять платформу с нами, а группа Орша ещё только подходила к расположенной рядом и скрытой пока платформе, двигаясь с отставанием.

«Приготовиться», – предупредил всех эдайти, хотя и знал – сейчас никто из них не позволяет себе отвлекаться. Концентрация на первом месте.

«До контакта с платформой... три... – начал отсчёт внешне запыхавшийся Орш, облегчая нам задачу, – два... один!»

Начали!

Всё свершилось молниеносно. Синхронно. С той же чёткостью, с которой шёл теперь уже прямой, а не обратный отсчёт.

Один...

Троя в какой-то непонятной ярости вскинула взгляд к небу, затемнённому подбрюшьем корабля, мысленно убеждая себя не призывать на головы «первобытных кретинов» – по всему выходило, что этими словами она обозначала нас, – всевозможные кары...

Импульсы от сознания эдайти, что направляли уже в совершенстве освоенные тела, устремились к клеткам, обеспечивающим выработку энергии и обмен веществ в наших оболочках. Невидимая волна жара прокатилась от кончиков ног до макушки, подтверждая готовность к переменам, – все мы приготовились к молниеносному переходу на «ускоренный» режим, когда будем двигаться на пределе скорости, едва заметные человеческому глазу. При побеге со станции военным ещё повезло, что

мы тогда не могли в совершенстве управлять телами и координировать их взаимодействие с сущностью эдайти, иначе там бы вообще никто не выжил...

Транспортник опустился, распахнув створки днища и накрыв собой платформу, на которой мы стояли...

Группа Орша, только и ожидавшая этого, вместо того чтобы покорно ступить на второе устройство-ловушку, молниеносно перегруппировалась. Выпустив наружу сущности эдайти, собратья выплеснули из себя весь свой запас доступной энергии, вливая в накопители, и без того наполненные до предела в ожидании активации...

Мои эдайти поступили так же, атакуя дополнительным потоком силы энергетический каркас ловушки, что пленила нас...

Я, действуя на опережение, страхуясь на случай неминуемой активации, вытянул из ошейника Трои всю энергию, чтобы тут же окружить наши тела защитным коконом. Сам пострадать от волн растекающейся во все стороны силы не боялся, но за добычу опасался – тело женщины куда более хрупкое...

Два...

Обе платформы разорвало в клочья, когда переполненные аккумуляторы взорвались. Взрыв породил мощнейший вихрь, но наши тела успешно противостояли ему. Троя, едва успевшая опустить гневный взгляд вниз, взвизгнула от неожиданности и вжалась в моё тело, настолько молниеносными и непонятными для неё стали перемены. Это оказалось удобным, когда я тут же сорвался на стремительный бег, намереваясь переместить добычу в более безопасное место...

Собратья, и те, кто были с Оршем, и те, кто был со мной, вырвавшись из недолгого плена за контуры разрушенной платформы, бросились внутрь приземлившегося транспортника. Как и намеревались...

Три...

Настолько стремительно, насколько позволяли возможности оболочек, мои собратья рванули на абордаж, атакуя ставший доступным корабль. Абордаж – это слово, возникшее в мыслях ошеломленно наблюдавшей за происходящим Трои, – как нельзя лучше характеризовало захват приземлившегося транспортника.

Последний не сделал и попытки взлететь – те, кто управлял им, снова не успевали реагировать на наши манёвры.

– Граш-ш-ш... – силло выдохнула женщина на моих руках, очевидно только обретя способность говорить, но тут же смолкла, задохнувшись от зрелища прямого столкновения эдаити и её соплеменников. – Ох, нет... только не это...

Пополняя растроченные на разрушение клетки запасы, тех, кто вставал на нашем пути в рефлекторных попытках нас остановить, выпущенные наружу сущности эдаити выпивали мгновенно. Это было правильно – не мы напали первыми, они вынудили нас опустошить себя энергетически, теперь пришло время вернуть назад отобранное. Во всех смыслах!

– Нет, стойте! Остановитесь! – Троя билась на моих руках, сиюсь докричаться... До моих братьев? Или до своих?

Последних здесь оказалось мало – безжизненные уже редкие тела проваливались сквозь раскрытый транспортировочный люк-днице, падали на местный желтоватый песок и оставались позади, пока все эдаити неуклонно и стремительно продвигались к кабине управления.

Я же, одной рукой удерживая колотящую меня в плечо и кричащую женщину, в пару прыжков оказался в недрах транспортника, другой рукой вцепился в скобы, служащие для фиксации грузов в отсеке. Поверхность под моей ладонью задрожала – наконец-то кто-то из противников сделал попытку запустить механизмы корабля, но он катастрофически опоздал с этой реакцией.

Прикрыв глаза, я сосредоточился, силой эдаити отслеживая происходящее вокруг и координируя наши действия с действиями захватившей корабль группы Орша. Полную картину получать всё ещё не удавалось. Возможно, из-за близкого присутствия леса, под покровом которого скрывалась экранирующая энергию порода.

– Кин! – заорала мне в ухо Троя. – Прекратите убивать!

– Да, – я спокойно согласился, прислушиваясь к состоянию братьев. – Энергетический запас восстановили, больше добычи не требуется.

Паника, накрывшая ряды врагов, была заметна во всём. В том, как громко они орали, отдавая бессмысленные приказы. Как суматошно метался оставшийся десант в попытках уклониться от контакта с нами, облегчая задачу выдворения всех выживших на поверхность планеты.

Подберут их свои или нет до наступления розового заката – не наше дело.

Другие штурмовые корабли, тоже реагируя нервно и запоздало, начинали стрелять и тут же прекращали, опасаясь разрушить свой собственный и, возможно, нужный им транспортник или уничтожить своих же соплеменников... Очевидно, что первоначальный план противника с треском провалился, а понимания, как действовать в сложившихся обстоятельствах, не было.

Но уже через несколько минут, за которые эдаити полностью завладели кораблём, транспортник содрогнулся от очередного огневого залпа. Стало ясно: решение принято, в отчаянии враги выбрали единственный доступный им вариант воздействия на нас – уничтожение собственного корабля.

Троя затихла, напряжённо сжавшись, поверх моего плеча наблюдая за последними, поспешно выпрыгнувшими на песок под натиском моих собратьев членами экипажа. Пленники сейчас стали бы обузой, а так... оставался шанс, что их близкое присутствие сдержит огонь противника. Впрочем, анализ предыдущих действий военных подсказывал: они с лёгкостью пожертвуют своими.

Прощупывая пространство силой сознания, я внутренним взором видел, как корабли готовятся к новому залпу. Одновременно, касаясь обшивки, сканировал недра нашего укрытия, выясняя, есть ли здесь устройства, что могут атаковать в ответ.

Увы. На транспортнике не оказалось ни орудий, ни даже силового экрана, которым можно окутать корабль, чтобы снизить урон. А прочность материала стен в сравнении с первым захваченным нами кораблём невысока.

«Нужно вернуться в подземные полости. Там им нас не достать», – решение пришло мгновенно.

Столь же быстро, как и последующие действия собратьев, взявших под контроль управляющие и движущие механизмы захваченного объекта. Все мы точно знали, что в этот момент нужно сделать.

– Военные стреляют... – воспринимал я и сиплый шёпот Трои, прижавшейся ко мне и вздрагивающей при каждом новом ударе огневого залпа по обшивке. – Как же те, кто снаружи?.. Они погибнут... Мы погибнем...

– Нет, – заверил я женщину насчёт последнего, продолжая концентрироваться на заработавших на полную мощность двигателях.

Им предстояло переместить машину транспортника к месту нашей сегодняшней ночёвки. Что в условиях прицельного обстрела сделать непросто – уж слишком неповоротливой оказалась летающая громадина. Стены грузового отсека под давлением огня плавилась и рвались на фрагменты, разлетаясь по помещению. Скобы под моими руками шатались и дребезжали – каждый новый залп сопровождался изрядной тряской и приносил неизбежные повреждения. Свет мигал красным, сирены выли, мимо проносились то куски обшивки, то фрагменты крепёжного оборудования, грозя травмами Трое. Занятый наблюдением за противником, я неизменно отслеживал и состояние защитного поля, окутывающего наши тела, не допуская его истощения раньше времени.

«Скорость приближения к цели достаточна, чтобы оказаться над нужным местом до разрушения обшивки. Но сохранить технику не получится», – Орш, занявший рубку управления, сообщил самую актуальную информацию. Очевидно и по существу – собрата не изменила и материальность.

«Она нам не нужна. Слишком непрочная и негодная для сохранения и перемещения физических оболочек в космосе. Захватим крейсер, когда придёт время», – решил я, вновь и вновь бросая сканирующие волны, охватывая внутренним взором происходящее снаружи.

Окружившие транспортник, обстреливающие его корабли...

Огненные вспышки – одна за одной...

Риз, по-прежнему наблюдавший за боем из своего укрытия и дополнявший для нас картину боя...

Эдайти, рассредоточившиеся по кораблю...

Неспешно ползущий под днищем транспортника склон холма...
Последнего, за которым равнина и...

«Все вниз!» — краткий приказ Орша, и скрежет натужно расползающихся створок искорёженного днища, которые тут же снесло очередным залпом.

– Закрой глаза, Троя.

Разжав пальцы, я рухнул в огненное облако вместе со своей добычей, дополнительно прижав её лицо к груди и перекрыв обзор –

не было уверенности, что женщина выдержит зарево обстрелов и зрелище падения в пропасть. Вокруг полыхнуло, защитный кокон лизнуло яростное пламя: плазма – это та самая «сырая» энергия, которую невозможно в себя втянуть. Но благодаря защите вреда ни мне, ни Трое она не причинила. Куда больше неудобств доставила сила удара – прыгать пришлось с большой высоты. Мы рисковали, не будучи уверенными, рассчитаны ли на это тела...

От удара о землю Трои в моих руках вскинуло вверх. До этого момента глухо скулившая мне в грудь от волнения, она завопила во весь голос от ужаса. С силой притянув добычу к себе, осмыслил силу удара, едва не сломавшую кости ног, на которые я по возможности пружинисто приземлился. Но тут уже показала себя лучшим образом оболочка – материя выдержала.

Создатели наших тел перехитрили сами себя!

Такая отчаянная демонстрация физического превосходства словно подхлестнула ярость противника – выстрелы стали непрерывными. Только вот эдайти с невероятной скоростью и обострённым слухом новообретённых тел оказались проблемными мишенями – собратья не приметными тенями метнулись в стороны.

– Ки-и-и-и-ин! – голос Трои впервые звучал настолько высоко, что походил на непрерывное дребезжание.

Круговёрть сражения и встряска за встряской определённо на неё повлияли. Но всё, что я мог сейчас, – защищать свою добычу, крепче прижимая к себе.

– Терпи. Ещё немного, – не вполне уверенный, что она меня расслышит, бросил быстрый ответ, увернувшись от разряда, пропахавшего землю рядом со ступнями.

Пара стремительных прыжков под нескончаемую канонаду взрывов, и я следом за собратьями нырнул в темноту ближайшей полости, спасаясь в уже знакомом подземном лабиринте. Сюда попадали лишь всполохи от огненных вспышек, а поверхность над нашими головами содрогнулась, осыпая песком, лишь когда транспортник, который мы покинули, врезался в землю...

Троя, почти окаменев от напряжения, вцепилась в мои плечи, слепо озираясь в темноте. Я же, как и все эдайти, видел все окружающие поверхности, но для меня в них не было ничего

примечательного. Мы быстро, но осторожно спускались, уходя глубже по подземным переходам.

Какое-то время оглушающий грохот выстрелов нас ещё преследовал, но в итоге стих.

«Враг отходит, – донеслось сообщение оставшегося на поверхности Риза, – второй транспортник и шаттлы улетают на базу».

«Даже не попытались преследовать?» – Шох не сдержал разочарования, стычка на транспортнике только раззадорила азарт хищника.

«Им нечем атаковать. Десант в достаточном количестве они с собой не захватили, надеясь на успех шантажа и ловушки, а снаряды шаттлов пробить землю и достать нас не могут», – чуть раньше меня высказал верную мысль Орш.

«Но это временное отступление, они вернутся, и будет новая атака», – дополнил я очевидное: преследователи явились сюда за нами и так легко не отступят.

«К чему ждать? Ударим по ним первыми? Сейчас!» – воодушевился Зак. – *«Можно перехватить инициативу и напасть, пока враг деморализован, восстанавливает силы и не готов к отражению атаки».*

«Без способности к полёту? У нас не будет преимуществ», – резонно, приглушая его энтузиазм, парировал Орш.

Вот только меня куда больше воинственных планов заботило состояние Трои – сердце женщины всё ещё билось излишне учащённо, а сама она вела себя нехарактерно тихо. Сосредоточившись на шуме её крови, я вдруг уловил непонятный отдаленный звук... Шорох? Лёгкие шаги?..

«Тсс... Что это?» – послал сигнал спорящим собратьям, и все эдаити немедленно остановились, застыв на месте, прислушались.

Однако непонятный звук больше не повторился, а сканирующая волна вернулась ни с чем. Решив заняться этим позже, я решительно пресёк обсуждение заведомо проигрышной сейчас стратегии:

«Мы ударим позже, с утренним ультразвуком. Он заблокирует врага на базе, не позволяя выйти за её пределы. Защитный купол их лагеря – это ловушка, в которую они сами себя загнали. Нам лишь

надо разрушить его. А пока необходимо дать отдых телам. Устраиваемся на ночлег».

Очередной проход привёл нас в широкую пещеру, где мы ночевали вчера. Сюда мы перетаскивали становившийся всё более скудным запас вещей, прихваченных с транспортника.

«Нис, возьми еду для Риза и отправляйся на поверхность», – развил мысль Орш, на случай непредвиденных действий противника оставляя снаружи наблюдателя.

Возражений не последовало – Нис тут же, прихватив нужное, повернул обратно. Другие эдайти быстро оценили преимущества моего предложения, сразу перейдя от разговоров к действиям – нам следовало подпитать ресурсы оболочки сном и материальной пищей...

«Спроси свою добычу про Риш, – пришла адресованная только мне мысль Орша. – С ним всё было в порядке перед провалом в зияние?»

«Позже», – заверил собрата, осознавая, что сейчас не время заводить об этом разговор. С Троей что-то было не так. В мыслях женщины царила непонятная пустота, как если бы она была без сознания, при том что я отчётливо видел её широко распахнутые глаза, устремлённые в никуда.

Как она воспринимает окружающую обстановку? Темнота, незнакомое подземелье, отсутствие еды, питья и места для отдыха... Для неё всё это выглядит... Пугающе?

«Нужен свет. Разведите огонь», – обратился я с просьбой к собратьям, желая развеять для Трои окружающий мрак. И тут же пояснил на дружное молчаливое недоумение: – *Приготовим жареную еду из остатков мяса, и моей добыче так привычнее».*

Шох и Зак сразу приступили к выполнению, осознав подоплёку моего странного желания.

Горючие пластины, что использовал Игерь, имелись в наличии. Несколько минут, и посреди облюбованной нами пещеры засверкал огонь.

– Троя?

Осторожно спуская с рук и устраивая женщину на камне поблизости от костра, заметил, что её взгляд приобрел осмысленность, сфокусировавшись на язычках пламени. Чуть расслабившись, она медленно выдохнула:

– Ч-что?

– Тебе страшно?

Отличительная черта этой женщины: она неизменно пугалась и переживала. Но меня это скорее забавляло, чем раздражало...

– Немного, – с заминкой подтвердила Троя очевидное. – Когда мы рухнули в... яму, я подумала... – она снова замялась, сделав глубокий вдох. – Это как быть живьём замурованным в могиле... жутко.

Моя догадка оказалась верна: в темноте добыча чувствовала себя неуютно.

– Троя хочет есть? Пить? – Не поняв смысла её слов, я переключился на более привычные уже потребности. Возможно, за рутинными занятиями она оживится?

Отойдя к контейнерам с запасами пищи, женщину из вида не терял.

– Не знаю, – довольно вяло отреагировала добыча. Обхватив себя руками за плечи, неожиданно тихо позвала: – Кин?

– Я тут. – Подхватив последнюю, оставшуюся нераскупоренной бутылку с водой, сразу вернулся к Трое.

– Можешь... посидеть со мной?

Сердце женщины всё ещё билось часто. Устроившись рядом, я протянул воду.

– Попей.

Потворствуя глубинному порыву, обхватил рукой её плечи, притягивая к себе. Троя выглядела как-то надломленно – измученной и незащитной, чем провоцировала у меня потребность... прикоснуться. Рука взметнулась вверх, устроившись поверх головы добычи, и плавно заскользила вниз по спутанным волосам. Чуть зарываясь кончиками когтистых пальцев в копну женских волос, я старался осторожно распутать эти невесомые узелки, разглаживая прядки. Такое увлекательное занятие!

– Я должна что-то сделать? – голос Трои звучал напряжённо, в руках она теребила бутылку, не отводя глаз от огня. – Рассказать детали? Сведения о военных?

Никакого желания делать предложенное в ней не чувствовалось. И это я понимал – все мы понимали. Тишину в пещере нарушал только треск огня и наш шёпот – собратья, кто не устроился для отдыха, а занимался приготовлением белковой еды, делали всё бесшумно.

– Расскажи об эдайти, с которыми вы с Игерем ушли. Риш, Щег и другие? Они не встретили на пути опасностей?

Конечно, наш разговор слышали все. Другое дело, что только сейчас он заинтересовал остальных эдайти. Орш так и вовсе затаил дыхание.

– Нет, только о вас волновались: доносилось очень много отзвуков взрывов. Риш очень смелая, – Троя неизменно воспринимала нашего собрата и других подобных как особей одного с собой пола, реагируя на внешнее впечатление от оболочек. Это уже становилось привычным, не вызывая прежнего отторжения: раз эти тела уступают функционально, нам придётся их выделять. Пусть будут эти материальные разделения – мужчины и женщины. – Поддерживала нас с Игерем и, когда военные, наводнившие лес, оказались совсем близко, одна из последних, держась за руку Щега, шагнула вместе с ним в зияние.

Добыча, конечно, этого не заметила, но на последних словах Орш в отдалении тёмного угла вскинулся, сверкнув глазами и не сумев полностью подавить такие знакомые мне раскатистые звуки, рождающиеся в груди. Он не обрадовался услышанному. Вспомнив уединение с Троей в зиянии, я его понял – не хотел бы оставить её там с другим. Почему представил это только сейчас?

– С тобой плохо обращались военные?

Вопрос имел совсем иную цель. Отвечая, Троя начала невольно думать о произошедшем, позволяя мне получить представление о событиях вчерашнего вечера и сегодняшнего утра. Особенно я для себя отметил промелькнувшие детали внутреннего обустройства и организации лагеря, поведение Игеря и облик лидера преследователей.

«Не человек... – вынесло уверенный вердикт сознание эдайти. – Кто-то чуждый в подобно нашим искусственно созданном теле? Интересно...»

– Н-н-нет, – ожидаемо неуверенно отозвалась добыча. И уже сама задала вопрос: – Так у вас был план? Вы не просто так бездумно заявились за мной?

– Захватить себя не позволим. Мы знали, что заберём тебя и уйдём, – подтвердил я догадку, убирая за ухо женщины несколько прядок, соскользнувших на лицо. При этом подушечки пальцев чуть

задержались, поглаживая её по мягкой щеке. Вот такие неведомые прежде порывы провоцировало близкое присутствие добычи.

– Понимали, что там ловушка?

– Да.

Ноздри Трои затрепетали, реагируя на растекающийся по пещере аромат жареного мяса. Невольно сглотнув, она подтвердила мои подозрения: её не удосужились накормить в плену. Это несколько не добавило мне терпимости в отношении преследователей!

Осторожно высвободив ладонь из женских волос, одним движением оказался на ногах и отправился за едой для своей добычи. Голодать ей не позволю! Рядом со мной Троя всегда будет обеспечена пищей.

– Ешь.

Едва первый готовый кусок мяса оказался в её руках, как Троя буквально накинулась на него, демонстрируя повадки голодного эдайти. Мне же захотелось немедленно переловить в этом лагере всех, начиная со странного лидера и заканчивая последним воякой, и выпить всю их жизненную энергию!

В материальном теле, это, увы, нереально. Если только... растянуть удовольствие надолго?

Впрочем, вспомнив реакцию Трои на сегодняшнее столкновение собратьев с военными, понял, что не обрадую её своим аппетитом. А хотелось именно радовать...

От неожиданной мысли я сам встrepенулся, словно ощутил невидимый хлопок по затылку.

Вот это новость!

В полутьме, наблюдая за тем, как, едва жуя, добыча глотает куски жареного мяса, сам ощутил голод. Только вот совсем не материальной пищи мне сейчас хотелось... Скрытый за сомкнутыми губами язык задвигался, реагируя на сильнейшую потребность смахнуть мясной сок с губ и подбородка женщины.

Сдержать порыв я и не подумал. Улучив момент, когда Троя, проглотив очередной кусок, потянулась за другим, перехватил её подбородок. Миг – и к приподнятому лицу устремились мои губы.

Смакуя, поначалу медленно, подбирая каплю за каплей, мой язык очертил контур женского рта. Троя замерла, глаза её широко распахнулись, а зрачки расширились. Сердце добычи вновь

затрепетало, но совсем не так испуганно, как билось недавно. Она медленно выдохнула, позволяя мне ощутить жар своего дыхания...

Глаза закрылись сами собой, усиливая концентрацию на ощущениях. Так... вкусно... В практическом смысле вкусно...

Мои губы, отринув недавнюю осторожность, уверенно пленили рот Трои. Вкус добычи смешался с привкусом мяса. Мягкость и податливость женских губ совершенно обезоружили – вдруг я сам впал в забытье, перестав слышать и реагировать на окружающий мир. Только прикосновения. И поцелуй...

Стоп!

Что это? Что насторожило? Снова этот отдаленный звук. Шорох? Точно шаги!

С ощущением разочарования резко отстранившись, я замер, прислушиваясь к сигналам тела. Острый слух позволил уловить едва слышный скрежет камней друг о друга. Словно по ним кто-то ступал!

Бесшумные в своих действиях, вскинулись все эдаити, реагируя на звук. Лишь Троя, наконец расслабившись после еды и поцелуев, безмятежно смотрела на меня, не подозревая о приближении... Кого?

Действовать с шумом и суетой – не про эдаити. Все мы приготовились к встрече с любой угрозой, но внешне это никак не проявлялось. Мне же и вовсе не хотелось напугать Троию резкими необъяснимыми манёврами, она только-только успокоилась.

Сканирующая волна, которую я, как и остальные собратья, направил в сторону источника шума, вернулась со слабым отражением... нечёткой пульсации. Никакой конкретики, нечто непонятное. Но! Мы такую уже ощущали прошлой ночью, когда пытались «прощупать» эти ходы. В тот момент изучить её возможности не было, но сейчас...

«Что это? Слабый след какой-то жизненной энергии? Той самой?» – высказал общее недоумение Зак.

«Слишком слабый для таких шагов...» – возразил Рух.

С этим все мы были согласны: слух уверенно подсказывал – приближается достаточно крупное существо. Но как оно может иметь настолько незначительный энергетический потенциал?

Синхронно мы впились глазами в тёмный проход, оттуда ощущался слабый поток энергии. Существо даже если и кралось, то

безуспешно – его выдавало дыхание. Да и шаги раздавались всё отчётливее, позволяя определить, что оно... двуногое, судя по ритму.

Троя наконец заметила, что общее внимание сконцентрировано на дальней стороне пещеры, и тоже обернулась, щури глаза и старательно всматриваясь.

– Что там? – её шёпот был единственным в тишине пещеры. Именно поэтому прозвучал громко, эхом отразившись от стен. Тут же она озвучила и первое предположение: – Хищник?!

– Не дум... – начал было я и осёкся, увидев наконец незваного визитера.

Что?! Откуда?..

Из темноты на зону, слабо освещённую догорающим костром, но всё же дающим достаточно ещё света, чтобы и Троя смогла увидеть, ступила нога...

– Ой... – резко вскрикнула моя добыча, от изумления замерев на месте и выдохнув уже тише. – Кто-о это?

В следующую секунду, не отрывая взгляда от так неожиданно появившейся перед собой особы, Троя заёрзала, сдвигаясь назад.

«Галлюцинации?! Что за ерунда?! Кто это вообще? Аборигенка? Местная раса гуманоидов? Почему тогда выглядит совсем как человек? И откуда здесь взяться человеку?» – хаотично металась в её голове мысли, выдавая абсолютную растерянность.

«Женщина!» – обменялись мы с братьями коллективным выводом, продолжая спокойно наблюдать за происходящим – пока никаких агрессивных сигналов существо не подавало.

Это точно была женщина. Подобная Трое физически, разве что со значительно более изношенной оболочкой. Все мы с одинаковым непониманием рассматривали визитёршу: откуда она здесь? Даже если предположить коварный манёвр противника, как она смогла приблизиться с внутренней – глубинной – стороны?

«Риз, – Орш уже подстраховался, – никакой активности преследователей поблизости не заметил? Возможно, небольшая, внезапно пропавшая из вида группа? С... женщиной в составе?»

Наши ментальные щупы не зафиксировали других входов и выходов из этих подземелий, но и визитёршу мы обнаружили слишком поздно... За этим снова крылось что-то, способное нейтрализовать силу сознания эдайти?..

«Нет, ничего такого, – собрат ответил мгновенно. – Никто не приближался!»

Ещё странность – одежда на незнакомке была не из ткани, а из какого-то иного... тёмно-бурого материала? Именно она блокировала наши исследующие пространство сканирующие волны, выдавая лишь слабый отклик жизненной энергии от неприкрытых участков тела – лица, шеи и кистей рук.

Теми же вопросами были озадачены мои собратья – я чувствовал их попытки разобраться и понять необъяснимое. Однако строить предположения, не имея данных, – бессмысленно, потому мы просто ждали следующего шага незнакомки, готовые в любой момент её обезвредить.

На какое-то время в пещере установилась абсолютная тишина: мы, включая и Троя, не сводили с женщины изучающих взглядов, она в свою очередь с явным напряжением на лице рассматривала каждого из нас. Взгляд её вновь и вновь возвращался к моей добыче, и когда она заговорила, то обратилась именно к ней.

– Вы же понимаете меня?

Троя, помешкав, кивнула.

«Юнивёрсл... обычный универсальный язык для Земли и её колоний...» – анализировала она в своих мыслях.

Мы же с собратьями отметили для себя ещё один аспект, несомненно важный для всех материальных и оказавшийся безразличным для нас. Звуки, которые используются для обозначения, мы одинаково понимаем, воспринимая связанные с ними образы. Даже если они произносятся на разных «языках».

– Как хорошо, – незнакомка переступила с ноги на ногу, бросая на меня и братьев насторожённые взгляды. – Вчера, когда они, – жестом она указала на эдаити, – появились в наших пещерах, то только молчали. Но сегодня среди них есть ты. И мы услышали речь. Поэтому я решила, что мы должны проявить себя, вступив с вами в контакт.

– Но... кто вы?

Троя отвечала замедленно – в её мыслях преобладали растерянность и неверие. Мы же отметили очевидный факт собственного упущения: некто разумный был так близко, но мы этого не заметили, полностью сосредоточенные на внешней угрозе! Вновь

материальный мир указывал нам на ошибочность излишней самоуверенности.

– Мы – потомки одной из экспедиций, организованной Землёй и достигшей планеты. Третье поколение выживших, если точнее. Мы не ожидали, спустя столько лет, увидеть в наших пещерах кого-то ещё, тем более человека. А они?.. – женщина замаялась, явно волнуясь, и осторожно указала на нас. – Кто это? Это же не... люди?

«Слышал бы её Игерь...» – следуя какой-то своей логике, моя добыча мимолётно вспомнила штурмана.

Но её действия оказались направлены на меня: развернувшись корпусом и подавшись ближе, Троя просунула свою руку под мою, обхватив за локоть. Демонстрация близости? Доверия?

– Мм... – она не сразу нашлась со словами, явно всё ещё с трудом веря в реалистичность происходящего и стремясь избежать конкретики. – Люди научились искусственно выращивать тела. Те, кто со мной, как раз с такими телами. Не бойтесь их, они не причинят вреда.

Впрочем, на последних словах её голос неуверенно дрогнул, а мысленно она взывала уже явно ко мне:

«Кин? Вы же не уничтожите их?!»

Поймав взгляд Трои, я моргнул: да, не станем.

Если эта женщина и те, кто с ней, не затронут наши интересы, то нет смысла в их истреблении. Их энергия нам не нужна, а сама незнакомка и информация, которой она обладает, могут оказаться полезными.

– Вас много? – вернулась к первоначальной теме Троя. Этот вопрос интересовал и нас. – Удивительно вообще встретить тут выживших. В Конфедерации считают эту планету непригодной для жизни людей. Экспедиция, направленная сюда, пропала бесследно, а переселенцы, которые попытались приземлиться, отправили послание с предупреждением... – Спohватившись или устав смотреть на женщину снизу вверх, Троя заговорила торопливо: – Садитесь же, чего стоять? Расскажите, как получилось, что кто-то выжил?

Определённо, именно моя добыча вызывала наибольшее доверие у незнакомки. С нами она и не пыталась разговаривать, хотя после разъяснений Трои немного расслабилась. И присела у огня, расположившись ближе к нам на камне, который для неё освободил

Орш. Все мы заметили, что при этом он старался двигаться медленнее. Причину точно знали – собрат не хотел её напугать.

– Наша община насчитывает сорок восемь человек, из них тридцать два взрослых. Этот мир очень суров, даже сейчас забирает много жизней, что же говорить о времени, когда наши предки ничего не знали о планете? Мои прародители и остальной экипаж, отправившие это предупреждение, поторопились. Тогда казалось, что надежды, как и спасения от убивающего звука, нет, – уголки губ незнакомки скорбно опустились. – Часть из них выжила, только обнаружив эти пещеры, где нет воздействия ультразвука и где по сей день скрываются их потомки. – Она в очевидном волнении отмахнулась. – Но эта история давняя, она может и подождать. Сейчас куда важнее разобраться с происходящим на поверхности. Мы из поколения в поколение передаём знания о Земле, храним надежду, что связь восстановится или же нас обнаружат. Но никак мы не думали, что появление наших соотечественников будет похоже на конец света...

«Захотят ли военные признать эту кучку одичавших местных, возиться с ними?» – мысленно отреагировала Троя. В воспоминаниях я увидел лицо мужчины, шантажировавшего её. – *Или вероятнее, что используют их, выкачав всю полезную информацию, а позже уничтожат? Секретный проект с амиотами не предполагает излишней осведомлённости, а они и так увидели многое».*

Одновременно прислушивался я и к собратьям.

«Нет ультразвука! Надо разобраться: почему?» – заинтересовался Зак. – *Если с зияниями всё понятно, то эти пещеры точно не в другом временном пласте...»*

«Сорок восемь особей, – отметил ещё один момент практичный Орш. – *Всего в два раза больше нас...»*

«Мы не должны допустить их объединения с военными, – думал о другом Хем. – *Они выгонят отсюда этих несчастных и займут пещеры, когда поймут, что лагерь под куполом не нужен».*

«Не успеют», – заверил я собрата, намекая на наши утренние планы.

– Происходящее... – Троя задумалась, подбирая слова для ответа. Сидя вплотную, я почувствовал, как окаменело её тело от напряжения. Она стремилась избежать лжи, но и не оттолкнуть правдой

собеседницу. – Вам лучше пока не показываться на поверхности, это опасно. Вы же видели все эти взрывы и обстрел?

Понятно, что добыча выбрала вариант защиты местных. Иллюзорная надежда на связь с Землёй – хорошо, но гарантия выживания – лучше.

– Но почему они стараются вас убить?

Женщина снова стрельнула взглядом на нас, конечно всё ещё воспринимая внешне отличающийся облик эдаити с подозрением. Троя вздохнула.

– Это сложно. Тут схлестнулись интересы двух противоборствующих сторон, а все они, то есть... мы оказались между ними. Идёт практически война до полного уничтожения. Объяснить всё с ходу сложно, но поверьте: вам вмешиваться опасно.

Незнакомка задумалась. Увы, её мыслей никто из нас слышать не мог, но вот красноречивый взгляд, скользивший от одного эдаити к другому, заметили все. И дружно постарались ничем не напугать женщину.

– Как твое имя?

– Троя, – извиняющимся тоном сразу отозвалась добыча. – А ваше?

– Лилия...

– Как? – отчего-то изумилась Троя. – Как цветок?

– Да, – немного грустно улыбнулась в ответ собеседница. – Только никто из нас никогда его не видел.

– Я видела, эти цветы очень красивы. Могу нарисовать...

– Да? – Женщина улыбнулась по-доброму, немного застенчиво. Но тут же встрепенулась, словно приняла решение. – Поступим так: раз мы вас встретили, то должны проявить гостеприимство. Не думайте, что мы совсем утратили обычаи предков! – Она немного натужно поднялась на ноги. – Пойдёмте со мной к месту, где обосновались все члены общины. Там вы получите еду и тёплую постель. А когда отдохнёте, будет время обсудить происходящее и принять решения.

– Хорошо, – тут же откликнулась добыча, ощутив моё лёгкое пожатие.

«Уйти глубже, подальше от военных, скрывая своё присутствие – точно будет для них лучшим выбором», – размышляла Троя, практически ликуя в предвкушении встречи с себе подобными.

Восторженная радость, охватившая Трою, была мне непонятна, но присутствие незнакомки явно доставляло удовольствие моей женщине и не несло угрозы. Потому никто из нас не стал возражать, когда она приняла предложение Лилии.

– Вам нужна помощь с вещами? – женщина указала на оставшиеся контейнеры. – Я могу позвать мужчин, если вы изнурены.

– Справимся сами, спасибо, – отреагировал Орш, отвечая так, чтобы не были заметны клыки.

Четверо собратьев опять же в медленном темпе подхватили оставшиеся контейнеры. Костер мы тщательно затушили, размышляя о том, как же состоится продвижение в темноте? Для эдайти в этом проблемы нет, но люди?..

«Не переусердствуйте», – отправил общую мысль Зак, намекая как на необходимость в движениях и поведении походить на людей, так и на бдительность – в темноте легче подстроить ловушку.

Впрочем, беспокоились мы напрасно: Лилия шагала вперёд уверенно, рукой неизменно касаясь стены. Стало понятно, что она просто очень хорошо знает этот лабиринт переходов, ориентируясь в нём на ощупь.

– Идите за мной, не спешите, – позвала она. – Дорога ровная, я буду говорить. А дальше будет освещение.

Трою я взял за руку, устраиваясь следом за нашей провожатой. Зрение быстро перестроилось на режим видения в темноте и позволило рассмотреть неприметный узор на стене, которого касались пальцы Лилии. Что ж, теперь любому эдайти не составит труда найти выход на поверхность.

«Риз, мы идем глубже», – отправил предупреждение собрату на поверхность. – *Заодно проверим, сработает ли особенность пещер с нашим общением – будем слышать друг друга или нет»*.

– Как же выжил экипаж? – Троя вернулась к расспросам, продолжая разговор и во время движения.

Мы прислушивались, но и бдительно осматривались. Теперь знали, что необходимо искать, оттого сразу отметили три таких же крошечных отголоска жизненной энергии уровнем ниже. На большее расстояние мы всё так же не видели.

– Их корабль упал не в болото, как ваш, а на эту равнину. Но не взорвался, а пробил поверхность, почти полностью уйдя под землю и

вскрыв подземные пустоты. Люди выбрались наверх, это и стало ошибкой. Погибла половина экипажа, прежде чем они сообразили вернуться обратно и найти укрытие от ультразвука и перепадов температур в подземных ходах. На этой планете они под землей везде, кроме гор и болот. Здесь люди и обосновались, выходя на поверхность только в безопасное время.

Это стало новостью для нас: подземный лабиринт имеет не только другие выходы и входы, он ещё и распространён повсеместно!

«Почему мы его не ощущаем? Эти полости, разве не должны они отображаться при сканировании недр силой эдаити?» – наш безмолвный диалог наполнился одинаковыми мыслями.

«Причину надо выяснить в первую очередь!» – Хем неизменно осторожничал.

«Похоже, что техника преследователей их тоже не фиксирует, – дополнил Орш. – *Иначе они бы уже пришли сюда».*

– Поэтому вы появились только сейчас? Не вышли к нам где-нибудь возле болота? Или в лесу?

– Нет, эти зоны планеты для нас закрыты. Мы даже не надеялись, что вы их преодолеете, – с волнением пояснила Лилия, уверенно ведя нас вперёд, но ожидавшие её спутники были уже близко, за ближайшим поворотом. – Как вы сумели?

Троя замешкалась лишь на миг:

– Использовали скафандры.

В их с Игерем случае это было практически правдой.

– Какая огромная удача, что они сохранились. Нашим предкам не так повезло. Корабль сильно пострадал, уцелело совсем мало скафандров. И не было возможности починить системы связи.

– А как же подземный... червь, – Троя резко остановилась, передёрнувшись от жутких воспоминаний, невольно меняя тему. – Тварь такая гигантская с выростами светящимися. Он же как раз в земле обитает! Он на вас не нападает в этом повсеместном лабиринте подземелий?

– Мы называем его – лесной угорь, – улыбнулась Лилия. Хотя Троя улыбку не видела, но на успокаивающий тон отреагировала. – Он живёт только под лесом из кристаллов. Под равниной безопасно. То есть было безопасно, – поправилась женщина. – Пока не появились вы и корабли, что второй день громят поверхность...

– Да уж... – Троя виновато потупилась, словно лично была ответственна за происходящее. – Не таким вам, должно быть, виделось воссоединение со своими...

– Чего-то особенного мы и не ждали. Вообще уже ничего не ждали! – Провожатая пожала плечами. – Понятно, что мы тут уже обосновались, родились на Золере – так планету назвали, – другой жизни не знаем. А Земля... Это как несбыточная мечта, сказка, волшебная и недостижимая. – Лилия, едва нащупав выпуклый завиток, громко позвала: – Соран? Григорий? Ирис?

Трое ожидавших с другой стороны пещеры, у входа в которую остановилась наша провожатая, засуетились. Через несколько мгновений в их руках вспыхнули слабые огоньки, довольно тускло, но освещая пространство вокруг. С этими факелами непонятной природы двое немолодых мужчин и на удивление юная женщина двинулись к нам.

– Бабушка? Что с чужаками? – она сразу забросала соплеменницу вопросами, сверкая любопытным взглядом. В голосе незнакомки чувствовалось явное почтение.

– Мы немного поговорили, – отозвалась наша спутница. – Я пригласила их к нам, пообещав еду и ночлег. Они те, кто спасся с корабля, падение которого мы заметили несколько недель назад.

– Выжили, рухнув в болото?! – изумились мужчины. – Поверху добрались сюда? Прошли через лес?!

– Их спасли скафандры, – сразу поделилась сведениями Лилия.

К счастью, следом за ней шла Троя в остатках скафандра, а я предусмотрительно отступил на шаг, чтобы полутьма размыла облик, сохранив только очертания тела. Другие эдаити стояли ещё дальше.

– Только одна женщина? – Любопытная Ирис щурилась, стараясь рассмотреть нас. – Все остальные – мужчины?!

В нетерпении она чуть ли не подпрыгивала. Несдержанное ликование и доверчивость женщины нас озадачили: её радость казалась неподдельной.

– Внучка, не стоит спешить. Бедняги выдержали немало тягот на пути, прежде необходимо дать им отдохнуть, а уж после засыпать вопросами.

Махнув рукой, Лилия призвала всех продолжить путь. Один из факелов она взяла из рук девушки, освещая дорогу. Пара пожилых

мужчин с факелами, пропустив нас вперёд, замкнули шествие. Неугомонная Ирис пристроилась рядом с бабушкой, громко зашептав:

– Как не спешить? У нас мужчин на всех не хватает. Если эти, – она мотнула головой назад, – выживут, то многие женщины смогут получить только своего мужчину для создания семьи. Мне тоже нужен!

Неожиданно рука Трои сжалась, с усилием обхватывая мою ладонь.

«Мой», – отпечаталось в её сознании.

Не понимая причины её поступка, я всё же легонько пожал пальчики добычи в ответ.

– Вы уж извините её, – на ходу обернулась к нам Лилия. Сеть морщинок на её лице в тусклом свете факела была отчётливо видна. – Ирис это от волнения. У нас в самом деле настоящая беда с мужской смертностью: местным болезням больше подвержены мальчики, а взрослые мужчины чаще гибнут, добывая пищу и ресурсы.

– У меня трое братьев было, – подтвердила девушка, вмиг утратив всю весёлость. – Остался только Григорий, а двое погибли. Один в лесном свечении сгинул, другой скончался от ран на охоте.

«Необычные кристаллы на стенах и потолке, – отвлёк наблюдением Хем. – Чем глубже мы уходим, тем их больше – сплошняком покрывают все свободные поверхности этих пещер».

«Верно, – подтвердил Орш. – Плоские, очень тонкие... В верхних пещерах они тоже были, только редкие и совсем крошечные. А здесь есть размером с полный размах моих рук».

Кристаллы такой формы на поверхности планеты нам не попадались – там они были неизменно объёмные, если не окаменевшие, то мясистые.

Незаметно сколупнув один острым когтем, я помял его в пальцах.

«Мягкие, гибкие, прочные на разрыв, цвет бурый... – Обдумал и поделился догадкой: — Кажется, из этих пластин сделана одежда аборигенов».

«Сшита из кристаллов?.. – начал было Орш и осёкся, уставившись на мою руку. – Кин... Пальцы твоей оболочки не воспринимаются, словно их нет. Глазами вижу, но для изучающей волны сознания они отсутствуют».

Я уже и сам с интересом отметил этот факт, пытаюсь определить, как именно функционирует необычная материя. Отражает энергию? Не похоже. Поглощает, вбирая и накапливая? Нет, тоже не то... Пропускает через себя?

Последняя догадка показалась самой правильной. Сила эдайти словно прошла сквозь мой завёрнутый в пластинку палец, не ощутив никакой вещественной преграды.

«Раз эти странные кристаллы экранируют материю от наших сканирующих волн, выходит, именно поэтому мы не можем «прослушать» подземные полости. Особенно там, где «пластины» большие и их много», – обобщил итог моего нечаянного эксперимента Хем.

Тем временем разговор между женщинами продолжался – моя добыча задала очередной вопрос идущим впереди аборигенам:

– Поэтому вас так немного?

– Да, дети-то рождаются, но вот до взрослого возраста мало кто доживает. Нет у нас иммунитета к местным хворям, – со вздохом подтвердила Лилия. – Это дело многих и многих поколений.

«Или изначального везения с телами, – мелькнула у Трои мысль явно на наш счёт. – Такие никаким вирусам не по зубам – всё создатели предусмотрели. Будь у эдайти дети, они станут такими же неуязвимыми? Вот кто заселит планету за считанные поколения».

Но прежде чем я разобрался в потоке её размышлений, добыча прогнала эти мысли, переключившись на другое:

– А ваша община всегда в этом месте живёт?

– Нет, – ответила Ирис. – Кочуем, меняя стоянки. Когда пищевые ресурсы рядом с одной оскудевают, уходим на другую, чтобы через сезон или два вернуться.

Мы спустились ещё на два яруса ниже, и тут совсем близко замелькали крошечные вспышки энергии – явный знак, что мы подошли к месту обитания общины.

«Риз?» – позвал я собрата.

«Едва слышу», – пришёл совсем слабый отклик. Ожидаемо...

«В этих подземельях без дозорных никак. Только силами сознания эдайти не обойтись», – поделился ворчливой мыслью Орш.

«Главное, чтобы их до завтра не обнаружили военные».

«Маловероятно, – усомнился я. – Противник сидит под своим колпаком, опасаясь ультразвука и ночных хищников».

Но вчерашний урок мы усвоили: вопреки уверенности в трусости военных двое братьев – Кос и Рам – незаметно для наших провожатых отступили в темноту. Им предстояло вернуться и рассредоточиться на расстоянии друг от друга, достаточном для передачи сообщений.

– Ух, как тут всё... необычно! – ахнула Троя, невольно привлекая моё внимание к открывшемуся перед нами виду обжитой пещеры...

Глава 11. Другая жизнь

Троя

Очередные пять секунд, которые перевернули мою жизнь! Чего я могла ожидать от этого мира? Неотвратимых ужасов при столкновении с местной средой, непреодолимых сложностей в вопросе выживания и – самое жуткое – пожизненного одиночества. Появлению Лилии не поразило, оно сразило меня, на мгновения заставив усомниться в здравости рассудка.

«Как? Как?! – вопило сознание, напрочь забыв даже о способности Кина неведомым образом распознавать мои мысли. – Галлюцинации?!»

Схожу с ума – других вариантов просто быть не могло, я смотрела и не верила своим же глазам. Встретить человека? Тут?! Нет, это было самым последним, что я могла бы предположить... Самым невероятным! Фантастичным!

Чудом...

Оттого всё время, что Лилия уверенно шагала в темноте, я старательно напрашивалась на разговор. Казалось – замолчим, я моргну и... очнусь. Проснусь и пойму, что банально провалилась в глубокий сон из-за усталости, а чудеснейшее... явление из тьмы соплеменницы мне приснилось.

Счастье встречи с другими людьми заслонило все страхи, заполнив каждую клеточку моего тела до отказа! Я парила над землей, испытывая небывалый прилив сил, не думая о возможных опасностях. Уж так, наверное, устроены мы, люди, – стоит случиться долгожданной встрече, не ожидаем подвоха, инстинктивно стремимся довериться.

Словно бы я не уходила в глубь неведомого подземелья, а, наоборот, вышла на свет.

Надежда...

Свет надежды впервые с момента похищения со станции засиял для меня, принося облегчение, даря силы вынести навалившиеся тяготы. Если другие справились, то и я одолею...

Эдайти большей частью молчали, явно уступив мне инициативу. Тоже не понимали последствий этой встречи и предпочли просто наблюдать за событиями? Было понятно, что они не желают отпугнуть этих так неожиданно встреченных аборигенов. Впрочем, у моих спутников не было и жизненной необходимости в чьём-то присутствии рядом или помощи. Со своим мышлением хищников и удивительными телами, они способны были выжить на планете самостоятельно.

Но не я!

Поэтому меня переполняло желание не допустить между эдайти и этими людьми с Золеры той же обоюдной ненависти, которую породили своими действиями представители Конфедерации. Она привела к нынешнему противостоянию. Где-то глубоко в голове билась робкая мысль: вдруг они смогут сосуществовать вместе, если с самого начала не увидят друг в друге врагов?

Что, если прежде люди в эдайти, а эдайти в людях заметят хорошее? Или хотя бы убедятся в практической пользе мирного сосуществования? О большем я не смела загадывать, но всей душой жаждала общности.

«Нас так мало на Золере, неужели мы не уместимся здесь все?.. Вместе? – Рассматривая радостное лицо Ирис, я думала об эдайти. – Кин обещал... Обещал, что не навредит им – людям. Конечно, если и они не начнут видеть в эдайти монстров...»

Впрочем, на данный момент девушка смотрела на амиотов более чем одобрительно! А взгляд, изучающий Кина, и вовсе заставил меня напрячься.

«Мой!» – невольно улетел во вселенную гневный посыл, сопровождаемый моим движением, тисками сжавшим ладонь избранника.

И никак иначе: после всего, через что мы с ним прошли, этот мужчина – исключительно моя добыча! Пусть он и не совсем мужчина в общечеловеческом понимании, но отдать его другой я уже не смогу.

Ответное пожатие Кина пришлось очень кстати, усилив мои надежды. Люди на Золере не знают историю войны с амиотами, а нашедшие спасение на планете пленники, навсегда лишённые прошлого, станут для них поддержкой. Это ли не возможность начать всё с чистого листа?..

Наблюдая за нашими спутницами, прислушиваясь к их ответам, я старалась представить: какой должна быть жизнь людей здесь? Практически первобытной? Ведь их удел – вечно скрываться под землей, выбираясь наружу в безопасные от ультразвука часы. Мне, обитательнице комфортной жизненной среды, созданной земной цивилизацией, виделись буквально вырытые в стенах пещеры норы, по-звериному набитые сухими растениями...

Внешний облик аборигенов, которых мы встретили, лишь подтверждал эти ожидания: мешковатые балахоны бурого цвета с прорезями для рук и головы, капюшонообразные накидки на голову, что оставляли открытыми только лица... Конечно, я рада была встрече с людьми, даже такими одичавшими. Они всё ещё говорили на понятном мне языке и мыслили схоже – о большем и мечтать не стоило, отправься я на планету искать переселенцев.

Мысленно я смирилась с необходимостью и эту ночь провести на голой земле. Отсутствие угрозы ультразвука – лучшая компенсация.

Но...

Огибая выступ на пути, за которым виднелось устойчивое свечение, выдавая обжитое общиной место, я совершенно не ожидала увидеть... такое!

– Ух, как тут всё... необычно... – слова сорвались с губ прежде, чем я успела их обдумать и взвесить: слишком сильным оказалось потрясение от увиденного.

Норы? Одичавшие люди? Первобытная жизнь? Ха! Чувство гордости за соотечественников едва ли не впервые за мою жизнь переполнило душу: сильнее нестигаемости эдайти может быть только наша предприимчивость и неумолимая способность цепляться за жизнь!

Мы оказались на небольшом выступе, возвышающемся над обжитой пещерой, от которого вдоль стены шла широкая лестница, ведущая вниз. Света здесь было достаточно – освещение уступало дневному, но не сильно. Так что я узнала сразу...

– Корабль? – прошептала очевидное, всматриваясь в ровные «этажи» из индивидуальных капсул-кают, равномерно размещённых по всему пространству пещеры. – Точно же? Остатки жилого сектора?

Они отличались от знакомых мне – лет сто назад такие делали, но... но всё равно это были жилые блоки кают, пусть и менее

функциональные, чем те, в которых я жила на станции.

– Конечно, – подтвердила Лилия, кивнув с довольным видом. – Чтобы выжить, наши предки должны были обеспечить себе прибежище. Раз единственным выбором стало подземелье, надо было обустроить пещеру. А как? В первую очередь использовали уже знакомое, то, что было под рукой, – остатки корабля. Та часть, которая провалилась под землю, частично уцелела. Многие годы и усилия не одного поколения потребовались, чтобы так обустроить это место.

– Энергия? – вмешался Кин, о присутствии которого я от восторга позабыла. Оглянувшись, заметила, что все эдаити столпились позади, спокойно рассматривая подземную обитель жизни. – Здесь есть источник энергии, – уверенно продолжил мой избранник. – Что это?

Вот почему горит свет!

– Используем генераторы, – не без гордости ответил один из пожилых мужчин, кажется Соран. – Несколько удалось сохранить и модифицировать. Два на солнечных батареях работают, ещё один вытягивает энергию из кристаллов в лесу – они неплохо её накапливают, как аккумуляторы. Правда, очень медленно. Тот, который в этом поселении, самый мощный, его напрямую к нейтронному реактору, снятому с корабля, подключили.

Он говорил, а тем временем все местные рассматривали моих спутников. При свете совершенный и во многом отличный от нас внешний вид эдаити утаить не было возможности.

– Как на подбор... – долетел до меня шёпот Ирис, что-то бормотавшей бабушке на ухо, пока я пыталась охватить взглядом зрелище обжитой пещеры. – Красавчики!

Удивлённая такой реакцией на практически анемичный цвет кожи эдаити, я пристально взглянула на девчущку. Но и она сама на поверку оказалась бледной...

У обитателей подземелий иначе не бывает? Я единственная из присутствующих обладаю здоровым румянцем?..

– Но вы же говорили, что не живёте здесь постоянно... – недоумённо оглянулась я на Лилию.

В самом деле, как можно на сезон или два покинуть такое комфортное по местным реалиям место и отправиться... ну, наверное, во что-то, представляющееся мне ранее?

– Эта пещера – одна из четырех, которую за годы жизни здесь по общему типу обустроили потомки переселенцев. – Ирис наконец-то оторвала голодный взгляд от моих спутников.

Не знай я об их способности в буквальном смысле за считанные секунды пустить девушку на корм, переживала бы о целостности мужчин.

– Но... корабль упал в этом месте... – растерялась я. – Он же был один?

– Как вам удалось транспортировать эти жилые капсулы в другие части планеты? – куда лучше меня сформулировав четкую мысль, задал вопрос, кажется... Хем?

При однообразно серьёзном выражении лица, свойственном эдайти, его пронзительный взгляд смотрелся почти сурово: казалось, он готов не только подловить кого-то на лжи, но и наказать за враньё!

Но Ирис несколько не впечатлилась, восторженно всплеснув руками:

– Какой хозяйственный! – Энергично притеревшись к нему ближе, внучка нашей провожатой даже облизнулась. Обращаясь уже напрямую к эдайти, невзначай поинтересовалась: – Ты механик? У нас их не хватает...

Непривычный к активному вниманию потенциальной добычи, мужчина вопрос проигнорировал, ожидая разъяснений от более старших спутников. Но даже его пронял жадный собственнический взгляд Ирис, которым она смерила широкие обнажённые плечи и мускулистый торс – а из одежды на эдайти так и оставались потрёпанные армейские брюки. Нахмурившись, он отступил, вновь оказавшись позади, в рядах соплеменников.

– Тяжёлые грузы мы перевозим на мантах, – Лилия ответила гостю, а на внучку неодобрительно посмотрела, приструнив: – Не беспокой их! Ты на их месте не была, не представляешь, каким всё непонятным и опасным кажется в новом мире. Дай дух перевести и освоиться. Чудо, что они сюда добрались.

– А манти это кто? Или что? – подхватила я тему, полностью разделяя интерес Хема.

– Местная летающая живность, – последовало разъяснение. – Их так наши предки называли за схожесть с земными... – Лилия наморщила лоб, вспоминая.

– Скатами! – сообразила я, одновременно вспомнив существ, летавших над лесом и подходивших под описание. – Но как вам удалось их приручить?!

История человека и на Земле неразрывно связана с некогда дикими животными. Тут же я уловила одобрителное поглаживание пальцев – это Кин похвалил меня за вопрос? Эдайти тоже интересно разузнать подробности про местных летунов?..

– Они не опасны? Мы встречали их, видели, как летают над лесом... – дополнила свой вопрос. – Страшные... Это хищники?

– Троя, – звонко рассмеялась Ирис, до этого недовольно насупившаяся после выговора бабушки. Непривычные к таким эмоциям эдайти дружно растерялись, и это очень чётко отразилось в шире распахнувшихся глазах мужчин. – Они совершенно безопасные. И добрые! А ещё любопытные как дети. Должно быть, вы их заинтересовали, или они приняли вас за нас, вот и держались рядом.

– Но перевозка грузов?! – не унималась я, так и не сумев соотнести инопланетную фауну и своих фактически соплеменников. – Как вы с ними взаимодействуете? С мантами. Если не дрессируете, то?..

Невольно оглянулась назад, ища поддержки у спутников: вы же тоже в это не верите? Но эдайти как под копирку держались невозмутимо, инициативу не проявляли и на особый контакт не шли. Впрочем, местные, кажется, списали эту нелюдимость на тяготы пережитого?.. Логично, что пока между новоявленными переселенцами и их куда более освоившимися потомками доверия нет. Но это же вопрос времени?

Поддержки моему недоумению не нашлось. Или же возможность использовать этих летунов в качестве тягловых животных не казалась эдайти такой уж фантастической?

А Кин ещё и вновь одобрително погладил мою ладонь, очевидно предлагая развивать эту тему.

– Они умные, вообще-то! – фыркнула Ирис. Лилия и мужчины, сопровождавшие нас, согласно кивнули. Эдайти тоже явно прислушивались к разговору. – Бабушка рассказывала, что с мантами случайно получилось. Ещё в самом начале, когда выжившие начинали переделку остатков корабля, разделяя сохранившуюся часть на встроенные капсулы-каюты, то манты всё время рядом вились. Целой

стаей тут летали, прямо вплотную подбирались! Любопытные... В каждую щель свой хвост засунуть были готовы, всё им хотелось понаблюдать поближе.

– Звучит так, словно они... ну... разумные, – естественно, перебила я девушку.

Но в таком же духе на Земле могли про дельфинов рассказывать с поправкой на водную среду обитания!

– Именно! Совсем уж разумными их не назвать, но что это самый умный вид на Зофере – точно. Оказалось, достаточно понаблюдать за ними немного, чтобы разобраться. Поначалу, конечно, их боялись, отгоняли, думали, местный хищник, открывший на нас охоту... Тогда работы велись в безопасное время на поверхности, и вопрос перемещения тяжёлых грузов был очень актуален – большей частью выжившие были женщинами, которые не успели вслед за мужчинами выбраться с потерпевшего крушение корабля и вскарабкаться на поверхность. При демонтаже какой-то кусок свалился с высоты, и – прямо на манта. А он выровнялся после удара и не скинул груз, а подлетел с ним к месту обрушения.

– Как интересно! – Я в восторге всплеснула руками, представив себе ситуацию.

Вот из таких случайностей и складывается познание нового мира.

– Когда поняли, что угрозы они не несут, стали пробовать их приманивать. Кто рукой, кто развевающимся на ветру лоскутком одежды, – дополнил Григорий. – Манты откликались, даже летели следом за манившим их человеком. Любопытные... В итоге приспособили их для перевозки грузов: люди по земле идут, а они с поклажей летят за ними. Так и жилые автономные капсулы по планете перемещали.

– А что с едой? Раз приручили, то и кормить надо.

– Нет, никто их не приручал – они сами помогают, добровольно. Для них это как игра... Но бывает, если настроения нет, то жестов не слушают и отлетают. Что же до еды, то долгое время было загадкой: чем манты питаются. Но со временем поняли: светом. Всякий день они кучно собираются на склоне холма, на освещённой его части, для подпитки.

– Выходит... – Я не заметила, как в лихорадочном возбуждении дёрнула стоявшего рядом Кина за руку. – Они – растения?

– Мы их не препарировали, так что наверняка, что у них внутри, никто не знает, – важно сообщила Ирис. – Но по способу питания похожи.

Вот это мир! Здесь растения напоминают плоских драконов, вырастают до гигантских размеров, могут летать и даже почти мыслить.

– Только грузы? – неожиданно поддержал тему мой эдайти. – Людей они не перевозят?

Бросив на Кина быстрый взгляд, заподозрила за его интересом скрытый смысл. Эдайти же не решили объезжать мантов? За неимением кораблей...

– Смельчаков попробовать не нашлось, – засмеялся Соран. Но тут же стал серьёзным: – Но вы можете рискнуть. Если уж и через болото и лес живыми прошли... Видимо, за последние сто лет люди сильно продвинулись в синтезе органической материи, раз научились такие впечатляющие тела создавать. Всем землянам можно такими обзаводиться?

Тему он поднял щекотливую, я всеми силами старалась избежать лжи:

– Нет, эти тела специально для космоса, их мало, они редко кому достаются. Вот как раз на случай адаптации на таких негостеприимных планетах.

– Думаю, это оправданно.

Ирис снова глазела на не подозревающих о подоплёке её интереса эдайти голодным взглядом. Девушку нисколько не пугал грозный вид чужаков. Не зная об их репутации, она, как и всякая женщина, видела в этих мужчинах исключительно то, что хотела видеть. А что же я?.. Взгляд метнулся к Кину: ослеплена ли я его достоинствами, отринув недостатки? Очень серьёзные недостатки... Но и не менее впечатляющие достоинства!

Дилемма...

Мужчина, устремив на меня свой исключительно пристальный взгляд, который неизменно оставлял меня с ощущением, что я – единственная в фокусе его внимания, прижал к себе, обхватив за плечо. Этот жест заставил очнуться, вспомнив: кое-кто здесь читает меня как открытую книгу.

– Так, один явно занят, – со вздохом зашептала Ирис бабушке.

Если учесть, что я расслышала её слова, то Кин уж точно.

– Ирис! – вновь шиканула на девушку наша пожилая провожатая и позвала: – Идёмте же вниз. Там вас всех ждёт долгожданный отдых и безопасность. Познакомитесь с жителями нашей общины.

Первой устремившись по лестнице, женщина начала спуск, придерживаясь рукой за стену, в которой и была прорублена лестница и к которой примыкал выступ, откуда мы любовались пещерой. Лестница оказалась крутой – я тоже инстинктивно опёрлась рукой на стену, но тут же отдернула ладонь. Пальцы коснулись чего-то... склизкого. Рука Кина, реагируя на резкий манёвр, сильнее сжала плечо. Он решил, что я оступилась?

Присмотревшись, заметила крошечные розетки пластинчатых... кристаллов? Очевидно, это были они. Часть из них нечаянно размяли мои пальцы.

– Что это ещё такое? – вырвался невольный вопрос. Сказалось удивление: так глубоко под землёй что-то растёт...

– Сопра, – проследив направление моего взгляда, пояснил идущий на ступень выше Григорий. – Растёт тут повсюду. Эти совсем маленькие, но бывают и огромных размеров – листья в человеческий рост. Но стену возле лестницы чистят – сопру срезают, хотя со временем она вновь расползается.

– Откуда в подземелье... растения? – Кин явно прислушивался к разговору.

– Это не растения, видимо, раз они в темноте живут. Свет им только мешает. Сейчас, когда община вернулась в эту часть пещер, и включилось освещение, рост сопры замедлился. А вот когда мы все уйдём, – она снова начнёт расти активно. Всегда так бывает.

– В других пещерах она тоже есть? – подтверждая мои наблюдения, вмешался в разговор кто-то из эдайти.

– Да сколько угодно, она везде, по всему подземелью.

– Её как-то используют?

Пусть последние события и выбили из колеи, но моё желание узнать о планете как можно больше, зафиксировав эту информацию в надежде, что она пригодится в будущем, не пропало.

– Конечно, используют, – к нашему разговору все прислушивались, а сейчас ответила Ирис. – Самый расхожий

материал, других-то особо и нет. И одежду из него шьют, и завесы... У большой сопры листья более плотные, но гибкие.

При упоминании одежды идущий рядом эдайти чуть задержал дыхание – я так уже привыкла фиксировать внимание на Кине, что непроизвольно подмечала и такие детали.

– А где остальные обитатели общины?

Чем ниже в этой поистине громадной пещере мы оказывались, тем больше напрашивался вопрос: а не ловушка ли это? Где все те упомянутые десятки людей?

– Сейчас время ночного сна, – пояснила Лилия. – В основном все отдыхают. Под землей мы стараемся соблюдать суточные ритмы поверхности. Лишь мы бодрствовали, наблюдая за вами. А услышав знакомую речь, решили и проявить себя. Подумали: вам ведь необходимо укрытие и время для отдыха?

О том, что в нашей группе в отдыхе нуждалась только я, люди не знали.

– Всё верно, – снова негромко вмешался Кин. – Отдых и время. Мы благодарны за возможность получить их.

Когда это эдайти стали так дипломатичны? Ошеломлённая поведением своего спутника, я насторожилась: не замышляют ли чего он и его собратья? На душе стало тяжело: я же не привела лисиц в курятник?..

Но стоило об этом подумать, как ладонь Кина успокаивающе сжалась. Его голова склонилась ко мне, губы скользнули по щеке, устремившись к уху:

– Я обещал. Никакого вреда.

Эти слова я больше всего сейчас рада была услышать, ответственности за гибель людей моё сердце бы не выдержало.

Мы как раз достигли дна обжитой пещеры, где ровными рядками, установленные на манер пирамиды, располагались жилые капсулы типового старого звездолёта. Если сверху на фоне стен пещеры они казались техногенным чудом, то при близком рассмотрении оказались потёртыми, со множеством сколов и облупившейся краской, повсеместно оплетённые слоем склизкой сопры. Тут она тоже не была большой, наверняка обитатели этих капсул регулярно счищали тенелюбивый кристалл с поверхностей своих домов.

Но возможность оценить масштаб полноценных местных кристаллических «лишайников» представилась. Тут и там находились навесы из огромных тёмно-бурых пластин, явно являющиеся рабочими зонами.

– Тут же не идёт дождь? – попыталась я развеять первое впечатление. Именно такими укрытиями от капель показались мне эти навесы.

– Именно идёт, – кивнул Соран. – Капли конденсата скапливаются сверху, никогда не знаешь, в какой момент они обрушатся вниз...

– Так вы добываете воду?

Выстрелив новым вопросом, я принялась смотреть по сторонам в поисках источника влаги, и кучно столпившиеся позади эдаити тоже заозирались. Впрочем, на нас смотрели с не меньшим вниманием – здесь, на освещённом пространстве, где была возможность чуть отойти и охватить картину в целом, стало понятно, что часть шедших позади мужчин попросту голые. И если я уже успела свыкнуться с этой данностью, стараясь не замечать, то Ирис...

– Ого... – протянула явно смутившаяся девушка.

Мало ей было на сегодня чудес в виде явления в её крошечный общинный мир чужаков, так они ещё и щеголяли голыми ягодицами! Впрочем, не знаящих стыда эдаити этот вопрос не волновал совершенно – в костюмах Адама они смотрелись естественно и непринуждённо. Последнее смущало ещё больше.

– Бедные, чего же вы в пути натерпелись, раз пришлось и одежду оставить, – первым очнувшись, засуетился Григорий. – Сейчас-сейчас! У нас найдётся и для вас чем прикрыться.

Поспешив под один из навесов, сопровождавшие нас мужчины уверенно подхватили стопочки тёмно-бурых одеяний-балахонов, что носили и сами. Вопреки моим ожиданиям, эдаити от предложенного облачения не отказались – дары приняли и... немедленно натянули на себя! Въевшееся под кожу чувство подозрительности заставило меня усомниться во внезапном пробуждении их коллективной скромности.

– Можно и мне такой... наряд? – чуть помедлив, возможно подбирая слова, Кин тоже запросил себе «обновку».

Нет, после предложения Игерю облачиться в скафандр, снятый с мёртвого тела военного, я не пыталась отыскать в эдаити излишнюю

щепетильность. Но за этим дружным одобрением одежды мне виделся какой-то неведомый подтекст... Что же они задумали?

В итоге за считанные минуты все окружающие меня мужчины оказались в одинаковых балахонах. Больше того, не спрашивая моего мнения, Кин уверенно напялил один и на меня. Прямо поверх уже имеющейся одежды.

Не поверю, что они так стремились понравиться аборигенам...

– Вот теперь можно будить всю общину, – одобрительно резюмировала Лилия, оглядев преобразённых гостей и сделав знак Сорану и Григорию.

Мне очень хотелось этой встречи: увидеть и уверовать в тех, кто был рождён на этой планете, долго и обстоятельно расспрашивать их обо всём, изучить и опробовать, как всё устроено в этой их жилой пещере, но... Глаза закрывались от усталости, ноги едва держали. Я фактически висела на Кине. Увы, насколько бы сильно я ни желала этой встречи, сил на неё совершенно не осталось.

– Зачем? – вперёд совершенно неожиданно выступил Зак и обратился к Лилии. Голос его звучал твёрдо, но достаточно почтительно – он явно копировал манеру других обращаться к нашей провожатой. – Пусть отдыхают. Мы проделали долгий и сложный путь, поэтому тоже больше всего нуждаемся в отдыхе. А вот после наступит время...

Так же внезапно, как заговорил, эдайти и замолчал, резко обернувшись назад. Совершенно синхронно с этим его колени обхватили детские ручки, и из-за спины мужчины раздался тоненький голосок:

– Папа вернулся...

И столько пронзительного очевидного детского счастья было в этом возгласе, что лично я вздрогнула – даже сонливость немного отступила, сметённая силой эмоций. Внимание всех эдайти сконцентрировалось на ребёнке, которого их немного растерявшийся собрат осторожно вытянул вперёд.

– Миха! – Ирис суетливо подскочила к малышу. – Что же ты не спишь? Так поздно уже...

Как и взгляды других взрослых, голос девушки был расстроенным. Она с усилием старалась оттянуть малыша от ног эдайти, за которые ребёнок продолжал цепляться.

– Проснулся попить и увидел в окно папу...

Малыш, на вид лет четырех-пяти, тянулся к Заку, лицо его сморщилось, грозя разразиться рёвом. Я наблюдала за ним – таким маленьким, щуплым, с копной спутавшихся волос, в длинной бурой тунике, подвязанной поясом, – и не могла отвести глаз. Как давно я не видела маленьких детей!

Вот оно – то, что является признаком жизни: потомство. Люди на этой планете реально живут – у них рождаются дети! Словно до появления этого малыша я так до конца и не верила в реальность Лилии и приоткрытой ею завесы тайны с выжившими колонистами.

– Миха, отправляйся спать, – принялась увещевать малыша Лилия. – Разве же это папа? Не похож он вовсе... Папа не вернётся, он улетел к духам предков.

Но ребёнок не слушал и с воем тянулся к Заку.

– Разве же ты помнишь своего отца, – тормошила его Ирис.

– Это он! – возмущённо выпалил мальчик.

Крик заставил меня опомниться, а заодно сообразить: со стороны эдайти наблюдалась абсолютная тишина. Они не просто молчали, они даже не шевелились. Только их взгляды с явным ошеломлением фиксировали каждое движение ребёнка. И тут я сообразила: эдайти прежде не видели детей...

Проняло этим воплем и Зака – он медленно присел рядом с мальчиком, позволив ему всё же ухватить себя за руку. И малыш успокоился.

– Сынок, – от ближайшей к нам капсулы спешно подбежала женщина. – Зачем ты убежал?

Она была старше Ирис, лицо её чуть припухло, выдавая недавний сон, волосы в длинной косе растрепались.

– Кто это такие? – стоило ей подхватить ребёнка на руки, как жительница общины обвела нашу группу шокированным взглядом, невольно попятившись: откуда здесь незнакомцы?! Да ещё в таком количестве?

– Лайса, уведи ребёнка, – попросила Лилия. – Миха спросонок принял этого мужчину, – она махнула рукой на Зака, – за своего отца, Сирона. Что до них, то завтра вместе со всеми узнаешь подробности. Скажу лишь, что это выжившие с того корабля, чьё падение мы видели с месяц назад.

Глаза женщины округлились, какое-то время она в полном смятении переводила взгляд с одного эдайти на другого, крепко прижимая к себе сына. Особенно пристально рассматривала она Зака: могло ли так случиться, что во внешности её мужа и этого эдайти имелись общие черты?..

Мои спутники в ответ с не меньшим потрясением взирали на них...

Мысленно я застонала: материнство, отцовство – это тоже совершенно незнакомая сторона материального мира для эдайти. Но раз они столкнулись с обыденной человеческой жизнью, то теперь неизбежно увидят и эту сторону нашего существования. Важнейшую...

– Папа, папа, – упорствовал малыш, так и не выпустив из ручек ладонь Зака.

На эту самую серокожую когтистую ладонь его мама взирала в полном ужасе.

– У них синтезированные тела, – вмешался Соран, по-отечески похлопав женщину по плечу. – Очевидно, современные земляне на это способны. Такие тела прочнее настолько, что они смогли выбраться из болота и самостоятельно преодолеть лес.

Глаза Лайсы стали ещё шире, женщина неверяще охнула. Взгляд её потеплел...

– Надо спать, – наконец отмер Зак, строго обращаясь к мальчику. Говорил он с ним как с взрослым, но малыш неожиданно притих.

– И тебе, – широко улыбнулся он и потянулся к эдайти.

Обхватив мощную шею мужчины, неожиданно прижался к его лицу своей щекой. Лайса, удерживая мальчика на руках, вынужденно подступила вплотную к Заку. Но через мгновение, опомнившись, спешно отступила в направлении ближайшей капсулы, потянув за собой сына.

– Иди со мной, – Миха не желал выпускать на волю «добычу», дёрнув с места Зака.

Эдайти не сопротивляясь, словно в каком-то трансе, сделал шаг. Лайса немедленно суетливо отступила ещё на шаг. Так они и дошли до жилого блока. Втроём!

– Сирон погиб, когда Михе было три. Не успел вернуться под защиту пещер до наступления убивающего звука, – пояснила Лилия,

прервав повисшее молчание. – Малыш, конечно, не помнит его толком. Разве что силуэт – он был рослым мужчиной. Со сна и обознался...

Все мы дружно уставились на захлопнувшуюся дверь жилого блока – Заку пришлось войти, ребёнок так и не отпустил его.

Как поступит эдайти? Я очень надеялась, что он невольно не напугает мальчика или его мать...

– Отложим общую встречу, – между тем предложил Григорий, обращаясь к Лилии. – Пусть наши гости отдохнут. У нас есть несколько свободных жилых блоков...

– Мы предпочтём остаться вместе, – отреагировал Орш, поворачиваясь к ближайшему навесу из плоских кристаллов. – Можем здесь лечь?

Соран, Лилия и Григорий переглянулись.

– Мы понимаем, что после пережитого, вы не хотите разлучаться, но помните: здесь вы в безопасности... – мягко начала она. – Будет ли удобно...

– Да, – прервал её Орш.

– И женщину оставите спать здесь? – захихикала Ирис, кивая на меня.

Прежде чем я открыла рот, намереваясь согласиться – спать на голой земле в компании похитителей уже не впервой, как Кин удивил:

– Трое подойдёт жилой модуль, чтобы сон был лучше. Полезнее!

Местные люди согласно закивали, пусть формулировка и удивила их. Эдайти разрешили разместиться на облюбованном ими месте, а меня Ирис поманила ближе к пирамиде из жилых корабельных кают. Кин пошёл тоже.

– Там есть вода и еда. Можно мыться, система сбора мусора и очистки воздуха тоже функционирует, – на ходу пояснила девушка.

Старые модели жилых кают я себе представляла, поэтому сложностей не ожидала. А за возможность поспать, наконец, на кровати и вовсе была готова отдать палец!

– Сестра, – не успели мы отойти и на пару шагов, как Ирис склонилась ближе, практически зашептав на ухо: – А тела на Земле синтезируют только для мужчин?

Понятное дело, я выглядела максимально похожей на обитателей пещер – землянкой. А все сопровождавшие меня мужчины одинаково отличались как от меня, так и от аборигенов. Что ещё оставалось

подумать девушке? Но для меня это стало проблемой: следующим шагом, по её логике, станет разоблачение эдайти.

– Правильно, что это сделали, – пока я размышляла над щекотливым вопросом, моя спутница продолжила развивать мысль. – Эти тела явно совершеннее обычных, иначе бы они сюда не добрались. Женщины из экипажа погибли, потому что их тела обычные и не выдержали опасностей Золеры?

И как ответить, не солгав?.. От душевных противоречий и легкой заминки я покачнулась. Рот сам приоткрылся в долгом зевке. Мы уже подходили к модулю, Кин, отреагировав на моё состояние, подхватил на руки. Ухватившись за предлог, я с сонным видом опустила голову на его плечо: отосплюсь, тогда и буду давать разъяснения на свежую голову. Сегодня же... слишком много всего для одного дня!

Так на руках эдайти и перенёс меня за порог каюты, отведённой мне для ночлега. Но едва поставил на пол в центре помещения, как всё поплыло перед глазами. И дело было не в усталости, это навалились воспоминания из прошлого...

Словно не было космической станции с таинственными подопытными, не было похищения, побега и аварии на страшной планете. Всё такое... по-человечески организованное и понятное, знакомое... почти дом: кусочек Земли. Сердце защемило от грусти, но тут же на плечи опустились ладони Кина, разворачивая к себе.

– Троя, а откуда берутся дети? – с вдумчивой серьёзностью, сосредоточенно нахмурившись, спросил Кин, выдавая свои, такие отличные от моих, мысли.

Вот оно! В груди похолодело: встреча с мальчиком произвела на эдайти неизгладимое впечатление. Без последствий это не пройдёт...

Спешно оглянувшись, поняла, что не заметила, как ушла Ирис. К счастью, вопроса Кина никто больше не услышал.

– Дети рождаются. Мы, люди, относимся к живородящей категории живых существ.

Спешно отговорившись, я попыталась прошмыгнуть мимо Кина к встроенному санитарному блоку. Но не тут-то было: меня ловко перехватили и вернули на прежнее место.

– Мы, эдайти, теперь тоже?

– Сложно сказать, – постаралась я выдержать максимально нейтральный тон, обратив всё в шутку. – Вы наукой еще не изучены...

Инструкции по использованию не прилагалось.

– Тогда мы сами должны изучить себя, – нашёлся Кин с поспешным решением на мою несчастную голову.

– Ну-у, наверное... Это и так случится... постепенно.

Если выживут!

– Разберёмся сейчас! – в неумолимой и категоричной манере эдайти возразил Кин.

– Нет, – упёрлась и я, из опасения в полусне наболтать лишнего. – Сил нет. Можем отложить до завтра?

О собственных мыслях не переживала – в голове было пусто.

– Хорошо, – Кин на удивление покладисто согласился. – Ответ на два вопроса и можешь спать.

– Каких? – Я с подозрением уставилась на мужчину. Ощущение, что брожу на самом краю пропасти, не покидало.

– Дети рождаются у женщин, но для их образования требуются и мужчина, и женщина?

– Ну-у... да...

– Именно в этом причина различий тел мужчин и женщин? Они такие, чтобы объединяться в единое целое ради зарождения будущего потомства?

– Мм... – Я неуверенно кивнула.

По спине зазмеился холодок – верный знак дурного предчувствия. Сообразительность эдайти, умение мыслить в обход привычной мне логике и складывать два и два давно уже себя проявили. Учиться всему, и так быстро, как Кин и его собратья, точно бы никто не смог. А мелькнувшее во взгляде мужчины торжество навело на опасения: уж не разобрался ли он в глубинном смысле размножения?..

Впрочем, два вопроса заданы – я рванула в туалет, ища за символичной дверью спасения от опасного любопытства «несведущего младенца с возможностями бога». Умывшись, привела себя в порядок, вспомнив, что так и не выяснила, откуда у аборигенов вода – она же как-то попадает в систему водообеспечения этих кают? И на замкнутый цикл звездолёта здесь не сослаться.

За этими делами немного успокоилась, решив, что поспешила с выводами насчёт направления раздумий Кина. Тем неожиданнее было застать его, с чинным видом сидевшего на кровати в ожидании меня!

Серокожего, клыкастого, невозмутимого и возмутительно харизматичного эдайти! Смирно сидевшим в ожидании меня! От одного этого зрелища стало плохо...

– А... – я запнулась, вдруг осознав, что краснею. – Почему ты здесь? Разве не должен с другими эдайти устраиваться на ночлег?

Мы вдвоём в одной комнате... мужчина и женщина, неоднозначно реагирующие друг на друга... Как бы чего не вышло!.. Себе я не доверяла даже больше, чем эдайти: кажется, с момента, когда я считала его исключительно монстром, всё перевернулось с ног на голову, а мои чувства стали... противоположными.

Кин стал мне не просто нравиться, он стал мне интересен, важен... Да что говорить! Меня неумолимо тянуло к этому мужчине!

– Забыл кое-что уточнить, – деловито сообщил Кин, вызвав вздох облегчения: ничего такого он не планировал...

Но я немедленно спохватилась: рано радуюсь, кто знает, что ему ещё интересно.

– Спрашивай, – без энтузиазма пролепетала, присаживаясь на другой край кровати, на максимально возможном расстоянии.

Неспокойные ладони пристроила поверх колен. Как маленькая девочка... Куда делась уверенная и знающая себе цену Троя? Во всём виноват мой кошмарный похититель – лишил покоя.

– Как конкретные мужчина и женщина понимают, что хотят зарождения общего ребёнка?

Мысленно я взвыла: что за напасть, почему эдайти спрашивает о детях снова и снова?!

– Это не поддаётся объяснению, – развела руками, радуясь, что не стою напротив и не встречаюсь с ним взглядом. – Они просто подчиняются инстинктам, полагаются на свои чувства и доверяют желаниям тел. Ответа нет: они это понимают в какой-то момент, и всё.

– Ясно, – уточнять и требовать пояснений Кин не стал, просто с задумчивым видом поднялся и вышел из каюты...

Какое-то время я, не веря своим глазам, по инерции смотрела на дверь, прежде чем поняла: ушёл. Оставил меня спать в одиночестве, отправившись к другим эдайти. И это после нашего вынужденного уединения в зиянии... Только мне казалось, что продолжение неизбежно?..

В дверь постучали. Со скоростью молнии я оказалась на ногах: Кин вернулся? И тут же одёрнула себя: в конце концов, я этого боюсь или хочу? Что за паника? Разве мне не положено думать совсем о другом? О военных, которые точно вернуться уже завтра? О так неожиданно встреченных аборигенах, сумевших выжить на планете? О собственном будущем? Но нет, стоило мне остаться наедине с эдайти – всё прочее отошло на задний план, словно живу последний день и желаю успеть сделать лишь одно... Что? Себе не хватало храбрости ответить на вопрос!

– Д-да?..

– Троя? – Дверь приоткрылась, в образовавшуюся щель просунулась голова... Ирис!

С чувством разочарования и необъяснимой обиды на судьбу и одного непонятливого мужчину я снова рухнула на кровать.

– Я принесла еду, – девушка протянула миску с чем-то студенисто-жидким... Выглядело содержимое не очень аппетитно: словно водянистая желтоватая каша.

– Что это?

Острого голода я не испытывала, эдайти успели накормить меня в пещере до появления Лилии.

– Суп из молодой сопры с трофами.

– Сопру ещё и едят? – Взгляд переместился на балахоны, что красовались на нас обеих.

Гладкая, словно кожистая поверхность плоской пластины кристалла не выглядела съедобной...

– Только маленькие экземпляры, они ещё мягкие. Их вываривают, и отвар можно есть – остывая, он становится студенистым. В него добавляют трофы, что-то вроде земных грибов, но их надо выкапывать из земли, такие оранжевые, в форме ромбиков, мы их специально разводим. Они и желтоватый цвет каше придают. Это основная наша еда... – Ирис выдохнула, переводя дыхание. Пояснения она давала залпом, торопливо. Было понятно, девушка и смущается, но и всячески желает побыть рядом. Очевидно, для обитателей этой общины наше появление такая же сенсация, как для меня сам факт их существования!

– Спасибо, – от души поблагодарила я, борясь с зевотой. – И за возможность спать сегодня с комфортом, и за еду. Когда корабль падал

на планету, лично я была уверена, что погибну. И уж точно не ожидала гостеприимства соплеменников. – Смолкнув, пожалела, что не могу сказать больше – для этого пришлось бы раскрыть этим людям истину про эдайти. Сочла за лучшее сменить тему: – А мои спутники поели?

– Они отказались, – откликнулась Ирис. – Уже все улеглись, спят прямо на земле. Совсем, наверное, измучились. Только тот мужчина, – девушка наградила меня восхищённым взглядом, – твой... попросил еду сюда отнести. Сказал, ты ещё не заснула. Попробовал и попросил отнести...

Глупая улыбка сама расплзлась по губам. На сердце потеплело. Отчего? От слов Ирис. Она сказала: «твой»... А ещё невольно подтвердила, что Кин при всей своей суровой и неумолимой природе способен на... пусть и не осознанную, но заботу?

– Я вот умывалась и думала: откуда здесь вода? – пришлось снова спешно менять тему.

– Воду берём из колодцев. Они в глубине пещеры, там поверхность под ногами мягче, – охотно пояснила девушка, но сразу спохватилась, увидев мои против воли закрывающиеся глаза. – Расскажу и покажу всё завтра, а сегодня – кушай и отдыхай. Ваш трудный путь привел вас туда, где безопасно.

Увы, Ирис не подозревала, что с нами в их опасный, но уже привычный мир пришла ещё одна огромная угроза. Угроза в лице тех, кто преследовал эдайти. Но этим мы займёмся завтра...

Дверь за девушкой закрылась, а я без сил рухнула на кровать. Заснула, наверное, ещё в процессе падения – день выдался из разряда судьбоносных!

Но снилась мне совсем не война и не ужасы наших испытаний. Возможно, дело в мягкой кровати или в возможности помыться перед сном, вернувших меня в утраченную реальность прошлой жизни, что ассоциировалась с безопасностью и покоем, но снилась мне... нежность.

Снились большие сильные руки, обнимающие мои плечи и плавно, без усталости гладившие спину. Снились губы, на жаркие поцелуи которых я отвечала с не меньшим пылом. Мои пальцы путались в его волосах, его – в моих. И что удивительно, когтистые пальцы Кина не приносили никакого урона моей шевелюре, в то время как я то и дело умудрялась лишить мужчину пары-тройки волосков.

Да, в сравнении с ловкими движениями эдайти мои были неуклюжи и замедлены. Впрочем, именно это зачаровывало Кина, заставляя его зрачки расширяться, а дыхание замедляться.

Мы молчали, полностью погрузившись в сонную негу, сосредоточившись друг на друге. В мгновения, когда я медленно-медленно, умирая от желания прикосновениями передать всю ту нежность, что переполняла душу, ласкала плечи и скулы Кина, он точно переставал дышать, замирая... Словно бы вслушиваясь в каждое касание, впитывая в себя тепло моих рук, моего тела...

Потребность избавиться от одежды нарастала – нам всё мешало, раздражая надуманностью преград и неуместностью. Хотелось максимума ощущений, абсолютного поглощения, порабощения тел друг друга.

Одно дело – видеть, и совсем иное – ощущать. Прикрыв глаза, забыв о существовании чего-то ещё за пределами нашего крошечного мирка, вновь и вновь встречаясь губами, мы словно заново знакомились. Такими тела друг друга мы не знали, запечатлевая в памяти каждое крошечное ощущение, малейший изгиб, ту радость, что сполохами расцветала в душе, стоило чувству единения усилиться.

Не было мыслей! И не было сомнений! Я вообще не в состоянии была думать, чувствуя, осязая и практически поглощая тело Кина, сантиметр за сантиметром исследуя своими ладонями.

Губами, лбами, грудью и бёдрами – сомкнувшись всем, чем возможно, сплетясь руками и ногами, мы вели безмолвный диалог. Мы учили наши тела чувствовать друг друга, учили спасать друг друга, одновременно умирая от обоюдного голода, желания и вожделения.

Добыча? Именно...

Сейчас Кин был моей самой желанной добычей, а я стала хищницей, неумолимо поглощавшей его тело, волю и разум. Ни кусочка, ни вздоха, ни взгляда, ни поцелуя я не готова была оставить другим. Дикая жадность и всеобъемлющий голод накрыли с головой, каждая клеточка тела вопила: он мой.

Плохой или хороший – значения не имело. Я тоже не искала в себе достоинств, не стремилась оценивать недостатки. Мы просто были собой и дышали сейчас друг для друга, открывая совершенно новую страницу жизни. Жизни, где мы понимаем друг друга без слов, где желание важнее необходимости, где все угрозы и опасности

отложены до момента, пока мы, наконец, не разберёмся в себе. Друг в друге... И поймём, почему так важно идти до конца.

– Троя, – его настолько тихий шёпот, что мне кажется, будто он звучит в моей голове.

«Да?» – мне же и вовсе нет необходимости отвечать вслух.

– Наверное, я понял... – Долгая пауза, вызванная сладким поцелуем. Сладким уже потому, что нет сил разлепить наши губы. – Про доверие... Помнишь? Ты говорила...

Мое очередное «Да!».

– Я тебе доверяю.

«Да», – для него у меня теперь один ответ.

И это тоже признак доверия, моего доверия. Доверия к мужчине, что пришёл за мной в явную ловушку. Но ещё больше доверия к мужчине, который не смог заснуть, не удостоверившись в наличии у меня еды.

Было много того, за что его стоило ненавидеть. Но перевесило в этой незримой дуэли ненависти и любви то, за что его стоило полюбить.

– Я тебе тоже, – оторвавшись от его рта, чуть отстранилась, продолжая обнимать плечи Кина руками, желая поймать взгляд его сразу распахнувшихся глаз. И увидеть в них то, о чём сам эдайти ещё и понятия не имеет: любовь и нежность.

Мы всё выяснили и всё решили. Что первостепеннее – голос разума или желания тела? Ответ один: существуют мгновения, когда и они едины. Как сейчас...

Не было необходимости в разъяснениях или уроках. Мы просто стремились друг к другу, жаждали всепоглощающей близости, открываясь навстречу с абсолютным доверием. Мы не задумывались о последовательности и осмысленности действий, не фиксировали инстинктивных порывов тел, просто растворились во взаимной потребности и обоюдном желании.

Жарком и тесном, с единым эпицентром силы, вызванной трением и нарастающим давлением страсти. Она нарастала, превратив наши тела в аналог вечного двигателя, функционирующего на пределе возможностей.

Мы задыхались, едва ли осознавая, что отдаем все силы без остатка, что готовы взорваться уже через миг. Взорваться,

одновременно испытал полное единение. Чтобы вместе обессиленно рухнуть в пропасть удовольствия и неги. Рухнуть, продолжая сжимать друг друга в объятиях и вслушиваясь в бешеный ритм наших ошалевших сердец.

Силы эдайти безграничны? Я только что доказала обратное, не просто обезоружив Кина, но и обнаружив его обессиленным. Впрочем, и сама оказалась в состоянии только провалиться в сон, уткнувшись лицом в шею дорогого мужчины.

Всё оказалось так просто: достаточно только поверить друг другу. И перестать сомневаться!

– Выспалась?

Вновь проснувшись от ощущения его прикосновений к волосам, я открыла глаза. Кин, уже в облачении из раскроенных и сшитых вместе плоских кристаллических пластин, покрывавших всё тело, кроме лица и кистей рук, присел рядом с кроватью. Чтобы оказаться на одном уровне с моим лицом?

– А почему?..

Какое из сотен ментально вспыхнувших в голове «почему» я хотела озвучить и тут же забыла, стоило резко сесть в кровати. Контраст между моим совершенно обнажённым телом и таким вот закутанным в одеяние телом Кина обескуражил.

– Мне надо было встать раньше, поэтому я уже оделся, – спокойно, даже деловито принялся отвечать эдайти на самое первое моё «почему».

При этом его большая ладонь, вновь подобравшись ближе, гладила меня по голове и спине с такой неописуемо пронзительной нежностью, что мои губы задрожали, предвещая рыдания. Ничего не выяснив, я уже поняла: это прощание.

– Мы с братьями сейчас уйдём. Все обитатели общины ещё спят, бодрствуют лишь трое, контролируя работающие механизмы. Но они не заметят нашего ухода.

«Почему» в моей голове было ещё много. И кажется, Кин вознамерился ответить на каждое.

– Позже ты сможешь рассказать своим соплеменникам о нас. Ты – одна из них, они примут тебя. Среди них на этой планете твоё место, здесь ты сможешь жить в относительной безопасности.

Я смогу! Всё время он говорил обо мне...

– Мы атакуем базу преследователей. Сегодня мы уничтожим их.

– Нет! – наконец преодолев ступор, я вскрикнула сдавленным от ужаса голосом. – Это бессмысленно. Кин, пойми, уничтожив этот лагерь и всех, кто находится на планете, вы не сможете победить. Они будут прилетать ещё и ещё, но что важнее – им не надо уничтожать конкретно вас, они всегда могут просто уничтожить эту планету вместе с вами. Если поймут, что вы не подчинитесь. А вы не подчинитесь...

– Троя, – при совершенно безэмоциональном тоне, на мгновение прижавшиеся к моему рту губы говорили о нежности. И это просто разрывало мне душу. – Это лишь одна из множества вероятностей. Никто не может знать наперёд. И проиграть наперёд тоже. Не всё так просто. И уничтожить планету тоже не просто. Всё во вселенной взаимосвязано на энергетическом уровне, гибель планеты не останется без последствий.

– Но у вас нет шансов... Даже сейчас!

– Шансы? Они не имеют значения. Мы просто уничтожим тех, кто пленил и преследовал нас.

– Как?! Вы и подобраться к лагерю не успеете. Раньше их силы вернутся к этой равнине, атакуя. И тогда они найдут подземелья...

«И потомков переселенцев» – осталось недосказанным.

– Не успеют. Мы доберёмся быстрее – полетим на мантах.

Ни грана сомнений, что всё получится, – в духе эдайти. Вот почему они вчера так заинтересовались этими любопытными местными летунами.

– Вас радары засекут на подлёте...

– Теперь нет, – Кин ткнул пальцем в балахон бурого цвета. – Эта одежда защитит нас. Эти плоские кристаллы экранируют наше видение, значит, и сканирующие системы военных окажутся бесполезными. В ней мы для них невидимы...

В ужасе я смотрела на Кина: не таким мне виделось сегодняшнее утро.

– Давай рассмотрим другие варианты? – сделав глубокий вдох, я попыталась отговорить любимого мужчину от рокового шага. – Если эти кристаллы такие необычные, то подземелья для военных – тайна. Не стоит ли вам заручиться помощью аборигенов, укрыться в этих подземных лабиринтах, позволив военным разрушить всё на

поверхности? Решив, что вы уничтожены, они рано или поздно уберутся назад. А тут люди так хорошо всё устроили – можно укрываться очень долго.

– Они не уйдут, не убедившись в нашей смерти, не обнаружив опустевшие тела – все до единого. Противник хорошо знает наши возможности и поэтому не поверит в такую лёгкую гибель. И ты заблуждаешься насчёт обитателей этой общины. Они совершенно точно обречены. За три поколения на планете им не удалось встроиться в её мир. Люди всё так же не могут противостоять ультразвуку, не пользуются и не исследуют зияния, большая часть планеты для них запретная зона. А в своей обыденной и каждодневной жизни они полностью полагаются на ресурсы из прошлого. Они всё ещё словно продолжают доживать на рухнувшем под землю корабле, используя его жилые блоки и реакторы. Но этот ресурс исчерпаем, фактически скоро они лишатся энергии. Мы чувствуем такое. Что тогда? Окажутся запертыми в подземной пещере без света и тепла, не способными видеть в темноте или обогреться. Люди одичают и погибнут.

Стоило увидеть это место глазами Кина, как всё очарование и восторг пропали. Склеп...

– Тогда зачем ты оставляешь меня здесь?

Кин стремительно прижал к себе, обнимая.

– Если мы не победим, то исчезнем. Но я буду знать, что моя добыча в том месте, где она сможет жить. На твою жизнь энергии хватит. Ты должна постараться убедить местных не раскрывать себя военным. Иначе вы все ненамного переживёте нас.

– Ты просишь о невозможном, – глухо пробормотала в плечо Кина, не желая отпускать его. – Они меня не послушают. Для них появление землян – единственно значимая цель.

– Не рассуждай о шансах, просто убеди их.

В этом все эдайти!

– А что до вас? Если... – голос дрогнул. – Если вы вернётесь?

– Они должны принять нас. Понять, что шанс для жизни на Зофере в нашем объединении. Дети – это же бессмертие в материальном мире, я верно понял?

– Что-о? – Мои глаза невольно округлились, не отпуская плеч Кина, я чуть отстранилась, ища ответ в его взгляде. – Что ты там себе

надумал?

– Мужчина и женщина объединяются ради появления новой жизни, – напомнил он мне вчерашний вывод. – Всё изначально устроено так, поэтому тела отличаются, а мужчин и женщин тянет друг к другу. Мы теперь тоже материальны, значит, и наши жизни не бесконечны. Но у нас могут появиться дети...

– Это доподлинно неизвестно... – попыталась я прервать Кина, но он был категоричен:

– Известно! И ты думала об этом, я только сегодня ночью понял твои мысли: нас не просто так создали разными – с телами мужчин и женщин. Значит, способность к появлению детей у нас лишь вопрос осознания и желания. А если мы объединимся с живущими тут людьми, то наши дети смогут стать частью мира этой планеты. Полноценной частью!

– Когда ты говоришь – наши дети, – сорвалась я с кровати, потрясённая внезапной догадкой, – то подразумеваешь общих детей?! Общее потомство людей и эдайти?!

– Да.

Кровь ударила в голову, зашумев в ушах. Ничего, кроме своего зашкаливающего пульса, я сейчас не слышала.

– То, что сегодня было?.. Это что, эксперимент? Попытка проверить эту дикую теорию?

– Нет.

Кин протянул руки, явно стремясь снова обнять. Но меня трясло от ужаса и отвращения, в голове всё ещё звучали его слова. Я чувствовала себя лабораторной мышью...

Доверие? Вот уж насмешка судьбы!

– Троя, почему вы так мыслите? Сразу думаете о худшем варианте из возможных? – Кин всё же поймал меня в кольцо своих рук. – Что было сегодня? Я послушал тебя и решил довериться своему телу. Тогда и сознание прояснилось, понял: всё просто. Я доверяю тебе, поэтому сделаю всё так, как ты захочешь. Поэтому и пришёл. Я слышу твои желания. Ещё я сегодня понял: они совпадали с моими. Дети тут ни при чём.

– Дети ни при чём? – Я начала остывать.

– Да, – твёрдо повторил Кин. – Конечно, вопрос детей интересен, мы вчера все им заинтересовались. Но прежде его надо обдумать, а

сейчас на это времени нет.

– Обдумать...

Сглотнув, решила, что и мне, прежде чем злиться, стоило бы как следует поразмыслить. Хотела бы я нашего общего ребёнка? Конечно, если абстрагироваться от необходимости выживать на смертельно опасной планете. Это же означало бы, что я окончательно выбрала сторону эдайти, сторону Кина...

– Нет. Никаких детей, – вмешался он сам, вновь реагируя на мои мысли. – Если я исчезну, не выбирай другого мужчину, чтобы объединиться для ребёнка. В сравнении со мной всякий будет ужасен, ведь я совершенен. И помни, такой ребёнок будет обречён на деградацию.

Совершенен?! Я опешила: кое-кто сегодня вволю наслушался моих восторженных мыслей в свой адрес. Со вздохом я попыталась исправить впечатление:

– Ты не совсем верно понял. Дети – лишь одна из многих причин, по которым мужчина и женщина выбирают друг друга. Тут много всего, надо время, чтобы объяснить... Что до меня, то к ребёнку я сейчас точно не готова, можешь не переживать насчёт другого мужчины.

– А чего ты сейчас хочешь? – Кин смотрел серьёзно, чуть приподняв моё лицо, придерживая рукой подбородок.

Он не говорил, но я чувствовала: время уходит, уже ушло. Поэтому ответила, выдав своё самое заветное желание. Единственное желание.

– Вернись за мной.

– Хорошо.

Эдайти, действуя с присущей ему стремительностью и напором, прижал к себе, соединив наши губы в поцелуе. Прикрыв глаза, я впитывала в себя это ощущение полной близости, не зная, испытаю ли его ещё когда-нибудь.

Дверь хлопнула – я открыла глаза, чтобы убедиться: Кин ушёл. Все они ушли, вероятно.

Ноги затряслись, в медленном бессилии я осела на пол. Что же случится сегодня? Снова бойня...

«Пожалуйста, если вам попадётся Игерь, сохраните ему жизнь», – вдруг вспомнила о собрате, оставшемся пленником

военных. Я надеялась, что Кин ещё слышит мои мысли.

С чувством обречённости, привалившись виском к кровати, я просидела несколько часов. Желания выходить и выяснять реакцию жителей общины на исчезновение невероятных гостей, не было. Снова и снова я думала о словах Кина.

Он оставил мне цель. И мне предстоит её выполнить, других вариантов нет.

«Троя Флэш, соберись, – мысленно велела я себе взбодриться и, поднявшись, начала одеваться. – Иди и сделай то, что должна. Местные должны узнать правду о происходящем. Приведя к ним эдаити, ты приняла свою долю ответственности».

Пришло время не ждать, а действовать, выбрав, наконец, свою судьбу...

Эпилог

История 1.

Те, кто всегда побеждает

Нападение началось в тот самый момент, когда розовый восход окрасил горизонт сиреневыми красками, а на планету обрушился ультразвук, готовый свести с ума всех, кто реагирует на его воздействие.

Эдайти, ведомые Кином и Оршем, на максимальной скорости преодолели расстояние до выхода из лабиринта подземелья, прекрасно различая в темноте узоры-насечки на стенах. Одежды из пластин сопры оправдывали себя полностью – собратья, оставленные для охраны на подходах к жилой пещере, не осознавали их приближения до последнего момента.

Вот и поверхность – склон, облюбованный летающими мантами...

Идея о том, как направлять их, возникла ещё вчера. Конечно, эдайти не планировали сопровождающего, движущегося по земле, им важна была скорость.

Энергия – она стала отличной мотивацией. Любому из соплеменников Кина оказалось элементарно просто направить вперёд незримый щуп силы эдайти, привлекая любителей энергии близкой поживой. За ней манты и устремились, ускоряясь в тщетной попытке заполучить желаемое.

«Можно и вознаграждать их небольшой порцией в будущем, достигнув пункта назначения. Если нам понадобится привязать к себе сильнейших летунов Золеры», – такими коллективными мыслями обменивались эдайти.

Всё получилось именно так, как задумывалось. Плоские существа, ощутив незначительную тяжесть и приняв поступок двуногих за очередную игру, подрагивали в нетерпении. Они ждали,

что кто-то из забавных обитателей равнины привычно укажет руками, в каком направлении нужно скользить, но...

Разницу они почувствовали сразу, отныне научившись распознавать сладчайший привкус пищи, связанный с эдайти, и догонять его, стремительно унося седоков в нужном им направлении.

Вот только в военном лагере о происходящем за пределами купола никто не подозревал. Диспетчеры, неусыпно следящие за внешним периметром, лишь предусмотрительно усилили напряжённость защитного поля, отражающего ультразвук.

– На радаре засветка, – сообщил дежурный, сканирующий воздушное пространство. – Шесть объектов движутся в нашем направлении.

– Приблизь.

Краткое распоряжение начальства, несущего ночную вахту, и развернувшееся на голоэкране изображение: скользящие над лесом по направлению к куполу существа – плоские, как ковры, с выростами-горбами...

– Твари какие-то, – хмыкнул и отвернулся офицер. Занятые отслеживанием перемещений амиотов по планете, военные уже не раз фиксировали местную летающую живность.

Картинка погасла.

О том, что «твари» не что иное, как манты с парой-тройкой прижавшихся к спине каждого эдайти, завёрнутых в плащи из экранирующей сопры, ни персонал следящей станции, ни патруль, выставленный для охраны лагеря, не смог даже заподозрить. Кин оказался прав, предположив, что поисковые устройства военных окажутся так же слепы, как и особое видение самих эдайти...

Поэтому атака стала неожиданной – манты, ведомые эдайти, не снижая скорости, рассекли поле защитного купола и с той же стремительностью вылетели, оставив своих седоков внутри.

Штурм оказался не только внезапным, но и сокрушительным – в первую очередь эдайти стремились нанести максимальный урон кораблям, формирующим защитное силовое поле. Купол схлопнулся, открыв ультразвуку всё пространство лагеря. Его обитатели лишились защиты, неизбежно погибая в жутких муках. Военные потеряли практически всех бойцов-десантников, ночевавших на плацу и в

палатках, прежде чем осознали, что ничего не могут противопоставить напору, скоростям и неуязвимости отряда эдайти.

Шоша – единственную реальную угрозу, способную если не остановить всех, то развоплотить хотя бы одного-двух «подопытных», – рарки ещё вчера вечером после второй постигшей военных неудачи переправили на орбиту, заявив, что больше не намерены участвовать в сомнительных авантюрах.

Победа, молниеносная и несомненная, не стоила амиотам особых усилий. Фактически преследователи проиграли не им, они проиграли планете, оказавшейся для них негостеприимной хозяйкой.

У землян не осталось выбора. Едва ультразвук стих, и на звездолётах заработали подавляемые им системы, они спешно покинули планету, взорвав неспособные взлететь повреждённые корабли вместе с укrywшимися в их недрах экипажами...

Потери оказались масштабными!

Насколько бы значимой ни была миссия, на какие бы траты ни готовы были пойти создатели проекта, какие бы человеческие ресурсы ни растрачивали в этой безжалостной мясорубке заведомо обречённых сражений, шанса совладать с амиотами не было. Сама планета помогала своим новым обитателям!

Остатки земной эскадры ещё некоторое время оставались на орбите. Военные явно решали, как им дальше действовать... А потом внезапно корабли исчезли. На второй день, утром, эдайти, привычно сканирующие пространство над Золерой, не обнаружили ни намёка на присутствие опасности. Земляне и их союзники покинули систему двойной звезды, оставив планету в безраздельное пользование тем, кого сами же сотворили...

Взобравшись на вершину одного из холмов, Троя, Кин и ещё несколько эдайти смотрели на туманное небо, пытаясь осознать произошедшее и найти ему объяснение.

– Это точно какая-то ловушка, – безапелляционно лаконично заявил Орш, намекая, что военные вернутся с подкреплением.

Из-за Трои он, как и остальные, говорил вслух.

– Тогда в чём её смысл? – проявил сомнение Зак. – База уничтожена, кораблей на орбите нет...

– Если они действительно ушли... – Троя заговорила медленно, пытаясь поймать ускользающую мысль.

Что-то на самом краю сознания. Предположение? Словно бы разом и жизненный опыт настойчиво подсказывали ответ.

Эдайти спокойно смотрели на женщину, которую выбрал их собрат. Для них она тоже стала частью общей группы, они ждали, когда она выскажет своё мнение.

– Значит, поняли, что нас не вернуть. Убедились, что им нас не одолеть. Ничем. Нет такой силы, которая может нас уничтожить, – Кин по-своему продолжил мысль Трои.

– Гм... – Она с сомнением воззрилась на своего мужчину, сделавшего столь опрометчивое категоричное заявление. – Ты просто не знаешь всех возможностей военных.

– Ты про бомбу? – Кин моментально выхватил в её мыслях верное слово и ассоциацию. И продолжил, анализируя образы: – Ту, которая способна разрушить планету? Термоядерную? Тогда почему не сбросили? Времени для этого было достаточно.

– Почему, почему... – Троя вздохнула, сетуя на самонадеянность и упёртую убеждённость эдайти в непобедимости. А ещё на собственную забывчивость. Вернее, на все те неявные подсказки, что проскочили в разговоре с серым кардиналом, когда тот объяснял ей суть эксперимента с амиотами, а она не обратила внимания, не сопоставила факты... – Потому, что вы всё ещё остаетесь лабораторными мышами. И в этом качестве нужны живыми, а не мёртвыми.

Эдайти, ожидая пояснений, спокойно молчали, и Троя торопливо продолжила, спеша убедить их в миг просветления в ставшей очевидной догадке:

– Вас незачем уничтожать. Иначе все усилия пойдут прахом. Вас оставили в живых ради эксперимента. А в чём его цель? В новой смертоносной расе. Ведь не просто так в ваши тела заложили возможность оставлять потомство! Какая разница, где будет увеличиваться численность «подопытных» – в лаборатории на станции под контролем учёных или... самостоятельно на планете? Итог-то одинаков. Понимаете?! Эксперимент продолжается, они просто расширили его границы на эту планету. Здесь автономно, в идеальных условиях, вам предстоит дать начало этой расе. А позже, когда придёт время, заказчикам останется лишь воспользоваться результатом в своих целях. Найти способ спровоцировать противостояние с врагом...

Их уход ничего не изменил, вы не одержали победу, вы так и остались слепым орудием в руках Конфедерации!

Закончила она глухо. Мысленно Троя снова видела лицо с пугающе пустым, бездушным взглядом, и ей было страшно – она ведь тоже стала частью этого глобального беспрецедентного проекта. А участь подопытного – не самая радужная перспектива.

Эдайти, понявшие наконец суть её сомнений, переглянулись, безмолвно обмениваясь мыслями. Задумка ненавистных учёных из лаборатории всё же реализовалась – разорвать связь с телами не получилось, эдайти научились взаимодействовать с ними, стали единым целым... Пусть и вынужденно, ради выживания, но... Цель достигнута, новая раса появилась, возврат к прошлой – энергетической – жизни невозможен. А способности этой расы передадутся... детям! Теперь эдайти знали, что это такое.

– Они никого не получают, – спокойным тоном заявил Кин, обобщая выводы всех стоящих рядом с ним собратьев. – Это большая ошибка – заранее планировать результат. Даже если ты права и наши преследователи отступили намеренно, будущее неизвестно. Какими станут наши потомки, если они у нас будут? Что станет с Конфедерацией? Что, если сил эдайти хватит на всех?.. – Он улыбнулся и, погладив по волосам, притянул к себе женщину. – Просто живи. И мы начнём с чистого листа, станем новой расой материального мира. Мы и люди, живущие здесь. Кем будут наши потомки-золеряне? Унаследуют ли нашу способность поглощать чужую энергию? Мы не ответим на этот вопрос, но мы научим их быть сильными и уметь защищать свои интересы, отделяя их от навязанных идей. Ты можешь думать, что это коварный план заказчиков проекта, но для нас это очевидное признание их бессилия.

Троя, счастливо зажмурилась, обнимая мужчину в ответ. Она радовалась, просто радовалась тому, что здесь и сейчас всё прекратилось. Жуткая война до полного уничтожения не случилась. А невероятный шанс встретить исключительного мужчину и познать самое глубокое чувство – случился. Повезло в итоге? Возможно... Но везёт же тем, кто этого заслуживает?

– Тогда домой?

Кин кивнул, вместе с собратьями разворачиваясь в сторону подземного лабиринта:

- Да. Там предстоит много работы.
- Мы справимся, нам есть ради кого стараться.

История 2.

Будущее зависит от сказанного

- С ума сойти! Вот ведь постаралась природа...

Основное потрясение, как выяснилось, ещё только предстояло пережить потомкам выживших колонистов. Ранним утром их всех позвали, чтобы явить... незнакомую женщину. Тройю. Факт в условиях чужого необжитого мира, где все друг друга знали с рождения, конечно, сенсационный, но... Он и в сравнение не шёл с описанием тех, кого они увидеть не смогли.

- Совершенного телосложения, мужественные... – с тоской шептала всем вокруг Ирис, единственная из молодых женщин, кто успел встретиться с загадочными ночными гостями. – И женщин среди них нет! Ну, только Троя, но у неё есть избранник. Все остальные свободны.

Как могла такая новость не взбудоражить всё население общины? Лилия с трудом отговорила своих подопечных от опрометчивого шага – желания устремиться на поверхность и выяснить всё самолично. Никто не хотел упустить свой шанс!

- Наверху происходят опасные дела, – вторил главе общины и Соран. – Мы должны сначала выслушать незнакомку.

Но разговора не получилось. Пока все собирались, возбуждённые любопытством, явилось то самое потрясение. И это были совсем не исчезнувшие под утро мужчины с обещанным Ирис идеальным телосложением. Вернее, идеальное телосложение имелось, но... у женщин!

Среди спустившихся в подземелье местных оказалось пять женщин. И все, как одна, исключительно прекрасны.

Жители общины, встречающие ещё одну группу эдайти, буквально замерли в ступоре, ошарив от облика серокожих красавиц. Пять древнегреческих богинь – ладных, крепких, длинноволосых, лишённых одежды, но совершенно не стесняющихся своей наготы, –

уверенно ступали босыми ногами по каменному крошеву подземного лабиринта и ничуть не менее спокойно замерли, осматриваясь, когда вышли в главную пещеру и ступили на площадку над жилой зоной.

– Ирис! – Шквал негодующих взглядов достался внучке Лилии по причине того, что мужчин не было, но женщины оказались в наличии, да ещё какие!

Взгляды трёх сопровождавших их серокожих мужчин были далеки от приветливых, и потому потомки землян, в особенности сильная их половина, благоразумно отводили глаза, делая вид, что облик новых обитательниц общины им безразличен.

– Риш! – радостный вскрик Трои разорвал повисшую тишину.

Пусть и незнакомая, но куда большее похожая на местных гостя принялась энергично проталкиваться сквозь толпу собравшихся, стремясь приблизиться к новоявленным визитёрам.

– Это те, кто прятался в свечении, – торопливо пояснила Троя, с тревогой осматривая пришедших. И тут же поправилась, вспомнив, с кем говорит: – В лесу они укрывались... другая группа.

– Это все... спасшиеся с корабля? Или нам ждать ещё кого-то? – осторожно попыталась прояснить обстановку Лилия, не меньше других обескураженная происходящими перемещениями.

События настораживали: почему ушли те первые ночные чужаки? И вдруг пришли эти?..

– Нет. – Троя всматривалась в одно безэмоциональное лицо за другим, силясь вспомнить всех. Узнав Щега, шагнула ближе: – Как рука?!

– Всё хорошо, – не позволив дотронуться до конечности, заверил мужчина. Впрочем, это не помешало Трое увидеть рану, которая уже заросла светлой, практически белой кожей. – Кин приказал привести женские особи сюда и ждать возвращения остальных.

– С вами же ничего не случилось? – Троя остановилась и после утвердительного кивка обернулась к молчаливой толпе, с интересом наблюдавшей за их общением. Она понимала, что сначала должна объяснить местным настоящее паломничество чужаков.

– Их тела тоже синтезированы? – подала голос Лилия, взглядом указывая на женщин. – Им нужна одежда?

Её соплеменницы тоже кидали на них грустные взоры, не находя ни единого изъяна в фигурах явившихся женщин. К счастью, никто

тактично не поднимал тему наготы. Кивнув на предложение об одежде, Троя приняла нужное количество балахонов и протянула их новоявленной группе.

– Надевайте!

Спорить они не стали, очевидно заметив, что своим видом смущают присутствующих.

– Лилия, – обернувшись к главе общины, Троя глубоко вздохнула: пришло время правды. – Их тела действительно синтезированы, и... я прошу прощения, если мои слова ночью прозвучали не совсем однозначно... а вы в итоге сделали неверный вывод... Получается, я невольно заставила вас думать, что это люди. Но это... это не земляне. Другая раса, искусственно выведенная в тайной лаборатории. Их создатели и преследуют нас, стараясь поработить или уничтожить. Но все мы действительно с корабля, который потерпел крушение – его обстреляли и повредили во время нашего побега.

Слова женщины произвели глубокое впечатление. Какое-то время все молчали, обдумывая услышанное.

– Так они... не люди? – первой пришла в себя Ирис.

– А те, кто преследует их, – люди. Так? – голос Лилии звучал строго.

В груди Трои похолодело. Аборигены предпочтут сторону своих? Людей, потому что они сами потомки тех, кто с Земли?

– Люди, но... скверные. Тайная организация, обладающая обширными возможностями, боевым и научным потенциалом. Вы зря рассчитываете, что они увидят в вас равных и чем-то помогут, – последнее сорвалось с губ бездумно. – Скорее, вы станете для них кучкой одичавших и совершенно ненужных свидетелей.

Говорила искренне – ей хватило одной встречи с серым кардиналом, чтобы понять: в поиске сотрудничества он не заинтересован.

– Понимаю, что вам сложно поверить услышанному, – Троя говорила торопливо, больше всего страшась немедленного изгнания. Ведь тогда она подведёт всех эдайти. Да и этих аборигенов подставит под удар воинственных соплеменников с Земли. – Но просто подождите! Дайте себе шанс узнать их лучше и уже тогда решать судьбу взаимоотношений.

Она была убеждена: для местных самое безопасное – не выдавать себя!

– Их тела синтезированы людьми! Это абсолютная правда. И эти тела, я уже говорила, более прочные. Они выдерживают и ультразвук, и многие другие опасные влияния среды Золеры. Если вы поможете им, они тоже не останутся в долгу.

– Это непростой вопрос, – в итоге решила Лилия. – Мы обдумаем его, какое-то время понаблюдав за ними. Вы можете остаться! Но помните: не отвечайте злом на добро.

Трою слова пожилой женщины растрогали: кажется, впервые беглецы столкнулись с добротой и пониманием при общении с людьми. Она поманила эдайти в сторону, предложив им разместиться под тем же навесом, где ночевали их собратья. Там они и дожидались возвращения первой группы под неявным, но пристальным вниманием обитателей общины – всем было любопытно, мужчины, женщины и дети находили массу предлогов, чтобы побродить вокруг.

Кин и другие вернулись. Не с пустыми руками! Манты, которых эдайти снова использовали, прилетели, нагруженные вкусными мясистыми «шишками» – эдайти успели позаботиться о пропитании. Таких деликатесов обитатели подземного лабиринта не знали, с восторгом осознав практическую пользу от сосуществования с чужаками.

– Мужчины действительно впечатляют, – сошлись во мнении свободные женщины общины. Но самым важным оказался другой факт, который они озвучили с явным облегчением: – И их всё же больше, чем женщин...

Кин по возвращении первым делом устремился к Трое, обняв её. Ещё один его рослый спутник повторил движение, молнией кинувшись к той женщине, которую Троя ранее называла Риш.

Эти проявления заботы стали для людей явным показателем человечности, расположив их к эдайти. Конечно, это был односторонний взгляд, они не знали истинных возможностей эдайти, но Троя всё же мысленно сказала Кину:

«Только от вас зависит, обретёте вы друзей или получите врагов в этом новом мире».

Она верила – эдайти тоже научатся различать плохое и хорошее. Наказывать за первое, но поощрять второе.

По прошествии нескольких дней ни у кого из аборигенов уже и мысли не возникало отказаться от помощи серокожих чужаков или изгнать их. Слишком очевидной оказалась истина: они важны для выживания и развития общины.

Полноценная общая встреча людей с эдайти в итоге закончилась предсказуемо – согласием на совместное проживание. Но эдайти попросили дать им время и возможность побыть в своей группе. Им нужно было объяснить сложившуюся ситуацию тем, кто не умел слышать других.

Потому, оказавшись под навесом из пластин сопры, все воссоединившиеся эдайти впервые обсуждали проблему вслух.

– Возврат к прошлому невозможен.

– От материальности не избавиться, остаётся жить в новой реальности.

– Жить по законам материального мира и учитывать потребности тел.

– И если для этого нужно размножаться, то мы это будем делать.

– Принять тех, кто в общине, став с ними единым целым...

В глубинах подземных полостей шло судьбоносное обсуждение, а над равниной вставало голубое светило. Зарождался очередной день. День, который будет считаться днём рождения новых эдайти... Новых золерян.

История 3.

Вопросы будущего

Шёл пятый месяц жизни в новой общине.

Словно бы в ослабшее тело, истощённое невзгодами и болезнями, впрыснули свежую кровь – устоявшаяся, однообразная и затухающая жизнь потомков выживших переселенцев начала стремительно меняться.

Было ли это просто? Точно нет. Взаимных недопониманий, даже обид нашлось предостаточно. Но как иначе? Сосуществование эдайти и людей изначально виделось сложной задачей. Впрочем, с обеих

сторон имелось желание находить компромисс – и аборигены, и соплеменники Кина понимали: они нужны друг другу.

Сложнее всех адаптироваться к разительным переменам было пожилым – они не всегда успевали за ходом событий. И тут мостиком между прошлым и неумолимо наступающим будущим стала Троя. Они с Лилией завели традицию вести доверительные разговоры по существу, встречаясь по вечерам до прихода ультразвука на площадке-террасе, построенной на склоне холма.

Бывшая военнослужащая, привыкшая за годы службы к ежедневным докладам, так и не оставившая идею летописи происходящего на Зофере, Троя каждый вечер вела записи, фиксируя историю для потомков.

– Уже заканчиваешь? – усталый голос уважаемой старейшины заставил женщину изменить направление мыслей, подняв взгляд от модифицированного Игерем электронного самописца.

Лилия, как старейшина общины, считала своим долгом следить за всем, что происходит. Именно она приняла решение вступить в контакт с появившимися на планете чужаками, по сей день переживая о каждом аспекте возникшего симбиоза и продуктивного сосуществования двух рас.

– Да, почти готово, – кивнула Троя.

– Сегодня твоё дежурство на распределительном узле, – напомнила Лилия. – И охотники скоро должны вернуться. Я видела, их с утра Кин повёл... Почему он? Вроде бы это ответственность Зака?

В голосе женщины чувствовалась лёгкая обида – эдайти, в отличие от людей, не понимали необходимости сообщать о своих планах. Коммуникации точно не были их сильной стороной. Они обсуждали проблему без слов, в своём кругу, а затем действовали. Людям оставалось лишь узнавать обо всём постфактум. Даже Троя не всегда оказывалась в курсе. Это непросто было принять Лилии, при том что она неизменно старалась ставить на первое место интересы общины, понимая – эдайти не навредят её обитателям.

Но сегодня Троя знала о причинах.

– Он не для охоты пошёл, – пояснила молодая женщина. – Хочет проверить ту часть болота, в которую упала корма транспортника. Чтобы потом вытащить её так же, как носовую.

С тем куском развалившегося звездолёта, на котором эдаити «приземлились», удалось справиться быстро – он оказался не так уж далеко от берега, образованного пористой породой живой горы-хищника. Да и по размеру этот фрагмент корабля был не самым крупным, хотя его и пришлось разбирать на части прямо там же, в болоте, с головой погружаясь в топкую жижу.

А вот второй, куда больший, лежал намного дальше. И глубже. Зато в нём была огромная масса металла, который, увы, больше нигде было раздобыть. То ли на планете отсутствовали самородные залежи металлосодержащих руд, то ли их так и не смогли обнаружить – ни люди, изучая лабиринты подземелий, ни эдаити, сканируя всё под своими ногами...

Жизненно необходимому материалу придётся искать равнозначную замену – это понимали все. Сейчас стояла задача обеспечить основные нужды увеличившегося числа обитателей общины, наладив стабильный быт. Но в скором времени все силы будут направлены на изучение тайн, ресурсов и возможностей планеты.

– Совершенно бесстрашные, – вздохнула Лилия. – Умные, но безбашенные. Видят цель и безразличны к препятствиям. Всё сделают, чтобы её достичь.

– Разве это плохо? – удивилась Троя.

Людям тоже свойственна некоторая доля авантюризма, но она всё же ограничена уязвимостью тел. Для эдаити этой преграды не существует, они могут себе позволить реализовывать самые сумасбродные идеи. Только такие существа и способны выжить на Золере.

– Это не плохо, но... – старейшина задумалась и с грустью в голосе признала: – Меня тревожит, что это уничтожит истинных людей как расу. Эдаити во всём нас превосходят, это так очевидно. Естественный отбор на их стороне. Их потомки будут успешнее, выносливее, жизнеспособнее...

– Но чистокровных детей-эдаити будет не так уж много, как и чистокровных детей-людей, а с течением времени они и вовсе исчезнут, окончательно смешавшись, – пожала плечами Троя.

Вспомнила, с какой активностью местные девушки и женщины флиртовали с внешне безразличными и холодными эдаити, когда те

поселились в пещерах. Они видели в них надёжных защитников и зачастую единственную возможность завести семью. Ради этого готовы были заполнять очевидные пробелы в знаниях о мирной жизни, о личных отношениях. Со временем и с неизменным изумлением эдайти постигали новый аспект материальности – физическое взаимодействие тел...

Продуктивно постигали – впервые с момента появления общины её численности грозил резкий прирост. Две женщины, парами которых стали Щег и Зак, готовились в скором времени стать мамами. И – на это надеялись все – родившиеся дети выживут и вырастут сильными.

«Эксперименты» Риш и Орша по изучению тел тоже закончились вполне закономерно. Как уж они решили всё между собой – только Богу и эдайти известно, но эта парочка вообще не расставалась.

Троя улыбнулась:

– В общине всего пять пар, образованных эдайти. А дети остальных будут гибридами. И с каждым поколением таких смесков будет становиться всё больше. В итоге именно они заселят Золеру. И это хорошо. – В её голосе зазвучала убеждённая и настойчивость. Она не раз обсуждала этот вопрос с Кином, и его позиция на все сто процентов соответствовала реалиям жизни. – Люди здесь, в пещерах, обречены на прозябание и медленное вымирание. Гены эдайти дадут шанс не просто выживать, а полноценно жить на всей территории планеты! Естественный отбор меняет всех. Сравните меня и себя. Наша кожа имеет совершенно разные оттенки, и это только поверхностные отличия. И вообще... Какая разница, в каком теле находится душа? Главное, чтобы она не причиняла другим боли и зла.

Последнее добавила уже от себя, вспомнив, как сильно изменилось мировоззрение эдайти после общения и сосуществования с новыми собратьями-людьми. Первое – они перестали смотреть на них как на потенциальный источник энергии. Второе – научились заглядывать глубже, за границы оболочек, и ценить, как это ни парадоксально, нематериальные качества людей...

– Ты права, девочка, права, – вздохнула Лилия. Морщинки на её лбу чуть разгладились. – Я же не против, всё понимаю. И необходимость перемен, и то, что эдайти с их телами – наше спасение и будущее. Просто... Не обращай внимания, – она махнула рукой. – Это... это эгоизм, несомненно. Недостойное качество.

Старейшина отступила, исчезая в полумраке хода, ведущего в подземелья.

История 4.

Те, кто не забыл о своём прошлом

Кин после каждой своей разведки возвращался в порванной одежде...

– А сегодня в мокрой, – удивлённо засмеялась Троя, когда, развернувшись к ввалившемуся в их жилой блок эдайти, увидела перед собой обрамлённое влажными чёрными волосами дорогое лицо.

Верхняя губа Кина приподнялась в улыбке, обнажая острые клыки.

– Душ принял в кристаллическом лесу. Не захотел тащить сюда болотную грязь. Да и ты бы вонь точно не вынесла.

– Руку не сломал? – молодая женщина с подозрением осмотрела развеселившегося эдайти. Непрошибаемо каменные «деревья» – кристаллы в лесу она хорошо помнила.

– Нет, «ствол» был маленький.

– Переодевайся. Ты, разумеется, и в таком наряде можешь щеголять, не опасаясь заболеть, но мне от одного твоего вида становится холодно.

Троя достала с полки и протянула мужчине сухие брюки и куртку. Пока тот менял одежду, прибрала кровать. Через минуту уже шла вместе с Кином в столовую – ещё одну пещеру, оборудованную как место для общения, отдыха и приёма пищи.

Теперь редко кто ел в одиночестве в своих жилых каютах – привыкшие постоянно быть вместе, эдайти предпочитали общие трапезы. А к ним с удовольствием присоединялись люди. Да и пища стала куда более разнообразной и вкусной, нежели суп из сопры, трофы – тонкие мелкие грибы, растущие в земле, или, совсем изредка, склизкая тощая «рыбёшка», плавающая в подземных колодцах.

В меню золерян появилось жареное и варёное мясо многоножек, богатые витаминами и потому питательные сочные пряные «шишки», зародыши зеркальных «озёр», которые эдайти с лёгкостью находили в

кристаллическом лесу... Последние по составу оказались так похожи на белок птичьих яиц, что даже брезгливость Трои отступила, а рацион общины пополнился выпечкой – молодые сопры при высушивании под светом на поверхности и последующем измельчении давали специфический, но вполне сносный аналог муки.

С наслаждением жуя хлеб, к вкусу которого уже привыкла, Троя услышала громкое «Не хочу!» и невольно оглянулась на соседний столик, за которым сидели Риш и Орш.

Эти двое эдайти, впрочем, как и остальные пары, всегда разговаривали вслух. Тем самым были похожи на обычных людей куда больше, чем...

Взгляд молодой женщины переместился на другой столик, где в молчании уставившись в тарелки, сосредоточенно жевали мужчины-эдайти: Щег, Хем и Риз.

Конечно, они разговаривали, но местные не подозревали об этом, поражаясь молчаливости и уровню взаимопонимания, присущим новеньким.

Контраст был настолько разительным, что Троя не сдержалась.

– Кин... – шёпотом позвала, наблюдая, как исчезает во рту голодного «разведчика» очередной кусок шашлыка из многоножки. – И всё же... Мне давно не даёт покоя вопрос, но всё как-то не получалось спросить... Почему ты слышишь то, что я думаю, а другие эдайти нет? Вы даже женщин своих не слышите... Это в ваших телах заложена такая способность? Типа как сигнал близости? Или мы с тобой какие-то особенные оказались?.. Когда ты меня коснулся...

Она не договорила, но мысленный голос Трои звучал для Кина, как всегда, отчётливо, дополняя сказанное вслух:

«Сродство душ? Привязка биополей друг к другу, когда в лаборатории фантомная рука Седьмого схватила мою? Не просто же так я чуть не потеряла сознание...»

Точного ответа эдайти не знал. Но давно понял – если бы дело было только в физиологии, то есть притяжении тел, то он вряд ли бы слышал мысли женщины так же хорошо, как и мысли собратьев. Так что с большей вероятностью можно было предположить именно некий резонанс, настроивший его истинную сущность на «след» вожденной и упущенной пищи...

– Побочный эффект соприкосновения, – сообщил в итоге.

– Значит, это может сработать и у других? – воодушевилась Троя, в голове которой тут же родилась масса с этим связанных перспектив.

– Вполне вероятно, – Кин прищурился и хищно обнажил клыки. – Только ведь, кроме меня, никто из эдаити не пробовал коснуться своей сущностью добычи и при этом её не выпить полностью. Да и вряд ли кто-то рискнёт. Это сложно – начать питаться, сделать глоток и остановиться, не получив желаемого сполна. Хотя, разумеется, мы можем попробовать. Если кто-нибудь девушек готов пойти на риск...

Троя сдавленно сглотнула, побледнев. Представила трагичный итог неудачного опыта и активно замотала головой, отказываясь.

– Нет уж, обойдёмся без экспериментов.

Соглашаясь, Кин кивнул, но с заминкой. Факт того, что пусть и односторонняя, но возможность мысленного общения с «глухими» женскими особями реальна, для себя отметил. Как и то, насколько заинтересовала эта догадка собратьев...

История 5.

Та, которую тоже слышат

Скрипнув, приоткрылась дверь, пропуская на залитую синеватым светом террасу светловолосую женщину. Конечно, она знала, где можно в это время отыскать подругу, неизменно сбегаящую сюда, чтобы вспомнить о временах, когда Кин обещал ей вернуться.

Троя, отреагировав на звук, приоткрыла зажмуренные глаза, обежав ладную фигурку матери Михи быстрым взглядом.

– Нет, – бросив лаконичный отказ, она снова прикрыла глаза, откидываясь на спинку широкой скамьи.

Что это было? Наитие? Женская интуиция? Неизвестно. Но стоило Лайсе показаться – Троя всё поняла.

– Что «нет»? – Лайса с неизменной неуверенностью оглянулась вокруг: не слышит ли их ещё кто-то. Более осторожной и боязливой женщины мир ещё не знал.

– У тебя на лбу всё написано.

– Ты мысли читать научилась? – подруга хмыкнула, возвращая Трою к мыслям о Кине.

Грустная тема. И, если вдуматься, – форменная трагедия. Ведь никаких секретов и личного пространства.

– Эта шутка из твоих уст не звучит.

– Тогда как ты догадалась?

Хрупкая Лайса, при всей их разнице в возрасте, неизменно казалась Трое юной и наивной. Бывает такой тип женщин, годы над которыми не властны. И материнство им только к лицу.

– Говорю, на лбу написано. Я одного не пойму: как вы умудрились? Кто верещал, закатывая глазки, что страшно-страшно? Что ближе чем на пару метров к нему – такому огромному, клыкастому и вечно угрюмо молчащему – не подойду? Явно же подошла... Или он тебя съесть пригрозил?!

– Нет, что ты, – смутившись, покраснела светлокожая Лайса, нервно теребя русую косу. – Он бы никогда...

– Ах, точно, прости. – Троя не сдержала смешка, продолжая наслаждаться игрой бликов закатного голубого светила на лице собеседницы. – Чтобы так пригрозить, надо же что-то сказать, облечь угрозу в слова, так сказать... А он не говорит!

С молчаливостью и отрешённостью Зака могла соперничать только его невозмутимость. Логично, что именно ему доверили возглавить группу, добывающую пропитание охотой.

Сверкнув глазами, блондинка плюхнулась на сидение рядом. Терраса, вырубленная на правом склоне холма, обычно предназначенная для разгрузки мантов, сейчас пустовала – идеальное место для важного разговора.

– С Михой он говорит. Всегда. И когда охотиться учит, и когда показывает, как безопасно зияние распознать, и когда от щупов лесного угря уворачиваться тренирует...

– А от тебя в молчаливый ступор впадает? Выходит, всё наоборот: это ты его тиранишь? А? Держишь эдаити в чёрном теле? Бедный мужик, угораздило... Сделала из него няньку, мамочка? С первой встречи, что пушинка на ветру, тряслась и в сторону шарахалась, а к сыну допускала.

– И вовсе я не делала. Миха сам его в отцы определил, расставаться не желал, всё требовал, чтобы Зак к нам приходил.

– А дальше-то что? – Троя уже открыто улыбалась. – Раз пришёл, два пришёл. И всё молчком? Вот и интересуюсь: как вдруг

умудрились-то?

– Он приходил и... оставался. Сначала на час, потом на два. Сын его не отпускал, вот я и не гнала, постепенно привыкла. Как-то всю ночь у нас в каюте провёл... А только с недельной охоты вернулись, вот я и осмелилась. Предложила отдохнуть, поспать. – Женщина запальчиво вскрикнула: – Им же тоже надо... отдыхать!

Троя громко фыркнула.

– Сон – это святое, а гостю – лучшее место! Рядом с хозяйкой... Ты мне только одно скажи: вы хотя бы тогда... разговариваете?

Лайса смущённо замотала головой.

– Зачем? И так всё понятно: я что подумаю, он, если согласен, по голове погладит. Ласково так... ух, до мурашек пробирает! Если не согласен – отвернётся. Молчун он просто. – Лайса притихла, словно что-то вспомнив, и вдруг потянулась к уху подруги. – Однажды мне такое привиделось... Зак тогда у нас уснул, а я вдруг проснулась посреди ночи. Как толкнул кто... Смотрю, вокруг тела словно бы воздух светится сиреневым светом. Только это недолго продлилось. Пропало, словно впиталось в одеяло, которым Зак укрылся. Я подумала, что сон такой необычный, но покоя всё не даёт.

Сиреневое свечение?! Троя судорожно втянула в грудь воздух, осознав, что перестала дышать. А Зак отчаянный... Неужели он решился и рискнул прикоснуться к понравившейся женщине сущностью эдайти? Вдруг он её теперь тоже слышит? Это бы всё объяснило...

Догадка по сути верная. Только говорить о ней подруге, пугать и настраивать её против Зака Троя не стала. Пожала плечами, сделав вид, что никаких ассоциаций «сон» женщины у неё не вызвал. Предпочла найти подозрительной догадливости Зака иное объяснение:

– А я, как ни посмотрю, так он всегда тебя по волосам гладит, при всяком удобном случае. Мы-то завидовали: на вид ужасный, но нежный внутри. Теперь же выходит – подкаблучник.

– И вовсе он не ужасный! – возмутилась мама Михи.

– Твоё мнение в расчёт не берём, ты просто во вкус вошла, – отмахнулась Троя. – Лучше скажи, вы, кроме детей и воспитания старшенького, ещё что-нибудь вместе делаете?

Лайса снова покраснела.

– Да... Мы многое делаем вместе. Например, он на манте меня катает... Я бы сама никогда не решилась, а с ним ничего не боюсь. Даже ультразвук не страшен. И слова никакие не нужны, он так обнимет...

Троя резко села, открыв глаза.

– Беги к Заку, скажи ему! Прямо сейчас! Вдруг не стерпит и ответит?..

В самом деле, когда спустя почти полгода отношений мужчине сообщают о грядущем отцовстве – будет у Михи брат или сестра, – должно же это прорвать самую стойкую плотину безмолвия?

История 6.

Тот, кто всегда против

– Да что б его...

Игерь с раздражением пнул чан с раствором для вымачивания сопры. В ответ ёмкость возмущённо качнулась, выплеснув едкую жидкость на ногу обидчику. Отскочил тот вовремя, лишь по счастливой случайности не наступив в другую лужу, образовавшуюся несколькими минутами ранее.

Обычно в пещере для обработки ткани было чисто и спокойно. Но не сегодня. Мало того что шумный механик создавал сумбур и беспорядок, так ещё и в глубине одного из выходов, ведущих в жилые внутренние помещения, слышались негромкие стоны. Именно они так будоражили мужчину.

А вот Троя была спокойна. Расположилась в углу и ловко сшивала костяной иглой раскроенные куски мягких кожистых пластин. Одежда из кристаллической ткани была всем хороша – тёплая, прочная, непромокаемая, похожая на кожу, – но лишь пока кристалл оставался под землёй. Чем чаще и дольше он находился на свету – особенно под лучами голубого светила, – тем быстрее терял свои качества и распадался, превращаясь в труху. А не выходить на поверхность, оставаясь постоянно в лабиринте подземелий, для людей было нереальным. Впрочем, необходимость менять износившиеся плащи, штаны и куртки на новые не была такой уж большой проблемой –

нужные для этого кристаллы росли в избытке. Разве что из-за этого шитьё оставалось актуальным и необходимым занятием, отнимающим немало времени.

Сделав очередной стежок, девушка покачала головой и посоветовала:

– Сядь и успокойся. Оттого, что ты нервничаешь, ребёнок быстрее не родится.

– А сколько ещё ждать? – бывший штурман в расстройстве плюхнулся на стопку плоских кристаллов, сложенных для прессования, и подпёр рукой голову. – У меня опыта в этом никакого...

– Мог бы и заранее поинтересоваться, – хмыкнула девушка. – Ирис не первая рождает за то время, пока мы здесь обживались.

Да, заветная мечта внучки Лилии исполнилась: она встретила своего механика.

– Так это ж чужие дети... А тут... – Игерь отмахнулся, мол, ничего ты не понимаешь...

И замолчал, размышляя о сюрпризах жизни. Когда-то давно и не мечтал о том, что у него появится семья. Жена, ребёнок... Десять земных месяцев назад избитому и голодному пленнику в лагере всё это и в голову не приходило. К моменту, когда напавшие на военных эдайти пробили защитный купол, механик уже окончательно разочаровался в землянах. И не надеялся ни на что хорошее.

Он и от амиотов не ждал пощады, памятуя, как раньше обходился с ним Седьмой. Тем безграничнее оказалось его изумление, когда, вместо того чтобы выпить, как всех прочих, оказывающихся на пути, или бросить умирать в судорогах, вызванных влиянием ультразвука, Седьмой просто перекинул его через плечо и закрыл чем-то вроде силового щита от творящегося вокруг ада.

Поначалу Игерь решил, что в очередной раз стал объектом какого-то жуткого воздействия. Мечь эдайти? Их пока ещё неизвестные возможности? Он приготовился ко всему...

Но не к тому, что произошло в реальности. За двое суток в плену мир вокруг снова перевернулся, поразив мужчину открытиями.

Летающие над землёй и несущие на своих спинах амиотов плоские существа; обжитые пещеры под равниной; аборигены – несомненно обычные люди; живая и невредимая Троя, бросившаяся обнимать

своего серокожего похитителя... Всё это ошарашило и окончательно дезориентировало Игеря.

Прошло немало часов, прежде чем до сознания мужчины дошла истина – он больше не пища для амиотов и будет жить. Впрочем, это понимание ничуть не изменило его душевного настроения – Игерь остался безразличным к своему спасению. В мыслях мужчины не было ничего радужного, лишь обида и отчаяние: свои, негодяи, не оценили, бросили. И никаких надежд на возвращение домой...

Несколько дней он ходил мрачный и угрюмый, бесконечно повторяя, как ненавидит весь мир, ожидая от эдайти и местных людей подвоха...

Его пессимизм не закончился бы ничем хорошим, если бы не вынужденная необходимость работать. Узнав, что он механик, аборигены тут же притащили один из уцелевших после приземления, но почему-то не функционирующий прибор. Потом ещё один. И ещё...

Игерь, души не чаявший в технике, ушёл с головой в починку, наладку, модификации... Для него даже небольшую отдельную пещеру оборудовали и выделили... помощницу.

Вернее, она сама напросилась. С первого дня знакомства ходила за мужчиной хвостиком. Идеал: такой же, как она, – похожий и понятный, да ещё и механик на все руки. Ирис встретила мужчину своей мечты...

Разумеется, технических знаний как таковых девушка имела крайне мало. Зато прекрасно справлялась с бытовыми вопросами. Принести еду и заставить механика поесть, чтобы он, увлечшись ремонтом очередного устройства, не остался голодным. Почистить одежду, вывести заработавшегося мужчину на прогулку на свежий воздух, проследить, чтобы не истощил силы, вовремя ложился спать и как следует отдыхал...

Перестаралась!

Последнее ей удавалось делать настолько хорошо, что через три земных месяца «последствия» ощутимо округлили фигуру Ирис, а она сама ходила с неизменной улыбкой на лице, сияя от счастья.

Игерь, продолжая по давней привычке злиться на всех и вся, и сам, видимо, не понял, в какой момент его уныние отступило. Просто в один прекрасный день осознал, что голубое «солнце» его не раздражает, вид жилых капсул в пещере не провоцирует приступов

ностальгии, а девушка рядом вызывает в душе что угодно, но не отторжение.

Его беспокойная душа, с таким упорством и мужеством стремившаяся назад – на знакомую и родную Землю, обрела вместе с появившейся семьей мир и покой на Золере. Смирился ли он? Или просто оценил преимущества жизни с Ирис? Привязался к бойкой внучке главы общины всем сердцем, узнав её лучше? Он сам вряд ли смог бы ответить на этот вопрос. А итог один – характер механика стал меняться к лучшему, ко всеобщему облегчению.

– Девочка, – вернул Игеря в настоящее усталый женский голос. Впрочем, вполне довольный, вовсе не обеспокоенный. – Здоровая. Маленькая, но сильная. Ирис тоже в порядке. Можешь идти к ним.

Дважды повторять не пришлось – мужчину как ветром сдуло.

Троя, опустив шитьё на колени, смотрела ему вслед с улыбкой. Она искренне радовалась, что Игерь всё же нашёл своё место в этой жизни. Пусть не такое, которое представлял, будучи механиком «Перепёлки-2», предвкушая отдалённую одинокую старость, однако же несомненно его устраивающее. Примирился с вариантом: на чужбине, но счастлив.

История 7.

Проблемы будущего

Кин, если был дома, всегда сопровождал Троию на работу – дежурство в распределительном узле. Все члены общины трудились на общее благо, внося посильный вклад и выполняя те задачи, с которыми могли справиться.

Распределительным узлом называлась пещера, где были размещены устройства для управления потоком энергии, которую вырабатывает генератор. Здесь находились щиты контроля напряжения, автоматы, пульт переключения, счётчики... Всё, конечно, родом с космического корабля. Игерь в последнее время навёл здесь порядок.

Для Трои в этом месте многое было знакомо – помогла работа на станции, где она сменами дежурила в центре слежения за космосом.

По крайней мере, особых проблем в общении с техникой девушка не испытывала.

Потому привычно сосредоточенно принялась изучать индикаторы, шкалы и столбики цифр, оценивая текущий расход электричества и нагрузку на генератор. Скачки напряжения – вещь, разумеется, обыденная, но лучше было их избегать, учитывая износ оборудования, которое в любой момент могло выйти из строя.

Кин, который оставлял Трою одну лишь в случае невозможности взять с собой, и теперь не сделал исключения – присел в кресло за её спиной и расслабился. После не самой лёгкой разведки телу требовался отдых, а разуму – общение с собратьями. Итоги похода к болоту им всем известны, но выводы...

«Корпус сильно повреждён, вытаскивать по частям будет легко. Только использовать как планировали не удастся».

«Двигатель при взрыве расплавил, восстановить не получится».

«Собрать новый?»

«Нужна схема, а где её взять?»

«Корабль поселенцев разобран на части, ясен лишь принцип того, как он когда-то работал. Этого мало».

«И технология была старая, не соответствующая транспортнику».

«Игерь по памяти не сможет полноценно воспроизвести конструкцию двигателя».

«Выходит, у нас не будет возможности подняться в космос»...

Нет, эдаити вовсе не хотели покидать Золеру и улетать в какие-то неведомые дали. Какой смысл скитаться по Вселенной, если в свой родной мир им всё равно уже не попасть, а в этом теперь держит так много! Тела, ставшие якорями; новые соплеменники – иные, не совсем понятные, но которых эдаити приняли в свои ряды, признав равными; влечение – не только физическое, но и духовное – к тем, кто раньше воспринимался всего лишь едой. Всё это накрепко привязало бывших бесплотных существ к материальному миру. Так что мысли эдаити о покорении космического пространства имели в своей основе совсем иные соображения.

Первое – забота о будущих поколениях. Нельзя допустить деградации научных знаний и достижений. Ничто из того, что когда-то было создано предками людей и по счастливой случайности оказалось

на Зоlere, не должно пропасть! Двигатель, способный вывести человека в космос, существовал, значит, они обязаны предпринять всё, чтобы его воссоздать и сохранить! Сами эдаити прекрасно находили контакт с той техникой, что имелась, могли не хуже Игеря наладить и починить, если таковая возможность была доступна, но изобретать что-то новое, основанное на материи... Для них это был аспект существования в вещественном мире ещё более сложный, нежели физическая близость тел.

Второе соображение, куда более близкое по времени и прагматичное, – возможное появление на орбите Золеры вражеских кораблей.

Да, противник ушёл – стартовал на орбиту, бросив саму базу и оборудование. Но как бы ни грела Кина и остальных эдаити мысль о том, что военные не вернуться, все прекрасно осознавали – передышка временная. В итоге земляне всё равно придут! И если не они сами, так те, кого Конфедерация решила уничтожить чужими руками. То есть руками амиотов, заточив в сверхсовершенных телах сущности эдаити.

Если это произойдёт, то необходимость иметь хотя бы один корабль, чтобы подняться в космос и оказаться ближе к нападающим, станет жизненно важной. От этой возможности в итоге будет зависеть жизнь всех золерян.

Теперь же, когда стало ясно, что шансов на выход в космос никаких, придётся изобретать иные способы защиты...

История 8.

Тот, кто учится любить

Звёздное небо над головой не было настолько туманным, как дневное. Оно казалось близким и чистым, совсем таким же, как на Земле. За исключением расположения звёзд.

Впрочем, Троя земное небо практически не помнила – ей было всего пять лет, когда родители погибли, а её саму отдали в приют, расположенный на спутнике Юпитера, атмосфера которого была совершенно непрозрачной. Поэтому молодая женщина не всматривалась с одержимостью в незнакомый рисунок созвездий, куда

больше она прислушивалась к иным ощущениям: бьющему в лицо прохладному воздушному потоку, ласковым прикосновениям ладоней мужа и шелесту ветра в его волосах.

– Устала?

Устроившись позади, обнимая Трюю и согревая теплом своего тела, Кин одновременно направлял движение манта. Такие вот ночные прогулки полюбились обоим супругам.

Конечно, Кин вполне освоился в жилой каюте-капсуле, но любые границы претили независимой и в прошлом не знавшей преград сущности эдайти. Оттого он с особенным восторгом отправлялся в свободный полёт, когда нет конечной цели, а можно лететь, прижимая к себе любимую женщину, вслушиваясь в её мысли бесконечно долго.

– Кажется, да, – вздохнула Троя. – Сложный день выдался.

– Игерь? – Уловил образы в её мыслях мужчина. – Он доставляет много хлопот. Порой я думаю...

– Нет, нет, – с тихим смехом прервала его женщина. – Не смей начинать это снова. Никаких придинок! Сегодня он имел право нервничать – Ирис родила ему второго малыша.

Хорошая новость? Несомненно. Всякий ребёнок важен для общины. Это залог будущего и повод любить друг друга сильнее, особенно тем парам, где, как и в случае Кина и Трои, эдайти и человек объединились в семью. За два года, прошедших с момента встречи с потомками переселенцев, в общине появилось на свет шестеро детей, двое из них – полукровки.

Когда Кин думал об этом, то ловил себя на чувстве лёгкой грусти: у Игеря уже второй... Всё чаще мужчина испытывал желание тоже взять на руки своего ребёнка, живое существо, которое объединит в себе наследие его и Трои, свяжет их навеки.

– Не в первый раз. Пора ему уже привыкнуть и не нервничать, заставляя других носиться вокруг.

– Поговорим, когда окажешься на его месте! – шумно хмыкнула Троя, привалившись затылком к плечу мужа.

И тут же пожалела о сказанном. Спихватилась, прогнав не самые радужные мысли, но... Но Кин успел услышать. Желание лететь наперегонки с ветром моментально иссякло, растворяясь в бескрайней чернильной тьме.

– Устроим пикник? – предложил он особенно любимую Троей часть таких прогулок тет-а-тет. Захотелось сделать ей приятное.

– Давай...

Обычно они выбирали место где-нибудь повыше. На одном из холмов разводили огонь, ужинали и тихо шутили, разговаривали, чтобы позже уснуть, глядя на огонь. Его вид особенно нравился Трое, а в обществе мужа-эдайти ей не грозили ни хищники, ни убийственные кровососущие «насекомые». Но сегодня грусть одолевала Трую, привычные радости не отвлекали. Едва мант улетел, получив энергетическую вкусняшку, а огонь затрещал, позволяя жарким язычкам пламени лизать горячие пластины, которые золеяне научились изготавливать из всё той же высушенной на свету сопры, как эдайти спросил:

– Ты не хочешь ребёнка?

Эти двое неизменно говорили обо всём честно.

– Что? – Троя встрепелась в растерянном непонимании. – Почему ты так думаешь?

– Ты говорила, что если у женщины и мужчины друг к другу обоюдное желание, то этого достаточно для зарождения ребёнка. У меня оно есть. А дети не появляются. Значит, у тебя его нет?

– Оно есть! Я очень хочу ребёнка. Просто... – Троя ни на мгновение не замешкалась с ответом, а вот объяснение оказалось делом куда более сложным. – Иногда контакт тел приносит удовольствие, но не заканчивается беременностью. А бывает наоборот. Нет удовольствия и нет желания завести детей, а они всё равно рождаются. Тут от самих партнёров как раз мало что зависит, это же теория вероятности.

Вопрос крайне волновавший, но не слишком знакомый эдайти.

– Можно ли как-то увеличить эту вероятность? Частота контакта? Его длительность? Обстановка? Еда? Особый режим? Какие-то внешние факторы?

Кин накидал столько вариантов, что Троя невольно приоткрыла рот от удивления и растерянно пробормотала:

– Я не знаю, честно. Может, мы просто слишком... разные?

Перед её мысленным взором предстала картинка, кажется, уже из прошлой жизни, где синеватые клетки пожирали розовые. Напарник-рарк тогда рассказывал, что учёные сетовали на излишнюю

агрессивность биологического материала донора. А им был именно Кин... Седьмой...

Воспоминание женщины, образы в её памяти пробудили в эдайти то, что давным-давно отошло на второй план. Казалось, забылось, но...

Сейчас он сам словно провалился в прошлое, в тот самый миг, когда очнулся в плену материальной оболочки, испытал ни с чем не сравнимую ярость, охватившую сознание. Больше не будет той свободы и тех возможностей, что имелись ранее! Он навсегда заточён в убогом куске материи. И каждая частичка этого физического тела словно губка впитывала ту негативную энергию, что в тот момент источала сущность эдайти.

Кин замер, прислушиваясь к себе. Тело, с одной стороны подвластное и покорное, с другой всё же обладающее индивидуальными особенностями. Какой-то своей сокровенной памятью. Оно... Оно до сих пор хранило в себе отпечаток той лютой ненависти, владевшей пленённым эдайти! Она незримой тенью расплзлась, затаившись в его нутре, запечатлелась в тех органах, на которые делали ставку учёные, вводя всё новые и новые дозы гормонов...

Кин вздрогнул, прозрев, – вовсе не Троя не хочет ребёнка!

Это он сам так фактически запрограммировал тело в безумной жажде отторгнуть своё новое материальное воплощение. Когда он свыкся с телом и научился виртуозно направлять его, не задумался, что нужно убрать возникший побочный эффект «первого контакта». Чернота, как ядовитая опухоль, до поры до времени ничем себя не проявляла. А сам эдайти понятия не имел, какие органы в его теле для чего предназначены.

Сейчас всё изменилось! Теперь он знал наверняка, чётко осознавая смысл и суть физического воплощения. Оказалось так легко естественным движением коснуться своей сущностью тех клеток организма, которым раньше не придавал значения. Забрать из них свою собственную энергию – старую, исходную, насыщенную разрушительной силой... Влить иную – новую, чистую, созидующую.

– Мы не разные, – Кин выдохнул с облегчением и чувством возникшей лёгкости, которые всегда приносит решение сложной

задачи. И с предвкушением попросил: – Давай попробуем сейчас? У нас всё получится...

Эдайти оказался прав, и через девять месяцев у них родился малыш. Серокожий темноволосый крепыш с сиреневыми глазами и маминым задорным носиком...

Но это уже совсем другая история.